

ISSN 2221-2698

сетевой научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 57
2024**

Архангельск

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.57

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2024. № 57

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2024

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-78458 выдано Роскомнадзором (Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) 8 июня 2020 года.

Журнал индексируется в **РИНЦ (RSCI)** (2018), зарегистрирован в следующих базах данных и поисковых системах: eLIBRARY, Научная электронная библиотека «КиберЛенинка», РУКОТ, EBSCO Publishing, Directory of Open Access Journals, Global Serials Directory Ulrichsweb, NSD, InfoBase Index, ERIH PLUS, MIAR, OAJ, EuroPub, CrossRef. Журнал включен в Перечень авторитетных научных изданий («Белый список»), во **2й квартиль (Q2)** в сводном рейтинге журналов RSCI, а также во **2й квартиль (Q2)** в рейтинге журналов RSCI по тематике OECD 507. Social and Economic Geography.

Журнал издается с 2011 года и выходит в свет не реже 4 раз в год.

В журнале публикуются научные статьи по проблемам Арктики и Севера, актуальные для следующих профессиональных специальностей: 5.2 Экономика; 5.4 Социальные науки; 5.5 Политическая наука.

Учредитель и издатель — Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия).

Почтовый адрес издательства и редакции: 163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17.

Главный редактор — Зайков Константин Сергеевич, доктор исторических наук, профессор.

Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) на сайте журнала на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике размещены на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru>. Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи рецензируются с использованием системы двойного слепого рецензирования. Факт подачи рукописи рассматривается как передача авторских прав на публикацию статьи в издании «Арктика и Север» и размещение её в базах данных, что способствует популяризации публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

Издательство может не согласиться с точкой зрения автора.

The mass media registration certificate Эл No. ФС77- 78458 is issued on 8 June 2020 by Roskomnadzor (Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications).

The journal is indexed in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** (2018), and is registered in the following databases and search systems: eLIBRARY, Scientific Electronic Library "CyberLeninka", РУКОТ, EBSCO Publishing, USA (2012), Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013), Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013), NSD, Norway (2015), InfoBase Index, India (2015), ERIH PLUS, Norway (2016), MIAR, Spain (2016), OAJ (2017), EuroPub, CrossRef. The journal is included in the List of authoritative scientific publications ("**The White List**"), in the List of **Q2** RSCI Journals, and in the List of **Q2** RSCI Journals on the Subject of OECD 507. Social and Economic Geography.

The journal is published since 2011 and issued not less than 4 times a year.

The journal publishes the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 5.2 Economics; 5.4 Social science; 5.5 Political science.

The Founder and Publisher is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

Postal address of the Publisher and Editorial office: Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia.

Editor-in-Chief is Konstantin S. Zaikov, Dr. Sci. (Hist.), Professor.

All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations of submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at <http://www.arcticandnorth.ru/en/>. No publication fees are charged. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The fact of submitting manuscripts is considered as the assignment of copyright to publish an article in the Arctic and North journal and to place it in databases, which contributes to the promotion of the publication activity of the authors and meets their interests.

Publisher may not agree with the author's point of view.

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- БОГДАНОВА Е.Н., САБУРОВ А.А., МИНЧУК О.В., НИКИФОРОВ А.С.** Цифровая трансформация сельских территорий в условиях инновационного развития Западного сектора российской Арктики 5
BOGDANOVA E.N., SABUROV A.A., MINCHUK O.V., NIKIFOROV A.S. Digital Transformation of Rural Areas in the Conditions of Innovative Development of the Western Sector of the Russian Arctic
- ВАСИЛЬЕВ А.М.** Влияние экспорта рыбной продукции на участие рыбного хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности страны и Арктического региона 34
VASILYEV A.M. Impact of Fisheries Exports on the Participation of Fisheries in Ensuring Food Security of the Country and the Arctic Region
- ВОПИЛОВСКИЙ С.С.** Формирование технологического суверенитета в реализации стратегий освоения углеводородных месторождений российской Арктики 49
VOPLOVSKIY S.S. Formation of Technological Sovereignty in the Implementation of Strategies for the Development of Hydrocarbon Fields in the Russian Arctic
- ЛАЖЕНЦЕВ В.Н.** Северо-арктическая специфика предмета экономических исследований (методологические аспекты) 64
LAZHENTSEV V.N. North-Arctic Specificity of the Subject of Economic Research (Methodological Aspects)

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

- АБДУЛЛАЕВ Э.А.** Статистический анализ рабочей силы в Архангельской области 77
ABDULLAEV E.A. Statistical Analysis of the Labor Force of the Arkhangelsk Oblast
- ВОЛКОВ А.Д., АВЕРЬЯНОВ А.О., РОСЛЯКОВА Н.А., ГОЛОМЫДЬКО П.А.** Человеческий капитал и социальная ёмкость регионального пространства Арктической Карелии 92
VOLKOV A.D., AVERYANOV A.O., ROSLYAKOVA N.A., GOLOMYDKO P.A. Human Capital and Social Capacity of the Regional Space of Arctic Karelia
- ЗАШИХИНА И.М.** Медиаобраз Арктики: решение задачи кадрового обеспечения региона 115
ZASHIKHINA I.M. Media Image of the Arctic: Towards Qualified Human Resources
- КОНДРАТЬЕВА С.В., ШЛАПЕКО Е.А.** Направления и приоритеты развития туризма в Арктике: контент-анализ стратегических документов 136
KONDRATEVA S.V., SHLAPEKO E.A. Directions and Priorities for Tourism Development in the Arctic: Content Analysis of Strategic Documents
- МОРОЗОВ А.А.** Современные туристские практики северных и арктических территорий 155
MOROZOV A.A. Modern Tourist Practices of the Northern and Arctic Territories
- ПОПОВА Л.А., ЗОРИНА Е.Н.** Уровень и темпы старения населения северных регионов России по новому пенсионному возрасту 168
POPOVA L.A., ZORINA E.N. Level and Rate of Population Ageing in the Northern Regions of Russia According to the New Retirement Age

ТЕРЕНТЬЕВА М.А. Неформальная занятость: особенности на севере и юге России	181
TERENTYeva M.A. Informal Employment: Features in the North and South of Russia	

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

ЗАЙКОВ К.С., ЗАРЕЦКАЯ О.В. Ассиметричное соседство империи и малой нации на Крайнем Севере: образ русского «Другого» и российско-шведско/норвежские отношения в XIX — начале XX вв.	201
ZAIKOV K.S., ZARETSKAYA O.V. Asymmetrical Neighborhood of the Empire and a Small Nation in the Far North: The Image of the Russian “Otherness” and Russian-Swedish/Norwegian Relations in the 19th — Early 20th Centuries	
КОНЫШЕВ В.Н., СЕРГУНИН А.А. О новой военной стратегии США в Арктике	226
KONYSHEV V.N., SERGUNIN A.A. On the New US Military Strategy in the Arctic	

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

ГОЛДИН В.И. Северный морской путь: прошлое, настоящее, будущее. Итоги международного научного мегапроекта	244
GOLDIN V.I. Northern Sea Route: Past, Present, and Future. Results of the International Scientific Megaproject	
ЖУРАВЕЛЬ В.П. Арктические сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024)	254
ZHURAVEL V.P. Arctic Sessions of the St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF-2024)	
КОЗЬМЕНКО С.Ю., КОЗЬМЕНКО А.С. Российская Арктика в контурах актуальной Морской доктрины Российской Федерации	267
KOZMENKO S.Yu., KOZMENKO A.S. Russian Arctic in the Contours of the Maritime Doctrine of the Russian Federation	
НЕНАШЕВА М.В. Концепция «со-производства знания» в контексте исследований Арктики	285
NENASHEVA M.V. The Concept of Knowledge Co-production in the Context of Arctic Research	
Редакционный совет Editorial board	293
Выходные данные Output data	294

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 5–33.

Научная статья

УДК [332.1:304.4](985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.5>

Цифровая трансформация сельских территорий в условиях инновационного развития Западного сектора российской Арктики

Богданова Елена Николаевна¹, кандидат экономических наук, доцент, профессор, ведущий научный сотрудник

Сабуров Александр Алексеевич^{2✉}, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Минчук Олег Викторович³, младший научный сотрудник

Никифоров Алексей Сергеевич⁴, младший научный сотрудник

^{1, 2, 3, 4} Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ Мурманский арктический университет, ул. Спортивная, 13, Мурманск, Россия

¹ bogdanova.en@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9610-4709>

² a.saburov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3274-5723>

³ o.minchuk@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4813-7191>

⁴ a.nikiforov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0636-3510>

Аннотация. Сложные природно-климатические и пространственно-географические условия, комплексно характеризующие Арктику как зону абсолютного дискомфорта, создают системные барьеры для внедрения цифровых технологий, необходимых для нивелирования рисков сбережения населения. Особое стратегическое значение для Арктической зоны Российской Федерации имеют сельские территории, обеспечивающие присутствие на обширном и малонаселенном пространстве российской Арктики, в том числе в районах освоения ключевых месторождений минерально-сырьевых и биологических ресурсов. Целью статьи является анализ направлений цифровой трансформации регионального развития, способствующей инновационному развитию сельских территорий Западного сектора российской Арктики (на примере Архангельской области и Ненецкого автономного округа). Наряду с компаративным анализом научных публикаций и контент-анализом нормативных правовых документов проведён систематический анализ документов стратегического планирования и показателей, оценивающих уровень цифровизации Архангельской области и Ненецкого автономного округа с особым акцентом на качество жизни населения. Проведённый анализ показал сензитивное реагирование процессов цифровизации на политическую и социально-экономическую ситуацию, прежде всего, пандемию COVID-19, экономический спад и санкционные ограничения. Определены приоритеты региональной политики в сфере цифровой трансформации, а также выявлено недостаточное внимание к сельским территориям в данном вопросе. В рамках концепции регионального развития «центр — периферия» ожидается усиление разрыва в степени развития цифровых экосистем между городскими и сельскими поселениями, однако отсутствие официальных статистических показателей

© Богданова Е.Н., Сабуров А.А., Минчук О.В., Никифоров А.С., 2024

Для цитирования: Богданова Е.Н., Сабуров А.А., Минчук О.В., Никифоров А.С. Цифровая трансформация сельских территорий в условиях инновационного развития Западного сектора российской Арктики // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 5–33. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.5>

For citation: Bogdanova E.N., Saburov A.A., Minchuk O.V., Nikiforov A.S. Digital Transformation of Rural Areas in the Conditions of Innovative Development of the Western Sector of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 5–33. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.5>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

не позволяет оценить его глубину. Перспективными направлениями государственной политики в сфере цифровой экономики представляются системное формирование цифровых компетенций населения, поскольку цифровая грамотность является важнейшей предпосылкой для получения значимых социально-экономических эффектов цифровизации, а также повышение уровня технической оснащённости организаций, в т. ч. за счёт расширения программ субсидирования приобретения технических средств, используемых для предоставления товаров, работ и услуг социально ориентированного характера для населения.

Ключевые слова: *российская Арктика, цифровизация, инновационное развитие, цифровая экономика, цифровая трансформация, Арктическая зона, региональное развитие*

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-20209 «Разработка моделей адаптации сельских территорий к цифровизации в условиях инновационного развития Западного сектора Российской Арктики (на примере Архангельской области и Ненецкого автономного округа)»).

Digital Transformation of Rural Areas in the Conditions of Innovative Development of the Western Sector of the Russian Arctic

Elena N. Bogdanova¹, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor, Leading Researcher

Aleksandr A. Saburov²✉, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Senior Researcher

Oleg V. Minchuk³, Research Assistant

Aleksey S. Nikiforov⁴, Research Assistant

^{1, 2, 3, 4} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ Murmansk Arctic University, ul. Sportivnaya, 13, Murmansk, Russia

¹ bogdanova.en@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9610-4709>

² a.saburov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3274-5723>

³ o.minchuk@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4813-7191>

⁴ a.nikiforov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0636-3510>

Abstract. Complex natural-climatic and spatial-geographical conditions, which comprehensively characterize the Arctic as a zone of absolute discomfort, create systemic barriers to the introduction of digital technologies necessary for levelling the risks of population preservation. Of particular strategic importance for the Arctic zone of the Russian Federation are rural territories that provide a presence in the vast and sparsely populated space of the Russian Arctic, including in the areas of exploitation of key deposits of mineral and biological resources. The aim of the article is to analyze the directions of digital transformation of regional development that promotes innovative development of rural territories in the Western sector of the Russian Arctic (on the example of the Arkhangelsk Oblast and the Nenets Autonomous Okrug). Along with comparative analysis of scientific publications and content analysis of normative legal documents, a systematic review of strategic planning documents and indicators assessing the level of digitalization of the Arkhangelsk Oblast and the Nenets Autonomous Okrug with a special focus on the quality of life of the population was carried out. The analysis showed that digitalization processes react sensitively to the political and socio-economic situation, primarily the COVID-19 pandemic, economic recession and sanctions restrictions. The priorities of regional policy in the field of digital transformation have been identified, and insufficient attention to rural areas in this matter has been revealed. Under the concept of regional development “center–periphery”, the gap in the degree of development of digital ecosystems between urban and rural settlements is expected to increase, but the lack of official statistical indicators does not allow assessing its depth. Promising areas of state policy in the digital economy include systematic formation of digital competencies of the population, since digital literacy is the most important prerequisite for obtaining significant socio-economic effects of digitalization, as well as increasing the level of technical equipment

of organizations, including through the expansion of subsidy programs for purchase of technical equipment used to provide goods, works and services of a socially oriented nature for the population.

Keywords: *Russian Arctic, digitalization, innovative development, digital economy, digital transformation, Arctic zone, regional development*

Введение

В соответствии с Указом Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ была поставлена задача цифровой трансформации приоритетных отраслей экономики и социальной сферы и запущена национальная программа «Цифровая экономика РФ»². Одним из приоритетных направлений стало внедрение цифровых технологий и платформенных решений для повышения качества жизни населения. Ключевой задачей государственной политики в области цифровизации является достижение технологического и цифрового равенства субъектов РФ. Для арктического региона это создаёт необходимые предпосылки для инновационного развития и частичного нивелирования рисков сбережения населения в связи с недостаточным уровнем развития социальной, логистической и информационной инфраструктуры и высокими затратами на её создание и обслуживание, малонаселённостью, удалённостью и труднодоступностью населённых пунктов, природно-климатическими условиями, комплексно характеризующими Арктику как зону абсолютного дискомфорта. Это создаёт системные барьеры для внедрения и развития цифровых технологий в данном регионе. Поэтому его уровень цифровизации по-прежнему недостаточен и изменяется гораздо более умеренными темпами по сравнению с другими регионами РФ.

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) имеет стратегически важное значение для обеспечения национальной энергетической, промышленной, продовольственной и военной безопасности страны. Её территория составляет 3 754,6 тыс. км² (около 22% от общей территории России). Средний показатель плотности населения составляет 0,88 чел. на км². Это является следствием того, что основная часть населения (2 147,7 тыс. чел.) сконцентрирована на городских территориях, где располагается всего лишь 39 городов и 43 посёлка городского типа. Несмотря на то, что в сельской местности проживает только около 11% населения АЗРФ, эти территории имеют особое стратегическое значение. Они обеспечивают присутствие на обширном и слабозаселённом пространстве российской Арктики, в том числе в районах освоения ключевых месторождений минерально-сырьевых и биологических ресурсов. Более того, это мультинациональный регион с богатым культурным наследием и традиционной хозяйственной деятельностью коренных народов. Поэтому сохранение сельского населения АЗРФ является одной из важных задач государственной политики. Повышение качества жизни её резидентов за счёт использования информационно-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 01.09.2024).

² Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

коммуникационных технологий (ИКТ) во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» является одним из приоритетных направлений развития экономики. Повышению эффективности принятия решений в сфере комплексного социально-экономического и пространственного развития городов и поселений АЗРФ будет способствовать создание цифровой платформы для управления развитием населённых пунктов как одного из мероприятий в рамках подготовки Стратегии пространственного развития России.

Целью статьи является анализ направлений цифровой трансформации регионального развития, способствующей инновационному развитию сельских территорий Западного сектора российской Арктики (с особым акцентом на Архангельскую область и Ненецкий автономный округ — НАО). Это позволит аналитически осмыслить стратегические подходы к цифровизации и оценить ожидаемые эффекты от внедрения инициатив в области цифровой экономики для повышения качества жизни сельского населения, определить перспективы расширения практик цифровизации в данных арктических регионах. Одной из ключевых исследовательских задач настоящего исследования является ответ на вопрос, каким образом стратегические инициативы и региональные проекты направлены на развитие сельских территорий (в том числе посредством развития информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрения цифровых сервисов, формирования цифровых компетенций населения).

Теоретические подходы к исследованию направлений цифровой трансформации сельских территорий в арктическом регионе: методология и методы исследования

Цифровая трансформация как процесс внедрения инновационных технологий, обеспечивающий совершенствование системы управления как на уровне организаций, так и в сфере государственного администрирования, стала востребованным предметом исследования на протяжении последних двух десятилетий. Внедрение цифровых технологий оценивается исследователями с точки зрения социально-экономических эффектов как на мезо-, так и на макроуровне и вполне укладывается в логику восприятия данных инноваций как одного из важных пространственных факторов в теориях кумулятивного роста [1, Кузнецова О. В.] региональной экономики. Вместе с тем это вполне отвечает концепции смены технологических укладов [2, Перес К.], согласно которой цифровая трансформация социально-экономических систем обусловлена сменой парадигмы ведущих факторов производства. Уже в рамках предшествующего — пятого (1980–2020 гг.) — технологического уклада внедрение ИКТ в систему социально-экономических отношений стало ведущим драйвером развития экономики. На последующем этапе данные инновационные технологии определяют логику развития мировой экономики и дают ей новый импульс, что станет основной для повышения конкурентоспособности регионов [3, Tapscott D.; 4, Brynjolfsson E., Kahin B.].

Одним из концептуально важных направлений зарубежных исследований в области региональной экономики является исследование цифровой трансформации сельских терри-

торий, а именно анализ внедрения цифровизации и автоматизации для решения прикладных задач в экономике и социальной сфере в сельской местности. Цифровизация широко используется для управления водными и земельными ресурсами (с помощью систем сенсоров и контроллеров, а также технологий искусственного интеллекта — ИИ), управления растениеводством и животноводством (с помощью систем дистанционного зондирования, цифровых двойников, беспилотных технологий, машинного зрения, IoT), управления фермами и цепочками поставок (с помощью систем управления информацией, электронной коммерции, Интернет-маркетинга, социальных медиа, онлайн-образования) [5, Brunori G.].

Помимо работ, посвящённых непосредственно внедрению технологий, крупным направлением исследований является изучение последствий цифровизации для сельских территорий, в том числе их влияние на качество жизни. Цифровая трансформация затрагивает все ключевые сферы жизни общества: *экономику* (организация и управление производством, цепочки создания стоимости, рынки сбыта), *окружающую среду* (влияние на экосистемы, использование природных ресурсов, управление рисками, здоровье животных), *государственное управление* (нормативное регулирование, в т. ч. сертификация продукции, взаимодействие населения с органами государственной власти), *социальную сферу* (доступ к государственным услугам, социальные взаимодействия, доступ к информации, социальный капитал, рынок труда, образование, медицина и пр.) [6, Rolandi S., Brunori G., Vacco M. и др.].

В разрезе различных аспектов качества жизни сельского населения большая часть опубликованных работ сфокусирована на положительном влиянии цифровых технологий [6; 7, Ruiz R.]. Цифровизация может предоставить инструменты для управления диверсифицированными сельскохозяйственными системами, оптимизации использования ресурсов, сокращения объёмов физически трудных и рутинных работ, упрощения административных задач, улучшения коммуникации, прогнозирования рисков. Автоматизация в сельском хозяйстве может значительно облегчить жизнь сельхозпроизводителей, создавая новые модели занятости [8, Rotz S., Gravely E., Mosby I. и др.]. Интернет-маркетинг и цифровые платформы обеспечат доступ малых фермерских хозяйств к рынкам сбыта. Цифровые технологии также способствуют повышению качества продукции через сертификацию и совершенствование менеджмента качества. Цифровые решения (веб-сайты, онлайн-приложения) способны упростить взаимодействие с органами государственной власти и прохождение различных бюрократических процедур. Автоматизированные системы сбора информации создают условия для повышения эффективности государственного регулирования экономики (например, через систему возмещения ущерба при чрезвычайных ситуациях).

Исследования также показывают, что Интернет способствует распространению информации внутри сельских сообществ, а также между населёнными пунктами, повышая связанность арктических регионов [9, Abildgaard M.S., Ren C., Leyva-Mayorga I. и др.; 10, Warf B.] и улучшая качество жизни коренного населения. Социальные медиа способствуют развитию локальной идентичности, чувства принадлежности к местному сообществу, повышают соци-

альную, экономическую и политическую включённость местного населения [11, Ye L., Yang H.]. Развитие информационно-коммуникационных технологий создаёт условия для развития рынка труда и расширения возможностей для сельского населения по формированию предложения на мировом рынке [12, Coates K.S.] и повышению его адаптации к изменениям в условиях глобализации [13, Young J.C.], что особенно ценно для сохранения молодёжи в арктическом регионе. Цифровизация с помощью телемедицины, электронной коммерции и онлайн-обучения положительно влияет на доступность данных услуг для сельского населения. IoT технологии дают возможность пациентам самостоятельно оказывать себе некоторые виды помощи [14, Philip L., Roberts A., Currie M. и др.].

Обзор зарубежных исследований показывает, что, несмотря на возможности, которые цифровая трансформация создаёт для развития сельской местности, она является фактором, оказывающим негативное влияние на качество жизни. Цифровизация различных сервисов может ограничивать личные контакты между людьми, тем самым способствуя атомизации сообществ. Например, внедрение цифровых социальных сервисов может привести к тому, что социальные службы будут реже посещать пожилых людей и другие уязвимые группы, тем самым усиливая их социальную изоляцию [14, Philip L., Roberts A., Currie M.]. Ещё одним риском является рост диспропорций на рынке труда и социального напряжения, ввиду увеличения разрыва между высокотехнологичными и низкоквалифицированными рабочими местами [8, Rotz S., Gravely E., Mosby I. и др.]. Использование роботизированных систем в сельском хозяйстве создает новые этические вызовы [15, Sparrow R., Howard M.]. В целом повсеместное использование цифровых технологий может привести к росту зависимости населения от провайдеров цифровых услуг, которые контролируют технологии и собираемую с их помощью информацию [16, Salemin K., Strijker D.].

В контексте последствий цифровой трансформации важным аспектом данной проблематики в научной литературе является готовность сельских территорий к цифровизации. Сельский мир разнообразен, и формулирование стратегий и конкретных решений в сфере цифровизации зависит от таких факторов, как удалённость от крупных городских центров, наличие цифровых компетенций, готовность к принятию новых технологий населением, а также уровень развития инфраструктуры [17, Wolski O.]. Ещё одним важным аспектом является формирование цифровых компетенций у сельского населения [18, McMahon R., McNally M.B., Nitschke E. и др.] и обеспечение его кибербезопасности [19, Salminen M., Morris L.].

Внедрение цифровых технологий на сельских территориях требует комплексного решения с учётом накопленного опыта цифровизации [20, Saunavaara J., Kylli R., Salminen M.] и создания «умных» городов. Одним из примеров такой инициативы является диффузия инновации «Умная деревня» [21, Zavratin V., Kos A., Stojmenova Duh E.; 22, Spicer Z., Goodman N.] в шести крупных регионах, а именно в Восточной Африке, Западной Африке, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Южной Америке и Центральной Америке, Карибском бассейне, Мексике. В её основе лежит интегрированный подход для обеспечения доступа к энергии в

сельской местности с привлечением к этому процессу органов власти и коммерческих организаций. Следует отметить, что данный опыт не внедряется в арктическом регионе. Однако имплементация его в условиях АЗРФ была бы интересным решением, позволяющим создать «модельные» посёлки, имеющие современные цифровые экосистемы по аналогии, в частности, со скандинавскими странами [23, Randall L., Berlina A.]. Данный опыт был бы уникальным как для российской Арктики, так и для Севера Канады [24, Coates K., Holroyd C.] и Аляски и сократил бы значительный разрыв в развитии цифровых технологий в сельской местности по сравнению с городской.

В российской Арктике процесс цифровой трансформации развивается в соответствии с мировыми трендами цифровизации регионального развития и сталкивается с теми же барьерами, что и другие арктические регионы (в первую очередь, на Аляске и Севере Канаде), природно-климатические условия, пространственная обширность и малонаселённость которых особенно близка реалиям сельских территорий АЗРФ. Российские исследования цифровизации сельской местности пока не получили широкого распространения. Более широкое осмысление находят вызовы, тенденции и потенциал цифровой трансформации арктического региона в целом [25, Егоров Н.Е., Ковров Г.С., Тишков С.В.], его особенности в сравнении с неарктическими регионами России [26, Гладких Е.Г., Романова И.Н.] и методические подходы к оценке уровня развития цифровой экономики в АЗРФ [27, Бывшев В.И., Пантелеева И.А., Усков Д.И. и др.; 28, Куратова Л.А.]. Как правило, городские и сельские территории в исследованиях не дифференцируются, высказывается лишь предположение о цифровом неравенстве арктических регионов. Опубликованные работы посвящены преимущественно методологическим подходам к оценке уровня сформированности цифровой среды и готовности к цифровизации сельских территорий [29, Советова Н.П.], оценке развития цифровой инфраструктуры сельских территорий, обзорам состояния цифровизации сельской местности отдельных регионов РФ [30, Касимова Ж. В., Касимов А. А.], возможностям развития взаимодействия населения и органов государственной и муниципальной власти в цифровой среде [31, Karaseva A., Gavrilova K., Vasilyeva V. и др.], доступности образования в удалённых населённых пунктах российской Арктики [32, Дядик Н.В., Чапаргина А.Н.], в том числе для коренных народов. Расширение цифровизации рассматривается как один из инструментов сдерживания миграционного оттока трудоспособного населения из сельских территорий АЗРФ [33, Ljovkin V.E., Detter G.F., Tukkel J.L. и др.]. Ключевое внимание уделено потенциалу инновационных ИКТ для цифровой трансформации и мониторинга состояния транспортно-логистической инфраструктуры арктического региона, которая обеспечивает пространственную связанность, устойчивое развитие [34, Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф., Черенков В.И. и др.] и продовольственную безопасность удалённых населённых пунктов. Несмотря на то, что отдельные аспекты цифровизации сельских территорий, связанные со сферами образования, здравоохранения, социальной и логистической инфраструктуры, фрагментарно освещены

щаются в трудах исследователей, комплексная оценка влияния цифровой трансформации на качество жизни сельского населения в АЗРФ не проводилась.

В рамках нашего исследования, наряду с компаративным анализом научных публикаций и контент-анализом нормативных правовых документов, проведён систематический анализ показателей, оценивающих уровень цифровизации региональной экономики с особым акцентом на качество жизни населения субъектов Западного сектора российской Арктики — Архангельской области и Ненецкого автономного округа, территориально граничащих друг с другом, но имеющих значительно отличающиеся условия для внедрения и развития цифровых систем. Основными источниками информации стали данные Федеральной службы государственной статистики, Правительства Архангельской области, а также нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность в Арктической зоне РФ.

Нормативно-правовое регулирование вопросов цифровизации сельских территорий в экономике и социальной сфере в Архангельской области и Ненецком автономном округе

Правовое регулирование цифровой экономики и общественных отношений, формирующихся при реализации и внедрении в различные сферы жизни общества цифровых решений, можно декомпозировать на два уровня. Первый — это уровень трансформации институтов и норм права, прежде всего, в федеральном законодательстве. Осуществление процессов «цифровизации права» и создания юридических условий для эффективного и безопасного внедрения элементов цифровой экономики является прерогативой и предметом ведения именно федеральной власти (пункты «и» и «м» статьи 71 Конституции РФ)³. В Российской Федерации на данный момент реализуется федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴, к задачам которого относится разработка и содействие принятию нормативных правовых актов, способствующих развитию цифровой экономики, а также регулирование сквозных для различных отраслей законодательства вопросов, связанных с цифровыми правоотношениями (идентификация субъектов правоотношений в цифровой среде, электронный документооборот, оборот данных, Интернет вещей, стандартизация технологий и др.)⁵.

Второй уровень — это уровень стратегического планирования и формирования конкретных механизмов внедрения решений цифровой среды. По большей части данный блок закрепляется как федеральными, так региональными подзаконными нормативными актами. Базовым профильным документом на сегодняшний день является Указ Президента РФ от 9

³ Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обращения: 26.08.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 26.08.2024).

⁵ Нормативное регулирование цифровой среды // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/ (дата обращения: 02.09.2024).

мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁶, в котором и регламентируются основные термины сферы, такие как информационное общество, цифровая экономика и другие.

Катализатором активизации нормативного регулирования стратегического планирования в сфере цифровизации на уровне субъектов Российской Федерации стали поручения Президента России от 31 декабря 2020 г. Благодаря им к сентябрю 2021 г. были приняты стратегии цифровой трансформации во многих регионах государства. Так, в Архангельской области была принята «Стратегия цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Архангельской области»⁷, утверждённая распоряжением Правительства Архангельской области от 10 августа 2021 г. № 344-рп. В Ненецком автономном округе «Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ненецкого автономного округа»⁸ утверждена постановлением Губернатора НАО от 30 августа 2022 г. № 55-пг. Срок данных стратегий определялся до 2024 г. В дальнейшем планируется их продление. В документах подробно описаны приоритеты и задачи, проблемы и вызовы, ожидаемые результаты цифровой трансформации Архангельской области и Ненецкого автономного округа. Стратегии предусматривают реализацию проектов, связанных с образованием, наукой, здравоохранением, развитием городской среды, транспортом и логистикой, государственным управлением, социальной сферой и строительством. Бенефициарами стратегии являются все категории населения субъектов, в том числе сельские жители.

Исходя из содержания документов, можно выделить проблемы сельских территорий и проекты, планируемые к реализации в Архангельской области и Ненецком автономном округе. Применение современных цифровых технологий в сферах образования, здравоохранения и государственного управления имеет потенциал для значительного сокращения существующих проблем и создания более доступной среды для граждан. Однако стоит отметить, что стратегия цифровой трансформации Архангельской области выглядит более привлекательной для сельской местности: в ней выделено больше проблем и проектов для развития цифровизации в регионах. Стратегия Ненецкого Автономного округа больше направлена на развитие отраслей экономики для городских жителей.

⁶ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 01.09.2024).

⁷ Распоряжение «Об утверждении стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Архангельской области на период до 2024 года» от 10 августа 2021 года N 344-рп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578060723> (дата обращения: 02.09.2024).

⁸ Постановление «Об утверждении стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ненецкого автономного округа». URL: <https://docs.cntd.ru/document/406224772> (дата обращения: 26.10.2024).

В данном контексте стоит упомянуть и Стратегии социально-экономического развития (Далее — Стратегия СЭР)⁹ как Архангельской области до 2035 г., так и Ненецкого автономного округа до 2030 г.¹⁰ Оба документа были приняты в 2019 г. и в разной степени учитывают процессы цифровизации. Стратегия СЭР Архангельской области включает проект «Цифровизация здравоохранения», направленный на повышение качества оказания медицинской помощи и её доступности для всех жителей Архангельской области за счёт расширения использования информационно-телекоммуникационных технологий, а также проект «Цифровая инфраструктура промышленности», призванный обеспечить ускоренную цифровизацию промышленного и транспортно-логистического комплексов Архангельской области¹¹. Отдельно тема цифровизации затрагивается в проекте «Школьное образование» в контексте преодоления проблем технологического отставания общеобразовательных организаций региона, в том числе подключение их к высокоскоростному Интернету. В рамках процесса модернизации сельских населённых пунктов Архангельской области в Стратегии СЭР закреплены задачи по повышению уровня оснащения широкополосным доступом к сети Интернет по всей территории Архангельской области, включая труднодоступные сельские поселения, и организации дистанционной системы оказания социальных услуг для труднодоступных населённых пунктов¹². В целом цифровая экономика обозначена как одна из приоритетных отраслей экономики Архангельской области.

Стратегия СЭР Ненецкого автономного округа закрепляет одной из стратегических целей в области развития цифровой экономики цифровую трансформацию экономики и социальной жизни региона¹³. В документе прослеживается системный подход к реализации обозначенной цели. Выделяется несколько крупных задач, таких как ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике, социальной сфере, государственном и муниципальном управлении; увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации; увеличение объёма привлечённых инвестиций в высокотехнологичные и инновационные проекты; развитие цифровых навыков населения и содействие подготовке специалистов в сфере информационных технологий; обеспечение охвата населения широкополосным доступом к сети Интернет; создание условий для обеспечения сельского населения доступными телекоммуникационными технологиями.

⁹ Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года. Архангельск 18 февраля 2019 года. № 57-5-ОЗ. URL: <https://dvinaland.ru/gov/iogv/minec/strategy/#cookies=yes> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года. URL: <https://dfei.adm-nao.ru/strategicheskoe-planirovanie/proekt-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-neneckogo-avtonomn/> (дата обращения: 02.09.2024).

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года. Архангельск 18 февраля 2019 года. № 57-5-ОЗ. URL: <https://dvinaland.ru/gov/iogv/minec/strategy/#cookies=yes> (дата обращения: 02.09.2024).

¹² Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года. URL: <https://dfei.adm-nao.ru/strategicheskoe-planirovanie/proekt-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-neneckogo-avtonomn/> (дата обращения: 02.09.2024).

¹³ Там же.

На сегодняшний день реализация обозначенных стратегических задач в сфере цифровой экономики в Архангельской области и Ненецком автономном округе реализуется через программно-проектный механизм. Общая схема представляется следующим образом: в рамках национальной программы «Цифровая экономика» реализуется четыре региональных проекта: «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление»¹⁴. При этом в Архангельской области установлена связка упомянутых проектов с Государственной программой Архангельской области «Цифровое развитие Архангельской области»¹⁵. В Ненецком автономном округе только проект «Информационная инфраструктура» замкнут на Государственную программу Ненецкого автономного округа «Информационное общество Ненецкого автономного округа»¹⁶.

Исходя из анализа существующих стратегий, программ и проектов Архангельской области и Ненецкого автономного округа, следует сделать вывод об отсутствии специализированных актов, регулирующих процессы цифровизации сельских территорий. Спецификация актов определяется именно критерием «цифры», а не пространственно-территориальной обусловленностью. Показателен пример государственной программы Архангельской области «Комплексное развитие сельских территорий Архангельской области»¹⁷, в которой не отражены вопросы цифрового развития данных территорий. В то же время регламентация различных сторон формирования цифровой инфраструктуры и цифровой экономики в регионе сконцентрирована в профильных государственных программах Архангельской области. Например, интеграция сервиса «Единая карта жителя Архангельской области» и достижение показателя увеличения доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, включено в уже упомянутую госпрограмму «Цифровое развитие Архангельской области»¹⁸. В Государственной программе Архангельской области «Развитие здравоохранения Архангельской области» запланирован проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)»¹⁹. Государственная программа Архангельской области «Развитие об-

¹⁴ Национальная программа «Цифровая экономика». URL: https://dvinaland.ru/gov/national_projects/digital/#cookies=yes (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁵ Государственная программа Архангельской области «Цифровое развитие Архангельской области». URL: <https://dvinaland.ru/budget/programs/27#cookies=yes> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁶ Государственная программа Ненецкого автономного округа «Информационное общество Ненецкого автономного округа». URL: <https://docs.cntd.ru/document/411716258?ysclid=m48uc7gbv6484848272> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁷ Государственная программа Архангельской области «Комплексное развитие сельских территорий Архангельской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/462645039> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁸ Государственная программа Архангельской области «Цифровое развитие Архангельской области». URL: <https://dvinaland.ru/budget/programs/27#cookies=yes> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁹ Государственная программа Архангельской области «Развитие здравоохранения Архангельской области». URL: <https://dvinaland.ru/budget/programs/?CODE=01> (дата обращения: 02.09.2024).

разования и науки Архангельской области» включает проект «Цифровая образовательная среда»²⁰.

Таким образом, нормативное регулирование вопросов цифровизации сельских территорий в экономике и социальной сфере в Архангельской области и Ненецком автономном округе встроено в иерархию федеральных документов стратегического планирования и систему реализации национальных проектов, в частности, «Цифровая экономика Российской Федерации». Актуальные меры по применению и реализации цифровых решений на отдалённых и малонаселённых территориях предусмотрены в профильных государственных программах субъектов.

***Цифровое развитие российской Арктики:
к вопросу о системе индикаторов регионального развития***

Развитие интегрированной цифровой платформы для управления цифровым развитием регионов требует создания эффективной системы мониторинга индикаторов, оценивающих достижение целевых показателей и динамику цифровизации населённых пунктов по различным направлениям. Концептуально цифровизация экономики рассматривается как инструмент трансформации процесса взаимодействия государственного, корпоративного секторов и домашних хозяйств [35, Халин В.Г., Чернова Г.В.]. Для оценки уровня цифровизации регионального развития и готовности цифровой инфраструктуры используются различные методические подходы, которые в основном предлагают систематизацию статистических показателей и их обработку в виде интегральных индексов [36, Jovanovic Milenkovic M., Brajovic B., Milenkovic D. и др.], оцениваемых Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [37, Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Абдукаева А.А. и др.]; а также система мониторинга цифровизации региональных экономических систем Московской школы управления СКОЛКОВО²¹ и др.

Анализ сопоставимости индикаторов цифрового развития АЗРФ с показателями, оценивающими региональное развитие цифровых технологий в соответствии со стратегиями субъектов, входящих в АЗРФ, позволяет констатировать их методологическую несогласованность. В целом система показателей на федеральном и региональном уровне сфокусирована на описании концептуальной модели взаимодействия трёх ключевых стейкхолдеров процессе цифровизации экономики: государства, бизнеса и общества (рис. 1).

²⁰ Государственная программа Архангельской области «Развитие образования и науки Архангельской области». URL: <https://dvinaland.ru/budget/programs/?CODE=02> (дата обращения: 02.09.2024).

²¹ Мониторинг региональной информатизации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4949/> (дата обращения: 23.03.2024).

Рис. 1. Концептуальная модель системы опережающих индикаторов цифровизации региональной развития в Арктической зоне Российской Федерации.

На сайте Федеральной службы государственной статистики характеристика опережающих индикаторов цифровизации экономики АЗРФ сконцентрирована на оценке доступности ИКТ и технической оснащённости домохозяйств и организаций; в меньшей степени уделено внимание доступности и качеству государственных и муниципальных услуг как для физических, так и для юридических лиц (табл. 1)²².

Таблица 1

Система опережающих индикаторов цифровизации экономики в Арктической зоне Российской Федерации в 2016–2023 гг.

Наименование индикатора	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Доля домашних хозяйств, имевших компьютер, в общем числе домашних хозяйств, %	84,8	74,8	83,8	80,3	80,1	77,4	76,6	77,4
<i>Справочно: Российская Федерация</i>	74,3	74,4	72,4	69,4	72,1	72,6	73,0	71,2
Доля домашних хозяйств, имевших доступ к сети Интернет, %	84,0	76,6	86,4	84,0	86,6	87,3	89,1	89,1
<i>Справочно: Российская Федерация</i>	74,8	76,3	76,6	76,9	80,0	84,0	86,6	87,9
Доля домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет, %	73,9	72,8	80,1	81,3	81,6	85,2	87,3	88,7
<i>Справочно: Российская Федерация</i>	70,7	72,6	73,2	73,6	77,0	82,6	85,5	87,3
Доля населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, %	82,9	82,9	88,4	88,5	88,6	90,3	90,5	91,4
<i>Справочно: Российская Федерация</i>	71,5	74,1	79,3	81,4	84,1	87,3	89,8	91,5
Доля населения, не использующего сеть Интернет по соображениям безопасности, %	0,2	0,6	0,3	0,5	0,3	0,2	0,2	0,7
<i>Справочно: Российская Федерация</i>	0,5	0,6	0,4	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3
Доля населения, использовав-	38,0	44,1	55,9	57,0	51,3	61,0	62,1	69,8

²² Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html (дата обращения: 01.09.2024).

шего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), %								
<i>Справочно: Российская Федерация</i>	23,1	29,1	34,7	35,7	40,3	46,6	53,7	61,3
Количество персональных компьютеров, тыс. шт.	347,8	333,1	350,5	352,5	411,7	429,1	448,0	*
Число персональных компьютеров, имевших доступ к сети Интернет, на 100 работников организаций, шт.	27	27	29	29	32	35	35	*
Затраты на внедрение и использование цифровых технологий, млрд руб.	29,9	27,2	23,5	24,1	36,4	42,7	53,2	*
Доля организаций, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет, %	82,5	83,0	85,3	86,1	62,6	74,7	79,1	*
Доля организаций, имевших веб-сайт в сети Интернет, в общем числе обследованных организаций, %	46,3	47,0	49,9	50,5	41,3	42,4	42,6	*
Доля организаций, использовавших сеть Интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги), %	46,2	43,8	44,5	44,2	38,7	39,6	40,1	*

В целом следует отметить более высокие показатели цифровизации АЗРФ по сравнению со средними показателями в РФ. Это свидетельствует об эффективности реализации государственной политики по внедрению инициатив цифровой экономики в арктическом регионе. Тем не менее, динамика показателей в АЗРФ демонстрирует неоднозначный рост уровня технической оснащённости домохозяйств (увеличение количества персональных компьютеров на 100,2 тыс. шт. за 2016–2022 гг. с одновременным снижением удельного веса домашних хозяйств, имеющих персональные компьютеры) и увеличивающуюся популярность и доступность сети Интернет среди физических лиц АЗРФ, в том числе для заказа товаров (услуг) онлайн (почти в два раза). Вероятно, это ситуация отражает общероссийскую тенденцию по замещению персональных компьютеров мобильными устройствами ²³.

Вместе с тем опережающие темпы роста потребности в использовании ИКТ среди населения не вполне соответствуют динамике их развития у организаций, о чём свидетельствует снижение удельного веса организаций, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (на 3,4 п.п.), имевших веб-сайт (на 3,7 п.п.), использовавших сеть Интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги) (на 6,1 п.п.). Развитие информационной инфраструктуры создало благоприятную почву для развития цифровой экономики, товарооборота и рынка труда. При этом стоит отметить, что региональные рынки розничной торговли товаров и услуг в АЗРФ с использованием Интернет-технологий остались достаточно инертны и не отреагировали на возросшую потребность населения на онлайн-ресурсы. Наоборот, отмечена тенденция к снижению удельного веса организаций, имевших вебсайт (на 3,7 п.п.) и использовавших Интернет для размещения онлайн-заказов (на 6,2 п.п.). Это коррелирует с

²³ Снизилась доля семей с компьютерами — Росстат // Сетевое издание 360.ru. URL: <https://360.ru/news/tehnologii/snizilas-dolja-semej-s-kompjuterami-rosstat/> (дата обращения: 09.09.2024).

общероссийской тенденцией к снижению показателей после пиковых значений 2019 г.^{24, 25}

Динамика и уровень индикаторов цифровизации регионального развития у разных регионов АЗРФ предопределяются пространственно-географическими, природно-климатическими, социально-экономическими и этнокультурными особенностями территорий. Архангельская область и НАО, располагающиеся в Западном секторе Российской Арктики, характеризуются пространственной обширностью и значительным преобладанием сельских территорий с низким уровнем плотности населения и сконцентрированностью более 70% населения в городах и городских поселениях. Это создаёт благоприятные условия, повышает эффект от внедрения цифровых технологий для городского населения и делает социально значимым, но чрезвычайно затратным процесс цифровизации сельских территорий.

Общая площадь территории Архангельской области (без НАО) составляет 589 913 км². На 1 января 2024 г. на территории Архангельской области действуют 67 муниципальных образований, из них первого уровня — 26 (7 городских округов; 15 муниципальных округов, 4 муниципальных района); второго уровня — 41 (6 городских поселений и 35 сельских поселений). По состоянию на 1 января 2024 г. численность населения — 955 848 человек, в том числе городское население — 746 545 человек (72%), сельское население — 209 303 человека (28%)²⁶. Плотность населения — 1,69 чел./км². Основная часть промышленной и социальной инфраструктуры сконцентрирована в городских населённых пунктах, так как социально-экономическое развитие Архангельской области преимущественно базируется на развитии лесопромышленного комплекса, машиностроения (судостроительная отрасль) и инфраструктуры торговых портов. Это предопределяет вполне обоснованное смещение акцента на развитие инициатив цифровой экономики, прежде всего, в городах и городских поселениях, тем самым реализуя концепцию регионального развития «центр-периферия», ставшую одной из ведущих в освоении и развитии арктического региона.

Ненецкий автономный округ является самостоятельным субъектом РФ, большая часть которого расположена за Полярным кругом. Он включает острова Колгуев и Вайгач, полуострова Канин и Югорский. Общая территория округа — 176,7 тыс. км². Это самый малонаселённый регион в АЗРФ с численностью населения 42 224 чел.²⁷ и плотностью населения 0,24 чел./км². В НАО один город (Нарьян-Мар), один посёлок городского типа (Искателей) и 42 сельских населённых пункта. Как и в Архангельской области, большая часть населения скон-

²⁴ Единая межведомственная информационно — статистическая система. Доля организаций, имевших веб-сайт в сети Интернет, в общем числе организаций. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43528> (дата обращения: 09.09.2024).

²⁵ Единая межведомственная информационно — статистическая система. Доля организаций, использующих сеть Интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги), в общем числе организаций. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43530> (дата обращения: 09.09.2024).

²⁶ Федеральная служба государственной статистики. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 04.05. 2024).

²⁷ Там же.

центрирована на городских территориях (72,8%²⁸). В то время как основные отрасли промышленности, обеспечивающие формирование валового регионального бюджета (добыча нефти и газа), расположены в Тимано-Печорском нефтегазоносном бассейне, также за пределами городских территорий функционирует около 80 месторождений строительных материалов (песок, гравий, глина). На землях сельскохозяйственного назначения развивается оленеводство, молочное скотоводство, тепличное хозяйство и картофелеводство.

В соответствии с документами стратегического планирования Архангельской области и Ненецкого автономного округа наблюдается смещение акцента на цифровое развитие хозяйствующих субъектов. Удельный вес организаций, использовавших ИКТ (2007–2018 гг.), цифровые технологии (с 2019 г.) в Архангельской области и НАО в 2007–2022 гг. представлен на рис. 2–3. В сравнении со среднероссийскими показателями²⁹ Архангельская область и НАО в целом демонстрируют сопоставимый или более высокий уровень цифровизации, например, удельный вес организаций, использовавших персональные компьютеры (2022 г.: АО — 82,8%, НАО — 80,1%, РФ — 77,5%), локальные вычислительные сети (2022 г.: АО — 60,1%; НАО — 54,7%, РФ — 47,9%). Сопоставимые значения показала доля организаций, использовавших фиксированный Интернет (АО — 76,3%; НАО — 74,7%, РФ — 75,1%). Использование мобильного интернета организациями Архангельской области (45,4 %) значительно превысило аналогичный показатель для НАО (32,6%) и среднероссийское значение (36,4%). Также организации Архангельской области показали более высокий уровень использования Интранета (АО — 34,3%, НАО — 28,3%, РФ — 26,9%) и Экстранета (АО — 22,9%, НАО — 14,0%, РФ — 19,3%). Статистика фиксирует более низкие показатели Архангельской области и НАО по сравнению с Россией в целом по доле организаций, имевших веб-сайт в сети Интернет (АО — 44,1%; НАО — 43,4%, РФ — 47,4%).

²⁸ Федеральная служба государственной статистики. Численность населения по полу по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года (с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 16.07.2024).

²⁹ Удельный вес организаций, использовавших информационные и коммуникационные технологии. URL: [https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IKT-2022\(1\).pdf](https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IKT-2022(1).pdf) (дата обращения: 16.07.2024).

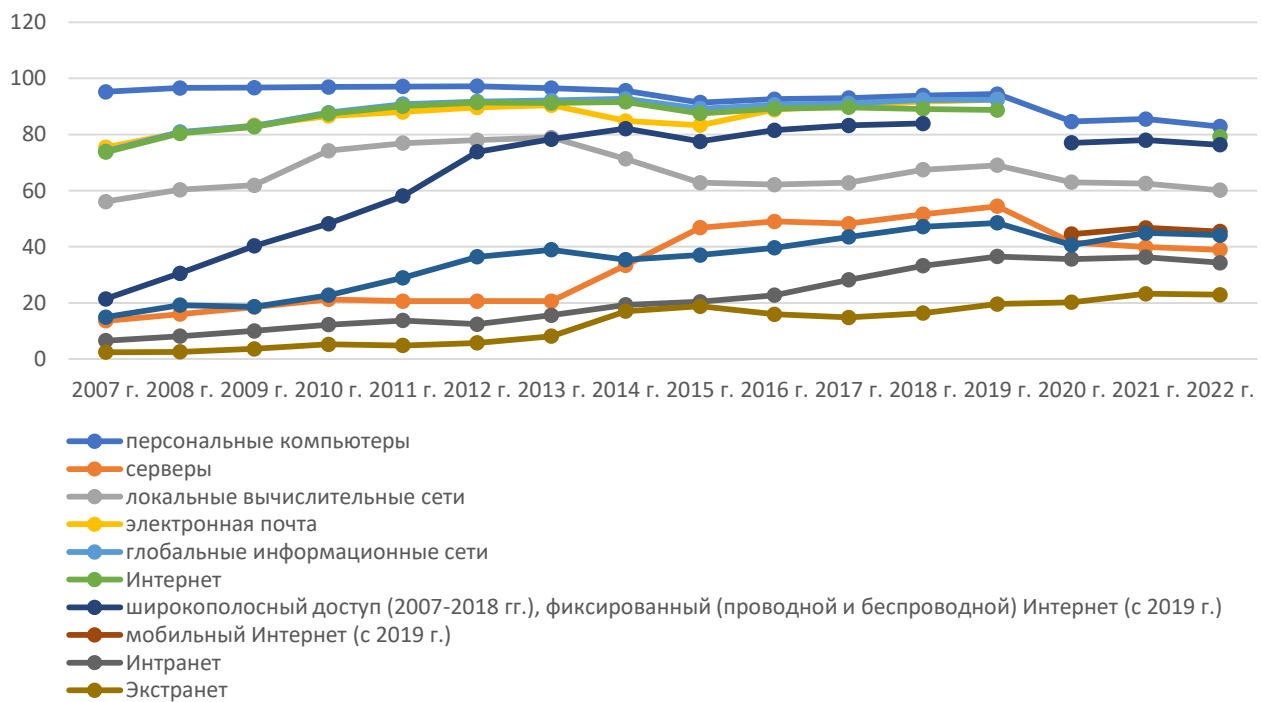

Рис. 2. Удельный вес организаций, использовавших информационные и коммуникационные технологии (2007–2018 гг.), цифровые технологии (с 2019 г.) в Архангельской области, 2007–2022 гг.³⁰

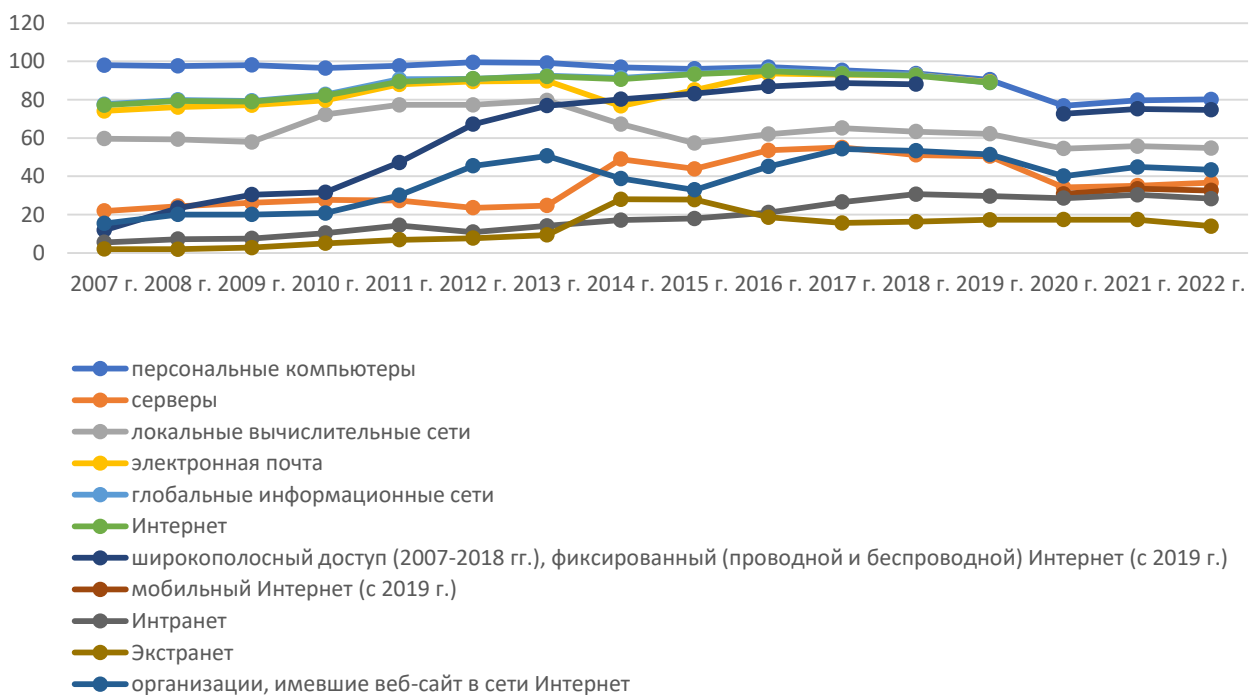

Рис. 3. Удельный вес организаций, использовавших информационные и коммуникационные технологии (2007–2018 гг.), цифровые технологии (с 2019 г.) в Ненецком автономном округе, 2007–2022 гг.³¹

Отчасти это можно объяснить структурой экономики северных регионов, в том числе значительной долей субъектов малого и среднего предпринимательства: на 10 октября 2024 г.

³⁰ Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу // Показатели ИКТ. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/ict111> (дата обращения: 01.09.2024).

³¹ Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу // База данных по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/databases> (дата обращения: 01.09.2024).

— 33 590, из них 33 509 — малые и микропредприятия, в том числе 23 160 — индивидуальные предприниматели³² (это вполне соответствует общероссийской тенденции: число субъектов МСП — 6,37 млн предприятий, из которых 4,2 млн относятся к индивидуальным предпринимателям, 2,2 млн — юридические лица). Отраслевая структура обоих регионов обуславливает функционирование в них крупных добывающих и производственных предприятий, которые, безусловно, активно внедряют и развивают цифровые технологии. Однако в условиях кризисного состояния экономики и роста издержек из-за галопирующей инфляции малый бизнес оказывается не готов к новым затратам, связанным с внедрением цифровых технологий, которые сопряжены с длительными сроками окупаемости (как правило, не менее года). В этом случае было бы целесообразно введение программ частичного субсидирования данных мероприятий для малого и среднего предпринимательства (МСП). Вместе с тем отсутствие интереса к использованию цифровых технологий в обоих регионах может быть объяснено и вполне естественным фокусированием малых предприятий на локальных рынках (зачастую даже в границах населённых пунктов) и отсутствием необходимости продвижения своей продукции, товаров и услуг в Интернет-пространстве. Допускаем более широкий комплекс дополнительных причин, сдерживающих развитие цифровых технологий среди субъектов МСП в Архангельской области и НАО. Но они требуют подтверждения в рамках полевых исследований (социологические опросы и экспертные интервью).

Аналогичное воздействие пандемия коронавируса оказала и на оснащённость нематериальными активами (НМА), то есть использование организациями специальных программных средств (рис. 6–7), снизив популярность даже весьма востребованных для МСП программных средств для управления закупками и продажами. Организации оставили минимально достаточные НМА для выполнения требований законодательства: справочно-правовые системы и программные продукты для осуществления финансовых расчётов в электронном виде.

³² Министерство экономического развития и промышленности Архангельской области // Малое и среднее предпринимательство. URL: <https://dvinaland.ru/gov/iogv/minec/entrepreneurship/> (дата обращения: 09.09.2024).

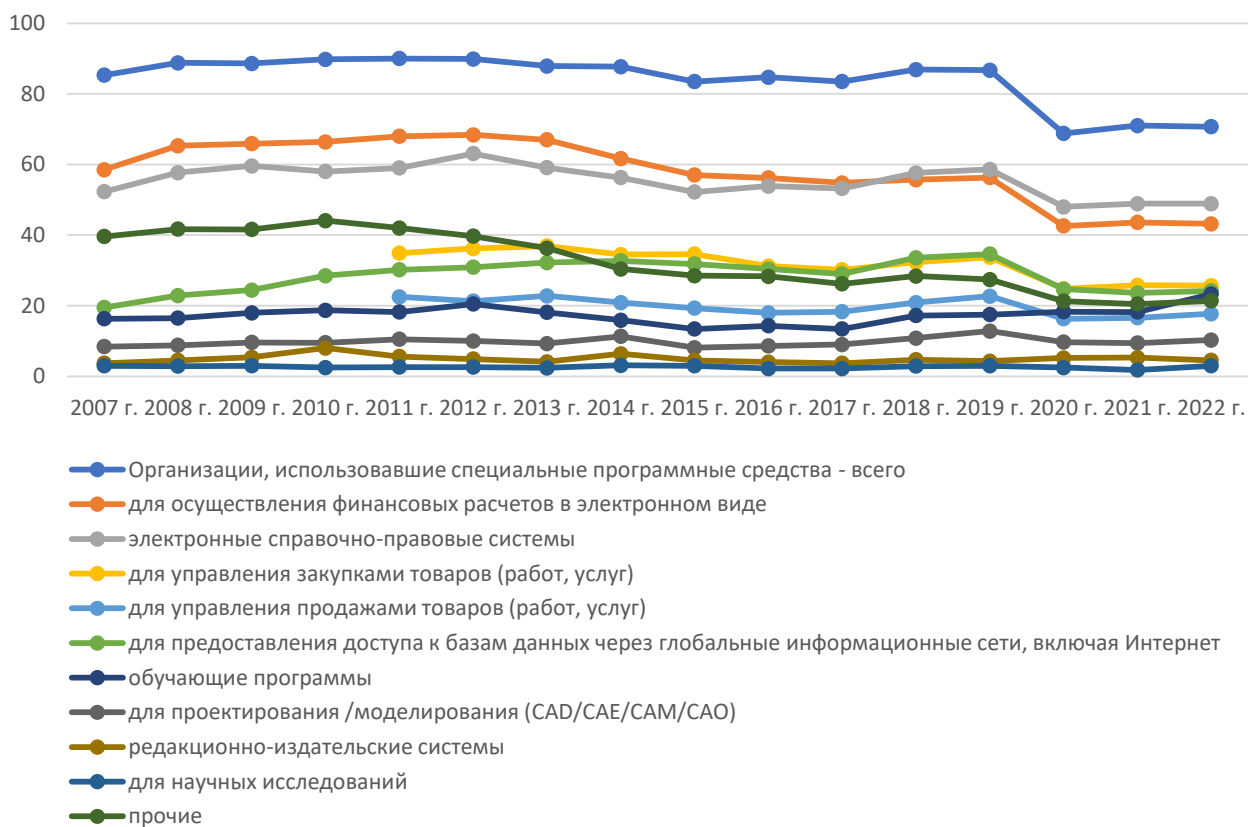

Рис. 4. Уровень оснащённости нематериальными активами — удельный вес организаций, использовавших специальные программные средства (в процентах от общего числа обследованных организаций) в Архангельской области, 2007–2022 гг.³³

В отличие от Архангельской области, где, начиная с периода пандемии, установился период стагнации уровня оснащённости организаций НМА, в Ненецком автономном округе наметилась тенденция к повышению обеспеченности специальными программными средствами. Однако всё равно оснащённость основными средствами и НМА, поддерживающими внедрение цифровых технологий в регионе, отстаёт от общероссийского уровня, но практически совпадает с аналогичными показателями по АЗРФ: например, в 2022 г. доля организаций, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет, в АЗРФ составляла 79,1%, в АО — 76,3%, в НАО — 74,7%; доля организаций, имевших веб-сайт в сети Интернет, в АЗРФ составляла 42,6%, в АО — 44,1%, в НАО — 43,4%.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в Архангельской области и Ненецком автономном округе сензитивно реагирует на изменение политической и социально-экономической ситуации в стране и арктическом регионе. Замедление темпов цифровизации экономики произошло в период пандемии коронавируса и в целом перешло в стадию стагнации в настоящий момент, не успев выйти на достаточный уровень рентабельности, чтобы обеспечить инвестиции в модернизацию и обновление основных фондов, повышение технической оснащённости организаций. В условиях санкций недоступными оказываются многие программные продукты и требуются дополнительные финансовые вложения в приобретение нематериальных активов, что ока-

³³ Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу // База данных по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/databases> (дата обращения: 01.09.2024).

зывается весьма затруднительным в условиях растущих темпов инфляции и увеличения стоимости заёмных средств из-за повышения ключевой ставки Центробанка России. Целесообразным решением станет внедрение мероприятий по поддержке МСП и частичному субсидированию проектов по технической модернизации и цифровизации малого бизнеса.

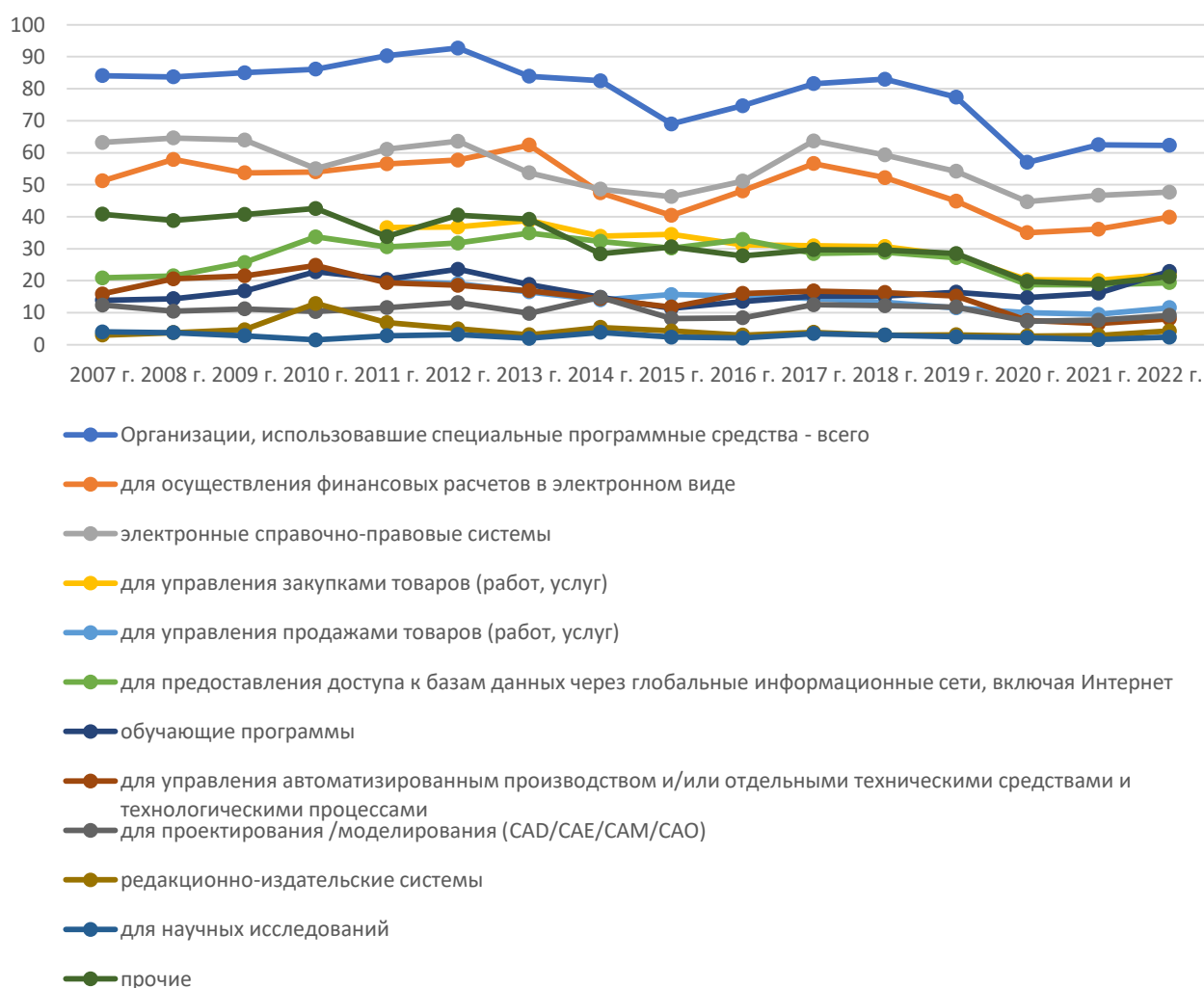

Рис. 5. Уровень оснащённости нематериальными активами — удельный вес организаций, использовавших специальные программные средства (в процентах от общего числа обследованных организаций) в Ненецком автономном округе, 2007–2022 гг.³⁴

Ограничение нашего исследования обусловлено недоступностью данных официальной статистики отдельно по сельским территориям, что не позволяет в полной мере составить представление о процессах цифровизации в сельской местности АЗРФ в целом и в Архангельской области и НАО в частности.

Обзор региональных проектов по цифровизации сельских территорий в Архангельской области: проблемы и перспективы

Цифровизация играет важнейшую роль в преодолении разрыва между городом и деревней и повышении качества жизни в сельской местности. Основным инструментом цифровой трансфор-

³⁴ Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу // База данных по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/databases> (дата обращения: 01.09.2024).

мации на территории Российской Федерации в 2018–2024 гг. являлись национальные проекты, ключевым из которых стала «Национальная программа «Цифровая экономика». В рамках данного национального проекта, а также государственной программы Архангельской области «Цифровое развитие Архангельской области»³⁵ на территории региона реализовано четыре региональных проекта: «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление».

Цифровизация является также сквозной тематикой для региональной политики. Финансирование мероприятий Стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Архангельской области на период до 2024 г. предусмотрено в целом ряде государственных программ Архангельской области³⁶: «Развитие здравоохранения Архангельской области», «Развитие транспортной системы Архангельской области», «Развитие образования и науки Архангельской области», «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области», «Социальная поддержка граждан в Архангельской области», «Содействие занятости населения Архангельской области, улучшение условий и охраны труда», «Совершенствование государственного управления и местного самоуправления, развитие институтов гражданского общества в Архангельской области», «Обеспечение качественным, доступным жильем и объектами инженерной инфраструктуры населения Архангельской области», «Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов Архангельской области» и «Формирование современной городской среды в Архангельской области».

Стоит подчеркнуть, что сельская местность, несмотря на более уязвимое положение в сравнении с городскими округами по развитию цифровизации, не была выделена «в особое производство» в региональных государственных программах и проектах. Однако в рамках федерального проекта «Информационная инфраструктура» национального проекта «Цифровая экономика» реализованы мероприятия по созданию инфраструктуры связи в малых и труднодоступных населённых пунктах, в том числе строительство наземных каналов связи и размещение базовых станций сотовых операторов (т. н. проект устранения цифрового неравенства в соответствии с контрактом Минцифры России с ПАО «Ростелеком»). По его результатам в Архангельской области 64 населённых пункта с численностью населения от 100 до 500 человек были подключены к сотовой связи, а 113 населённых пунктов с аналогичной численностью населения получили бесплатный доступ в Интернет с использованием точек доступа Wi-Fi.

Анализ отдельных региональных проектов (табл. 2), реализованных с 2018 по 2024 гг., показал, что ключевое внимание уделено развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также обеспечению доступа к государственным и муниципальным услугам в цифровом виде. Среди трёх ключевых элементов стратегии цифровой трансформации (ИКТ-инфраструктура, цифро-

³⁵ Государственная программа Архангельской области «Цифровое развитие Архангельской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/462645471> (дата обращения: 30.09.2024).

³⁶ Распоряжение «Об утверждении стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Архангельской области на период до 2024 года» от 10 августа 2021 года N 344-рп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578060723> (дата обращения: 02.09.2024).

вые сервисы, цифровые компетенции) в региональных проектах наименьший акцент сделан на последнем. Только в паспортах проектов «Информационная безопасность» и «Создание единого контура в здравоохранении на основе ЕГИСЗ» присутствуют обучающие мероприятия для сотрудников исполнительных органов государственной власти региона и медицинских работников соответственно.

Таблица 2

Типология мероприятий по цифровизации в региональных проектах Архангельской области (2018–2024 гг.)

Наименование регионального проекта	Мероприятия		
	Развитие ИКТ-инфраструктуры	Обеспечение доступа к государственным и муниципальным услугам в цифровом виде	Формирование цифровых компетенций
Информационная инфраструктура ^{37, 38}	+	+	-
Информационная безопасность ³⁹	+	+	+
Цифровые технологии ⁴⁰	+	-	-
Цифровое государственное управление ⁴¹	+	+	-
Цифровая образовательная среда ^{42, 43}	+	-	+
Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) ⁴⁴	+	+	+
Цифровая культура ^{45, 46}	+	-	-
Содействие занятости ⁴⁷	+	-	-

³⁷ Паспорт регионального проекта «Информационная инфраструктура (Архангельская область)». URL: <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/c3d5899ea0081e55d48e1a965800b4e5/default/?&> (дата обращения: 09.09.2024).

³⁸ Отчёт о ходе реализации регионального проекта за II квартал 2024 года «Информационная инфраструктура (Архангельская область)». URL: <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/c3dfcccd217619ed6a177a54fa469ce7/default/?&> (дата обращения: 09.09.2024).

³⁹ Паспорт регионального проекта «Информационная безопасность (Архангельская область)». URL: <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/787a0379cfcb5cd9721b6fe36d1115d0/default/?&> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴⁰ Паспорт регионального проекта «Информационные технологии (Архангельская область)». URL: <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/44f4c085e3a80893f85ae7ee3ec4ac75/default/?&> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴¹ Паспорт регионального проекта «Цифровое государственное управление (Архангельская область)». URL: <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/0b49c7e4812332cf83e7de46cb8ae601/default/?&> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴² Паспорт регионального проекта «Цифровая образовательная среда (Архангельская область)». URL: <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/40253064617c6a928327729c5052b384/default/?&> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴³ Государственная программа Архангельской области «Развитие образования и науки Архангельской области». URL: <https://dvinaland.ru/budget/programs/?CODE=02> (дата обращения: 02.09.2024).

⁴⁴ Паспорт регионального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) (Архангельская область)». URL: <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/35ea34f595a56ea677486b0426eeb6cf/default/?&> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴⁵ Правительство Архангельской области // Национальный проект «Культура». URL: https://dvinaland.ru/gov/national_projects/culture/#cookies=yes (дата обращения: 09.09.2024).

⁴⁶ Отчёт о ходе реализации регионального проекта за II квартал 2024 года «(25) Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры («Цифровая культура»). Архангельская область». URL: <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/c8787fd54221983a3698247114900342/default/?&> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴⁷ Постановление «О государственной программе Архангельской области «Содействие занятости населения Архангельской области, улучшение условий и охраны труда» от 8 октября 2013 года N 466-пп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/462604790> (дата обращения: 09.09.2024).

Развитие цифровых компетенций широких слоёв населения Архангельской области осуществляется в рамках региональной программы «Повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования в Архангельской области». Цель программы (*содействие формированию ключевых элементов финансовой культуры (ценностей, установок и поведенческих практик), расширение практических навыков и опыта принятия финансовых решений, способствующих финансовому благополучию населения Архангельской области*⁴⁸) в явном виде не предполагает формирование цифровых компетенций, однако в её паспорте среди вызовов указаны рост «цифрового неравенства» в поколенческом разрезе, а также угрожающий национальной безопасности рост кибермошенничества. Согласно отчету о реализации программы, в 2023 г. проведено 4,3 тыс. мероприятий по тематике финансовой грамотности, охват которыми составил 101,1 тыс. человек не уникальных участников⁴⁹. Вместе с тем основная масса мероприятий проводилась в городских населенных пунктах, практически не охватывая сельскую местность.

В ограниченной степени в повышение цифровой грамотности населения вовлечен сектор некоммерческих организаций Архангельской области, однако обучение преимущественно проводится для жителей городских поселений. Архангельская региональная общественная организация по развитию компьютерного спорта и цифровых технологий реализует серию проектов по формированию цифровых компетенций людей пожилого возраста в Архангельске, Няндоме, Плесеце, Коряжме и Котласе, а также воспитанников детских домов г. Архангельска^{50, 51, 52}. В рамках проекта Северного (Арктического) федерального университета «Народный университет серебряного возраста» проводятся занятия для людей в возрасте от 60 лет по обучению пользованию смартфоном и защите от киберпреступников⁵³.

Таким образом, основная доля мероприятий государственной политики в сфере цифровизации в Архангельской области направлена на развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры в регионе и обеспечение доступа населения и юридических лиц к государственным и муниципальным услугам. Однако только в единичных реги-

⁴⁸ Постановление «Об утверждении региональной программы Архангельской области «Повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования в Архангельской области» от 21 августа 2014 N 33-пп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/462609613> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴⁹ Итоги реализации региональной программы Архангельской области «Повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования в Архангельской области» (далее — Программа) за 2023 год. URL: <https://vk.com/@minfin29-itogi-realizacii-regionalnoi-programmy-arhangelskoi-oblasti> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵⁰ Архангельская региональная общественная организация // АРОО по развитию компьютерного спорта и цифровых технологий. URL: <https://aresf.ru/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵¹ Губернаторский центр Архангельской области // Проекты / Проект «Цифровой наставник» / URL: <https://грантыгубернатора.проразвитие29.рф/public/application/item?id=e7c1cdd6-e440-4125-8724-9437cf9b1d24> (дата обращения: 01.10.2024).

⁵² Губернаторский центр Архангельской области // Проекты / Проект «Цифровая молодость души и тела» / URL: <https://грантыгубернатора.проразвитие29.рф/public/application/item?id=48f163fd-330b-4486-b778-06775f0951ae> (дата обращения: 01.10.2024).

⁵³ Народный университет серебряного возраста (САФУ). URL: https://vk.com/nusv_narfu (дата обращения: 01.10.2024).

ональных проектах и программах предусмотрены мероприятия по формированию цифровых компетенций населения, в связи с чем при дальнейшем планировании государственной политики в этой сфере представляется необходимым комплексное решение данной задачи, поскольку цифровая грамотность является важнейшей предпосылкой для получения значимых социально-экономических эффектов цифровизации.

Заключение

Пространственная обширность, географическая удалённость, труднодоступность и малонаселённость многих сельских территорий в Архангельской области и Ненецком автономном округе ограничивают возможности создания в них социальной инфраструктуры, обеспечивающей качество жизни местного населения на общероссийском уровне. Цифровые технологии позволяют частично компенсировать влияние этих пространственно-географических и природно-климатических факторов и обеспечить доступ населения к государственным и муниципальным услугам, информации, товарам, создать условия для формирования удобной и доступной цифровой экосистемы государственного и муниципального управления сельскими территориями в данных арктических регионах.

Несмотря на то, что показатели цифровизации по Арктической зоне РФ в целом и по Архангельской области и Ненецкому автономному округу в частности соответствуют и превышают общероссийские, высокие затраты на техническое оснащение и программные продукты создают риски для цифровой трансформации организаций. Соответственно, повышение уровня технической оснащённости организаций, реализующих товары, работы и услуги населению арктических регионов должно стать одним из приоритетных мероприятий по развитию инфраструктуры сельских территорий в Архангельской области и Ненецком автономном округе. Целесообразным было бы введение программ частичного субсидирования и компенсации затрат на приобретение технических средств, используемых для предоставления товаров, работ и услуг социально ориентированного характера для населения.

Анализ нормативно-правового регулирования, системы индикаторов опережающего инновационного развития, отражающих уровень цифровизации, и комплекса региональных проектов, направленных на развитие цифровой экономики, позволяет сделать вывод о недостаточном внимании, которое уделяется развитию цифровых технологий на сельских территориях. Сельская местность не выделена в отдельный объект цифровой трансформации, за исключением проекта устранения цифрового неравенства, предусматривающего создание инфраструктуры связи в малых и труднодоступных населённых пунктах, в том числе на территории Архангельской области. Перспективным продолжением исследований региональной политики в сфере цифровизации может стать анализ деятельности руководителей цифровой трансформации регионов АЗРФ, позволяющий оценить качество управления в данной сфере, в том числе в отношении сельских территорий [38].

С учётом отставания сельских территорий в уровне цифровизации по сравнению с городскими населёнными пунктами и их стратегического значения для АЗРФ предлагается предусмотреть соответствующие мероприятия на уровне национальных и региональных проектов и программ. Кроме того, на уровне документов стратегического планирования и проектных мероприятий необходимо обеспечить повышение цифровой грамотности сельского населения как одного из ключевых условий цифровой трансформации.

Ввиду отсутствия в материалах официальной статистики показателей цифровизации для сельской местности, в настоящий момент не представляется возможным оценить глубину разрыва в уровне развития цифровых технологий между городскими и сельскими поселениями. Разработка научно обоснованных рекомендаций в отношении сельских территорий Арктической зоны Российской Федерации требует проведения полевых исследований, которые могут стать логичным продолжением настоящей статьи.

Список источников

1. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. Москва: Эдиториал УРСС, 2020. 304 с.
2. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. Москва: «Дело» АНХ, 2011. 232 с.
3. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1997. 342 p.
4. Brynjolfsson E., Kahin B. Understanding the Digital Economy: Data, Tools, and Research. Cambridge: The MIT Press. 2002. 372 p.
5. Brunori G. Agriculture and rural areas facing the “twin transition”: principles for a sustainable rural digitalisation // Italian Review of Agricultural Economics. 2022. Vol. 77 (3). Pp. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.36253/rea-13983>
6. Rolandi S., Brunori G., Bacco, M., Scotti I. The Digitalization of Agriculture and Rural Areas: Towards a Taxonomy of the Impacts // Sustainability. 2021. Vol. 13. Iss. 9. Art. 5172. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13095172>
7. Ruiz R. Arctic infrastructures: Tele field notes // Communication +1. 2014. Vol. 3 (1). DOI: <https://doi.org/10.7275/R5D21VHD>
8. Rotz S., Gravely E., Mosby I., Duncan E., Finnis E., Horgan M., LeBlanc J., Martin R., Neufeld H.T., Nixon A., Pant L., Shalla V., Fraser E. Automated pastures and the digital divide: How agricultural technologies are shaping labour and rural communities // Journal of Rural Studies. 2019. Vol. 68. Pp. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.01.023>
9. Abildgaard M.S., Ren C., Leyva-Mayorga I., Stefanovic C., Soret B., Popovski P. Arctic Connectivity: A frugal approach to infrastructural development // Arctic. 2022. Vol. 75 (1). Pp. 72–85. DOI: <https://doi.org/10.14430/arctic74869>
10. Warf B. Contours, contrasts, and contradictions of the Arctic internet // Polar Geography. 2011. Vol. 34 (3). Pp. 193–208. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1088937X.2011.589012>
11. Ye L., Yang H. From Digital Divide to Social Inclusion: A Tale of Mobile Platform Empowerment in Rural Areas // Sustainability, 2020. Vol. 12 (6). Art. 2424. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12062424>
12. Coates K.S. The future of work in the Arctic // The palgrave handbook of Arctic policy and politics / Ed. by Coates K.S., Holroyd C. Palgrave Macmillan Cham, 2020. Pp. 175–191. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7>
13. Young J.C. Rural digital geographies and new landscapes of social resilience // Journal of Rural Studies. 2019. Vol. 70. Pp. 66–74. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.07.001>
14. Philip L., Roberts A., Currie M., Mort A. Technology for older adults: maximising personal and social interaction: exploring opportunities for eHealth to support the older rural population with chronic

- pain // *Scottish Geographical Journal*. 2015. Vol. 131 (3–4). Pp. 181–193. DOI: <https://doi.org/10.1080/14702541.2014.978806>
15. Sparrow R., Howard M. Robots in agriculture: prospects, impacts, ethics, and policy // *Precision Agriculture*. 2021. Vol. 22. Pp. 818–833. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11119-020-09757-9>
16. Salemin K., Strijker D., Bosworth G. Rural development in the digital age: A systematic literature review on unequal ICT availability, adoption, and use in rural areas // *Journal of Rural Studies*. 2017. Vol. 54. Pp. 360–371. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.09.001>
17. Wolski O. Digitalisation of Rural Areas and Agriculture in the EU Debate: How Far from What Research Says? // *Wiś i Rolnictwo*. 2019. Vol. 183 (2). Pp. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.7366/wir022019/01>
18. McMahon R., McNally M.B., Nitschke E., Napier K., Alvarez Malvido M., Akçayir M. Codesigning community networking literacies with rural/remote Northern Indigenous communities in Northwest Territories, Canada // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2024. Vol. 29 (1). Pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmad042>
19. Salminen M., Morris L. The Limits of Everyday Digitalization in the Arctic: A Digital Security Perspective // *Library and Information Sciences in Arctic and Northern Studies* / Ed. by Acadia S. Cham: Springer International Publishing, 2024. Pp. 151–173. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-54715-7_7
20. Saunavaara J., Kylli R., Salminen M. Telecommunication line infrastructure and the Arctic environment: past, present and future // *Polar Record*. 2021. Vol. 57. Art. e8. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247421000036>
21. Zavratin V., Kos A., Stojmenova Duh E. Smart villages: Comprehensive review of initiatives and practices // *Sustainability*. 2018. Vol. 10 (7). Art. 2559. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10072559>
22. Spicer Z., Goodman N., Olmstead N. The frontier of digital opportunity: Smart city implementation in small, rural and remote communities in Canada // *Urban studies*. 2021. Vol. 58 (3). Pp. 535–558. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098019863666>
23. Randall L., Berlina A. Governing the digital transition in Nordic regions: The human element // *Nordregio Report*. 2019:4. Stockholm, Sweden, 2019. DOI: <https://doi.org/10.30689/R2019:4.1403-2503>
24. Coates K., Holroyd C. Arctic Innovation and the Potential for the Creation of a Circumpolar Innovation Ecosystem / *Global Development in the Arctic* / Ed. by Mineev A., Bourmistrov A., Mellemvik F. Routledge, 2022. Pp. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003246015-9>
25. Егоров Н.Е., Ковров Г.С., Тишков С.В., Волков А.Д. Потенциал цифровизации ресурсных регионов российского Севера // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022. Т. 13. № 2. С. 238–251. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.238-251>
26. Гладких Е.Г., Романова И.Н. Особенности цифровизации Арктических регионов России // *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2024. Т. 26. № 1. С. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.4>
27. Бывшев В.И., Пантелева И.А., Усков Д.И., Писарев И.В., Торточакова Т.С. Анализ уровня цифровизации регионов Арктической зоны Российской Федерации в преддверии реализации стратегии развития Арктической зоны // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2022. Т. 20. № 1. С. 78–92. DOI: [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(1\).78-92](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(1).78-92)
28. Куратова Л.А. Особенности цифровизации пространства Арктических регионов России // *Арктика и Север*. 2023. № 50. С. 154–174. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.154>
29. Советова Н.П. Цифровизация сельских территорий: от теории к практике // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 2. С. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.7>
30. Касимова Ж.В., Касимов А.А. Цифровая трансформация сельских территорий // *Вестник НГИ-ЭИ*. 2020. № 8 (111). С. 117–126. DOI: <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10079>
31. Karaseva A., Gavrilova K., Vasilyeva V., Veretennik E. E-procurement and Arctic infrastructural geography: challenges of e-governance in the Russian Arctic // *Polar Geography*. 2023. Vol. 46. No. 2–3. Pp. 120–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937x.2023.2238795>
32. Дядик Н.В., Чапаргина А.Н. Цифровизация в образовании и территориальная удалённость в российской Арктике: проблемы и перспективы // *Арктика и Север*. 2021. № 43. С. 144–160. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.43.144>

33. Ljovkin V.E., Detter G.F., Tukkel J.L., Gladun E., Ljovkina A.O. Can digital transformation solve the problem of arctic youth migration outflow? // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. No. 24. Art. 10685. DOI: <https://doi.org/10.3390/su122410685>
34. Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф., Черенков В.И., Таничев А.В. Ключи к устойчивому развитию Арктической зоны Российской Федерации: модель циркулярной экономики и логистическая инфраструктура // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2020. № 4 (70). С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2020.70.001>
35. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // *Управленческое консультирование*. 2018. № 10. С. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
36. Jovanovic Milenkovic M., Brajovic B., Milenkovic D., Vukmirovic D., Jeremic V. Beyond the equal-weight framework of the Networked Readiness Index: a multilevel I-distance methodology // *Information Development*. 2016. Vol. 32. Iss. 4. Pp. 1120–1136. DOI: <https://doi.org/10.1177/0266666915593136>
37. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Абдукаева А.А., Савеличев М.В. Инструменты и методы исследования развития цифровой экономики в РФ: подходы, методы, практические результаты. Казань: ИП Кузнецов Н.В., 2019. 231 с.
38. Бабкин А.В., Егоров Н.Е. Оценка руководителей цифровой трансформации в регионах как фактор стратегического управления устойчивым ESG-развитием экономики // *Экономика и управление*. 2023. № 29 (9). С. 1019–1029. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-9-1019-1029>

References

1. Kuznetsova O.V. *Economic Development of Regions: Theoretical and Practical Aspects of State Regulation*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2020, 304 p. (In Russ.)
2. Perez K. *Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Mos, Delo ANKh Publ., 2011, 232 p. (In Russ.)
3. Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York, McGraw-Hill, 1997, 342 p.
4. Brynjolfsson E., Kahin B. *Understanding the Digital Economy: Data, Tools, and Research*. Cambridge, The MIT Press, 2002, 372 p.
5. Brunori G. Agriculture and Rural Areas Facing the “Twin Transition”: Principles for a Sustainable Rural Digitalisation. *Italian Review of Agricultural Economics*, 2022, vol. 77 (3), pp. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.36253/rea-13983>
6. Rolandi S., Brunori G., Bacco M., Scotti I. The Digitalization of Agriculture and Rural Areas: Towards a Taxonomy of the Impacts. *Sustainability*, 2021, vol. 13, iss. 9, art. 5172. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13095172>
7. Ruiz R. Arctic Infrastructures: Tele Field Notes. *Communication +1*, 2014, vol. 3 (1). DOI: <https://doi.org/10.7275/R5D21VHD>
8. Rotz S., Gravely E., Mosby I., Duncan E., Finnis E., Horgan M., LeBlanc J., Martin R., Neufeld H.T., Nixon A., Pant L., Shalla V., Fraser E. Automated Pastures and the Digital Divide: How Agricultural Technologies are Shaping Labour and Rural Communities. *Journal of Rural Studies*, 2019, vol. 68, pp. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.01.023>
9. Abildgaard M.S., Ren C., Leyva-Mayorga I., Stefanovic C., Soret B., Popovski P. Arctic Connectivity: A Frugal Approach to Infrastructural Development. *Arctic*, 2022, vol. 75 (1), pp. 72–85. DOI: <https://doi.org/10.14430/arctic74869>
10. Warf B. Contours, Contrasts, and Contradictions of the Arctic Internet. *Polar Geography*, 2011, vol. 34 (3), pp. 193–208. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1088937X.2011.589012>
11. Ye L., Yang H. From Digital Divide to Social Inclusion: A Tale of Mobile Platform Empowerment in Rural Areas. *Sustainability*, 2020, vol. 12 (6), art. 2424. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12062424>
12. Coates K.S. The Future of Work in the Arctic. In: *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics*. Cham, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 175–191. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7>

13. Young J.C. Rural Digital Geographies and New Landscapes of Social Resilience. *Journal of Rural Studies*, 2019, vol. 70, pp. 66–74. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.07.001>
14. Philip L., Roberts A., Currie M., Mort A. Technology for Older Adults: Maximising Personal and Social Interaction: Exploring Opportunities for eHealth to Support the Older Rural Population with Chronic Pain. *Scottish Geographical Journal*, 2015, vol. 131 (3–4), pp. 181–193. DOI: <https://doi.org/10.1080/14702541.2014.978806>
15. Sparrow R., Howard M. Robots in Agriculture: Prospects, Impacts, Ethics, and Policy. *Precision Agriculture*, 2021, vol. 22, pp. 818–833. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11119-020-09757-9>
16. Salemin K., Strijker D., Bosworth G. Rural Development in the Digital Age: A Systematic Literature Review on Unequal ICT Availability, Adoption, and Use in Rural Areas. *Journal of Rural Studies*, 2017, vol. 54, pp. 360–371. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.09.001>
17. Wolski O. Digitalisation of Rural Areas and Agriculture in the EU Debate: How Far from What Research Says? *Wiś i Rolnictwo*, 2019, vol. 183 (2), pp. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.7366/wir022019/01>
18. McMahon R., McNally M.B., Nitschke E., Napier K., Alvarez Malvido M., Akçayir M. Codesigning Community Networking Literacies with Rural/Remote Northern Indigenous Communities in North-west Territories, Canada. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2024, vol. 29 (1), pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmad042>
19. Salminen M., Morris L. The Limits of Everyday Digitalization in the Arctic: A Digital Security Perspective. In: *Library and Information Sciences in Arctic and Northern Studies*. Cham, Springer International Publishing, 2024, pp. 151–173. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-54715-7_7
20. Saunavaara J., Kylli R., Salminen M. Telecommunication Line Infrastructure and the Arctic Environment: Past, Present and Future. *Polar Record*, 2021, vol. 57, art. e8. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247421000036>
21. Zavratin V., Kos A., Stojmenova Duh E. Smart Villages: Comprehensive Review of Initiatives and Practices. *Sustainability*, 2018, vol. 10 (7), art. 2559. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10072559>
22. Spicer Z., Goodman N., Olmstead N. The Frontier of Digital Opportunity: Smart City Implementation in Small, Rural and Remote Communities in Canada. *Urban Studies*, 2021, vol. 58 (3), pp. 535–558. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098019863666>
23. Randall L., Berlina A. Governing the Digital Transition in Nordic Regions: The Human Element. *Nordregio Report*, 2019. DOI: <https://doi.org/10.30689/R2019:4.1403-2503>
24. Coates K., Holroyd C. Arctic Innovation and the Potential for the Creation of a Circumpolar Innovation Ecosystem. In: *Global Development in the Arctic*. Routledge, 2022, pp. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003246015-9>
25. Egorov N.E., Kovrov G.S., Tishkov S.V., Volkov A.D. The Potential of Digitalization of Resource Regions of the Russian North. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 238–251. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.238-251>
26. Gladkikh E.G., Romanova I.N. Features of Digitalization of the Arctic Regions of Russia. *Journal of Volgograd State University. Economics*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.4>
27. Byvshev V.I., Panteleeva I.A., Uskov D.I., Pisarev I.V., Tortochakova T.S. Analysis of the Digitalization Level of the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation on the Eve of the Implementation of the Arctic Zone Development Strategy. *Herald of Omsk University. Series: Economics*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 78–92. DOI: [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(1\).78-92](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(1).78-92)
28. Kuratova L.A. Features of Digitalization of the Arctic Regions of Russia. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2023, no. 50, pp. 154–174. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.154>
29. Sovetova N.P. Rural Territories' Digitalization: From Theory to Practice. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.7>
30. Kasimova Zh.V., Kasimov A.A. Digital Transformation of Rural Areas. *Bulletin NGIEI*, 2020, no. 8 (111), pp. 117–126. DOI: <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10079>
31. Karaseva A., Gavrilova K., Vasilyeva V., Veretennik E. E-Procurement and Arctic Infrastructural Geography: Challenges of E-Governance in the Russian Arctic. *Polar Geography*, 2023, vol. 46, no. 2–3, pp. 120–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937x.2023.2238795>

32. Dyadik N.V., Chapargina A.N. Digitalization in Education and Distance Barriers in the Russian Arctic: Problems and Prospects. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2021, no. 43, pp. 144–160. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.43.144>
33. Ljovkin V.E., Detter G.F., Tukkel J.L., Gladun E., Ljovkina A.O. Can Digital Transformation Solve the Problem of Arctic Youth Migration Outflow? *Sustainability*, 2020, vol. 12, no. 24, art. 10685. DOI: <https://doi.org/10.3390/su122410685>
34. Didenko N.I., Skripnyuk D.F., Cherenkov V.I., Tanichev A.V. Keys to Sustainable Development of the Arctic Zone of Russian Federation: Model of Circular Economy and Logistic Infrastructure. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2020, no. 4 (70), pp. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2020.70.001>
35. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. *Administrative Consulting*, 2018, no. 10, pp. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
36. Jovanovic Milenkovic M., Brajovic B., Milenkovic D., Vukmirovic D., Jeremic V. Beyond the Equal-Weight Framework of the Networked Readiness Index: A Multilevel I-Distance Methodology. *Information Development*, 2016, vol. 32, iss. 4, pp. 1120–1136. DOI: <https://doi.org/10.1177/02666666915593136>
37. Safiullin M.R., El'shin L.A., Abdukaeva A.A., Savelichev M.V. *Instruments and Methods of Research on the Development of Digital Economy in the Russian Federation: Approaches, Methods, Practical Results*. Kazan, 2019, 231 p. (In Russ.)
38. Babkin A.V., Egorov N.E. Assessment of Managers of Digital Transformation in the Regions as a Factor of Strategic Management of Sustainable ESG Development of the Economy. *Economics and Management*, 2023, no. 29 (9), pp. 1019–1029. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-9-1019-1029>

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024;

принята к публикации 07.11.2024

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 34–48.
Научная статья
УДК [339.564:639](470.2)(045)
DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.34>

Влияние экспорта рыбной продукции на участие рыбного хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности страны и Арктического региона

Васильев Анатолий Михайлович ^{1✉}, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

¹ Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской Академии наук» (ИЭП КНЦ РАН), ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, Россия

¹ vasiliev@pgi.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8626-9980>

Аннотация. В статье рассматривается влияние экспорта рыбной продукции рыбаками Мурманской области на реализацию двух основных показателей, прописанных в Доктрине продовольственной безопасности: объемов продукции, поставляемых на внутренний рынок, и экономической доступности её населению. В результате исследования выяснено, что основной индикатор выполнения Доктрины — пороговое значение поставок рыбной продукции на внутренний рынок — не выполняется вследствие чрезмерного её экспорта. Уровень недопоставок, в сравнении с рекомендациями Доктрины, в 2021 г. составил 53,4%. Рыба поставляется в Мурманскую область и другие регионы в объемах, обеспечивающих её реализацию по назначенным рыбаками высоким оптовым ценам и незначительную конкуренцию. Основная часть улова арктической рыбы — до 75%, а трески и пикши свыше 90% — экспортируется, чему способствуют высокие мировые цены и низкий уровень российского рубля. Даже в условиях продаж российской рыбы за рубежом с дисконтом рыбопромышленники предпочитают её экспортировать. В отсутствие стимулов поставок рыбной продукции на внутренний рынок целесообразно повысить юридический статус Доктрины и сделать выполнение её рекомендаций обязательным или изменить правила наделяния хозяйствующих субъектов промысловыми ресурсами. Экономическая доступность разделанной рыбы для населения добывающего региона — Мурманской области — ниже, чем в среднем по России. Наблюдается снижающийся уровень потребления. Это является следствием использования на внутреннем рынке высоких цен, установленных нерыночным способом. Существует необходимость установления на внутреннем рынке цен на рыбную продукцию с использованием аукционов или биржевой торговли.

Ключевые слова: экспорт, Доктрина продовольственной безопасности, пороговые значения, выполнение, продовольствие, доступность, аукционы, биржевые торги

Impact of Fisheries Exports on the Participation of Fisheries in Ensuring Food Security of the Country and the Arctic Region

Anatoliy M. Vasilyev ^{1✉}, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

¹ Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, Russia

¹ vasiliev@pgi.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8626-9980>

* © Васильев А.М., 2024

Для цитирования: Васильев А.М. Влияние экспорта рыбной продукции на участие рыбного хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности страны и Арктического региона // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 34–48. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.34>

For citation: Vasilyev A.M. Impact of Fisheries Exports on the Participation of Fisheries in Ensuring Food Security of the Country and the Arctic Region. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 34–48. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.34>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Abstract. The article examines the impact of fish products export by fishermen of the Murmansk Oblast on the realization of two main indicators prescribed in the Food Security Doctrine: the volume of products supplied to the domestic market and their economic accessibility to the population. As a result of the study, it was found that the main indicator of the Doctrine implementation — the threshold value of fish products supply to the domestic market — is not met due to its excessive export. The level of under-supply, compared to the recommendations of the Doctrine, amounted to 53.4% in 2021. Fish is supplied to the Murmansk Oblast and other regions in volumes that ensure its sale at high wholesale prices set by fishermen and with little competition. The bulk of the Arctic fish catch — up to 75%, and over 90% of cod and haddock — is exported, which is facilitated by high world prices and the low rate of the Russian ruble. Even when Russian fish is sold abroad at a discount, fish producers prefer to export it. In the absence of incentives for the supply of fishery products to the domestic market, it is advisable to increase the legal status of the Doctrine and make the implementation of its recommendations mandatory, or change the rules for allocating fishing resources to economic entities. The economic availability of cut fish for the population of the producing region — the Murmansk Oblast — is lower than the Russian average. There is a declining level of consumption. This is a consequence of the use of high prices set in the domestic market in a non-market way. There is a need to establish prices for fish products on the domestic market using auctions or exchange trading.

Keywords: *export, Food Security Doctrine, threshold values, implementation, food, availability, auctions, exchange trading*

Введение

Продовольственная безопасность является составной частью национальной безопасности и находится в тесной взаимосвязи с другими видами безопасности и её аспектами. Отраслями, обеспечивающими её, являются сельское и рыбное хозяйство.

Рыбное хозяйство России, наряду с сельским хозяйством, является поставщиком животных белков и незаменимых аминокислот для питания населения. В общем балансе потребления животных белков доля рыбных в настоящее время составляет около 10%, в мясорыбном — ~25%¹.

По калорийности 1,5 кг свежей рыбы эквивалентны 1,0 кг мяса. Мясо рыб — уникальный природный продукт в части содержания макро- и микроэлементов. В странах с развитой рыбной промышленностью посредством рыбных продуктов удовлетворяются потребности населения в железе на 25%, фосфоре — 60–70%, магнии — 20%, йоде — 90%².

По нашим расчётам, основанным на данных вышеприведенного источника, объём вылова рыбы и морепродуктов в России в 2022 г. по содержанию белка соответствовал ~12 млн голов крупного рогатого скота (КРС). При этом количество КРС, выращиваемого на мясо, составляло в России в 2022 г. 10,1 млн голов.

Из отходов от переработки рыбы выпускается кормовая мука, используемая в животноводстве и являющаяся основным компонентом кормов для выращивания сёмги и форели в аквакультуре. Она содержит 50–67% белка, который усваивается животными и птицей на

¹ Приказ Росрыболовства от 30.03.2009 N 246 «Об утверждении Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года. Приложение». URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-rosrybolovstva-ot-30032009-n-246-ob/prilozhenie/1/> (дата обращения: 14.12.2023).

² Экономика отрасли. Курс лекций. 3.2. Современное состояние рыбного хозяйства и его роль.

85–90%. Для сравнения, в растительном корме содержание белка составляет 10–12%, и усваивается он на 30–40%³.

Основным документом, выполнение которого призвано обеспечивать продовольственную безопасность страны, является Доктрина продовольственной безопасности (ДПБ) на 2020–2029 гг., утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 20 января 2020 г. Она разработана в соответствии с «Римской декларацией о всемирной продовольственной безопасности»⁴.

В качестве основных индикаторов обеспечения независимости страны и оценки продовольственной безопасности в ДПБ используется достижение пороговых значений поставок отечественной продукции на внутренний рынок. По рыбной продукции до 2020 г. он составлял 80% от медицинской нормы её потребления, равной 22 кг на человека в год в неразделанном виде, с 2020 г. — 85%, то есть 18,7 кг на человека в год. Предписанный документом объём продукции должен быть *физически и экономически доступен* на рынке для приобретения населением⁵.

При нынешней численности населения России в 146,2 млн чел. (152,0 млн чел. с учётом новых территорий), рыболовство России для обеспечения пороговой нормы потребления рыбы должно поставлять на российский берег не менее 2733,9–2842,4 тыс. т (54,7%–56,8%) улова. Выполнение перечисленных показателей при рациональном хозяйствовании гарантируется самообеспечением, составляющим около 190% за счёт уловов в 5,0 млн т и продукции аквакультуры в 350–400 тыс. т.

Изложенные данные свидетельствуют о важности и больших возможностях рыбного хозяйства в решении задач, связанных с обеспечением продовольственной безопасности России. Несмотря на это, поставки рыбной продукции на внутренний рынок России в целях выполнения ДПБ в 2010–2019 гг. в среднем были выполнены на 76,8%, а за два года новой Доктрины — на 61,2%⁶.

Уровень выполнения и меры для обеспечения пороговых значений Доктрины продовольственной безопасности по поставкам рыбной продукции на внутренний рынок рыбаками Северного бассейна

Основным промыслово-производственным подразделением рыбного хозяйства страны является Дальневосточный рыбохозяйственный бассейн, добывающий от 70 до 73% общего объёма рыбы и морепродуктов. Следовательно, и решение проблемы поставок рыб-

³ Там же.

⁴ Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности. URL: https://ecfs.msu.ru/Low_documents/International/Rome%20Declaration%20on%20World%20Food%20Security%201996.pdf (дата обращения: 14.12.2023).

⁵ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20). URL: [3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf](https://mcx.gov.ru/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf) (mcx.gov.ru) (дата обращения: 08.12.2023).

⁶ Научные и прикладные основы устойчивого развития и модернизации морехозяйственной деятельности в западной части арктической зоны Российской Федерации: отчет о НИР (промежут.): 0226-2019-0022 / Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ «Кольский научный центр Российской Академии наук»; науч. рук. Васильев А.М.; отв. исполн.: Васильев А.М., Вопиловский С.С., Фадеев А.М. [и др.]. Апатиты, 2020. 128 с.

ной продукции на внутренний рынок России в значительной мере зависит от использования Дальневосточных рыбных ресурсов. Хотя существует мнение, что выгоднее продать в близлежащих странах рыбу, добытую в Тихом океане, а необходимое количество рыбной продукции для европейских регионов России купить в Норвегии и других близких странах. Однако события последних лет показали рискованность и ненадёжность этого варианта.

Северный бассейн, включающий Мурманскую и Архангельскую области и Республику Карелия, осваивает промысловые запасы *Западной Арктики* (около 95% общего вылова) и добывает незначительные объёмы гидробионтов в Северо-Западной и Центральной Атлантике. Доля Северного бассейна в общем вылове России составляет 12–15%. Основным рыбодобывающим регионом Северного бассейна является Мурманская область, на которую приходится около 72% общего объёма добычи.

Исходя из консолидированной ответственности за выполнение Доктрины продовольственной безопасности, добывающие рыбу предприятия Северного бассейна, при нынешнем уровне уловов, должны поставить на российский берег 475,0–493,0 тыс. т рыбы (868,7 тыс. т*54,7%; 56,8%), в том числе предприятия Мурманской области — 340,3–353,4 тыс. т (622,2 тыс. т*54,7%; 56,8%). Видовой состав и ассортимент поставляемой продукции Доктриной не определяется. Вследствие этого внутренний рынок обеспечивается рыбаками преимущественно рыбой, имеющей низкие цены на внешнем рынке, незначительный спрос у населения, а также добываемой в незначительных объёмах в качестве прилова: путассу, мойвой, сельдью, зубаткой, камбалой, ершом, малоразмерными треской, пикшей и окунем. При этом рыбная продукция Мурманских предприятий ежегодно поставляется в 57–70 регионов Российской Федерации⁷. Отмеченные объёмы поставок рыбной продукции на внутренний рынок, необходимые для выполнения обязательств, предписываемых Доктриной, соблюдались рыбаками Мурманской области до 2013 г. Причиной роста экспорта рыбы на 10% в 2013 г. и невыполнение пороговых значений Доктрины стало увеличение квоты вылова основного экспортного гидробионта — трески, по сравнению с 2012 г., на 28,9% и желание улучшить финансовые результаты промысловой деятельности⁸. Стимулирующими факторами дальнейшего увеличения объёмов вывоза арктической рыбы за рубеж стал рост экспортных цен на треску в 2014 г. на 81,3% и в 2015 г. ещё на 40,0%; на пикшу в 2014 г. на 89,0% [1, Васильев А. М., с. 28], а также изменение курса рубля к доллару США в 2014 г. с 31,85 руб. до 38,47 руб. и в 2015 г. до 61,0 руб. В последующий период экспортные цены на рыбу также имели повышательную тенденцию, что стимулировало её экспорт, а рекомендации Доктрины не служили сдерживающим фактором. В последнем году анализируемого периода — в

⁷ Рыбохозяйственная деятельность в Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2016–2022 гг. 48 с.

⁸ Состояние сырьевых биологических ресурсов Баренцева моря и Северной Атлантики в 2014 г. Мурманск: ПИНРО, 2014. 110 с.

2021 г. — экспортные цены на треску были выше уровня 2013 г. в 4,1 раза, на пикшу — в 2,7 раза.

Кроме этого, росту экспорта способствовало также поручение Минсельхоза об увеличении Росрыболовством выручки от экспорта рыбной продукции с 5,1 млрд долл. в 2018 г. до 8,0 млрд долл. к 2024 г., якобы вытекающее из Указа Президента РФ №204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и задачах стратегического развития Российской Федерации». В соответствии с этим Указом агропромышленному комплексу было поручено увеличить экспортную выручку с 24 млрд до 45 млрд в год. Минсельхоз в свою очередь возложил выполнение части задачи на Росрыболовство, поручив увеличить экспортную выручку с 4,1 млрд долл. в 2017 г. до 8,0 млрд долл. в 2024 г. Это поручение явилось ещё одним фактором, стимулирующим увеличение экспорта, несмотря на необходимость выполнения ДПБ. Вопрос повышения экспортных доходов Росрыболовство, согласно заявлению его руководства, было намерено решать за счёт увеличения выпуска продукции глубокой разделки. Выступая на круглом столе «Экспорт рыбной продукции: из морских глубин в глубину переработки» в 2018 г. руководитель Росрыболовства Илья Шестаков заявил: «Нам предстоит его (экспорт — авт.) практически в два раза увеличить. Задача достаточно серьёзная и амбициозная, мы понимаем, что объёмы добычи мы с вами в таком количестве не нарастим, — признал глава федерального агентства. — Необходимо искать другие источники, другие ресурсы для увеличения стоимостного экспорта. Поэтому основная задача — это увеличение стоимости от тонны экспортируемой продукции»⁹. С методической точки зрения это правильная постановка вопроса. Однако надо иметь в виду, что при «глубокой» разделке в большой мере увеличивается расход рыбы-сырца (улова), и компенсация потерь в весе продукции возрастанием её стоимости зависит по разным видам рыб от конъюнктуры рынка и не всегда происходит в достаточной степени. В итоге стоимость от переработки одинакового объёма рыбы может и не увеличиться.

Наши расчёты показывают, что по основным экспортным рыбам арктических морей — треске и пикше — выгода по стоимости при разделке на филе зависит от конъюнктуры рынка, и её можно получить не всегда. Так, при производстве филе вес продукции, по сравнению с потрошёной рыбой без головы, уменьшается в два раза. Кроме этого известно, что импортёры, в том числе в Европе и на рынках АТР, предпочитают покупать менее разделанную рыбу. В странах ЕЭС на филе трески установлена пошлина более 7%. В странах АТР также есть проблемы со сбытом филе¹⁰.

⁹ Рыбному экспорту предписано подорожать. URL: <https://fishnews.ru/news/34894> (дата обращения: 14.12.2023).

¹⁰ Рыбный Курьер-Профи: еженедельный бюллетень о международном рыбном бизнесе. 2023 г. № 9 (939). С.67. URL: <https://www.fishnet.ru/issues/rk-profi/939.html> (дата обращения: 14.12.2023).

Вследствие этого и высокой оплаты труда в норвежском рыболовстве производство филе из трески на промысловых судах считается убыточной продукцией и разрешается только при получении лицензии¹¹.

В России состав статей и величина себестоимости производства филе отличаются от норвежских. Производство его стимулируется экономическими мерами государством. Несмотря на это, выпуск филе за 9 месяцев 2023 г., в сравнении с 2022 г., уменьшился на 17% вследствие сокращения спроса на внутреннем и внешних рынках¹².

В результате воздействия перечисленных выше факторов стоимость экспорта рыбной продукции возрастает за счёт роста цен на арктические виды рыб и морепродукты, а также вследствие увеличения объёмов уловов, направляемых за рубеж. Доля уловов рыбаков Мурманской области, направляемых на экспорт с 47,1% в 2010 г., возросла до 74,5%¹³ (табл. 1).

В статье «Relationship between the Russian fishing fleet and domestic ports as the core for performing its state mission» («Связь рыбодобывающего флота России с отечественными портами — основа выполнения его государственной миссии») показано, что чрезмерный экспорт рыбной продукции стал основным фактором, сдерживающим поступление её на внутренний рынок с 2013 г. В предыдущий период — 2009–2012 гг. — экспорт в среднем составлял 48,5% от объёма производства, что обеспечивало поступление рыбы на внутренний рынок в объёмах, примерно соответствующих рекомендациям Доктрины [2, Vasiliev A.M., с. 3].

Таблица 1

Уровень выполнения рыбным хозяйством Мурманской области рекомендаций Доктрины продовольственной безопасности, стоимость экспорта¹⁴

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021
Вылов, тыс. т	698,1	663,4	665,8	574,2	622,1
Производство рыбной продукции, тыс. т	579,7	563,4	576,1	490,3	549,2
Объём поставок на экспорт рыбной продукции, тыс. т	337,4	335,8	297,3	272,6	319,1
Объём продукции, поставленной на внутренний рынок, тыс. т	242,3	227,6	278,8	217,7	230,1
Объём поставок на экспорт рыбы в пересчёте на неразделанный вид, тыс. т	513,8	469,0	473,0	410,0	463,5
Доля улова, поставленного на экспорт, %	73, 6	70, 7	71,5	69,5	74,5
Необходимый объём поставок на внутренний рынок в соответствии с рекомендациями Доктрины, тыс. т	381,9	362,8	364,2	314,1	340,3
Фактический объём поставок на внутренний рынок в круглом виде, тыс. т	184,3	194,4	192,9	164,2	158,6

¹¹ Økonomiske og biologiske nøkkeltal frå dei norske fiskeria — 2020 / Economic and biological figures from Norwegian fisheries — 2020. URL: nokkeltall-2020.pdf?sequence=1 (yandex.ru) (дата обращения: 15.12.2023).

¹² Рыбный Курьер-Профи: еженедельный бюллетень о международном рыбном бизнесе. 2023. № 44 (974), 67 с. URL: <https://www.fishnet.ru/issues/rk-profi/104.html> (дата обращения: 15.12.2023).

¹³ Научные и прикладные основы государственной политики функционирования ресурсно-сырьевой экономики на шельфе и в прибрежной зоне российской Арктики в условиях глобализации: отчет о НИР (промежут.): 3-13-4002 / Институт экономических проблем Кольского научного центра Российской Академии наук; науч. рук. Васильев А.М.; отв. исполн.: Васильев А.М., Куранов Ю.Ф., Фадеев А.М. [и др.]. Апатиты, 2015 г. 120 с.

¹⁴ Источник: Составлена авторами по материалам: Рыбохозяйственная деятельность в Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2019–2021 гг.

Объём недопоставок на внутренний рынок в неразделанном виде, тыс. т	197,6	168,4	171,3	149,9	181,7
Уровень недопоставок на внутренний рынок, %	51,7	46,4	47,0	47,7	53,4
Стоимость экспорта, млн долл.	1010,3	1137,8	1182,5	1098,5	1697,9
Стоимость экспорта, млрд руб.	61,60	71,60	76,39	79,44	125,10
Стоимость 1 т экспорта, долл.	3142,6	3383,6	3977,5	4029,7	5320,9
Стоимость 1 т экспорта, руб.	182573,2	213156,3	257026,0	291427,9	392021,8
Экономический оборот в рыболовстве, млрд руб.	73,6	83,7	100,5	91,7	127,6

Сетевые магазины в Мурманске уже несколько лет практически не торгуют рыбной продукцией. В них имеются небольшие прилавки для выставки мороженой рыбы, но наблюдения показывают, что её не покупают. Причиной этого являются неконкурентные цены. Кроме этого, пикша, как правило, отсутствует в продаже, треска бывает, но небольшого размера, отсутствуют и некоторые другие виды рыб. Рыба расфасована в нестандартные объёмы различного веса.

Основным показателем, характеризующим влияние экспорта рыбной продукции на участие рыбного хозяйства Арктического региона в обеспечении продовольственной безопасности страны, по нашему мнению, является недопоставка рыбной продукции на внутренний рынок. В среднем за 2017–2021 гг. она составляет 173,8 тыс. т. (49,2% общего объёма необходимых поставок).

Следует отметить, что необходимость поставок рыбной продукции на внутренний рынок в пределах пороговых значений, прописанных в Доктрине, призвана сдерживать экспорт. Поэтому с 2020 г., в новой редакции Доктрины, Правительством РФ было принято решение считать основным показателем её выполнения уровень самообеспечения продукцией, то есть наличие ресурсов в сравнении с потребностями. Пороговые значения поставок рыбной продукции на внутренний рынок в Доктрине по-прежнему обозначены, но отчёт по ним не производится. Научные публикации на эту тему также отсутствуют.

Такой порядок позволяет не показывать фактический уровень обеспечения страны рыбой. Можно привести пример, когда в 2022 г. в материалах, подготовленных «к правительственному часу» 530-го заседания Совета Федерации, при значительных недопоставках рыбы на внутренний рынок, констатировалось выполнение Доктрины продовольственной безопасности на основании высокого уровня показателя самообеспечения [3, О реализации..., с. 53].

Рыбаки Северного бассейна, как и всей России, работают в противоречивых правовых условиях. С одной стороны, необходимо выполнять Доктрину и поставлять большую часть уловов на внутренний рынок, с другой — выполнять распоряжение Минсельхоза по увеличению валютных доходов и продавать больше продукции на экспорт. Учитывая собственные экономические интересы, они предпочитают вывозить большую часть уловов за рубеж в ущерб выполнению Доктрины. Поскольку задание Президента РФ по увеличению доходов от экспорта адресовалось Минсельхозу и в нём Росрыболовство не упоминалось, то полага-

ем, что рыбаки в первую очередь должны выполнять Доктрину продовольственной безопасности.

Руководитель Росрыболовства И. Шестаков, выступая в СМИ, также неоднократно высказывался за первоочередное выполнение Доктрины. Такое решение верно и с той точки зрения, что участие рыболовства в выполнении продовольственной программы, как показано во введении статьи, значительно важнее, чем зарабатывание валютных доходов.

В настоящее время Правительство РФ экономически стимулирует поставки на экспорт некоторых видов рыбной продукции глубокой переработки, разрешая вычеты из платы за предоставление промысловых ресурсов. Поскольку продажи на экспорт в условиях слабого рубля и так выгодны промысловикам, то, наоборот, для стимулирования выполнения Доктрины целесообразно освободить от сборов биоресурсы, продукция из которых поставляется на внутренний рынок.

«Государственное участие в решении этого вопроса также может быть реализовано путём установления тарифных квот на экспорт рыбной продукции и изменения механизма распределения квот на добычу водных биологических ресурсов» [4, Колончин К.В., с. 30].

Как отмечено в статье выше, рыбаки Западного Арктического района выполняют требования Доктрины по поставкам рыбы на внутренний рынок в основном за счёт так называемой «социальной рыбы». Решению вопросов расширения ассортимента и улучшению качества баланса рыбы, поставляемой на отечественный рынок, посвящена, в частности, статья Карлиной Е.П. и Арслановой Э.Р. «Место и роль рыбохозяйственного комплекса в системе обеспечения продовольственной безопасности России» [5].

В создавшихся условиях для выполнения нормативов Доктрины необходимо или изменение её юридического статуса, или меры по изменению порядка наделения промысловыми биоресурсами.

Вопросы экономической доступности рыбной продукции и предложения по их решению

Вторым важнейшим показателем, характеризующим участие рыбной отрасли Арктического региона в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации и зависимым от экспорта, является экономическая доступность рыбной продукции. Она, с одной стороны, определяется самообеспеченностью, выловом и поставками рыбы на внутренний рынок, а с другой — покупательной способностью населения.

Российские производители рыбной продукции (владельцы добывающих предприятий), вопреки рыночным факторам, влияющим на цены товаров — большой самообеспеченности рыбой России в целом и Арктических регионов в частности, и меньшему, примерно в 2 раза, ВВП России по паритету покупательной способности в сравнении с основными странами импортёрами российской рыбы (США, основные страны ЕЭС)¹⁵ — определяют оптовые цены на рыбную продукцию на внутреннем рынке, ориентируясь на уровень экспортных

¹⁵ Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб. / Росстат. Р76. Москва, 2022. 691 с.

цен. В результате увеличения экспортных цен в 2014 г. на основные валютоёмкие виды рыб арктических промыслов — треску и пикшу — и использования их в качестве оптовых цен на внутреннем рынке наблюдалось снижение покупательной возможности населения Мурманской области, в сравнении с 2013 г., на 18,0% и в 2015 г. — ещё на 16,7% по рыбе мороженой разделанной и на 12,1% по рыбе мороженой неразделанной, несмотря на увеличение доходов населения на 5,9% и 8,8% соответственно (табл. 2, рис. 1).

Из представленных в табл. 2 и рис. 1 данных видно, что за 2014–2015 гг. покупательная способность населения Мурманской области, рассчитанная по приобретению рыбы мороженой разделанной, уменьшилась на 25,8%, неразделанной — на 40,0%. При этом цены на рыбу возросли в 2,6–2,8 раза при росте доходов только в 1,6 раза. В целом по России имеются данные о покупательной способности населения только по рыбе мороженой без ассортиментного разделения. Они соответствуют примерно средней величине данных по Мурманской области.

В начале этапа повышения цен на рыбу — в 2014–2015 гг. — Правительство РФ могло не допускать единовременного большого повышения цен на рыбу, так как рыбопромышленники не имели оснований продавать рыбную продукцию на внутреннем рынке фактически по международным ценам. В соответствии с «Законом единой цены... идентичные товары, продаваемые в разных местах, должны продаваться по одинаковой цене, когда цены выражены в общей валюте»¹⁶.

Таблица 2

Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения
Мурманской области^{17, [3]}

Показатели / годы	2013	2014	2015	2017	2019	2020	2021	Отношение 2021 г. к 2013 г., %
Среднедушевые денежные доходы населения МО, тыс. руб.	31,9	33,8	36,7	39,3	44,3	46,6	51,2	160,5
Средние потребительские цены на рыбу, руб./кг разделанная (кроме лососевых и филе)	147,3	169,7	221,7	256,3	325,9	319,5	318,3	в 2,6 раза
неразделанная	65,7	84,8	105,0	125,5	149,1	153,5	175,6	в 2,8 раза
Покупательная способность населения МО, кг/мес. рыба разделанная мороженая	216,6	199,1	165,7	153,2	135,8	146,0	160,7	74,2
рыба неразделанная мороженая	485,6	398,4	350,0	312,9	296,8	303,7	291,4	60

¹⁶ Закон одной цены. URL: <https://investors.wiki/ru/law-one-price> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁷ Источники: Рыбохозяйственная деятельность в Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2016, 2017 г., 2020 г.; Среднедушевой доход семьи в Мурманской области. URL: <https://gogov.ru/average-income/mrm#data> (дата обращения: 15.01.2023); Комментарии о государстве и бизнесе № 400 от 03.12.2021 г. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/536488680.pdf> (дата обращения 15.01.2023).

Базовые индексы по рыбе разделанной	100,0	82,0	76,5	70,7	62,7	67,4	74,2	74,2
Базовые индексы по рыбе неразделанной	100,0	82,0	72,1	64,4	61,1	62,5	60,0	60,0
Покупательная способность населения России, кг/мес. рыба мороженная	248,2	236,4	192,5	186,3	182,3	177,8	165,2	66,5

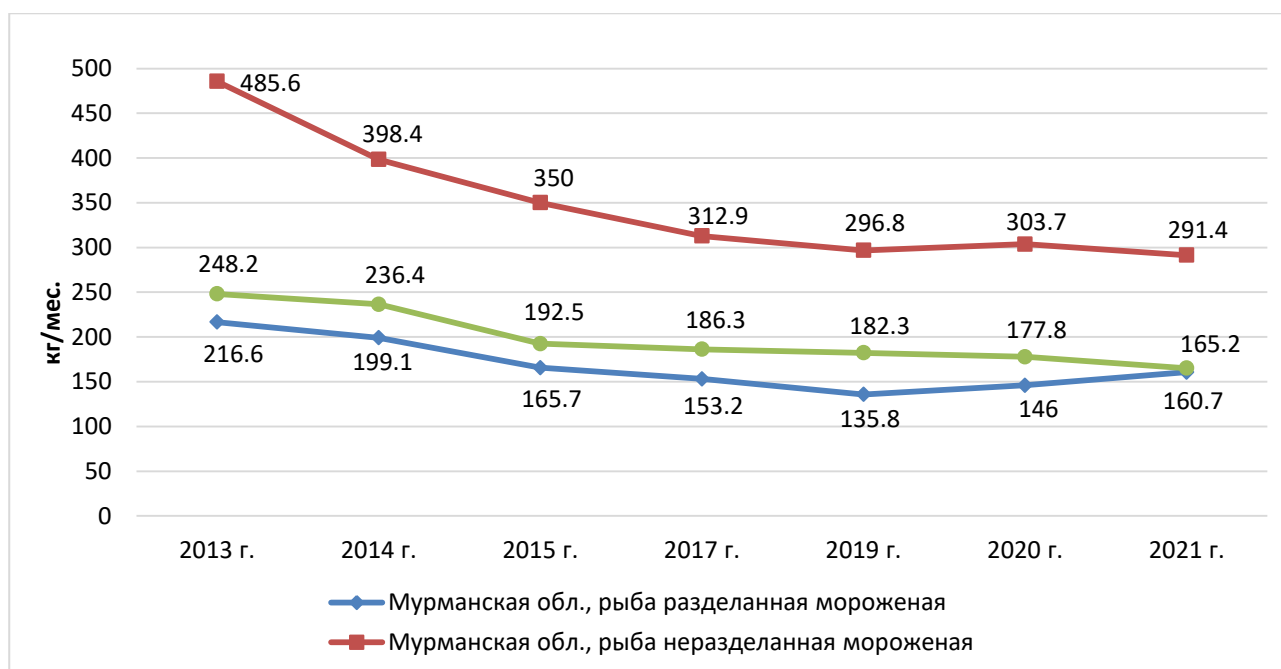

Рис. 1. Покупательная способность населения Мурманской области и России¹⁸.

В данном случае валюты стран-импортёров и России имели разные значения, и внутренние цены на рыбу в России должны определяться с учётом других факторов.

Теория изменения внутренних цен с учётом валютных курсов рассматривается в статье Прокопьева М.Г. «Эффект переноса изменений импортных и экспортных цен в цены внутреннего рынка: методические аспекты». В ней отмечается, что эффект переноса цен экспорта на внутренние цены незначительный, если доля импорта в агрегированном спросе сравнительно невелика [6, Прокопьев М. Г., с. 113]. Следовательно, для рыбной отрасли, которая является экспортно ориентированным сектором экономики, эффект переноса изменений цен экспорта на внутренние цены незначителен.

В статье Корнейченко Е.Н. и соавторов «Потребительские цены в России: влияние шоков валютного курса» сделана попытка определения влияния изменений валютных курсов на внутренние потребительские цены различных товаров в России, в том числе на рыбную продукцию. Показано, что в период 1997–2008 гг. влияние изменений валютного курса рубля на цену рыбы мороженной разделанной по истечении 12 месяцев от события составляло 29,8%, по истечении 24 месяцев — 40,8%, на цену рыбы мороженую неразделанной — 49,8%

¹⁸ Источники: Рыбохозяйственная деятельность в Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2016, 2017, 2020, 2022.

и 70,6% соответственно. Оценки за периоды 2008–2014 гг. и 2014–2018 гг. значительно ниже [7, Корнейченко Е.Н. и др., с. 11].

Поскольку спрос при импорте продукции обычно учитывается в большей мере, чем при экспорте, и цены импортной рыбной продукции обычно значительно выше российской, то можно утверждать, что на увеличение цен в основном повлиял импорт.

Согласно теории, различия при установлении уровней и динамики мировых и внутренних цен на экспортируемые и импортируемые товары на основе обменных валютных курсов происходят в результате отрыва официального курса валюты, в которой они выражаются, от реального. Если рыночный курс валюты движется в течение длительного времени в соответствии с реальным, рассчитанным на основе паритета покупательской способности, то динамика цен будет отражаться достаточно объективно и достоверно ¹⁹.

В данном случае известно, что реальный курс рубля к доллару США по паритету покупательной способности в России занижен примерно в 2 раза ²⁰. Вследствие этого внутренние национальные цены на рыбную продукцию должны быть ниже внешних и определяться с учётом затрат и покупательной способности населения. Инструмент установления цен на внутреннем рынке — биржевые торги. Нынешние оптовые цены, публикуемые в Ежежендельном бюллетене о международном рыбном бизнесе, нельзя назвать рыночными, так они установлены рыбопромышленниками.

После большого единовременного повышения цен на рыбу в 2014–2015 гг. Правительством РФ и законодательными органами разрабатывались некоторые меры по снижению цен на рыбу, в основном связанные с организацией биржевых торгов и ограничением торговых наценок, но практического воплощения они до сих пор не получили. И вот в газете «Известия» появилось сообщение, что в 2024 г. на площадке Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой биржи (СПбМТСБ) состоятся биржевые торги рыбой, которые, по мнению властей, «позволят снизить стоимость продукции и увеличить конкуренцию на рынке». Сообщается также о разработке Минфином законопроекта, позволяющего проводить такие торги ²¹.

Биржевые торги должны сократить административное регулирование рынка, учесть спрос и предложение и снизить цены, что предполагает увеличение потребления рыбы населением. Торговля рыбой на бирже позволит ритейлерам закупать её напрямую без наценок посредников и сделать цены более прозрачными.

В то же время сообщение «Известий» содержит информацию о том, «что биржа несколько раз организовывала торги рыбной продукцией за последние годы, но масштабно их

¹⁹ Взаимосвязь внутренних и внешнеторговых цен, причины их расхождения. URL: <https://helpiks.org/6-54071.html> (дата обращения: 03.01.2024).

²⁰ Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб. / Росстат. Р76 Москва, 2022. 691 с.

²¹ Башлыкова Н., Воронов В. Клёвный акцент: в России начнут продавать рыбу на бирже // Известия. 2023 г. № 183. 29 сент. URL: <https://iz.ru/1581230/natalia-bashlykova-valerii-voronov/klevnyi-aktcent-v-rossii-nachnut-prodavay-rybu-na-birzhe> (дата обращения: 16.01.2024).

запустить так и не получилось, так как многие участники рынка неохотно идут на это, не хотят дополнительной прозрачности ценообразования». А официальным поводом отказа промысловиков от биржевых торгов являются заявления о том, что рыбная продукция не является биржевым товаром. Это при том, что рыбные биржи и аукционы успешно работают во многих государствах, в том числе основных импортёрах российской рыбы — Южной Корее и Норвегии [8, с. 4]. В связи с этим у властей может возникнуть необходимость стимулирования процесса привлечения промысловиков для продажи продукции на бирже.

Практическим решением вопросов высоких цен на рыбную продукцию и увеличением её доступности в основном занимаются региональные власти. Но их права в этих вопросах, как известно, ограничены. Например, в Мурманской области существует губернаторская программа «Наша рыба» по продаже трески и пикши с согласия поставщиков по сниженным ценам в выходные дни. Объём продаж составляет около 400 т в год, что соответствует примерно 2 кг рыбы в год на одного горожанина. На Сахалине для обеспечения большей доступности рыбы населению реализуется «Региональный продукт «Доступная рыба». «Несмотря на то, что производство переработанной рыбной продукции в регионе возрастает, потребление данной продукции населением имеет тенденцию к снижению по причине опережающего роста цен по сравнению с доходами» [9, Пителик Д.А., с. 103].

Подобные проекты, по нашим данным, имеются во всех приморских регионах, но они решают локальные задачи. В целом по России цены на рыбу продолжают повышаться, а покупательная способность населения — снижаться. По данным Росстата, потребление рыбной продукции в 2022 г. уменьшилось ещё на 10% — до 19,2 кг на человека в год. Видимо, учитывая сложившуюся ситуацию, в августе 2023 г. Президент России Путин В.В. на встрече с членами Правительства в очередной раз поставил задачу разработать комплекс мер по стимулированию внутреннего потребления рыбной продукции²².

Анализ предложений для формирования «дорожной карты» для повышения потребления рыбы населением, публикуемых в свежих номерах сборников Рыбный Курьер — Профи и в других изданиях, свидетельствует об отсутствии новых действенных предложений. Так, руководитель Росрыболовства И. Шестаков дал большое интервью на эту тему «Российской газете», в котором основными экономическими и организационными инструментами для повышения доступности рыбы населению называет выдерживание существующих нормативов при транспортировке, хранении, выкладке продукции, снижение наценок торговых сетей, брендинг, маркетинговые действия, популяризацию рыбы, государственные и муниципальные заказы на поставки рыбной продукции. При этом он признал, что *поставки ограничены высокой стоимостью отечественной рыбы, что подтверждает необходимость снижения оптовых цен*. Также И. Шестаков признал целесообразным введение государ-

²² Путин поручил подумать, как стимулировать потребление рыбы в России. URL: <https://ria.ru/20230816/ryba-1890460181.html?ysclid=ln35gfrhl820170512> (дата обращения: 03.01.2024).

ственных субсидий продукции, «что должно сделать продукцию более доступной для населения, включая пенсионеров и малообеспеченные семьи»²³.

Руководитель Росрыболовства перечислил меры для увеличения доступности рыбной продукции для населения, которые не являются функцией Минрыбхоза и должны выполняться другими участниками процесса реализации рыбной продукции. На этот недостаток Президент Российской Федерации обращал внимание ещё на заседании Госсовета Российской Федерации 15 октября 2015 г., вследствие чего было оформлено одно из Поручений в качестве предложения «по формированию единой системы управления и координации деятельности государственных органов и организаций, осуществляющих в том числе добычу (вылов) водных биологических ресурсов, производство, хранение, транспортировку и реализацию рыбной продукции». Из интервью можно сделать вывод, что поручение Президента РФ полностью не выполнено, хотя в нём говорится, что Росрыболовство «предпринимает действия в своей сфере ответственности и иницирует работу в смежных направлениях».

Подобные дополнения функций Росрыболовства, в целях выполнения основных трендов развития рыбного хозяйства, определяемых государством, в том числе Доктрины продовольственной безопасности, предлагаются Колончиным К. В. и соавторами [10, Колончин К.В. и др., с. 8].

Внешней торговле рыбной продукцией в стране уделяется большое внимание. Наряду с законом «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» № 164 и другими документами, её регулирующими, существует авторитетная Всероссийская ассоциация рыбохозяйственных предприятий и экспортеров (ВАРПЭ). В то же время координации деятельности важнейших рыбных рынков страны должного внимания не уделяется. В связи с этим обратим внимание, что в Норвегии, имеющей большой опыт в организации деятельности рыбной отрасли, одной из функций полугосударственного органа — Экспортного Совета — является «осуществление маркетинга рыбной продукции на национальном и международном уровнях».

Заключение

Обеспечение населения рыбной продукцией можно считать соответствующим Доктрине продовольственной безопасности, если поставки рыбы осуществляются в объёмах не меньших, чем обозначенные в этом документе. Исследование продаж рыбной продукции свидетельствует о систематически низком уровне её поставок на внутренний рынок. Выполнение названного выше показателя в 2021 г. составило 46,6%. Незначительное наличие продукции на рынке и слабая конкуренция не способствуют снижению цен и повышению покупательной способности населения, хотя высокий уровень рентабельности продаж арктиче-

²³ Глава Росрыболовства рассказал о ценах на икру и рисках дефицита сёмги // РК-Профи. 2023. № 45 (975). URL: <https://www.fishnet.ru/issues/rk-profi/975.html> (дата обращения: 03.01.2024).

ского рыболовства позволяет это сделать. В условиях низкого курса рубля предпочтительными являются продажи рыбы за рубеж.

Систематическое невыполнение количественного индикатора оценки степени продовольственной безопасности — 85% поставок рыбной продукции на отечественный рынок — свидетельствует о необходимости повышения юридического статуса Доктрины или изменения правил выделения промысловых биоресурсов.

Вторым важным фактором для организации продажи рыбной продукции по рыночным ценам является использование биржевой или аукционной торговли. Эта проблема давно обсуждается в России по инициативе Федеральной антимонопольной службы (ФАС). Существуют как сторонники, так и противники развития биржевой торговли рыбой. Как ни странно, но не особенно ратует за эту идею «Рыбный Союз», члены которого — предприятия города Мурманска и области по переработке рыбы — испытывают дефицит рыбного сырья из-за чрезмерного его экспорта и приобретают сырьё по высоким ценам^{24, 25}.

Исследование зарубежного опыта показывает, что России в большей мере подходит аукционная форма торгов, используемая в Норвегии и Южной Корее. Эта форма торговли, по нашему мнению, менее затратна и в большей мере учитывает интересы покупателей.

В соответствии с поручениями Главы государства от 16 августа 2023 г., Правительству РФ необходимо до 1-го февраля разработать «дорожную карту» по увеличению внутреннего потребления рыбной продукции до 2030 г. Необходимо установить ежегодные целевые индикаторы по её реализации и предусмотреть мероприятия по увеличению доступности рыбной продукции населению.

Анализ предложений для формирования «дорожной карты», публикуемых в доступных документах и научных источниках, пока свидетельствует об отсутствии действенных предложений. Руководители разных рангов и депутаты Федерального собрания повторяют предложения, используемые многие годы, но не дающие результатов.

Список источников

1. Васильев А. М., Лисунова Е. А. Рыночное ценообразование на рыбу // Рыбное хозяйство. 2023. № 3. С. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.37663/0131-6184-2023-3-26-30>
2. Vasiliev A.M., Komlichenko V.V., Lisunova E.A. Relationship between the Russian fishing fleet and domestic ports as the core for performing its state mission. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. Art. 012141. DOI: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/302/1/012141>
3. О реализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Аналитический вестник. 2022. № 22 (812). 170 с.

²⁴ Разработка программных предложений по интеграционному развитию береговой рыбопереработки и промысловой деятельности на Северном бассейне: Отчет о НИР / Институт экономических проблем Кольского научного центра Российской Академии наук; отв. исполн.: Куранов Ю.Ф., Васильев А.М. Мурманск, 2014. 60 с.

²⁵ Мурманские рыбофабрики столкнулись с дефицитом сырья на фоне избыточности экспорта // Рыбный Курьер-Профи: еженедельный бюллетень о международном рыбном бизнесе. 2023. № 33 (963). 68 с. URL: <https://www.fishnet.ru/issues/rk-profi/963.html> (дата обращения: 03.01.2024).

4. Колончин К.В. Экспорт продукции рыбохозяйственного комплекса России: существующие барьеры и основные направления развития. Часть 2 // Пищевая промышленность. 2019. № 3. С. 30–34.
5. Карлина Е.П., Арсланова Э.Р. Место и роль рыбохозяйственного комплекса в системе обеспечения продовольственной безопасности России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 4. С. 37–48. DOI: <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2019-4-37-48>
6. Прокопьев М.Г. Эффект переноса изменений импортных и экспортных цен в цены внутреннего рынка: методические аспекты // Экономическая наука современной России. 2017. №3 (78). С. 105–115.
7. Корнейченко Е.Н., Новопашина А.Н., Пыхтеев Ю.Н. Потребительские цены в России: влияние шоков валютного курса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. № 1. С. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-4-15>
8. Биржевая торговля ВБР. Мировой опыт / Ассоциация добытчиков минтая. Владивосток, 2010. 18 с.
9. Питиляк Д.А., Карякина И.Е., Захарченко Д.А. Основные тенденции развития производства и потребления рыбной продукции в Сахалинской области // Регионология. 2020. Т. 28. № 1. С. 80–110. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.080-110>
10. Колончин К.В., Бетин О.И., Рудашевский В.Д., Мухамедова Т.О. Трансформация системы управления рыбохозяйственным комплексом России // Вопросы рыболовства. 2022. № 4. С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.36038/0234-2774-2022-23-4-5-15>

References

1. Vasiliev A. M., Lisunova E. A. Market Pricing for Fish. *Fisheries*, 2023, no. 3, pp. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.37663/0131-6184-2023-3-26-30>
2. Vasiliev A.M., Komlichenko V.V., Lisunova E.A. Relationship between the Russian Fishing Fleet and Domestic Ports as the Core for Performing its State Mission. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2019, vol. 302, art. 012141. DOI: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/302/1/012141>
3. On the Implementation of the Food Security Doctrine of the Russian Federation. *Analytical Bulletin*, 2022, no. 22 (812), 170 p.
4. Kolonchin K.V. Export of Russian Fisheries Products: Current Barriers and Main Directions of Development. Part 2. *Food Industry*, 2019, no. 3, pp. 30–34.
5. Karlina E.P., Arslanova E.R. Place and Role of Fishery Complex in Food Security System of Russia. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 2019, no. 4, pp. 37–48. DOI: <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2019-4-37-48>
6. Prokopyev M.G. Transfer Effect of Import and Export Prices Changes into the Prices of Home Market: Methodical Aspects. *Economics of Contemporary Russia*, 2017, no. 3 (78), pp. 105–115.
7. Korneychenko E.N., Novopashina A.N., Pikhiteev Yu.N. Consumer Prices in Russia: Effects of the Exchange Rate Shocks. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-4-15>
8. *Exchange Trade in Fish and Fish Products. World Experience*. Association of Pollock Fishermen. Vladivostok, 2010, 18 p. (In Russ.)
9. Pitilyak D.A., Karyakina I.E., Zakharchenko D.A. The Main Trends in the Development of Production and Consumption of Fish Products in the Sakhalin Region. *Russian Journal of Regional Studies*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 80–110. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.080-110>
10. Kolonchin K.V., Betin O.I., Rudashevsky V.D., Mukhamedova T.O. Transformation of the Russian Fisheries Management System. *Problems of Fisheries*, 2022, no. 4, pp. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.36038/0234-2774-2022-23-4-5-15>

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024;
принята к публикации 26.02.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 49–63.

Научная статья

УДК [338.45:622.3](985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.49>

Формирование технологического суверенитета в реализации стратегий освоения углеводородных месторождений российской Арктики

Вопиловский Сергей Симонович ^{1✉}, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

¹ Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, Россия

¹ simonovich.63@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2873-1425>

Аннотация. В исследовании рассматриваются предметные составляющие по формированию технологического суверенитета ключевыми отраслями России в сложившихся условиях геополитической и экономической конъюнктуры. Определены направления государственного управления по созданию институциональной основы для реализации инновационных технологических проектов, производства отечественной высокотехнологичной продукции в рамках концепции гарантированной независимости российской экономики в критически важных инфраструктурных областях. Выявлены перспективные направления для реализации проектов, направленных на масштабное освоение углеводородных месторождений Арктической зоны РФ в средне- и долгосрочной перспективе с точки зрения достижения технологического суверенитета. Представлена взаимосвязь стратегических планов государственных и бизнес-структур, учебных центров и производственных предприятий, учреждений науки и промышленности для выстраивания процедур по дальнейшему укреплению технологического развития страны. Обозначены примеры апробирования отдельных отечественных компонентов для достижения технологического суверенитета в топливно-энергетическом комплексе Арктической зоны РФ, в строительстве судов ледового класса, промышленном машиностроении и др. Реализация проектов по сжижению природного газа в российской Арктике становится стратегически важной и актуальной тематикой освоения углеродных месторождений. Созданные и реализуемые отечественные технологии сжижения природного газа «Арктический каскад», «Арктический каскад модифицированный», а также новая технология «Арктический микс», в будущем воплощённая в жизнь на новом заводе «Мурманский СПГ», являются хорошим заделом инновационного и технологического развития России.

Ключевые слова: технологический суверенитет, экономика, Арктика, стратегии, инновации, судостроение, топливно-энергетический комплекс

Formation of Technological Sovereignty in the Implementation of Strategies for the Development of Hydrocarbon Fields in the Russian Arctic

Sergey S. Vopilovskiy ^{1✉}, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher

¹ Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, Russia

¹ simonovich.63@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2873-1425>

* © Вопиловский С.С., 2024

Для цитирования: Вопиловский С.С. Формирование технологического суверенитета в реализации стратегий освоения углеводородных месторождений российской Арктики // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 49–63. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.49>

For citation: Vopilovskiy S.S. Formation of Technological Sovereignty in the Implementation of Strategies for the Development of Hydrocarbon Fields in the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 49–63. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.49>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Abstract. The study examines the substantive components of the formation of technological sovereignty by key industries in Russia in the current geopolitical and economic conditions. The directions of state management on creation of institutional basis for implementation of innovative technological projects, production of domestic high-tech products within the framework of the concept of guaranteed independence of the Russian economy in critical infrastructure areas are defined. Promising directions for the implementation of projects aimed at large-scale development of carbon deposits in the Arctic zone of the Russian Federation in the medium- and long-term perspective from the perspective of achieving technological sovereignty are identified. The interconnection of strategic plans of government and business structures, training centers and manufacturing enterprises, scientific and industrial institutions for building procedures for further strengthening the technological development of the country is presented. Examples of testing individual domestic components to achieve technological sovereignty in the fuel and energy complex of the Arctic zone of the Russian Federation, in the construction of ice-class ships, industrial engineering, etc. are outlined. The implementation of natural gas liquefaction projects in the Russian Arctic is becoming a strategically important and relevant topic for the development of carbon deposits. The created and implemented domestic technologies for liquefying natural gas “Arctic Cascade”, “Modified Arctic Cascade”, as well as the new technology “Arctic Mix”, which will be implemented in the future at the new Murmansk LNG terminal, are a good foundation for the innovative and technological development of Russia.

Keywords: *technological sovereignty, economics, Arctic, strategy, innovation, shipbuilding, fuel and energy complex*

Введение

Российская Федерация обладает около 74% арктического шельфа, что вызывает повышенный интерес у западных, восточных и южных партнёров нашей страны к находящимся там природным ресурсам. Мировая экономика для своего развития испытывает и будет испытывать нефте- и газозависимость как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе, следовательно, разведанные и потенциально предсказанные запасы углеводородов арктического шельфа оказывают давление на мировой рынок. При рассмотрении структуры перевозок по Северному морскому пути (СМП) по итогам 2020 г. от Государственной комиссии по вопросам развития Арктики¹ видно, что в процентном отношении грузы распределились:

- структура импортно-экспортных и каботажных перевозок: сжиженный природный газ (СПГ) — 59%, нефть — 24%, генеральные грузы — 11%, а также несколько процентов у газоконденсата, нефтепродуктов и угля;
- структура транзитных перевозок: железная руда — 78%, генеральные грузы — 7%, целлюлоза — 5%, мин. удобрения — 5%, сыпучие грузы — 2 %, оборудование — 2%, нефтепродукты — 1%, замороженная рыба — 0,5%.

В настоящее время осуществляемое недружественными странами политико-экономическое давление, направленное на сокращение добычи, переработки и отправки углеводородов Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), обусловило реализацию технологических проектов по нивелированию процессов импортозависимости, создания отечественных высокотехнологичных изделий / продуктов в рамках достижения технологического суверенитета страны. Производство и экспорт сжиженного природного газа в АЗРФ является одним из приоритетных направлений национальной энергетической отрасли.

¹ Северный морской путь: итоги 2020 года. URL: <https://arctic.gov.ru/wp-content/uploads/2021/02/2020.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

Технологический суверенитет и его элементы

Технологический суверенитет — правительственная программа обеспечения независимости российской экономики от внешних экономических факторов и мировых политических тенденций — является важнейшим условием для процветания страны. Концепция технологического суверенитета формируется и поэтапно внедряется в жизнь [1, 2]. Важная роль отводится государству в создании институциональной основы технологического суверенитета [3], в частности, госуправление запускает ключевые мегапроекты².

Вопросы технологического суверенитета для реализации проектов, направленных на масштабное освоение углеродных месторождений Арктической зоны РФ, заслуживают отдельного внимания из-за неоднородности, сложности, экстремальности проведения всего спектра работ [4, 5]. В существующих природно-климатических условиях продолжается строительство и развитие инфраструктуры Крайнего Севера, по планам ГК «Росатом» вводятся в строй инфраструктурные объекты федеральной собственности: в 2022 г. завершено строительство терминала «Утренний»; в 2023 г. будет построен терминал «Бухта Север»; в 2024 г. — терминал «Северная Звезда»; в 2026 г. планируется завершить строительство терминала «Мыс Наглейный» и энергетического порта в Восточно-Сибирском море для размещения четырёх модернизированных плавучих энергоблоков (МПЭБ) для обеспечения энергоснабжением Биамской рудной зоны³. АО «Невское ПКБ» по заказу АО «Атомэнергомаш» выполнило разработку рабочей конструкторской документации МПЭБ проекта 20871. Строительство отечественных малых АЭС, по мнению экспертов, хорошее решение для северных регионов, т. к. их безуглеродность создаёт условия экологической безопасности и обеспечивают долгосрочную предсказуемость цен на электроэнергию при реализации масштабных промышленных объектов [6]. Ввод терминалов будет способствовать развитию круглогодичного маршрута перевозок по Северному морскому пути.

Стратегические компоненты технологического развития

Текущее состояние по вопросам импортозамещения в отраслевых структурах страны определяют своевременные действия со стороны государственных органов управления и бизнес-сообществ [7, 8]. Особое внимание в вопросах создания технологического суверенитета страны уделяется нормативно-правовой базе, стратегическим планам государственных и бизнес-структур, реализация которых создаёт конкурентные преимущества отечественных предприятий и является прочным заделом развития экономики страны [9]. Создание новых и развитие существующих учреждений и центров, основным направлением которых является сфера высоких технологий, осуществляется с учётом стратегий технологического развития

² Правительство запускает мегапроекты технологического суверенитета. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/pravitelstvo-zapuskayet-megaproekty-tehnologiceskogo-suvereniteta-27609> (дата обращения: 25.10.2023).

³ Строительство грузового терминала «Мыс Наглейный». URL: <https://portnews.ru/news/342846/> (дата обращения: 25.10.2023).

РФ, стратегий пространственного развития РФ, схем территориального и отраслевого планирования, планов в сферах информационных технологий и научно-технической деятельности компаний, генеральной целью которых является обеспечение производства промышленной продукцией, выведение на рынок новых продуктов / услуг и технологий, способствующих обеспечению технологического суверенитета РФ [10, 11].

В табл. 1 представлен уровень зависимости оборудования от импорта в нефтегазовом секторе России, разработанный специалистами Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук [12].

Таблица 1

Уровень зависимости оборудования от импорта в нефтегазовом секторе России

Показатели	Год							
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Импорт, млрд руб.</i>	155	155	170	181	191	212	204	229
Буровые станки и платформы	8	15	26	8	13	10	7	8
Трубы и арматура	23	17	24	32	29	49	24	17
Насосно-компрессорное оборудование	68	75	76	89	85	85	98	120
Сепараторы для очистки нефти и газа	43	30	30	35	40	49	48	56
Ёмкости для хранения нефти, нефтепродуктов и сжиженного газа	8	6	6	7	10	9	15	16
Катализаторы	5	12	8	9	15	10	12	13
<i>Инвестиции в машины и оборудование, млрд руб.</i>	594	648	516	694	642	738	684	581
Добыча нефти и природного газа	265	317	240	308	264	303	285	244
Предоставление услуг в области добычи нефти и природного газа	80	97	85	115	125	143	117	117
Производство нефтепродуктов	186	146	113	171	148	164	187	150
Производство и распределение газообразного топлива	6	7	6	9	34	72	42	25
Транспортирование по трубопроводам нефти и нефтепродуктов	45	62	60	73	44	37	34	35
Транспортирование по трубопроводам газа и продуктов его переработки	12	19	12	18	27	19	19	10
Уровень зависимости от импорта, %	26	24	33	26	30	29	30	39

Установление приоритета для отечественной продукции и технологий — сложный, дорогостоящий процесс с большим временным лагом [13]. Принятые меры и запущенный механизм господдержки компаниям, выпускающим высокотехнологичную продукцию, способную заменить зарубежное оборудование / продукты / услуги, позволяет с уверенностью говорить о воплощении поставленных целей и задач [14, 15].

В частности, в рамках реализации Стратегии научно-технологического развития РФ и Стратегии национальной безопасности РФ Правительством РФ от 06.02.2023 № 263р⁴ утверждена Программа деятельности Национального исследовательского центра (НИЦ) «Курчатовский институт» на 2023–2027 гг., направленная на развитие перспективных технологий, формирование технологической базы для достижения Россией лидерства по приоритетным направлениям научно-технологического развития, на реализацию которой выделено бюджетное финансирование в размере более 185 млрд рублей. Целевые показатели Программы предусматривают: фундаментальные и прикладные исследования в области создания материалов для морской техники; новые технологии изготовления материалов и покрытий с антиобледенительными и износостойкими свойствами для антикоррозийной защиты с обеспечением сниженной силы сцепления льда с поверхностью для подводной и надводной морской техники; инновационные технологии получения порошковых материалов из титановых сплавов морского назначения и изготовления изделий из них с заданными свойствами. НИЦ «Курчатовский институт» проведёт прикладные исследования по созданию основ технологии систем полного электродвижения нового поколения с использованием прямого термоэлектрического преобразования энергии и технологий сверхпроводимости, в результате будут созданы перспективные ядерные энергетические установки транспортного назначения, в том числе для атомных ледоколов [16, 17].

Апробирование определённых компонентов в обеспечении технологической независимости

Строительство российского ледокольного флота для развития Северного морского пути (СМП) является для отечественных корабелов одним из основных приоритетов. В частности, на линиях СМП уже работают два (из пяти запланированных) универсальных атомных ледокола проекта 22220 «Арктика» и «Сибирь», «Якутия» проходит судовые испытания в финском заливе, «Урал» и «Чукотка» находятся в активной стадии строительства. Данные 60-мегаваттные ледоколы Балтийского завода повысят существующий потенциал перевозок в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ).

Судостроительный комплекс «Звезда» ведёт строительство 35 судов для обеспечения крупномасштабной круглогодичной работы по СМП. Контракты включают строительство головного атомного ледокола проекта 10510 «Лидер», четырёх многофункциональных судов снабжения ледового класса, более 10 танкеров типа «Афромакс», 10 арктических танкеро-челноков ледового класса Arc7, одного арктического танкера-челнока дедвейтом 69 тыс. т, танкеро-продуктовозов дедвейтом 51 тыс. т, оборудованных для работы на газовом топли-

⁴ Программа деятельности федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» на 2023-2027 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.02.2023 г. № 263р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302090033> (дата обращения: 25.10.2023).

ве и др.⁵ Портфель заказов СК «Звезда» довольно большой, и в целях сокращения сроков сдачи в эксплуатацию российского флота ледового класса для работы в АЗРФ ФГУП «Росморпорт» реализовал вариант передачи на АО «Онежский судостроительно-судоремонтный завод» (ОССЗ) контракта на строительство двух мелкосидящих ледоколов проекта 22740 с СК «Звезда» консорциума АО «Роснефтегаз», ПАО «НК «Роснефть» и АО «Газпромбанк»⁶. На ОССЗ в мае 2023 г. состоялась закладка головного мелкосидящего ледокола проекта 22740М, генеральный проектант — Санкт-Петербургский филиал АО «ЦКБ «Лазурит», второй ледокол проекта 22740М планируется заложить в 2023 г.

ЦКБ «Айсберг» совместно с ФГУП «Крыловский государственный центр» разработал проект атомного многофункционального оффшорного ледокола 10570, предназначенного для работы на мелководных участках арктического шельфа — в основе его пропульсии — реакторная установка РИТМ-200Б (модернизированная версия). Проект оснащён двумя полноповоротными винто-рулевыми колонками (ВРК), центральным винтом и подруливающими устройствами в носовой части, толщина преодолеваемого льда до 2,4 м. Примечательно, что принятая отечественная концепция предполагает возможности создания различных типов многофункциональных ледоколов оффшорного типа со специализированным оборудованием.

На Выборгском судостроительном заводе в ноябре 2023 г. заложен первый дизель-электрический ледокол проекта 21900М2, в котором всё сделано в России. Проект 21900М2 представляет 120-метровое судно ледового класса Arc7 с силовой установкой общей мощностью 18 МВт — двигатели разработаны и выпущены на Коломенском заводе. Данный проект предполагает высокую степень автоматизации и современную электронную интегрированную систему управления, вертолётную площадку и возможность разместить на палубе 33 контейнера (из них 12 могут быть рефрижераторными с возможностью подключения бортовой электросети), способен преодолевать лёд толщиной до 1,5 м. Опыт строительства ледокола проекта 21900М2 без участия иностранных поставщиков станет важным для всей судостроительной отрасли нашей страны.

По прогнозам ГК «Росатом», для обеспечения полномасштабной круглогодичной навигации по Северному морскому пути необходимо к 2030 г. иметь в строю минимум 7, а оптимально 14 ледоколов (включая конвенциональные). Ледокольный флот является реальным драйвером увеличения грузопотока по СМП, заявленным в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период

⁵ ССК «Звезда». URL: <https://sskzvezda.ru/> (дата обращения: 25.10.2023).

⁶ Онежский судостроительно-судоремонтный завод. URL: <http://onegoshipyard.ru/> (дата обращения: 25.10.2023).

до 2035 года»⁷. Грузооборот портов Арктического бассейна представлен в табл. 2 за 2021⁸, 2022⁹ и январь — июнь 2023 гг.¹⁰

Таблица 2

Грузооборот Арктических портов, млн т

№	Арктические порты	2021 г.	2022 г.	январь — июнь 2023 г.
1	Мурманск	54,5	65,3	30,5
2	Сабетта	27,9	28,4	13,9
3	Варандей	4,6	5,9	2,7
4	Архангельск	3,2	2,3	0,85

Инфраструктурное развитие АЗРФ вообще и СМП в частности подразумевает достаточно большое количество объектов, уже сегодня вдоль этого транспортного перехода размещено более 70 перевалочных баз и портов.

Повышенный интерес в АЗРФ вызывает создание объектов нефтегазовой отрасли, которые являются стратегически важными для страны [18]. В рамках Энергетической стратегии РФ до 2035 года¹¹, Долгосрочной программы развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации от 16.03.2021 г. № 640¹² прогнозируется увеличение производства сжиженного природного газа до 140 млн т. На текущем этапе отмечается заметное увеличение доли СПГ в общем объёме «голубого топлива»: в начале 2020 г. доля составляла 27%, в 2010 г. — 47%, в 2021 г. — 50%, в 2022 г. природный газ стал своеобразной подушкой безопасности в столкновении с европейскими санкциями, было поставлено в ЕС около 17 млн т СПГ, что практически на 20% больше, чем в 2021 г.

Перспективными в АЗРФ считаются проекты компаний ПАО «НК Роснефть», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Новатэк», ПАО «Газпром», ГК «Росатом» и др., выполнение которых позволит реализовать намеченные планы.

После февральских событий 2022 г. ЕС принял пятый пакет санкций — под запретом оказалось критически важное оборудование СПГ-отрасли. По данным Союза нефтегазопромышленников России, до указанных событий около 80% используемого в РФ оборудования

⁷ Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> (дата обращения: 25.10.2023).

⁸ Грузооборот морских портов России за 12 месяцев 2021 г. URL: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-12-mesyacev-2021-g> (дата обращения: 25.10.2023).

⁹ Грузооборот морских портов России за 12 месяцев 2022 г. URL: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-12-mesyacev-2022-g> (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁰ Грузооборот морских портов России за январь-июнь 2023 г. URL: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-yanvar-iyun-2023-g> (дата обращения: 25.10.2023).

¹¹ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4lgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

¹² Долгосрочная программа развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации от 16.03.2021 г. № 640. URL: <http://static.government.ru/media/files/l6DePkb3cDKTgzxb6sdFc2npEPAd7SE.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

экспортировалось зарубежными поставщиками. К примеру, морская ледостойкая стационарная платформа «Приразломная», работающая на шельфе Арктики, на 90% состоит из импортируемого оборудования.

Нефтегазовый сектор и, в частности, ПАО «Новатэк» испытали внушительный арсенал ограничений ещё недавних «партнёров» [19]. США и ЕС ограничили поставки оборудования и технологий для нефтегазового сектора России, а Baker Hughes, Weatherford, SLB (Schlumberger) и Halliburton объявили о приостановке работы. Французские власти и банки отказались от участия в проекте «Арктик СПГ 2». Южнокорейская верфь Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering (DSME) расторгла контракт на строительство трёх СПГ-танкеров Arc7, а японские и французские компании замораживают инвестиции для проекта.

Тем не менее, ПАО «Новатэк» реализует новые проекты по собственной технологии. В настоящее время в портфель СПГ-технологий Новатэка включены: среднетоннажный «Арктический каскад»¹³; «Полярная звезда»¹⁴, оптимизирующая «Арктический каскад»; крупнотоннажный «Арктический каскад модифицированный»¹⁵; крупнотоннажный «Арктический микс»¹⁶.

Технологии сжижения природного газа «Арктический каскад» и «Арктический каскад модифицированный» могут применяться только в Арктике при низкой среднегодовой температуре воздуха. Новая разработка компании «Арктический микс» мощностью около 6,5 млн т СПГ в год будет реализована на «Мурманском СПГ» и предназначена для работы не только в Арктической зоне, но и в европейской части России. Используя технологию сжижения газа «Арктический каскад», работает четвертая линия «Ямал СПГ» ПАО «Новатэк», и по прогнозам экспертов она может дать 1 млн т СПГ вместо 950 тыс. т¹⁷.

Технология «Арктический каскад модифицированный» мощностью 3 млн т в год планируется к реализации на «Обском СПГ».

В АЗРФ активно реализуется проект Новатэка «Арктик СПГ 2» где на трёх линиях будет производиться до 19,8 млн т СПГ в год с использованием как иностранного, так и отечественного оборудования. ООО «Новатэк-Мурманск» — Центр строительства крупнотоннаж-

¹³ Минигулов Р.М., Руденко С.В., Васин О.Е., Грицишин Д.Н., Соболев Е.И. Способ сжижения природного газа по циклу высокого давления с предохлаждением этаном и переохлаждением азотом «арктический каскад» и установка для его осуществления: Патент RU2645185C1. URL: <https://patents.google.com/patent/RU2645185C1/ru> (дата обращения: 26.11.2023).

¹⁴ Руденко С.В., Нозиков Н.Д., Федосеев П.О. Способ сжижения природного газа «Полярная звезда» и установка для его осуществления: Патент RU2740112C1. URL: <https://patents.google.com/patent/RU2740112C1/ru> (дата обращения: 26.11.2023).

¹⁵ Руденко С.В., Федосеев П.О., Нозиков Н.Д., Трифонова А. Г., Разяпов Т.Э., Цепков А.И., Седавных Д.Н., Радаев И.А. Способ сжижения природного газа «Арктический каскад модифицированный» и установка для его осуществления: Патент RU 2 792 387 C1. URL: <https://patenton.ru/patent/RU2792387C1> (дата обращения: 26.11.2023).

¹⁶ Руденко С.В., Федосеев П.О., Разяпов Т.Э., Цепков А.И., Седавных Д.Н., Трифонова А.Г., Радаев И.А. Способ сжижения природного газа «Арктический микс»: Патент RU2797608C1. URL: <https://patents.google.com/patent/RU2797608C1/ru> (дата обращения: 26.11.2023).

¹⁷ Мерапроект «Ямал СПГ». URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/1/1107/ (дата обращения: 25.10.2023).

ных морских сооружений (ЦСКМС, Мурманская обл., пос. Белокаменка) в июле 2023 г. отправил первую технологическую линию сжижения природного газа завода «Арктик СПГ 2» на гравитационной платформе. В церемонии отправки завода морским путём на месторождение Утреннее принял участие В.В. Путин. В августе СПГ-комплекс был доставлен к ресурсной базе проекта на полуостров Гыдан, специалисты приступили к подключению её к береговой инфраструктуре. Вторая очередь планируется к доставке в 2024 г., третья — в 2026 г.

Сложность проекта состоит в том, что самые перспективные проекты в нефте- и газодобыче в прежние времена создавались под западные стандарты с целью включения в производственный процесс их оборудования [20; 21]. В новой геополитической ситуации многие проекты оказались под угрозой срыва из-за приостановки поставки критически важного оборудования из США и ЕС, в частности, немецкой Linde. Одна из проблем — отсутствие технологий изготовления газовых турбин средней и высокой мощности. Решить вопрос помогла Harbin Guanghai Gas Turbine Co Китайской Народной Республики, с которой ПАО «Новатэк» заключил договор на покупку турбин средней мощности для обеспечения потребностей возводимого «Арктик СПГ 2»; также нашёлся альтернативный вариант по решению вопроса электроснабжения, в частности, рассматривалась турецкая газопоршневая электростанция Karpowership. Перечисленные моменты свидетельствуют о наличии международной кооперации с дружественными странами [22].

При реализации «Арктик СПГ 2» многие решения пришлось менять на ходу, как следствие — удорожание проекта на 17%: первоначальная стоимость проекта составляла 21 млрд долларов США, на текущем этапе — 25 млрд долларов США. По мнению главы ПАО «Новатэк» Леонида Михельсона, на первом этапе стоимость проекта окажется дороже, но так происходит всегда при внедрении новых технологических решений, после того как начнётся серийное производство в заводских условиях отечественного оборудования для сжижения природного газа, оно будет дешевле иностранных аналогов¹⁸.

Тема технологического суверенитета в нефтегазовом и промышленном комплексах страны по созданию полностью отечественных агрегатов, машин, судового комплектующего оборудования (КСО) и других изделий в 2022 г. вышла на первый план. Правительством РФ сформирован перечень проектов, включающих критические направления импортозамещения до 2030 г. По прогнозам, на реализацию 162 проектов планируется финансирование в размере 5,2 трлн рублей: в виде льготных кредитов — 2,3 трлн рублей, вклад инвесторов — 2,9 трлн рублей. В данный перечень больше всего вошло следующих проектов: 54 — химической промышленности; 27 — черной металлургии; 18 — лесопромышленного комплекса; 16 — железнодорожного машиностроения; 12 — фармацевтической промышленности; 8 — автопрома; 6 — сельскохозяйственного машиностроения; 5 — цветной металлургии; 5 — строительно-дорожного машиностроения; по 3 — станкоинструментальной промышленности, тяжёлого машиностроения; 2 — авиапромышленности; 3 — других отраслей.

¹⁸ «Арктик СПГ-2» дорожает. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6068141/> (дата обращения: 26.11.2023).

Оценивая реальные возможности, следует понимать, что быстрого и полного импортозамещения добиться не получится, в частности, по причине того, что в некоторых сферах деятельности придётся начинать с нуля. Следовательно, допустимо воспользоваться одним из процессов проектирования — реверс-инжинирингом¹⁹, когда на базе готового комплекта конструкторской документации необходимо в кратчайшие сроки освоить выпуск аналогов импортируемых агрегатов и узлов для экстренной и / или плановой замены; возможно, создать централизованные структуры для решения этих задач, особенно при наличии госфинансирования.

Для налаживания производства отечественного высокотехнологичного оборудования для нефтегазовой отрасли решаются вопросы по созданию единого банка технологий, национальной нефтесервисной кооперации, изучается возможность создания консорциума российских предприятий и др. Тем не менее, отечественные производители уже сегодня предлагают свои разработки.

КГ «Росатом» создаёт криогенные теплообменники для крупнотоннажного производства (на замену немецких Linde и американских Air Products). Машиностроительный дивизион Росатома — АО «Атоммаш» (АЭМ) является ведущим производителем криогенных насосов для средне- и крупнотоннажного производства СПГ. Разработанный и изготовленный входящим в АЭМ «ОКБМ Африкантов» в 2020 г. был запущен в промышленную эксплуатацию первый в истории российской нефтегазохимии крупнотоннажный насос для перекачивания сжиженного природного газа, используется для отгрузки СПГ на танкеры-газовозы. В настоящее время в АЭМ осуществляются работы по разработке и производству пилотного образца первого российского жидкостного турбодетандера с максимальным использованием отечественных комплектующих, а также ведётся разработка первых отечественных стендеров отгрузки СПГ, поставка пилотного образца стендера для российского СПГ-проекта запланирована на 2024 г. В перспективе — расширение номенклатуры и локализация широкой линейки оборудования для проектов крупнотоннажного производства СПГ, ледоколов на СПГ и танкеров-газовозов, осуществляющих перевозку СПГ²⁰.

АО «Объединённая двигателестроительная корпорация» (ОДК, входит в КГ «Ростех»)²¹ на рыбинском предприятии «ОДК-Газовые турбины» разработало и произвело агрегат ГТА-8 мощностью 8 МВт, который будет использоваться в проекте ПАО «Газпром» на ледостойкой платформе в Карском море для разработки месторождения «Каменномыское море». Четыре агрегата ГТА-8 войдут в состав электростанции ГТЭС-32. В качестве привода в ГТА-8 используется газотурбинный двигатель ГТД-8РМ, изготовленный в ОДК-Сатурн, систе-

¹⁹ Revers-engineering (обратный инжиниринг или обратное проектирование) — процесс разработки конструкторской документации (КД) и / или 3D модели изделия на основе готового образца изделия, то есть КД и / или 3D модель не разрабатывают с нуля, а восстанавливается по готовому изделию.

²⁰ АО «Атоммаш». URL: <https://www.aemtech.ru/> (дата обращения: 25.10.2023).

²¹ АО «Объединённая двигателестроительная корпорация». URL: <https://www.uecrus.com/> (дата обращения: 25.10.2023).

ма автоматизированного управления (АСУ) поставлена компанией Элна (Москва), используется информационное оборудование научно-производственной фирмы «Система Сервис» (Санкт-Петербург).

«ОДК-Сатурн» (входит в ГК «Ростех») в 2023 г. произвела первую в РФ серийную газовую турбину ГТД-110М. Данный высокотехнологичный агрегат по многим параметрам превзошёл зарубежные аналоги и вывел Россию в мировую лигу производителей такого оборудования.

На Ленинградском металлическом заводе (входит в «Силовые машины») создали 155-мегаваттную систему ГТЭ-170 (газовая турбина + генератор) для электроустановок. Проект по производству газовых турбин корпорация «Силовые машины» осуществляет при поддержке Минпромторга России. Общий объём инвестиций более 15 млрд рублей, из них 4,6 млрд рублей — государственные субсидии. Планируемый объём производства — 8 турбин в год к 2025 г. с последующим наращиванием выпуска.

АО «РУМО» (Нижегородский машиностроительный завод) готово к серийному выпуску газопоршневых электростанций мощностью 1 МВт, работающих на природном газе. Данные двигатели АО «РУМО» используются для работы компрессоров, в качестве судового агрегата, привода гребного вала и других областях, объём производства 40–50 двигателей в год, на текущем этапе запускается инвестпроект по расширению мощностей до 100 единиц в год. В числе заказчиков — Объединённая судостроительная корпорация (ОСК), ПАО «Газпром» и др.

АО «Уральская сталь»²² представила инновационные стали, обладающие улучшенными характеристиками и способные вытеснить зарубежные образцы. Одна из областей применения — создание ёмкостей под хранение СПГ.

Компания C3D Labs²³ (входит в АСКОН как дочерняя компания) разработала отечественную программу для проектирования «Компас-3D» — система автоматизированного проектирования (САПР). Программу используют в основном инженеры и проектировщики в тех отраслях, где требуется схематическая визуализация различных объектов — в приборостроении, металлургии, строительстве, добывающих производствах, сельском хозяйстве и т. д. [23; 24]. Разработка потребовала от российских специалистов 17 лет кропотливого труда, но результат того стоит. Именно благодаря ей не требуется большая работа по адаптации сложных программных комплексов под новые операционные системы — достаточно лишь перебирать саму программу WINE@Etersoft, которая обеспечивает эту совместимость.

По мнению Союза нефтегазопромышленников России (СНГПР), действует целый ряд отечественных предприятий, способных выпускать высокотехнологичную продукцию в направлении создания технологического суверенитета: ГОЗ «Обуховский завод», Группа «Генерация», Группа «ГМС», Группа «Уралмаш-Ижора», ЗАО «НПФ ЦКБА», НПО «Винт», ОАО «Баррикады», ОАО «Катанский насосный завод», ОАО «Машпром», ОАО «НИИТФА», ОАО «НИКИМТ-Атомстрой», ОАО «Новая эра», ОАО «Пролетарский завод», ОАО «Силовые машины», ОАО «Технорос», ОАО «Урал-

²² АО «Уральская сталь». URL: <https://uralsteel.com/> (дата обращения: 25.10.2023).

²³ C3D Labs. URL: <https://c3dlabs.com/ru/company/about/> (дата обращения: 25.10.2023).

вагонзавод», ООО «Уралмаш НГО Холдинг», ООО «Электротяжмаш-привод», ФГУП СПО «Аналит-прибор».

Заключение

Арктика — это по большей части российская территория, область сотрудничества, готовая к взаимодействию с другими странами. На арктических территориях успешно реализуются меры государственной поддержки, вводятся новые предприятия — в 2022 г. было введено 56 предприятий, в первом полугодии 2023 г. уже введено 47; реализуется более 700 новых инвестиционных проектов; развивается инфраструктура; создаются условия для жизни людей.

Говоря о стратегических планах развития нефтегазовой отрасли, в частности, «Долгосрочной программе развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации», рассчитанной до 2035 г., можно с уверенностью сказать, что заложена основа последующего развития, а решение поставленных задач — вопрос времени.

Ведущими компаниями энергетической отрасли — ГК «Росатом», ПАО «Новатэк», ПАО «Газпром» и ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром нефть» и др., а также смежными предприятиями ведётся работа по разработке и локализации специального оборудования, создаются отечественные технологии для крупнотоннажного производства СПГ, программы для сегмента разведки и добычи, осуществляются научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки и многое другое. В частности, ПАО «Новатэк» приступил к реализации проекта «Мурманский СПГ», который предусматривает значительное наращивание производства СПГ в Арктической зоне. В рамках стратегии «Новатэка» предусмотрено строительство газопровода «Волхов — Мурманск» мощностью 40 млрд кубометров, который будет питать «Мурманский СПГ». Согласованы и реализуются мероприятия по электроснабжению данного проекта от Кольской АЭС, что является отличительной особенностью в применении электрических приводов технологических компрессоров вместо газотурбинных.

ПАО «Новатэк» планирует использовать собственную технологию сжижения «Арктический микс», мощность одной линии составит порядка 7 млн т в год, локализация проекта — 70–75% отечественного оборудования и комплектующих.

В итоге следует отметить, что Россия запускает мегапроекты, которые в дальнейшем приведут страну к технологическому суверенитету: уже сегодня стартовали 10 мегапроектов по созданию высокотехнологичной продукции, в частности, выпуску лекарств и медицинских изделий, химической, электронной и радиоэлектронной продукции, беспилотных авиасистем, станков, дизельных двигателей, производству сжиженного и природного газа, выпуску судов и самолётов. Общий объём инвестиций в каждый проект составит не менее 10 млрд рублей. В результате сформируется долгосрочный спрос на отечественную продукцию в этих сферах, причём не только промышленных предприятий, но и социально значимых секторов экономики: здравоохранения, топливно-энергетического и транспортного комплексов. Тем не менее, техническая изоляция, по-

пытка делать всё своими силами — это путь в никуда. Россия является частью глобального мира, где развитие невозможно без международных партнёров.

Создаваемый технологический суверенитет страны на базе отечественного научного приборного парка сформирует устойчивый «иммунитет» к геополитическим факторам.

Список источников

1. Жданеев О.В. Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации // Записки Горного института. 2022. Т. 258. С. 1061–1078. DOI: <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.107>
2. Невзорова А.И., Кучеров В.Г. Концепция технологической инновационной системы: основные положения и возможности // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-99-120>
3. Саитова А.А., Ильинский А.А., Фадеев А.М. Сценарии развития нефтегазовых компаний России в условиях международных экономических санкций и декарбонизации энергетики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. Т. 25. № 3. С. 134–143. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.009>
4. Мельников В.П., Осипов В.И., Брушков А.В., Бадина С.В., Великин С.А., Дроздов Д.С., Дубровин В.А., Жданеев О.В., Железняк М.Н., Кузнецов М.Е., Осокин А.Б., Остарков Н.А., Садуртдинов М.Р., Сергеев Д.О., Устинова Е.В., Фёдоров Р.Ю., Фролов К.Н., Чжан Р.В. Снижение устойчивости инфраструктуры ТЭК России в Арктике как следствие повышения среднегодовой температуры приповерхностного слоя криолитозоны // Вестник РАН. 2022. Т. 92. № 4. С. 303–314. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587322040053>
5. Ромашева Н.В., Бабенко М.А., Николайчук Л.А. Устойчивое развитие Арктического региона России: экологические проблемы и пути их решения // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2022. № 10–2. С. 78–87. DOI: https://doi.org/10.25018/0236_1493_2022_102_0_78
6. Вопиловский С.С. Инновационные процессы в энергетической отрасли арктического региона // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 73–88. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.73>
7. Ерохина Е.В., Гаврилова А.С. Реализация политики импортозамещения с учетом угроз энергетической безопасности страны // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3. № 4. С. 519–532. DOI: <https://doi.org/10.18334/ecsec.3.4.110841>
8. Широ А.А., Гусев М.С. Импортозамещение: стратегия и тактика успеха // Эксперт. 2022. № 27. С. 56–59.
9. Вопиловский С.С. Стратегические тренды энергетического развития северных территорий России // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.23>
10. Ершов М.В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23>
11. Клинова М.В. Государство и энергетическая безопасность в мире и Европе как общественное благо // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 110–125. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-110-125>
12. Колпаков А.Ю., Саенко В.В. Анализ зависимости секторов топливно-энергетического комплекса России от импортного оборудования на основе публичных данных // Проблемы прогнозирования. 2023. № 1. С. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-144-155>
13. Жданеев О.В. Оценка уровня локализации продукции при импортозамещении в отраслях ТЭК // Экономика региона. 2022. Т. 18. Вып. 3. С. 770–786. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-11>
14. Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. Научный доклад / Под ред. А.А. Широ. Москва: Арктик Принт, 2022. 296 с. DOI: <https://doi.org/10.47711/sr2-2022>

15. Шпуров И., Трофимова О. Создание ресурсного суверенитета как основа устойчивого развития России до 2050 года // Энергетическая политика. 2022. № 12 (178). С. 12–17. DOI: https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_12178_12
16. Kendall J.J., Marino E.K., Briscoe M.G., Cluck R.E., McLean C.N., Wiese F.K. Research partnerships and policies: a dynamic and evolving nexus. In: Partnerships in Marine Research. 2022. Pp. 183–197. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-90427-8.00011-3>
17. Wiese F.K., Auad G., Marino E.K., Briscoe M.G. Lessons learned from nine partnerships in marine research // Partnerships in Marine Research. 2022. Pp. 167–181. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-90427-8.00010-1>
18. Simensen E.O., Engen O.A., Thune T. The evolving sectoral innovation system for upstream oil and gas in Norway // Petroleum Industry Transformations: Lessons from Norway and Beyond. Routledge, 2018. 17 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315142456-2>
19. Вопиловский С.С. Зарубежные экономические партнёры России в Арктической зоне // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 33–50. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.46.33>
20. Global innovation index 2021: tracking innovation through the covid-19 crisis / Dutta S., Lanvin B., Wunsch-Vincent S., Leon L.R., eds. Geneva: WIPO, 2021. 205 p. DOI: <https://doi.org/10.34667/tind.44315>
21. Xiaoyong Dai, Chapman G. R&D tax incentives and innovation: Examining the role of programme design in China // Technovation. 2021. Vol. 113. Pp. 102419. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102419>
22. Van Oort E., Chen D., Ashok P., Fallah A. Constructing deep closed-loop geothermal wells for globally scalable energy production by leveraging oil and gas ERD and HPHT well construction expertise / SPE/IADC International Drilling Conference and Exhibition, 8–12 March 2021. DOI: <https://doi.org/10.2118/204097-MS>
23. Белоусов Д.Р., Михайленко К.В., Сабельникова Е.М., Солнцев О.Г. Роль цифровизации в целевом сценарии развития экономики России // Проблемы прогнозирования. 2021. № 4. С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-187-53-65>
24. Shah M. Big Data and the Internet of Things / Japkowicz N., Stefanowski J. (eds). Big Data Analysis: New Algorithms for a New Society. Studies in Big Data, vol 16. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-26989-4_9

References

1. Zhdanev O.V. Technological Sovereignty of the Russian Federation Fuel and Energy Complex. *Journal of Mining Institute*, 2022, vol. 258, pp. 1061–1078. DOI: <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.107>
2. Nevzorova A.I., Kutcherov V.G. The Concept of Technological Innovation System: The Basic Principles and Opportunities. *Voprosy Ekonomiki*, 2022, no. 5, pp. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-99-120>
3. Saitova A.A., Ilyinsky A.A., Fadeev A.M. Scenarios for the Development of Oil and Gas Companies in Russia in the Context of International Economic Sanctions and the Decarbonization of the Energy Sector. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2022, vol. 25, no. 3, pp. 134–143. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.009>
4. Melnikov V.P., Osipov V.I., Brushkov A.V., Badina S.V., Velikin S.A., Drozdov D.S., Dubrovin V.A., Zhdanev O.V., Zheleznyak M.N., Kuznetsov M.E., Osokin A.B., Ostarkov N.A., Sadurtdinov M.R., Sergeev D.O., Ustinova E.V., Fedorov R.Yu., Frolov K.N., Chzhan R.V. Decreased Stability of the Infrastructure of Russia's Fuel and Energy Complex in the Arctic Because of the Increased Annual Average Temperature of the Surface Layer of the Cryolithozone. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2022, vol. 92, no. 4, pp. 303–314. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587322040053>
5. Romasheva N.V., Babenko M.A., Nikolaychuk L.A. Sustainable Development of the Russian Arctic Region: Environmental Problems and Ways to Solve Them. *Mining Informational and Analytical Bulletin*, 2022, no. 10–2, pp. 78–87. DOI: https://doi.org/10.25018/0236_1493_2022_102_0_78
6. Vopilovskiy S.S. Innovation Processes in the Energy Sector of the Arctic Region. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 51, pp. 73–88. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.73>

7. Erokhina E.V., Gavrilova A.S. Implementation of Import Substitution Policy Taking into Account Threats to the National Energy Security. *Economic Security*, 2020, vol. 3, no. 4, pp. 519–532. DOI: <https://doi.org/10.18334/ecsec.3.4.110841>
8. Shirov A.A., Gusev M.S. Import Substitution: Strategy and Tactics for Success. *Expert*, 2022, no. 27, pp. 56–59.
9. Vopilovskiy S.S. Strategic Trends in Energy Development of the Northern Territories of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 49, pp. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.23>
10. Ershov M.V. Russian Economy in the Face of New Sanctions Challenges. *Voprosy Ekonomiki*, 2022, no. 12, pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23>
11. Klinova M.V. The State and Energy Security in the World and Europe as a Public Good. *Voprosy Ekonomiki*, 2022, no. 6, pp. 110–125. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-110-125>
12. Kolpakov A.Yu., Saenko V.V. Analysis of Russia's Energy Sector Dependence on Imported Equipment on the Basis of Public Data. *Studies on Russian Economic Development*, 2023, no. 1, pp. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-144-155>
13. Zhdaneev O.V. Assessment of Product Localization during the Import Substitution in the Fuel and Energy Sector. *Economy of Regions*, 2022, vol. 18, iss. 3, pp. 770–786. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-11>
14. Shirov A.A. *Potential Growth Opportunities of the Russian Economy: Analysis and Forecast. Scientific Report*. Moscow, Artik Print Publ., 2022, 296 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47711/sr2-2022>
15. Shpurov I., Trofimova O. Creation of Resource Sovereignty as a Basis for Russia's Sustainable Development until 2050. *Energy Policy*, 2022, no. 12 (178), pp. 12–17. DOI: https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_12178_12
16. Kendall J.J., Marino E.K., Briscoe M.G., Cluck R.E., McLean C.N., Wiese F.K. Research Partnerships and Policies: A Dynamic and Evolving Nexus. In: *Partnerships in Marine Research*, 2022, pp. 183–197. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-90427-8.00011-3>
17. Wiese F.K., Auad G., Marino E.K., Briscoe M.G. Lessons Learned from Nine Partnerships in Marine Research. In: *Partnerships in Marine Research*. 2022, pp. 167–181. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-90427-8.00010-1>
18. Simensen E.O., Engen O.A., Thune T. The Evolving Sectoral Innovation System for Upstream Oil and Gas in Norway. In: *Petroleum Industry Transformations: Lessons from Norway and Beyond*. Routledge, 2018, 17 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315142456-2>
19. Vopilovskiy S.S. Foreign Economic Partners of Russia in the Arctic Zone. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 46, pp. 33–50. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.46.33>
20. Dutta S., Lanvin B., Wunsch-Vincent S., Leon L.R., eds. *Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the Covid-19 Crisis*. Geneva, WIPO, 2021, 205 p. DOI: <https://doi.org/10.34667/tind.44315>
21. Xiaoyong Dai, Chapman G. R&D Tax Incentives and Innovation: Examining the Role of Programme Design in China. *Technovation*, 2021, vol. 113, pp. 102419. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102419>
22. Van Oort E., Chen D., Ashok P., Fallah A. Constructing Deep Closed-Loop Geothermal Wells for Globally Scalable Energy Production by Leveraging Oil and Gas ERD and HPHT Well Construction Expertise. In: *SPE/IADC International Drilling Conference and Exhibition*. DOI: <https://doi.org/10.2118/204097-MS>
23. Belousov D.R., Mikhailenko K.V., Sabelnikova E.M., Solntsev O.G. The Role of Digitalization in the Target Scenario of Russian Economic Development. *Studies on Russian Economic Development*, 2021, no. 4, pp. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-187-53-65>
24. Shah M. Big Data and the Internet of Things. In: *Big Data Analysis: New Algorithms for a New Society. Studies in Big Data*. Vol. 16. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-26989-4_9

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023;
принята к публикации 28.11.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 64–76.
Научная статья
УДК [332.1:316.4](985)(045)
DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.64>

Северо-арктическая специфика предмета экономических исследований (методологические аспекты)

Лаженцев Виталий Николаевич¹✉, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник

¹ Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия

¹ vn1940@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2222-5107>

Аннотация. Северо-арктическая тематика экономических исследований правомерно охватывает широкий круг вопросов. Но автор полагает, что если смотреть на данную тематику с позиций *методологии построения предмета исследования*, то нельзя не заметить первостепенное значение аксиологических и оценочных аспектов изучения Севера. Такого рода приоритет обусловлен возрастающим влиянием природных условий на социально-экономическую деятельность и необходимостью научного объяснения переходов от природного к социальному. Методология же практической деятельности в условиях Севера традиционно отражает трудности выбора способов организации здесь производственной и социальной деятельности. В настоящее время к этому добавляется неоднозначность реакции северных регионов на появление новых обстоятельств, существенно влияющих на национальную экономику, таких как необходимость экстренного обеспечения технологического суверенитета нашей страны и укрепления её военно-промышленного комплекса. Поэтому для Севера России, и особенно для её арктической зоны, становится весьма актуальным метод мобилизационного управления. Научный и практический аспекты методологии северо-арктической деятельности имеют общую методологическую установку: переход от позиции «чем больше, тем лучше» к позиции «хорошее качество важнее большого количества». В Арктике к тому же всё более осознаётся необходимость перехода «от максимально необходимого к реально возможному».

Ключевые слова: методология, экономическая тематика, характеристики Севера, специфика, оценка, адаптация

Благодарности и финансирование

Автор выражает свою признательность кандидату экономических наук Чижовой Людмиле Александровне за предоставленную возможность выступить на научно-методологическом семинаре¹. Доклад и статья составлены в соответствии с темой НИР ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН: «Факторы формирования эффективного пространства социального развития северного региона» (№ гос. регистрации 122011300376-8).

* © Лаженцев В.Н., 2024

Для цитирования: Лаженцев В.Н. Северо-арктическая специфика предмета экономических исследований (методологические аспекты) // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 64–76. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.64>

For citation: Lazhentsev V.N. North-Arctic Specificity of the Subject of Economic Research (Methodological Aspects). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 64–76. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.64>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

¹ Статья написана на основе доклада автора на научно-методологическом семинаре «Исследования социальных и экономических систем» // Институт социально-экономических и биоресурсных исследований ФИЦКИА УрО РАН (г. Архангельск), 9 ноября 2023 г. В докладе учтена также авторская позиция относительно методологии научно-исследовательской работы [1, Лаженцев В.Н., с. 60–64].

North-Arctic Specificity of the Subject of Economic Research (Methodological Aspects)

Vitaliy N. Lazhentsev ¹✉, Dr. Sci. (Geogr.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher

¹ Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russia

¹ vnl1940@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2222-5107>

Abstract. The North-Arctic topic of economic research covers a wide range of issues. The author believes that if we look at this topic from the standpoint of the methodology of constructing the subject of research, we cannot help but notice the growing importance of the axiological and evaluative aspects of studying the North. This kind of priority is conditioned by the increasing influence of natural conditions on socio-economic activity and the need for scientific explanation of transitions from natural to social. The methodology of practical activity in the conditions of the North traditionally reflects the difficulties of choosing the ways of organizing production and social activity here. At present, this is supplemented by the ambiguity of the reaction of the northern regions to the emergence of new circumstances that significantly affect the national economy, such as the need to urgently ensure the technological sovereignty of our country and strengthen its military-industrial complex. Therefore, the method of mobilization management becomes very relevant for the North of Russia, and especially for its Arctic zone. The scientific and practical aspects of the methodology of North-Arctic activities have a common methodological attitude: the transition from the position “the more the better” to the position “good quality is more important than large quantity”. Moreover, in the Arctic, the need for a transition “from the maximum necessary to the realistically possible” is increasingly realized.

Keywords: *methodology, economic topics, characteristics of the North, specifics, assessment, adaptation*

Введение

Автор осознаёт глубину философского объяснения методологии познания, а потому речь ведёт лишь об отдельных её аспектах, чтобы оттенить специфические стороны социально-экономического развития в экстремальных и сложных природно-климатических условиях. Замысел статьи заключается в постановке вопроса о том, что составляет основу северо-арктической тематики экономической науки и какие новые знания при этом можно получить. Ответ содержится в трактовке Севера как объекта исследований, позиционировании научного работника относительно данного объекта, формировании проблемного подхода с учётом характеристик северности, определении предметной сущности научно-исследовательской и народнохозяйственной программ. Познавательная деятельность в данном случае заостряется на особенностях, а также на обстоятельствах, обусловленных разного рода трансформациями политических и экономических отношений. Северные практики приспособления к такого рода переменам заслуживают особого внимания, поскольку существенно влияют на экономическое мышление и подчёркивают необходимость преодоления экономического детерминизма.

Два подхода к формированию северо-арктической тематики

1. Применение уже известных научных результатов в решении конкретных научно-технических и социально-экономических проблем Севера. В данном случае дости-

жения конкретной науки (физики, биологии, экономики и т. д.) целенаправленно примеряются к потребностям северных территорий. Здесь используются методы построения наличного знания.

2. Целенаправленное изучение того, что внутренне свойственно самому Северу.

Речь идёт о получении новых знаний о специфических свойствах и качествах северных природных и хозяйственных объектов и процессов, когда именно они (свойства и качества) влияют на постановку совершенно новых (поисковых) тем, обогащающих содержание той или иной отрасли знаний и науки в целом.

К специфическим характеристикам «северности» отнесены:

- *природные* — климатический дискомфорт, изменение климата (глобальное потепление), недостаток ультрафиолета, полярные дни и ночи, повышенная геомагнитная активность, многолетнемёрзлые грунты (мерзлота), заболоченность, обилие снега, сложная ледовая обстановка, слабый потенциал восстановления биоценозов тундры и тайги;
- *экономико-географические* — транспортная удалённость, очаговая и линейная формы расселения населения и размещения производства, сезонность хозяйственных ритмов, повышенное значение эколого-экономических функций геосистем;
- *экономические* — тип ускоренного воспроизводства основного капитала, высокая роль природно-ресурсной ренты в формировании инвестиций и фондов потребления, относительно высокие удельные производственные и транспортные затраты;
- *социальные* — полиэтничность и этнокультура, специфика образа жизни, особые методы охраны здоровья населения и др.

Перечисленные характеристики Севера являются устойчивыми; они служат основой сравнения северных объектов с аналогичными несеверными. По правилам методологии познания их необходимо причислить к предмету исследования.

Методология познания включает в себя один из важных элементов научной работы, а именно — позиционирование научного работника относительно объекта изучения. Автор полагает, что Север можно рассматривать как:

- **пiazza** получения научных знаний и опыта преодоления трудностей;
- **полигон** испытаний, например, новой техники;
- совокупность **объектов**, ради развития которых генерируются новые знания и технологии;
- совокупность **субъектов**, организующих свою деятельность с учётом сложных условий и обстоятельств [2, Лаженцев В.Н., с. 26–31].

Методологические аспекты

С методологической точки зрения рассмотрим четыре вопроса.

1. При каких условиях исследование экономических проблем может рассматриваться как северо-арктическое? На данный вопрос возможны два ответа:

- *безусловно*, если речь идёт о социальных и хозяйственных процессах на территориях, официально отнесённых к Крайнему Северу и приравнённым к нему местностям;
- *только при условии оценки характеристик «северности»*, которые рассматриваются, с одной стороны, (как уже было сказано) в качестве предмета исследования, с другой — в качестве фактора, существенно влияющего на организацию социальной и хозяйственной деятельности. Например, свойства и качества мерзлоты являются особым предметом криологии (ключевое слово — «*сущность*»); она же (мерзлота) может быть учтена как фактор развития производства и жизнеобеспечения (ключевое слово — «*влияние*»). Экономическая наука в данном случае изучает влияние.

2. Как формируется «проблемное поле» северо-арктической тематики? Оно формируется по принципу «встречного движения (рис. 1)»². В уяснении сути северо-арктических проблем используются и другие методологические приёмы, например, методы экспертного и интерактивного опросов научных и практических работников на заданную тему [4, Лукин Ю.Ф., с. 171–185]. Обратим внимание на суждения экспертов о соотношении Арктики и Крайнего Севера, в которых прослеживается стремление многих научных работников и представителей региональной власти расширить АЗРФ так, что сама «Арктика», как физико-географическая реальность, вытесняется из арктической проблематики. В этой связи заметим, что обозначение территорий высоких широт двумя словами «Арктика» и «Север» не должно создавать ложного понимания их отдельного существования. Север имеет сложную внутреннюю зональную и азональную структуру, в которой в настоящее время актуализирована арктическая зона. Напомним, что *arktikos* в переводе с греческого означает «северный»

→ «Встречное движение» ←				
Характеристики Севера и их влияние на жизнедеятельность и хозяйство		Объекты изучения и управления	Экономическая оценка характеристик и механизм регулирования	
Характеристики	Влияние		Оценка	Механизм
Климатический дискомфорт	Угрозы здоровью человека, дополнительные затраты	↓ Домохозяйство, поселение, предприятия	Географическая и экономическая экспертиза и диагностика норм и нормативов	Компенсация дополнительных затрат, особый режим воспроизводства капитала
Экономическая удалённость	Медленно и дорого. «Время — и деньги!»		Расчёт оборотных средств и транспортных затрат	Создание страховых запасов, участие государства в создании инфраструктуры
Высокий природ-	Жёсткая соподчинён-		Социально-	Методы капитали-

² Идея «встречного движения» принадлежит Т.Е. Дмитриевой (ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН) [3, Дмитриева Т.Е., с. 71–83].

но-ресурсный потенциал	ность жизни населения и регионального управления с природно-ресурсными корпорациями	тие, социальная общность, хозяйств. комплекс район и др.	экономическая оценка природно-ресурсного капитала	зации природных ресурсов, механизм изъятия и распределения природно-ресурсной ренты, контроль государства над корпорациями
Этничность	Угроза разрушения традиционного хозяйства и жизнеобеспечения			Правовая защита и традиционного хозяйства и образа жизни укоренённого населения
				

Рис. 1. Формирование «проблемного поля» северо-арктической тематики социально-экономических исследований.

3. Какие перемены происходят в изучении проблем социально-экономического развития Севера? Непременно актуальной остаётся тематика естественно-исторического формирования и развития северных социумов со своими этническими и духовными характеристиками хозяйственной деятельности. Традиционно присутствует экономический анализ, смысл которого можно обозначить вопросом: «*Что имеем и что надо делать для гармоничного и устойчивого развития северных территорий?*» В ответах на него преобладают суждения о совершенствовании финансово-экономических отношений, конкуренции, норм и правил экономического поведения. Одновременно проявляются попытки совмещения рыночных приоритетов с общественными интересами и научно-техническим прогрессом, когда главным является вопрос «*Как надо делать?*», то есть с ориентацией на совершенствование производственных и социальных технологий, механизмов регулирования хозяйственной деятельности [5, Лаженцев В.Н., с. 35–43] (рис. 2).

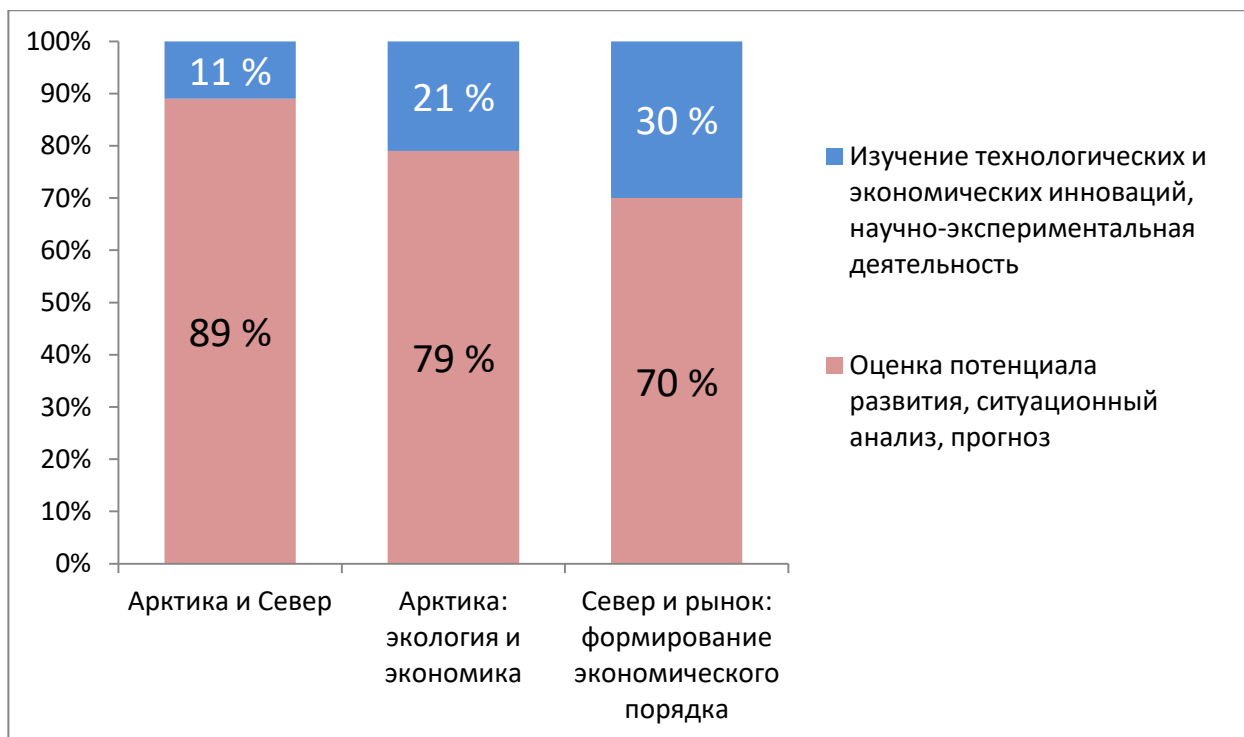

Рис. 2. Два блока публикаций в трёх научных журналах по проблемам Арктики и Севера.

Классические методы структурно-функционального и проблемно-ситуационного анализа экономики как были, так и остаются. Но при этом в изучении северных регионов данные методы непременно должны быть дополнены нормативно-оценочным подходом к организации хозяйственной деятельности и систем жизнеобеспечения с учётом климатических и других условий.

4. Какие теории имеют наиболее существенное значение при разработке научно-исследовательских программ по северо-арктической тематике? К таким теориям мы отнесли (в скобках для ориентации указан автор, труды которого лежат в основе данной теории): философия хозяйства (Ю.М. Осипов); эволюционная теория и совокупность концепций экономической социодинамики, смешанной экономики, социального кластеризма и философии сотрудничества (В.М. Полтерович); теория хозяйственного механизма (Л.И. Абалкин); учение о геосистемах (В.Б. Сочава); теория формирования производственно-территориальных комплексов (Н.Н. Колосовский) и программно-целевых ТПК (М.К. Бандман); географическая экспертология (К.П. Космачев); теория разработки научно-исследовательских программ (Имре Лакатос) (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые методологические положения, наиболее значимые для северо-арктической тематики экономических исследований

Теория	Положение, наиболее значимое для методологии изучения Арктики и Севера
Философия хозяйства	Знания о хозяйствовании тесно связаны с общекультурным и общеприродным знанием
Эволюционная теория и философия сотрудничества	Возрастание роли институтов сотрудничества — естественный результат технологической, культурной и институциональной эволюции
Теория хозяйственного механизма	Хозяйственный механизм — система экономических

низма	отношений и других движущих сил общественного развития
Учение о геосистемах	Не только природа и общество системны «сами по себе», но в единстве они образуют природно-общественные системы различной географической размерности
Теория формирования производственно-территориальных комплексов	Отдельные элементы производства в сочетании становятся локальными технико-экономическими комплексами, а в границах относительно больших территорий (крупных экономических районов) — комплексами производительных сил общества
Теория программно-целевых ТПК	Крупные инвестиционные проекты по формированию на ограниченной территории народнохозяйственных комплексов могут быть реализованы более эффективно на основе программно-целевого планирования
Географическая экспертология	Проверка общих понятий, правил, норм и нормативов на достоверность и соответствие местным особенностям хозяйственной деятельности позволяет существенно сократить меру экономических рисков
Теория разработки научно-исследовательских программ	Программа интегрирует внутренние структурные элементы исследования (аксиомы, гипотезы, теории) на междисциплинарной основе

За скобками указанного в таблице ряда экономических теорий стоят концепции и теории, относящиеся непосредственно к Северу. Их постановка в данной статье автором не предполагалась. Но все же обратим внимание на попытку сформировать такую теорию как новую. Она имеет в своей основе «четыре новых исследовательских приоритета в изучении процесса освоения Севера и Арктики: анализ местного институционального капитала; особое внимание к конфликтам и противоречиям в процессе освоения природных ресурсов территории; внимание к эволюции системы расселения; своеобразие взаимодействия больших и малых форм освоения данной территории» [6, Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н., с. 5]. С точки зрения методологии познавательного процесса данная заявка на новизну должна пройти проверку. На первый взгляд кажется, что с указанными приоритетами нельзя не согласиться. Вместе с тем сами приоритеты обозначены: то как действие исследователя (анализ, внимание), то как свойство изучаемых объектов (своеобразие взаимодействия). Первое относится к методологии деятельности, второе — к теории идеального образа. Методологию (но не теорию) изучения Севера России те же авторы более убедительно представили в виде концептуального багажа отечественной, европейской и североамериканской региональной науки с обозначением особенностей каждого из этих источников [7, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., с. 57–76]. Концептуальный подход к проблемам развития Севера, действительно, многое объясняет, в том числе многообразие мнений по поводу его особенностей [8, Лаженцев В.Н., с. 4–14].

Практические аспекты методологии

1. Что следует из оценки исторического опыта? Следует много чего, но главное заключается в том, что северные территории не только осваивались, но и основательно обживались (обустроивались). Сформировались ареалы устойчивой хозяйственной деятельно-

сти. Именно такие ареалы следует рассматривать как основные объекты экономической науки и региональной политики.

Методологический интерес представляет историческая оценка соотношения государственного и частного капитала, которую по состоянию конца XVIII — начала XIX вв. применительно к северным проектам дал член-корреспондент РАН В.А. Ламин. Он пишет: «Отечественные коммерсанты и предприниматели, первую генерацию которых Пётр I возвращал за счёт государственной казны, и спустя сто лет по-прежнему были государственными пестунами. Вследствие неистребимой жажды жить в роскоши, по-царски, тратя на себя непозволительно большую, губительную для дела долю прибыли, они не располагали сколь-нибудь значительным оборотным капиталом, достаточным для реализации крупных торгово-предпринимательских проектов. Всякий раз, когда возникала необходимость в такого рода средствах, они обращались к государственной казне с бесстыдно протянутой рукой за привилегиями, льготами и прямой финансовой поддержкой» [9, с. 38]. Такая история продолжается и поныне, что особенно ярко проявляется в формировании инвестиций в арктические проекты.

Некоторые исторические уроки имеют явно выраженный методологический характер, например, невыгодно экономить на инфраструктурном обустройстве территорий (*«скупой платит дважды»*).

2. Что следует из оценки исторического опыта изучения проблем Севера в экономических институтах АН СССР? Организация академических научно-исследовательских центров и институтов на Севере России была следствием активного участия Академии наук СССР в научном обосновании рационального размещения производительных сил и создания новых индустриальных баз на периферии нашей страны. Экономистам-исследователям, работающим в северных академических институтах, полезно знать, что когда-то их предшественники непосредственно проводили технико-экономические расчёты по вариантам решения конкретных народнохозяйственных задач. Нет сомнений в том, что предпроектный экономический анализ общественно полезен и соответствуют современным технологиям стратегического планирования.

3. Актуально ли в условиях рыночной экономики анализировать нормы и нормативы хозяйственной и социальной деятельности в условиях Севера? На этот вопрос нет однозначного ответа. Например, коэффициенты удорожания строительно-монтажных работ (СМР) в зонах Севера России были установлены в 1984 г., а их научный анализ был проведён в 1985 г., то есть 38 лет назад [10, Дмитриева Т.Е., с. 14–28]. Методы научной экспертизы коэффициентов СМР и сейчас могли бы служить ориентиром при проектировании и строительстве, как и коэффициенты к нормам продолжительности строительства. Но всё же надо учесть, что организация и технология строительства совершенствуются, поэтому экспертиза строительных норм и правил необходима [11, Варфоломеев Ю.А., Арбузов Ю.А., с. 29–42]. Она актуальна также в вопросе ускоренной амортизации основных фондов; именно климат

определяет скорость износа машин и механизмов, эксплуатируемых на открытом воздухе. Желательно чаще проводить экспертизу тарифов на тепло и электричество и учитывать не только различия в экономико-географическом положении, но и структуру энергоисточников.

По-другому можно оценить ситуацию, связанную с районными коэффициентами и стажевыми надбавками к заработной плате. Их обсуждение идёт по инерции с советских времён, когда стимулирование труда на Севере не представлялось иначе, как через надбавки. В рыночных условиях значение районных коэффициентов и стажевых надбавок сохранилось лишь в бюджетной сфере; в производственной же сфере они носят формальный характер и не влияют на формирование фонда оплаты труда. Другое дело — норма «активированные дни для работающих на открытом воздухе». Например, в Республике Коми учтённые потери рабочего времени в зимний период по факту составляют от 3 до 13%, а по гигиеническим требованиям от 10 до 35%. Такой разрыв требует научной экспертизы и административной проверки (или климат сильно изменился, или норма активирования не соблюдается). То же можно сказать о «физиологических потребностях в энергии и пищевых веществах». Некоторые нормы, как «комплекты утеплённой одежды», «сезонные запасы товаров», «финансирование и кредитование северного завоза», находятся в основном в ведении фирменного управления. Если фирма сочтёт необходимой экспертизу производственных и социальных норм своей деятельности, то она может её организовать за свой счёт.

Особый разговор об арктических нормах: надо ли их устанавливать, чтобы отличить Арктику от других территорий Крайнего Севера? Могут ли, например, территории Архангельской области (города Архангельск и Новодвинск; Онежский и Приморский муниципальные районы), отнесённые к АЗРФ, претендовать на дополнительные арктические надбавки, если они даже не включены в список районов Крайнего Севера?

Обратим внимание на ещё один методологический аспект: *нормативные показатели являются своего рода индикаторами, отражающими экономическую суть «северности» тех или иных процессов*. Так, пространство может быть измерено показателями «товары в пути», «скорость оборота средств», «транспортные затраты» и отображено на карте изохронами и изокостами.

4. Что означает мобилизационная экономика применительно к Северу? Проблематика мобилизационной экономики стала реакцией на происходящие перемены в мироустройстве, появление больших угроз национальной экономике, локальные военные конфликты. Ситуация весьма сложная, но она не служит причиной для радикальных политико-экономических преобразований в нашей стране. Конструктивное её разрешение может быть осуществлено с помощью народнохозяйственных программ, устраняющих ущербное положение России на рынке высоких технологий и скрепляющих внутрироссийское рыночное пространство.

Автор полагает, что в регионах Севера России с помощью методов мобилизационной экономики целесообразно решить четыре проблемы:

- дефицита в некоторых видах цветных и редких металлов ради технологического суверенитета РФ;

- обеспечения биоресурсного и экономического равновесия в оленеводстве;
- восстановления земледелия в таёжной зоне;
- реального и качественного исполнения программы переселения части населения из районов Крайнего Севера.

Авторская позиция в методологической связке «Север — исследователь Севера»

Каждый исследователь стремится показать своё положительное отношение к Северу, достоверно определить факторы и условия его социально-экономического развития. Именно *отношение* во многом предопределяет методологию исследовательского процесса. Если позиционировать авторские работы в методологической связке «Север — исследователь Севера» в отмеченной в начале статьи последовательности (платцдарм, полигон, объект, субъект), то получится, что для автора Север является, прежде всего, *платцдармом для изучения проблем территориального развития*³, когда проблемность выявляется в рамках методологии экономической географии.

К экономико-географическим основаниям развития Севера отнесены:

- воспроизводство человеческого и природно-ресурсного потенциалов в границах территориально-хозяйственных систем;
- приоритет обустройства уже освоенных территорий с историко-культурными очагами относительно устойчивой жизнедеятельности;
- активное участие северных хозяйств в скреплении рыночного пространства России путём включения природных ресурсов в технологические комплексы российской обрабатывающей промышленности.

Экономико-географическая методология нашла своё отражение в типологии территориально-хозяйственных систем Севера и определении проблем развития каждого типа системы. Вместе с тем сделан вывод о том, что *природно-экономические зоны (Арктика, Дальний Север, Ближний Север) не являются экономическими системами*. По нашему мнению, системность «северов» наиболее чётко проявляется в локальных хозяйственных образованиях и в их месте и роли в составе меридиональных структур — районов областного (краевого, республиканского) ранга и крупных экономических районов. Такое суждение не исключает общих для северных зон системных решений и модельных подходов к разработке и обоснованию управленческих решений [12, Чижова Л.А., Тутыгин А.Г., с. 209–214].

³ Автор попытался обосновать смысл научных понятий: «*территориально-хозяйственная система*» — совокупность распорядительных центров и их ресурсов, объединённых общими интересами местоположения и совместной деятельности по созданию благоприятных условий жизни населения; «*территориальное развитие*» — процесс сбалансированного и эффективного использования и воспроизводства природных, материально-технических и социальных ресурсов в границах локальных и региональных хозяйственных систем; «*территориальное хозяйствование*» — деятельность органов местного самоуправления и региональной государственной власти по поводу формирования и рационального использования личной, муниципальной и субфедеральной собственности с выгодой для общества в целом.

Встречное движение			
Предмет изучения	Объект	Стадии познания	Действия исследователя
Локальное освоение	Северные ТХС	Наблюдение	Удивление и сомнения
Адаптированное (северное) обустройство		Научное объяснение	Формулировка идеи и формирование «проблемного поля»
Оптимальное функционирование		Проектирование	Составление программ и проектов
Диалектика долгосрочного развития		Использование научного результата	Разработка способов «внедрения»

Рис. 3. Методологический подход к изучению северных территориально-хозяйственных систем.

Среди представленных на рис. 3 процедур познания ключевую позицию занимает «научное объяснение» хотя бы потому, что понять существующую в экономике реальность гораздо сложнее, чем разработать прогноз или проект будущего. Научное объяснение опирается на понимание смысла происходящего и на возможность его интерпретации с учётом причинно-следственных связей. Экономическая же реальность окружена стеной коммерческой и государственной тайны, существенно затрудняющей анализ отклонений существующих пропорций воспроизводства от оптимальных. Не меньшим препятствием является чрезмерное увлечение статистическими показателями: они нередко определяют структуру научных текстов, то есть описывается то, что доступно из статистических справочников. Вместе с тем возникает опасность ложной ориентации статистических показателей без дополнительной проверки их достоверности; они что-то показывают, но не то, что требуется для научного объяснения.

Экономико-географический подход к изучению Севера в какой-то мере позволил уяснить сущность *междисциплинарности*. Она заключается в сопряжении основных понятий каждой научной дисциплины, включённой в соответствующий исследовательский проект, и целенаправленное использование разнообразных аналитических методов. В изучении экономики регионов Севера междисциплинарный синтез касается методологии и результатов физической и социально-экономической географии, статистики, региональной экономики, социологии и истории. Если принять во внимание наш акцент на характеристиках «северности», то к перечисленному следует добавить медицинскую географию и экономическую климатологию. Как показала И.И. Матвиенко [13, с. 153–166], вновь особую актуальность приобрела охрана здоровья малочисленных народов. Конечно, надо заботиться о здоровье всех северян, что и является одним из предметов исследования в рамках экономической климатологии. Данная наука к тому же становится крайне необходимой для оценки условий функционирования материально-технических комплексов [14, Порфирьев Б.Н., Елисеев Д.О., с. 30–43].

Заключение

Суть рассмотренных методологических аспектов северо-арктической экономической тематики заключается в: 1) способах оценки *влияния* характеристик «северности» на организацию хозяйственной деятельности; 2) организации хозяйственной деятельности в соответствии с научными рекомендациями по поводу того, *как надо делать*, то есть с ориентацией на совершенствование производственных и социальных технологий, экономических механизмов адаптации к условиям Севера. Результативность методологии повышается, если организация научно-исследовательской работы и организация практической работы дополняют друг друга. Это достигается *единством предметной сущности научно-исследовательских программ и программ решения народнохозяйственных проблем*. Такое единство не образуется автоматически. Поэтому время от времени необходимо проводить комплексную экспертизу научных теорий и гипотез, норм и нормативов практической деятельности на предмет их соответствия существующей реальности. Это особенно важно, поскольку опыт изучения регионов Севера показывает наличие предпосылок для существенной перестройки экономического мышления и социально-экономической политики именно под влиянием местных практик.

Список источников

1. Лаженцев В.Н. О методологии научно-исследовательской работы (рекомендации молодым) // Проблемы развития территории. 2007. № 2 (37). С. 60–64.
2. Лаженцев В.Н. Проблемы Севера — специфика предмета научных исследований // Экономика региона. Тематическое приложение к № 2 (10). 2007. С. 26–31.
3. Дмитриева Т.Е. Геоэкспертологический подход к анализу «северных» нормативов / Экстремальные районы СССР и зарубежных стран: хозяйственное освоение и структурные сдвиги. Москва; Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР. 1991. С. 71–83.
4. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика и Арктическая зона // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.23.171>
5. Лаженцев В.Н. О тематике научных работ по вопросам экономического развития Севера России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 35–43. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.002>
6. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
7. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.34.57>
8. Лаженцев В.Н. Концепции и реальность социально-экономического развития северных территорий России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 5. С. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.4-14>
9. Траектории проектов в высоких широтах / Под ред. Ю.В. Неелова, А.В. Артеева, В.А. Ламина, С.Е. Алексеева, В.Ю. Малова. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.
10. Дмитриева Т.Е. Вопросы географической экспертизы нормативной базы хозяйственного освоения территории // Природа и региональная экономика. Тр. Коми фил. АН СССР. 1985. Вып. 70. С. 14–28.
11. Варфоломеев Ю.А., Арбузов Ю.А. Анализ практического опыта ценообразования и сметного нормирования в строительстве на территории Арктической зоны России // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 25–42. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.22.25>
12. Чижова Л.А., Тутыгин А.Г. Концептуальная основа управления сбалансированным развитием территорий Арктической зоны Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2021. № 12. С. 209–214. DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43178>

13. Матвиенко И.И. Современные проблемы коренных малочисленных народов российской Арктики в условиях климатических изменений // *Арктика и Север*. 2023. № 52. С. 153–166. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.52.153>
14. Порфирьев Б.Н., Елисеев Д.О. Интегральный подход к экономической оценке последствий деградации многолетней мерзлоты для устойчивости основных фондов в Российской Арктике // *Проблемы прогнозирования*. 2023. № 2 (197). С. 30–43. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-30-43>

References

1. Lazhentsev V.N. On Research Methodology (Recommendations for Youth). *Problems of Territory's Development*, 2007, no. 2 (37), pp. 60–64.
2. Lazhentsev V.N. Problems of the North — the Specifics on the Subject of Scientific Experimentations. *Economy of Regions*, 2007, no. 2 (10), pp. 26–31.
3. Dmitrieva T.E. Geoexpertological Approach to the Analysis of “Northern” Standards. In: *Extreme Regions of the USSR and Foreign Countries: Economic Development and Structural Shifts*. Moscow, Syktyvkar, KSC UB AS USSR Publ., 1991, pp. 71–83. (In Russ.)
4. Lukin Yu.F. Russian Arctic or the Arctic Zone. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 23, pp. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.23.171>
5. Lazhentsev V.N. Economic Development Issues in the North of Russia: Research Topics. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2023, no. 1, pp. 35–43. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.002>
6. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. The New Theory of the Arctic and Northern Development: Multi-Scale Interdisciplinary Synthesis. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
7. Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. Development of the North 2.0: Challenges of Making a New Theory. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 57–76. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.34.57>
8. Lazhentsev V.N. Concepts and Reality of Socio-Economic Development of the Northern Territories of Russia. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2018, no. 5, pp. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.4-14>
9. Neelova Yu.V., Arteeva A.V., Lamina V.A., Alekseeva S.E., Malova V.Yu., eds. *Trajectories of Projects in High Latitudes*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 440 p. (In Russ.)
10. Dmitrieva T.E. Issues of Geographical Expertise of the Regulatory Framework for the Economic Development of the Territory. In: *Nature and Regional Economy*. KSC UB AS USSR Publ., 1985, iss. 70, pp. 14–28. (In Russ.)
11. Varfolomeev Yu.A., Arbuzov Yu.A. Analysis of Pricing and Budget Normalization for Construction Projects on the Territory of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 22, pp. 25–42. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.22.25>
12. Chizhova L.A., Tutygin A.G. Conceptual Framework for the Management of Balanced Development of the Russian Arctic Zone Territories. *Fundamental research*, 2021, no. 12, pp. 209–214. DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43178>
13. Matvienko I.I. Current Problems of Indigenous Minorities of the Russian Arctic in the Context of Climate Change. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 52, pp. 153–166. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.52.153>
14. Porfiriev B.N., Eliseev D.O. An Integrated Approach to the Economic Assessment of the Permafrost Degradation Effects on Resilience of the Fixed Assets in the Russian Arctic. *Studies on Russian Economic Development*, 2023, no. 2 (197), pp. 30–43. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-30-43>

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 14.11.2023;
принята к публикации 16.11.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 77–91.

Научная статья

УДК [331.5:311](470.11)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.77>

Статистический анализ рабочей силы в Архангельской области

Абдуллаев Эльвин Ахмед оглы ^{1✉}, студент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ abdullaev.e.a@outlook.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8384-2013>

Аннотация. Рабочая сила является ключевым фактором экономического роста и производительности труда. Чем больше рабочей силы, тем больше может быть создано производства, торговли и услуг. Кроме того, качество и эффективность рабочей силы напрямую влияют на уровень производительности и конкурентоспособности региона и государств. Несмотря на то, что рабочая сила является ключевым ресурсом, управление ею может оказаться непростой задачей. Одной из главных задач в управлении рабочей силой является удержание высококвалифицированных сотрудников, поскольку рынок труда постоянно претерпевает изменения и открывает новые возможности. Данная статья посвящена изучению рабочей силы в Архангельской области, что имеет большое значение для понимания текущей ситуации региона и определения направлений развития. Объектом исследования выступает рабочая сила в указанной территории, а предметом — её сущность, состояние, структура и движение. В ходе проводимого исследования были поставлены следующие цели: определение факторов, влияющих на качество рабочей силы, анализ динамики и структуры рабочей силы, изучение уровня занятости и безработицы, выявление влияния рабочей силы на экономические показатели региона. Методологической базой исследования являются общенаучные статистические методы анализа данных: абсолютные и относительные статистические показатели, ряды динамики, корреляционно-регрессионный анализ. Основной вывод статьи заключается в том, что в Архангельской области наблюдается снижение численности рабочей силы, но баланс между долями мужчин и женщин в ней сохраняется. Проблема безработицы в рассматриваемый период становится более актуальной для женщин, чем для мужчин. Эти изменения отражают необходимость принятия ключевых мер, которые будут стимулировать не только экономическое развитие, но и создание хороших условий труда.

Ключевые слова: рабочая сила, занятые, безработные, экономика, динамика, анализ

Statistical Analysis of the Labor Force of the Arkhangelsk Oblast

Elvin Akhmed oglu Abdullaev ^{1✉}, student

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ abdullaev.e.a@outlook.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8384-2013>

* © Абдуллаев Э.А., 2024

Для цитирования: Абдуллаев Э.А. Статистический анализ рабочей силы в Архангельской области // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 77–91. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.77>

For citation: Abdullaev E.A. Statistical Analysis of the Labor Force of the Arkhangelsk Oblast. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 77–91. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.77>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Abstract. Labor force is a key driver of economic growth and productivity. The more labor force, the more production, trade and services can be created. In addition, the quality and efficiency of the labor force directly affects the level of productivity and competitiveness of the region and countries. Although the workforce is a key resource, managing it can be challenging. One of the main challenges in workforce management is retaining highly qualified employees, as the labor market is constantly changing and opening up new opportunities. This article is devoted to the study of the labor force in the Arkhangelsk Oblast, which is of great importance for understanding the current situation of the region and determining directions for development. The object of the study is the labor force in the specified territory, and the subject is its essence, state, structure and movement. In the course of the study, the following goals were set: determining factors affecting the quality of the labor force, analyzing the dynamics and structure of the labor force, studying the level of employment and unemployment, identifying the impact of the labor force on the economic indicators of the region. The methodological basis of the study is general scientific statistical methods of data analysis: absolute and relative statistical indicators, series of dynamics, correlation and regression analysis. The main conclusion of the article is that the labor force of the Arkhangelsk Oblast is steadily declining, but the balance between the share of men and women in it is preserved. However, the problem of unemployment during the period under review becomes more relevant for women than for men. These changes reflect the need for key measures that will stimulate not only economic development, but also the creation of favorable working conditions.

Keywords: *labor force, employed, unemployed, economy, dynamics, analysis*

Введение

Термин «рабочая сила» относится к людям, которые готовы предоставить свою работу в обмен на заработную плату. Этот термин имеет глубокие корни как в экономической теории, так и в практике управления ресурсами. В отличие от более современных терминов, таких как «экономически активное население» или «трудовой ресурс», «рабочая сила» имеет более конкретную и узкую спецификацию. Она ориентирована конкретно на людей, которые могут быть непосредственно вовлечены в производственный процесс или оказание услуг, создавая материальную и нематериальную ценность для экономики [1].

Новизна данного исследования заключается в статистическом анализе рабочей силы Архангельской области. Автор подчёркивает важность рабочей силы и анализирует её воздействие на уровень производительности и конкурентоспособности региона. Исследование было призвано определить факторы, влияющие на её качество, динамику и структуру, а также оценить влияние рабочей силы на экономические показатели региона.

Предметом исследования является сокращение рабочей силы, которое считается крупнейшей экономической проблемой в Архангельской области. Последствия её могут влиять на региональный рост, производительность и конкурентоспособность. Правильное планирование образования, инфраструктуры и инвестиций не только способствует развитию стабильности за счёт создания хороших рабочих мест, но также повышает навыки работников и привлекает инвестиции. Цель исследования — анализ современного состояния рынка труда в Архангельской области, определение факторов, влияющих на качество рабочей силы, а также принятие мер по разработке программ, которые укрепляют местную экономику путём содействия росту и мотивации работников.

Автор проводит комплексный статистический анализ с использованием абсолютных и относительных показателей занятости и безработицы, а также корреляционный и регресси-

онный метод для оценки влияния на региональные экономические факторы. Проблемы рабочей силы также привлекли внимание учёных из самых разных дисциплин, включая экономику, социологию и демографию — это отражается в разнообразии их подходов и методологий. Исследования направлены на проведение комплексного анализа рабочей силы, включая её качество, структуру, динамику, а также на изучение взаимосвязи между показателями. Например, М.А. Какушкина [1] акцентирует внимание на трактовке экономической категории «рабочая сила», подчёркивая её роль в процессе производства и создании материальных и нематериальных ценностей в экономике. Е.Ю. Сапожникова [2] считает, что образование является ключевым компонентом качества труда, и выделяет необходимость улучшения образования и профессиональной подготовки. В своих исследованиях Л.А. Давлетшин [3] и его коллеги статистически оценили влияние социально-экономических факторов на рабочую силу и определили ключевые направления повышения её эффективности. В конечном итоге комплексное изучение и решение этих проблем важно для сохранения и улучшения конкурентоспособности области.

Факторы, влияющие на качество рабочей силы

Качество рабочей силы является одним из важнейших факторов развития любой территории. В современном мире, где конкуренция на рынке труда растёт, обеспечение качественной рабочей силой становится необходимостью для устойчивого развития региона.

Одним из ключевых факторов, влияющих на качество рабочей силы, является уровень образования и профессиональной подготовки сотрудников [2]. Архангельская область имеет развитую систему образования, включающую высшие учебные заведения, колледжи и профессионально-технические училища. Качественное образование и специализированная подготовка позволяют готовить высококвалифицированных специалистов в различных отраслях экономики. Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова предлагает образовательные программы, адаптированные к специфике региона, например, лесное хозяйство, экология и охрана окружающей среды в арктической зоне, управление природными ресурсами в условиях сурового климата, а также программы по изучению и сохранению культурного наследия коренных народов Севера.

Инфраструктура и доступность ресурсов также оказывают влияние на качество рабочей силы. Наличие современных производственных мощностей, автомобильных дорог, коммуникаций и другой инфраструктуры способствует развитию бизнеса и привлечению высококвалифицированных специалистов. В Архангельске действуют промышленные технопарки, которые создают благоприятные условия для развития инноваций и привлечения квалифицированных специалистов.

Демографическая ситуация и доступность трудовых ресурсов тоже имеют огромное влияние на качество рабочей силы. Например, присутствие молодого и активного населения может способствовать повышению мобильности и готовности осваивать новые навыки. В

Архангельской области доля молодёжи составляет значительную часть населения, что создаёт потенциал для формирования высококвалифицированной рабочей силы.

Важным аспектом, влияющим на качество рабочей силы, также является уровень заработной платы и социальных гарантий [3]. Справедливая и высокая заработная плата, а также наличие социального обеспечения и защита прав работников способствуют удовлетворённости и мотивации сотрудников, что, в свою очередь, влияет на их мотивацию, профессиональную деятельность и результативность. Качественная рабочая сила играет ключевую роль в устойчивом развитии, поэтому категорически важно развивать эти аспекты. Рабочая сила является фундаментом экономического роста. Квалифицированные и мотивированные сотрудники могут повысить производительность и эффективность процессов на предприятиях. Высокий уровень профессионализма и мастерства работников помогает совершенствовать технологии, а также разрабатывать и внедрять более инновационные подходы к работе.

Обобщив всё высказанное, важно отметить, что в контексте дискуссии о сокращении рабочей силы в той или иной отрасли предложения по повышению уровня образования, квалификации и заработной платы работников могут быть оправданы по нескольким причинам.

Во-первых, развитие образования и улучшение навыков работников может помочь им адаптироваться к меняющимся требованиям рынка труда. Это особенно важно в ситуации, когда некоторые рабочие места могут исчезнуть из-за автоматизации. Наличие более высокого уровня образования может помочь работникам переквалифицироваться и найти новые возможности трудоустройства.

Во-вторых, заработная плата может стать стимулом для удержания опытных и квалифицированных работников в отрасли [4]. Это поможет предотвратить утечку кадров и сохранить накопленные знания и опыт, что важно для поддержания стабильности и развития отрасли.

Даже несмотря на обсуждение сокращения рабочей силы в статье, улучшение образования, квалификации и заработной платы работников можно рассматривать как важные шаги для поддержания и развития отрасли в условиях перемен.

Уровень участия населения в составе рабочей силы

Уровень участия в рабочей силе является показателем численности населения трудоспособного возраста, которое либо занято, либо активно ищет работу. Показатель рассчитывается как отношение рабочей силы к общей численности населения соответствующего возраста¹. Чем выше процент участия, тем лучше экономика.

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 15.12.2023).

Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы является важным инструментом оценки рынка труда и состояния экономики страны. Он позволяет получить более полную картину безработицы, принимая во внимание как людей, которые активно ищут работу и не могут её найти, так и людей, которые могли бы работать, но по разным причинам не ищут работу. Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы рассчитывается как суммирование потенциальной рабочей силы, занятых и безработных.

Анализ рабочей силы Архангельской области

Проанализируем динамику состава и численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет по Архангельской области, включая Ненецкий автономный округ за период с 2000 по 2022 гг.

² Динамика численности рабочей силы, занятых и безработных наглядно показана на рис. 1:

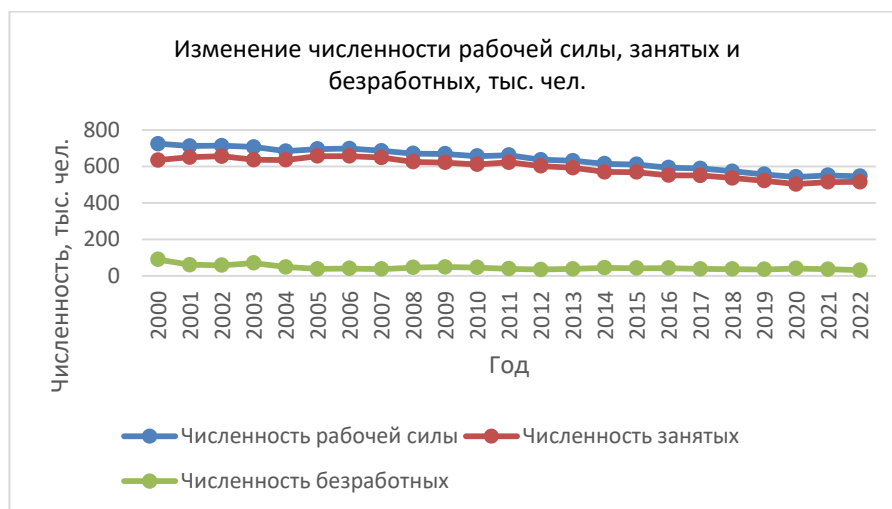

Рис. 1. Изменение численности рабочей силы.

Примеры расчётов:

- ΔP_c (изменение рабочей силы) = $546,3 - 724,2 = 177,9$ тыс. — важно отметить, что за рассматриваемый период численность рабочей силы в Архангельской области сократилась на 177,9 тыс. человек, что составляет 24,5% от численности рабочей силы в 2000 г. Однако с 2020 по 2021 гг. произошло незначительное увеличение численности рабочей силы на 8,2 тыс. человек.
- ΔZ (динамика занятых) = $515,6 - 634,4 = 118,8$ тыс. — численность занятых с 2000 по 2022 гг. также сократилась на 118,8 тыс. человек, что составляет около 18,7% от численности занятых в 2000 г. Но в последние годы наблюдается некоторый рост занятости, особенно с 2020 по 2022 гг., когда число занятых увеличилось на 13 тыс. человек.
- ΔB (изменение безработных) = $30,7 - 89,8 = 59,1$ тыс. — за весь рассматриваемый период численность безработных сократилась на 59,1 тыс. человек, или на 65,8%.

² Рабочая сила и лица, не входящие в состав рабочей силы, в возрасте 15–72 лет / Федеральная служба государственной статистики. URL: PC2000-2023_AO.xls (дата обращения: 15.01.2024).

Таким образом, можно отметить, что в Архангельской области наблюдается сокращение численности рабочей силы, в том числе и занятых, но в последние годы наблюдается некоторый рост. В то же время число безработных сокращается, но в последние годы этот процесс немного замедлился.

Так как до 2017 г. исследования проводились в отношении лиц в возрасте 15–72 лет, а в январе 2017 г. была введена новая концепция для лиц в возрасте от 15 лет и старше и введено понятие «концепция потенциальной рабочей силы», то для дальнейшего анализа рабочей силы в статье берутся лица в возрасте от 15 лет и старше с 2017 по 2022 гг.

Из представленных данных о численности рабочей силы (от 15 лет и старше)³ в Архангельской области можно сделать следующие выводы:

- общая численность рабочей силы сокращалась в течение шести лет, но после падения в 2020 г. она немного увеличилась в 2021 г. Тенденция к снижению численности рабочей силы является фактором не только последних лет, она наблюдается уже на протяжении последних 23 лет (рис. 1);
- снижение численности занятых за рассматриваемый период свидетельствует о том, что ситуация на рынке труда в Архангельской области была нестабильной. Число безработных имеет незначительную тенденцию к снижению, но в 2020 г. произошёл рост, который уменьшился в последующие годы;
- количество лиц, не входящих в рабочую силу, увеличивалось на протяжении шести лет, что может свидетельствовать о недостатке рабочих мест и перспектив для людей, которые хотят работать. Численность потенциальной рабочей силы в целом также сократилась, но незначительно, что может быть связано с тем, что люди перешли на другие виды занятости или нашли работу в других регионах.

Далее проанализируем уровни участия населения в составе рабочей силы, а также выявим уровни занятости, безработицы и совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы.

Таблица 1

Распределение уровня участия населения, %

Показатель	Уровень участия в рабочей силе	Уровень занятости	Уровень безработицы	Совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы
2017	61,0	57,1	6,4	9,1
2018	60,1	56,2	6,4	8,8
2019	58,9	55,2	6,3	9,6
2020	58,0	53,7	7,4	10,7
2021	59,0	55,1	6,6	9,6
2022	58,9	55,5	5,6	8,1

³ Статистический ежегодник Архангельской области / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://29.rosstat.gov.ru/publication_arh (дата обращения: 15.01.2024).

Примеры расчётов:

- $U_p = \frac{547,3}{547,3 + 382,6} * 100 = 58,9\%$ — уровень участия в рабочей силе за 2022 г. в Архангельской области составил 58,9%.
- $U_z = \frac{515,7}{552,3 + 383,4} * 100 = 55,1\%$ — уровень занятости за 2021 г. в Архангельской области составил 55,1%.
- $U_6 = \frac{40,3}{544,8} * 100 = 7,4\%$ — уровень безработицы за 2020 г. в Архангельской области составил 7,4 %.
- $U_{6п} = \frac{34,9 + 20,6}{558,2 + 20,6} * 100 = 9,6\%$ — совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы за 2019 г. в Архангельской области составил 9,6%.

По расчётам можно сделать вывод, что за рассматриваемый период самый низкий процент участия в рабочей силе и уровень занятости — в 2020 г., в этом же году наблюдается самый высокий процент уровня безработицы. Это может быть связано со многими факторами, в том числе с пандемией COVID-19, которая привела к ограничениям в различных отраслях экономики и существенно повлияла на рынок труда. Ограничения на передвижение и социальное дистанцирование привели к закрытию многих предприятий, что вызвало резкое сокращение рабочих мест. В результате уровень занятости и участия в рабочей силе снизился, а уровень безработицы вырос.

Далее определяем уровень участия в рабочей силе, а также уровень занятости и безработицы отдельно по полу ⁴.

Из приведённых данных можно сделать следующие выводы:

- за весь период уровень участия мужчин в рабочей силе выше, чем женщин. Уровень участия мужчин в рабочей силе снизился на 2,1%, а женщин на 2,3% с 2017 г.;
- уровень безработицы среди мужчин в целом снизился за рассматриваемый период, но имеются колебания в зависимости от года. Уровень безработицы среди мужчин выше, чем среди женщин, но разница постепенно сокращается. Уровень безработицы среди женщин за рассматриваемый период увеличился на 0,6%;
- совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы также демонстрирует некоторые различия между группами. Самый высокий показатель наблюдается среди женщин в 2020 г., что может быть связано с пандемией COVID-19 и её влиянием на рынок труда.

Подводя итог, можно сделать вывод, что рынок труда подвержен изменениям, и необходимы дополнительные усилия для создания условий, обеспечивающих устойчивый

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 05.02.2024).

рост занятости и снижение безработицы. Уровень занятости и безработицы находятся в обратной зависимости друг от друга, что является естественным явлением на рынке труда.

В табл. 2 показано процентное соотношение мужчин и женщин в составе рабочей силы в возрасте от 15 лет и старше. Эти данные дают информацию о тенденциях рыночной экономики за текущий период и позволяют взглянуть на изменения в участии мужчин и женщин в экономике, а также в уровне их безработицы.

Таблица 2

Соотношение мужчин и женщин в составе рабочей силы, %

Показатель	Рабочая сила		В том числе			
	Мужчины	Женщины	Занятые		Безработные	
			Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
2017	51,6	48,4	51,2	48,8	57,4	42,6
2018	50,5	49,5	50,8	49,2	46,9	53,1
2019	51,8	48,2	51,4	48,6	57,6	42,4
2020	52,0	48,0	52,2	47,8	48,6	51,4
2021	50,9	49,1	50,6	49,4	54,5	45,5
2022	51,9	48,1	52,3	47,7	45,8	54,2

Анализируя данные о соотношении численности мужчин и женщин в составе рабочей силы, можно сделать следующие выводы:

- в период с 2017 по 2022 гг. доля мужчин и женщин в составе рабочей силы колеблется, но в целом сохраняется относительная равномерность. В течение всего периода доля мужчин в рабочей силе была выше, чем доля женщин. Однако эта разница оказалась относительно небольшой и составляла примерно 1–3,9 процентных пункта. За рассматриваемый период доля мужчин в рабочей силе увеличилась на 0,3 процентных пункта, а доля женщин снизилась на 0,3 процентных пункта;
- в течение рассматриваемого периода как среди мужчин, так и среди женщин, занятых в рабочей силе, доля мужчин всегда превышала долю женщин. Разница между полами в сфере занятости также невелика. За весь период доля занятых мужчин увеличилась, в то время как доля женщин, наоборот, снизилась на 0,3 процентных пункта;
- сравнивая данные о безработных мужчинах и женщинах, можно увидеть, что в отдельные годы доля безработных женщин была выше, чем доля безработных мужчин. В результате за рассматриваемый период доля безработных мужчин уменьшилась на 11,6 процентных пункта, а доля женщин увеличилась на 11,6 процентных пункта.

Таким образом, анализируя представленные данные, можно обобщить, что для мужчин и женщин в составе рабочей силы характерна относительная стабильность в течение ис-

следуемого периода. Однако существуют некоторые колебания в соотношении полов в категориях занятых и безработных.

Далее разберём темп динамики рабочей силы в разбивке по половой принадлежности за весь исследуемый период, которая показана в табл. 3. Анализ этих данных позволит нам более полно оценить изменения в рабочей силе, занятости и безработице среди мужчин и женщин.

Таблица 3

Темп динамики рабочей силы по половому признаку и занятости, %

Показатель	Рабочая сила		В том числе			
	Мужчины	Женщины	Занятые		Безработные	
			Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Темп динамики (Т)	93,33	92,13	95,54	91,47	64,68	103,09

Из представленной таблицы можно сделать следующие выводы:

- численность мужчин в рабочей силе в 2022 г. составила 93,33% от уровня 2017 г., а доля женщин составила 92,13%. Это означает, что число мужчин в рабочей силе сократилось на 6,67%, а женщин — на 7,87%.
- численность занятых мужчин за весь период снизилась на 4,46%, а занятых женщин на 8,53%.
- показатель динамики численности безработных мужчин за рассматриваемый период составил 64,68%, а безработных женщин — 103,09%. Это свидетельствует о динамике снижения безработицы среди мужчин и положительной динамике роста безработицы среди женщин. Вполне возможно, что в этот период женщины сталкивались с большими трудностями в поиске работы по сравнению с мужчинами.

В табл. 4 показаны изменения в численности рабочей силы, включая занятых и безработных, за 2017–2022 гг. Эта информация является важным показателем экономического развития и позволяет оценить состояние рынка труда. Рабочая сила является ключевым ресурсом для любого региона и страны, поскольку она формирует основу для производства и создания богатства.

Таблица 4

Распределение численности рабочей силы, занятых и безработных

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Численность рабочей силы, тыс. чел.	590,1	575,2	558,2	544,8	552,3	547,3
Базисные (по сравнению с 2017 г.) показатели						
Абсолютное изменение (Дyб), тыс.	-	-14,9	-31,9	-45,3	-37,8	-42,8
Коэффициент динамики (кб)	1,000	0,975	0,946	0,923	0,936	0,927
Темп динамики (Тб), %	100,0	97,5	94,6	92,3	93,6	92,7
Темп изменения (ДТб), %	0,0	-2,5	-5,4	-7,7	-6,4	-7,3

Цепные (ежегодные) показатели							
Абсолютное изменение (Дуц), тыс.	X	-14,9	-17	-13,4	7,5	-5	
Коэффициент динамики (кц)	X	0,975	0,970	0,976	1,014	0,991	
Темп динамики (Тц), %	X	97,5	97,0	97,6	101,4	99,1	
Темп изменения (ДТц), %	X	-2,52	-2,96	-2,40	1,38	-0,91	

Из представленной таблицы можно сделать следующие выводы:

- по базисным показателям относительно 2017 г. абсолютное изменение численности рабочей силы варьировалось в пределах от -14,9 до -45,3 тыс. человек. Темп изменения также уменьшалась, что указывает на замедление темпов сокращения рабочей силы.
- цепные показатели отражают изменения, связанные с численностью рабочей силы по сравнению с прошлым годом. Абсолютное изменение варьируется от -14,9 до 7,5 тыс. человек. Коэффициент динамики показывает, что численность сокращалась в большинстве годов, за исключением 2021 г., когда произошёл небольшой прирост. Темп изменения также варьируется, но в целом сохраняется отрицательный тренд с некоторыми всплесками и замедлениями.

Рассчитаем среднегодовую численность, среднегодовые абсолютные и относительные изменения рабочей силы за рассматриваемый период.

Если интервалы между наблюдениями расположены через равные промежутки времени, то используем формулу простой хронологической средней и рассчитываем среднегодовую численность рабочей силы \bar{S} [7].

$$\bar{S} = \frac{\frac{590,1}{2} + 575,2 + 558,2 + 544,8 + 552,3 + \frac{547,3}{2}}{5} = 559,8 \text{ тыс.} \text{ — за рассматриваемый период средняя}$$

годовая численность рабочей силы составила 559,8 тыс. человек, из них 523,2 тыс. человек занятые и 36,6 тыс. безработные. Средняя годовая численность потенциальной рабочей силы составила 17,9 тыс. человек.

$\Delta y_{\text{(среднегод. абсолютное изм.)}} = (547,3 - 590,1)/5 = -8,6 \text{ тыс.}$ — в среднем по Архангельской области за год численность рабочей силы снизилась на 8,6 тыс. человек, из них в среднем занятые уменьшились на 7,1 тыс. человек, а безработные на 1,5 тыс. человек, потенциальная рабочая сила в среднем уменьшилась на 0,5 тыс. человек.

$Iy_{\text{(среднегод. относительное изм.)}} = ((547,3/590,1)^{(1/5)}) * 100 - 100 = -1,5\%$ — в среднем за год численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше сократилась на 1,5%, численность занятых уменьшилась на 1,3%, безработных на 4,1%, а потенциальной рабочей силы уменьшилась на 3,3%.

В свете непрерывного развития и изменения демографических показателей, анализ численности рабочей силы региона становится важным аспектом для прогнозирования будущих трендов в экономике [5]. Используя определённые методы и формулы, можно оце-

нить ожидаемую численность рабочей силы в определённый период времени. Рассмотрим ожидаемую численность рабочей силы и потенциальной в 2024 г.

Численность занятых: $516,5 * ((516,5/552,1)^{(1/5)})^2 = 502,9$ тысяч человек.

Численность безработных: $30,8 * ((30,8/38)^{(1/5)})^2 = 28,2$ тысяч человек.

Численность потенциальной рабочей силы: $14,8 * ((14,8/17,5)^{(1/5)})^2 = 13,8$ тысяч человек.

В результате проведённых вычислений, при условии сохранения сложившейся тенденции численности рабочей силы и потенциальной, можно сделать вывод, что в 2024 г. ожидается сокращение численности рабочей силы до 531,1 тыс. человек, а потенциальной до 13,8 тыс. человек.

Корреляционно-регрессионный анализ

Инвестиции в основной капитал играют ключевую роль в развитии региональной экономики и обеспечении устойчивого роста. В контексте Архангельской области одним из факторов, оказывающих значительное влияние на привлечение и удержание инвестиций, является численность и квалифицированность рабочей силы. Рабочая сила является важным ресурсом, который обеспечивает производственные процессы и способствует росту экономики. Численность рабочей силы влияет на спрос на инвестиции в основной капитал, поскольку большее количество работников требует большего количества производственных мощностей и оборудования [8]. Большая численность рабочей силы может стимулировать инвестиции в новые технологии и инновации. Когда на рынке есть большое количество рабочей силы, организации стремятся повысить эффективность своего производства. Они могут инвестировать в автоматизацию, роботизацию или внедрение новых технологий, чтобы в целом повысить скорость и качество рабочего процесса.

Рассмотрим зависимость инвестиций в основной капитал от рабочей силы в Архангельской области. В табл. 5 представлена динамика численности рабочей силы и инвестиций в основной капитал ⁵.

Таблица 5

Динамика рабочей силы и инвестиций в основной капитал

Показатель	Рабочая сила, тыс. человек	Инвестиции в основной капитал, млн руб.
2017	590,1	215 493,3
2018	575,2	198 357,4
2019	558,2	193 157,5
2020	544,8	197 761,4
2021	552,3	180 642,7
2022	547,3	162 906,9

⁵ Инвестиции в основной капитал / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/inv%20АО.xls> (дата обращения: 11.02.2024).

Для определения зависимости между этими экономическими показателями используем экспериментальный метод, для этого исследуем модели парной регрессии: линейную, степенную, показательную, гиперболическую, выбрав лучшие показатели по каждой характеристике коэффициента: корреляции, детерминации, критерию Фишера и средней ошибке аппроксимации [6]. В табл. 6 представлены все нужные нам показатели.

Таблица 6

Данные регрессии

Показатель	Линейная	Степенная	Показательная	Гиперболическая
Коэффициент корреляции	0,739	0,741	0,720	0,736
Коэффициент детерминации	0,546	0,549	0,519	0,541
Критерий Фишера	16,867	17,009	15,111	16,533
Средняя ошибка аппроксимации	5,563	5,498	5,813	5,621

Согласно предоставленным данным, лучшей моделью парной регрессии является степенная. У неё высокие значения коэффициента корреляции 0,741 и детерминации 0,549, что свидетельствует о сильной положительной связи между инвестициями и рабочей силой. Критерий Фишера у степенной модели выше всех, что указывает на его статистическую значимость. Наименьшая средняя ошибка аппроксимации у степенной модели — 5,498, что является точным прогнозированием.

Сравнительный анализ рабочей силы Архангельской области и Российской Федерации

Проанализируем численность рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации⁶ за период с 2000 по 2022 гг. Динамика численности рабочей силы показана на рис. 2:

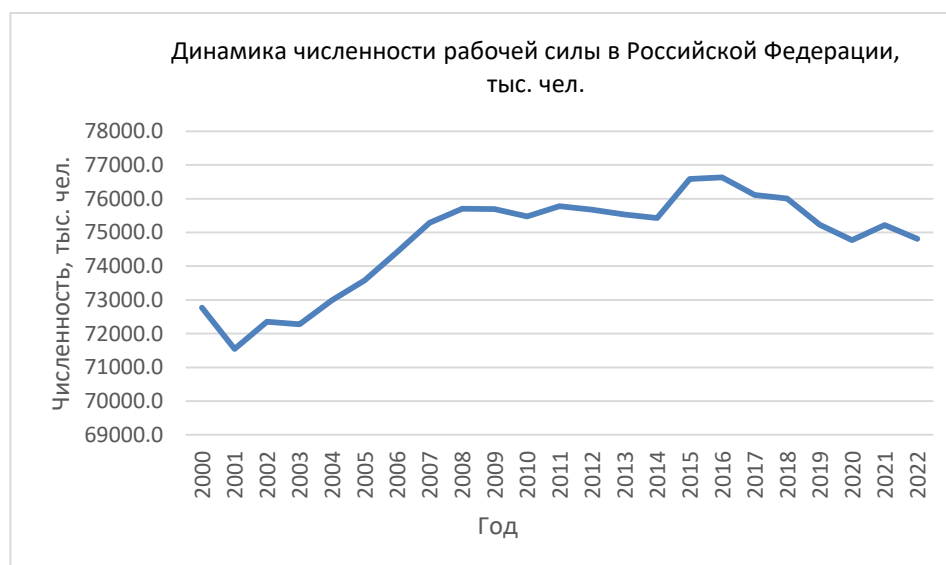

Рис. 2. Динамика численности рабочей силы.

По рис. 2 видно, что с 2000 по 2022 гг. в Российской Федерации наблюдалась общая тенденция роста численности рабочей силы, хотя между годами и наблюдались некоторые колебания. С начала рассматриваемого периода пик рабочей силы пришёлся на 2000 г., по-

⁶ Численность и состав рабочей силы в возрасте 15–72 лет / Федеральная служба государственной статистики. URL: trud_1_15-72.xlsx (дата обращения: 22.03.2024).

сле чего к 2001 г. последовал заметный спад. Однако постепенный рост начался в 2001 г. и продолжался примерно до 2009 г. После этого периода общая тенденция в рабочей силе была относительно стабильной с незначительными колебаниями в некоторые годы. Некоторые кризисы, такие как кризисы 2008–2009 гг. и последствия пандемии COVID-19, возможно, оказали временное негативное влияние на рабочую силу, что отразилось в снижении официальных данных. В последние годы (2020–2022 гг.) наблюдается некоторый рост рабочей силы, что может быть признаком восстановления экономики после пандемии и принятых мер по поддержке занятости. Эти изменения отражают сложные экономические, социальные и демографические процессы, влияющие на рынок труда страны.

Сравнивая эти показатели с данными Архангельской области, можно отметить, что общая тенденция численности рабочей силы на сравниваемых территориях схожа: с 2000 по 2022 гг. наблюдались колебания численности рабочей силы как в России, так и в Архангельской области. Однако стоит отметить, что если на фоне общероссийских данных наблюдался рост численности рабочей силы с 2000 по примерно 2009 гг., то в Архангельской области эта тенденция была менее выражена, а с 2008 г. началась тенденция к снижению.

Также стоит отметить, что в последние годы (2020–2022 гг.) как в России, так и в Архангельской области наблюдается общая тенденция роста рабочей силы, что может свидетельствовать о восстановлении экономики после пандемии и принимаемых мерах по поддержке занятости. Однако, хотя рост в регионе и есть, он всё равно остаётся на относительно низком уровне по сравнению с общероссийским показателем.

Заключение

Архангельская область — один из наиболее развитых регионов страны. Но, как и во многих других регионах, здесь одной из основных проблем является нехватка рабочей силы. Это создаёт проблемы в некоторых компаниях и тормозит местное экономическое развитие. За последние шесть лет в Архангельской области уменьшилось количество рабочей силы: в 2017 г. — 590,1 тыс. человек, а в 2022 г. — 547,3 тыс. человек. За этот период численность рабочей силы сократилась на 7,3%, что может оказать негативное влияние на экономику, приведя к спаду производства товаров и услуг и падению экономической активности. Численность занятого населения хотя и снижалась на протяжении всего периода, но в 2021–2022 гг. несколько выросла с 515,7 тыс. человек до 516,5 тыс. человек. Также наблюдались некоторые колебания числа безработных, снизившиеся с 38,0 тыс. человек в 2017 г. до 30,8 тыс. человек в 2022 г. Потенциальная рабочая сила за последние шесть лет сократилась на 270 тыс. человек. Это может свидетельствовать о том, что количество желающих работать в этом районе уменьшается.

В результате исследования были достигнуты основные цели. Выявлено, что качество рабочей силы зависит от многих факторов, таких как образование, трудовая подготовка, демография и уровень заработной платы. Регион нуждается в улучшении образования и со-

здания благоприятных условий для жизни и труда. Обнаружено, что рабочая сила сокращается, гендерный баланс в ней пока что сохраняется, но необходимы целенаправленные меры по стимулированию занятости. Статистические данные позволили получить представление об изменениях в структуре рабочей силы, включая изменения в занятости и безработице, с акцентом на повышенный риск безработицы для женщин.

Статья также показывает, как одновременно качество и количество работников влияют на экономическое развитие региона. В целях улучшения ситуации была подчеркнута важность инвестиций в человеческий капитал и создания благоприятной экономической среды. На основе этого анализа подтверждается гипотеза о том, что рабочая сила оказывает существенное влияние на состояние региона, что управление человеческими ресурсами имеет важное значение для преодоления существующих проблем и содействия развитию.

Список источников

1. Какушкина М.А. О трактовке экономической категории «Рабочая сила» // Социально-экономические явления и процессы. 2009. № 4 (16). С. 61–65.
2. Сапожникова Е.Ю. Образование как главный фактор качественной рабочей силы // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 1 (5). С. 73–76.
3. Давлетшина Л.А., Садовникова Н.А., Безруков А.В., Лебединская О.Г. Статистическая оценка влияния социально-экономических факторов на рабочую силу России // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. 2022. Т. 2. № 4. С. 25–44. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.2>
4. Абдулхаирова Э.М., Бекирова С.Э. Взаимосвязь между заработной платой, производительностью труда и качеством человеческого капитала // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 2 (51). С. 127–133. DOI: <https://doi.org/10.37279/2312-5330-2020-2-127-133>
5. Немолочнова К.О. Статистический анализ уровня занятого населения в экономике Российской Федерации // Форум молодых ученых. 2019. № 1–2 (29). С. 1011–1016.
6. Ивин Е.А., Артамонов Н.В., Курбачкий А.Н. Методическое пособие по эконометрике для социально-экономических специальностей. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 184 с.
7. Орлов А.И. О средних величинах // Управление большими системами: сборник трудов. 2013. № 46. С. 87–111.
8. Аралбаев А.Т., Аралбаева Г.Г. Исследование влияния движения рабочей силы на экономические показатели в регионе // Вестник ОГУ. 2007. № 5. С. 74–79.

References

1. Kakushkina M.A. About the Interpretation of Economic Category “Labour”. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 2009, no. 4 (16), pp. 61–65.
2. Sapozhnikova E.Y. Education as a Major Factor Quality Workforce. *Issues of Economics and Management*, 2012, no. 1 (5), pp. 73–76.
3. Davletshina L.A., Sadovnikova N.A., Bezrukov A.V., Lebedinskaya O.G. Statistical Assessment of the Impact of Socio-Economic Factors on the Russian Labour Force. *DEMIS. Demographic Research*, 2022, vol. 2, no. 4, pp. 25–44. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.2>
4. Abdulkhairova E.M., Bekirova S.E. Cyclic Relationship between Wages, Labor Productivity and Human Capital Quality. *Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment*, 2020, no. 2 (51), pp. 127–133. DOI: <https://doi.org/10.37279/2312-5330-2020-2-127-133>
5. Nemolochnova K.O. Statistical Analysis of the Level of the Employed Population in the Economy of the Russian Federation. *Young Scientists’ Forum*, 2019, no. 1–2 (29), pp. 1011–1016.
6. Ivin E.A., Artamonov N.V., Kurbatskiy A.N. *Methodological Manual on Econometrics for Socio-Economic Specialities*. Vologda, FSBIS VolSC RAS Publ., 2016, 184 p. (In Russ.)

7. Orlov A.I. On Mean Values. *Large-Scale Systems Control*, 2013, no. 46, pp. 87–111.
8. Aralbaev A.T., Aralbaeva G.G. Research of Labor Force Movement Influence on Economic Indexes in the Region. *Vestnik of the Orenburg State University*, 2007, no. 5, pp. 74–79.

Статья поступила в редакцию 08.03.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024;

принята к публикации 04.04.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 92–114.

Научная статья

УДК: [332.1+332](985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.92>

Человеческий капитал и социальная ёмкость регионального пространства Арктической Карелии

Волков Александр Дмитриевич^{1✉}, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Аверьянов Александр Олегович², младший научный сотрудник

Рослякова Наталья Андреевна³, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Голомыдько Полина Александровна⁴, аспирант

^{1, 2, 3, 4} Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Россия

³ Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, ул. Профсоюзная, 65, Москва, Россия

¹ kov8vol@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>

² aver@petrsu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2884-8110>

³ na@roslyakova24.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7511-2141>

⁴ paulinagolomydko@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0942-5856>

Аннотация. Развитие российской Арктики в стратегической перспективе потребует привлечения значительных трудовых ресурсов. Однако в настоящее время преобладают тенденции оттока населения. Важнейшее значение в данном контексте имеет создание территориальных условий для расширенного воспроизводства человеческого капитала. Цель исследования — выявление территориальной специфики условий воспроизводства человеческого капитала Арктической Карелии в аспектах, отражающих социальную ёмкость территории. Первой задачей является изучение территориальных условий воспроизводства человеческого капитала, связанных с его социальным аспектом: системы здравоохранения, системы образования, сферы культуры, досуга и развлечений. Второй задачей является оценка возможности применения концепта социальной ёмкости пространства для исследования социальной компоненты условий воспроизводства человеческого капитала. Применяется комплексный экономико-социологический инструментарий. Информационные основы: данные Росстата, данные СПАРК, результаты опроса населения (осень 2023 г.). Осуществлён сопоставительный анализ пространственных аспектов размещения условий воспроизводства человеческого капитала и оценок населения. Важнейшими проблемами в сфере здравоохранения, по оценкам населения, являются нехватка специалистов, нехватка современного оборудования, недоступность сложных видов медицинской помощи и узкий спектр лабораторных исследований. Ключевыми проблемами в сфере образования являются нехватка специалистов в образовании, отсутствие учреждений высшего профессионального образования, падение уровня образования и плохое состояние зданий школ и детских садов. Сделан вывод о структуре показателей перспективного понятия социальной ёмкости территорий и необходимом дополнении информационных основ в соответствии с его концептуальной логикой. Практическая значимость исследования заключается в формировании аналитических основ обеспечения расширенного воспроизводства человеческого капитала территорий российской Арктики.

Ключевые слова: российская Арктика, Арктическая Карелия, человеческий капитал, социальная ёмкость пространства, здравоохранение

* © Волков А.Д., Аверьянов А.О., Рослякова Н.А., Голомыдько П.А., 2024

Для цитирования: Волков А.Д., Аверьянов А.О., Рослякова Н.А., Голомыдько П.А. Человеческий капитал и социальная ёмкость регионального пространства Арктической Карелии // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 92–114. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.92>

For citation: Volkov A.D., Averyanov A.O., Roslyakova N.A., Golomydko P.A. Human Capital and Social Capacity of the Regional Space of Arctic Karelia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 92–114. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.92>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 23-78-10192 «Формирование этнометрического базиса институционального проектирования Российской Арктики: взаимовлияние культуры, экономического пространства и социального отбора в макросистемах» (<https://rscf.ru/project/23-78-10192/>).

Human Capital and Social Capacity of the Regional Space of Arctic Karelia

Aleksandr D. Volkov¹✉, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

Aleksandr O. Averyanov², Research Assistant

Natalya A. Roslyakova³, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

Polina A. Golomydko⁴, Post-graduate student

^{1, 2, 3, 4} Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, ul. Pushkinskaya, 11, Petrozavodsk, Russia

³ V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of RAS, ul. Profsoyuznaya, 65, Moscow, Russia

¹ kov8vol@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>

² aver@petrsu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2884-8110>

³ na@roslyakova24.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7511-2141>

⁴ paulinagolomydko@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0942-5856>

Abstract. The development of the Russian Arctic in the strategic perspective will require the attraction of significant labor resources. However, currently the population outflow trends prevail. The creation of territorial conditions for the expanded reproduction of human capital is of crucial importance in this context. The purpose of the study is to identify the territorial specificity of the conditions for the reproduction of human capital in Arctic Karelia in aspects reflecting the social capacity of the territory. The first task is to study the territorial conditions of human capital reproduction related to its social aspect: health care system, education system, culture, leisure and entertainment. The second task is to assess the possibility of applying the concept of social capacity of space to study the social component of the conditions of human capital reproduction. Complex economic and sociological tools are used. Information bases: Rosstat data, SPARK data, results of the population survey (autumn 2023). A comparative analysis of spatial aspects of the distribution of conditions for the reproduction of human capital and population estimates was carried out. According to the population's estimates, the most important problems in the health care sector are the shortage of specialists, lack of modern equipment, inaccessibility of complex types of medical care and a narrow range of laboratory tests. The key problems in the field of education are lack of specialists and institutions of higher professional education, decline in the level of education and poor condition of school buildings and kindergartens. The conclusion is made about the structure of indicators of the prospective concept of social capacity of territories and the necessary addition of information bases in accordance with its conceptual logic. The practical significance of the research lies in the formation of analytical bases for ensuring the expanded reproduction of human capital in the territories of the Russian Arctic.

Keywords: *Russian Arctic, Arctic Karelia, human capital, social capacity of space, healthcare*

Введение

Достижение баланса между потребностями экономики и стратегическими задачами её развития с одной стороны и достаточным объёмом трудовых ресурсов с другой требует создания условий для устойчивого воспроизводства человеческого капитала [1, Говорова Н.В., с. 53]. Ключевым аспектом этих условий является их пространственная относительность: лучшие условия привлекают рабочую силу из-за пределов территории и сдерживают отток находящихся трудовых ресурсов вовне в рамках миграционных процессов [2, Рыбаковский Л.Л., с. 55–58; 3, Lee E.S., с. 49–51], что является одним из факторов расширенного вос-

производства человеческого капитала. Кроме того, как показывают исследования, внутрирегиональные условия воспроизводства человеческого капитала сдерживают отток населения и по межпоколенческим причинам: значимое место в миграционных установках занимает необходимость обеспечения будущего детей [4, Волков А.Д., Тишков С.В., с. 26–27; 5, Волков А.Д., Симакова А.В., Тишков С.В., с. 177]. Относительно худшие в пространственном отношении условия воспроизводства человеческого капитала обуславливают отток трудовых ресурсов. К ключевым условиям воспроизводства человеческого капитала относятся те пространственные и временные обстоятельства, в которых человек получает плату за реализацию своей способности к труду, приобретает за данную плату всё необходимое для её возобновления (здравоохранение, образование, досуг, приобретение еды, одежды, прочих товаров и услуг) и вновь реализует свою способность к труду в месте работы.

Потребление услуг в области здравоохранения и образования рассматривается исследователями как одна из ключевых форм инвестиций в человеческий капитал на частном [6, Пишняк А.И., Горяйнова А.Р., Назарбаева Е.А., Халина Н.В., с. 71–73; 7, Guo Ju., Qu Xi.] и общественном [8, Paczos W., Sawulski J., Leśniewicz F., с. 1327; 9, Chen B-L., Liang F-C., с. 25] уровнях. Однако специфика территориальных условий и локальная ограниченность возможностей получения или приобретения услуг в данных сферах могут приводить к суженным возможностям для осуществления инвестиций в человеческий капитал [10]. С учётом таких особенностей пространства регионов российской Арктики, как разреженность и периферийность, обеспечение достаточности условий воспроизводства человеческого капитала в сферах медицинского обслуживания и образования является актуальным и проблемным вопросом [11, Синица А.Л., с. 23–24; 12, Торопушина Е.Е., с. 118–119; 13, Торопушина Е.Е., с. 102–103; 14, Конышев В.Н., Лагутина М.Л., с. 101–103].

Категорией, имеющей, на наш взгляд, перспективное значение для анализа соотношения воспроизводственных процессов в экономике, и в первую очередь — соотношения процессов воспроизводства человеческого капитала и воспроизводственных процессов в рамках пространственных экономических структур разного масштаба, является категория ёмкости пространства, подразделяемая на структурно-функциональные составляющие: социальную, экономическую, экологическую, социокультурную и т. д. Данное понятие на настоящий момент не является в полной мере разработанным в научной литературе. В работах Татаркина А.И. и Гершанка Г.А. рассматривается схожее понятие ёмкости территории, разделяемой на экологическую, экономическую и социальную ёмкости. Экологическую ёмкость территории авторы связывают с функционалом сохранения среды обитания как основы жизнедеятельности населения; экономическую ёмкость — с функционалом осуществления хозяйственной деятельности, как основы расширенного воспроизводства в регионе; социальную ёмкость — с поддержанием и ростом уровня и качества жизни населения [15, Гершанок Г.А., с. 167, 174–175; 16, Татаркин А.И., Гершанок Г.А., с. 43–44]. Социальная ёмкость территории связывается с понятием и индикаторами качества жизни, в рамках изме-

рения которых используются две группы критериев: статистические и социологические. В качестве ключевых направлений и оценок качества жизни населения выделяются обеспеченность населения образовательными и медицинскими учреждениями, обеспеченность населения жильём, среднемесячная заработная плата, денежные доходы и расходы населения территории [15, Гершанок Г.А., с. 174–175].

На наш взгляд, в контексте соотношения воспроизводственных процессов на уровнях «индивидуальный человеческий капитал» — «пространственно локализованная социально-экономическая система» доходы и заработная плата относятся скорее к экономической составляющей ёмкости пространства и напрямую связаны с уровнем развития производительных сил. В то время как обеспеченность образовательными и медицинскими условиями относится непосредственно к социальной подсистеме воспроизводства, к которой целесообразно отнести и сферу досуга, культуры и развлечений, а также сферу потребления.

Гораздо более разработанным и устоявшимся понятием является экологическая ёмкость территории [17, Безгубов В.А., Часовников С.Н.; 18, Zhang Y., Fan J., Wang S.; 19, Копылов И.С., Красильников П.А., Клецкина О.В.]. Его общее концептуальное содержание отражает «предел, превышение которого в процессе хозяйственной деятельности, естественного антропогенного воздействия вызовет кризисное состояние экосистемы региона» [17, Безгубов В.А., Часовников С.Н., с. 751]. Являясь важным аспектом устойчивого развития территории, экологическая ёмкость пространства относится к процессу воспроизводства человеческого капитала опосредованно, затрагивая вопросы здоровья и рекреации. В свою очередь, аспект рекреации рассматривается в терминах рекреационной ёмкости территорий [20, Ермакова А.А.].

Понятие демографической ёмкости территории рядом авторов рассматривается как схожее по значению с экологической ёмкостью [21, Рыбкина И.Д., с. 1437]. Однако традиционно оно имеет более широкое и многоаспектное содержание [22, Фаузер В.В., Смирнов А.В.]

Таким образом, рассмотрение общественных условий воспроизводства человеческого капитала наиболее тесно связано с экономической ёмкостью пространства (охватывающей совокупность инфраструктурных, производственных и финансовых факторов воспроизводства социально-экономической системы) и социальной ёмкостью пространства. В данном разделении социальная ёмкость пространства включает в себя факторы обеспеченности медицинскими и образовательными условиями, условиями в области культуры, досуга и развлечений, а также потребления.

Объектом настоящего исследования являются арктические территории Республики Карелия, включающие в себя Лоухский, Кемский, Калевальский районы, Сегежский и Беломорский муниципальные округа, Костомукшский городской округ (рис. 1).

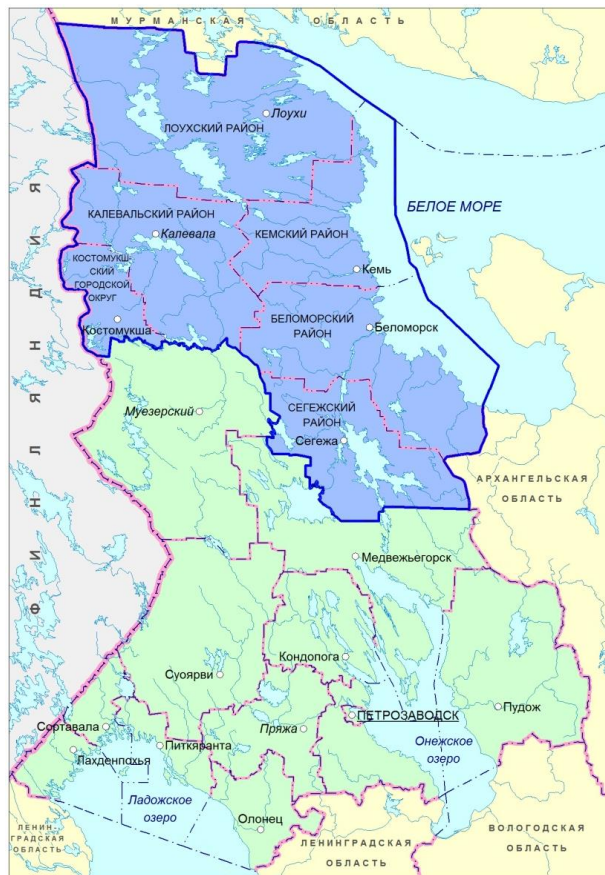

Рис. 1. Арктическая Карелия — регион проведения исследования.

Цель исследования — выявление территориальной специфики условий воспроизводства человеческого капитала в аспектах, отражающих социальную ёмкость территории.

Концептуальной задачей статьи является перспективный анализ территориальных условий воспроизводства человеческого капитала в контексте дальнейшего соотнесения с аспектами региональных воспроизводственных процессов и рассмотрение возможности интеграции социологических и статистических данных в рамках измерения социальной ёмкости территории. Практической задачей статьи является анализ условий воспроизводства человеческого капитала региона Арктической Карелии, формирующий аналитические основы регулирования социально-экономических процессов на региональном и федеральном уровнях.

Методы и данные

Информационную основу исследования составили данные официальной и ведомственной статистики, данные системы СПАРК и результаты анкетного опроса населения указанных территорий, проведённого в августе-сентябре 2023 г. Формирование выборки осуществлялось по половозрастным квотам, отражающим структуру генеральной совокупности. В опросе принимали участие представители постоянно проживающего населения в возрасте 15–72 лет. Средний возраст опрошенных — 43,9 лет. Объём выборки составил 1 042 человека. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству. Использовался смешанный метод сбора данных: преобладало личное интервьюирование по формализованному опроснику, для части респондентов анке-

та оставлялась для самостоятельного заполнения по месту жительства с предварительным кратким инструктажем и последующей проверкой заполнения (с учетом сохранения актуальности эпидемиологической ситуации с COVID-19).

В инструментарий опроса был включен ряд тематических блоков, соответствующих таким условиям воспроизводства человеческого капитала, как система здравоохранения, система образования, сфера досуга, развлечений и культуры, а также условия рабочего места. Основной акцент в исследовании сделан на анализе оценок состояния данных сфер населением на различных территориях Арктической Карелии.

Респондентам задавались вопросы, распределённые по трём блокам:

- Блок 1. Оценка населением Арктической Карелии состояния системы здравоохранения;
- Блок 2. Оценка населением Арктической Карелии состояния системы образования;
- Блок 3. Оценка населением Арктической Карелии состояния сферы досуга, развлечений и культуры.

Обобщение и анализ ответов респондентов осуществлялись как в целом по региону Арктической Карелии, так и в разрезе муниципальных образований субрегиона. Отдельно осуществлялось сопоставление данных опроса населения с информацией о пространственной специфике развития условий воспроизводства человеческого капитала.

Характеристики выборки и соответствие между параметрами выборки и структурой генеральной совокупности представлены в табл. 1 и табл. 2.

Таблица 1

Пространственное распределение выборки в разрезе исследуемых территорий

	Женский		Мужской		Оба пола	
Район Карелии	Кол-во наблюд.	Средний возраст	Кол-во наблюд.	Средний возраст	Кол-во наблюд.	Средний возраст
Беломорский муниципаль- ный округ	74	48,6	68	43,4	142	46,1
Калевальский район	58	49,0	42	47,7	100	48,5
Кемский район	67	46,0	57	43,2	124	44,7
Костомукш- ский город- ской округ	144	40,9	115	40,3	259	40,7
Лоухский рай- он	80	46,2	65	44,3	145	45,3
Сегежский му- ниципальный округ	160	42,5	112	43,5	272	42,9
Общий итог	583	44,4	459	43,2	1042	43,9

Таблица 2

Соотношение структур выборочной и генеральной совокупности в рамках опроса населения на территориях Карельской Арктики

Возраст, лет	Пол	Численность населения, человек	Структура населения по возрасту	Численность выборки, человек	Структура выборки	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности
15–29	Муж.	7 645	8,4%	102	9,8%	1,4%
	Жен.	7 217	7,9%	123	11,8%	3,9%
30–44	Муж.	12 621	13,9%	146	14,0%	0,1%
	Жен.	9 502	10,4%	168	16,1%	5,7%
45–59	Муж.	11 950	13,1%	124	11,9%	1,2%
	Жен.	12 741	14,0%	162	15,5%	1,5%
60–72 ¹	Муж.	10 182	11,2%	87	8,3%	2,8%
	Жен.	19 122	21,0%	130	12,5%	8,5%
Всего		90 890	100,0%	1042	100,0%	Среднее 3,2%

Анализ полученных данных осуществлялся с применением средств программного комплекса SPSS. Осуществлена интерпретация данных в соответствии с задачами и целью исследования.

На втором этапе исследования осуществлялось сопоставление данных о пространственной локализации учреждений здравоохранения и образования с данными социологического исследования. Введён коэффициент удовлетворённости состоянием системы здравоохранения / образования и повышения квалификации / сферы культуры, досуга и развлечений, рассчитываемый на основе социологических данных по формуле (1):

$$K_i = \frac{\sum_{j=1}^5 (N_{ij} \times w_j)}{\sum_{j=1}^5 N_{ij}} (1)$$

Для объективного отображения результатов ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены состоянием системы здравоохранения / образования и повышения квалификации / сферы культуры, досуга и развлечений в месте Вашего проживания?» значениям шкалы «абсолютно не удовлетворён — скорее не удовлетворён — оцениваю нейтрально — скорее удовлетворён — полностью удовлетворён» были присвоены соответствующие значения от «-1» до «+1» и введена формула, подсчитывающая средневзвешенные значения итоговых оценок удовлетворённости населения той или иной сферой (1):

где N_{ij} — количество ответов, соответствующих определённому значению шкалы j , респондентов в районе проживания i ;

w_j — балльная оценка степени удовлетворённости индивида состоянием той или иной рассматриваемой сферы («совершенно не удовлетворяет (-1 балл) — не удовлетворяет

¹ Данные оценочные, так как в официальной статистике учёт ведётся в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

(-0.5 балла) — не придаю значения (0 баллов) — удовлетворяет (+ 0.5 балла) — полностью удовлетворяет (+ 1 балл)»;

K_i — критерий удовлетворённости населения состоянием той или иной рассматриваемой сферы в районе проживания i .

В рамках исследования также вводится коэффициент динамики состояния системы здравоохранения (D_i), рассчитываемый на основе ответов на вопросы об улучшениях в данной сфере в последние годы ² по следующей формуле (2):

$$D_i = \frac{N_{ij}}{N_i} (2)$$

где N_i — общее количество ответов респондентов в районе проживания i .

Коэффициенты по остальным составляющим условий воспроизводства человеческого капитала рассчитываются по аналогичной формуле.

В рамках обзора существующих официальных и собранных авторских данных сделаны выводы о достаточности информационных основ для перспективной разработки и операционализации понятия социальной ёмкости пространства в процессном, инфраструктурном и воспроизводственном измерениях.

Итоговые выводы опирались на совокупность методов пространственной экономики, теории устойчивого развития и диалектический подход.

Результаты исследования

Анализ условий воспроизводства человеческого капитала осуществлён нами по блокам, представленным в разделе Методы и данные.

Блок 1. Оценка населением состояния сферы здравоохранения и пространственные особенности ее развития

Одним из важнейших условий воспроизводства человеческого капитала является состояние системы здравоохранения. Для выявления оценок состояния данной сферы респондентам были заданы следующие вопросы:

1. *Насколько Вы удовлетворены состоянием системы здравоохранения в месте Вашего проживания?*
2. *Какие наиболее серьёзные и важные для Вас проблемы в системе здравоохранения Вы можете отметить в месте Вашего проживания?*
3. *В последние годы были решены какие-либо важные проблемы в сфере здравоохранения в месте Вашего проживания? Есть ли улучшения?*
4. *Если улучшения были, то опишите их кратко.*

Удовлетворённость населения состоянием системы здравоохранения субрегиона Арктической Карелии отражена на рис. 2.

² Вопрос «В последние годы были решены какие-либо важные проблемы в сфере здравоохранения в месте Вашего проживания? Есть ли улучшения?».

Рис. 2. Распределение ответов населения Арктической Карелии на вопрос «Насколько Вы удовлетворены состоянием системы здравоохранения в месте Вашего проживания?».

Более половины респондентов не удовлетворены состоянием системы здравоохранения (55,8%). Из них абсолютно не удовлетворены 26%. В территориальном разрезе в наименьшей степени довольны сферой медицинского обслуживания жители Сегежского округа (64%, из них 31% — абсолютно не удовлетворены), Кемского (62%, из них 31% — абсолютно не удовлетворены) и Лоухского районов (59%, из них 33% — абсолютно не удовлетворены). Наибольшая доля населения, удовлетворённого состоянием системы здравоохранения, наблюдается в Калевальском районе (16%) и Костомукшском ГО (15%).

Как наиболее серьёзные и важные проблемы в сфере здравоохранения население Арктической Карелии отмечает нехватку профильных специалистов (63,2%), нехватку современного оборудования для диагностики (50,4%) и недоступность сложных видов медицинской помощи (36,4%). Несколько менее выраженными являются такие проблемные аспекты, как узкий спектр проводимых лабораторных исследований (28,4%), длительность времени ожидания приёма терапевта (21,9%) и низкая квалификация медицинского персонала (21,4%). Положительным аспектом является малая доля респондентов, отметивших проблему низкой квалификации бригад «Скорой помощи» (4,0%) — в целом это представляет наименее выраженную проблему в сфере здравоохранения Арктической Карелии.

В разрезе территорий ряд проблем имеет более явный характер. Так, например, в Калевальском районе проблему нехватки профильных специалистов отмечают 87% респондентов, в то время как в Беломорском округе — только 52,8%. Вопрос низкой квалификации терапевтов наиболее актуален для Сегежского округа (18,4%), а также для Кемского района (16,9%), в наименьшей степени данная проблема затронула Костомукшский ГО (отметили только 1,9% респондентов). Долгое ожидание скорой помощи указали 26,1% жителей Беломорского округа и только 1,9% жителей Костомукшского ГО. Проблема длительного ожида-

ния приёма терапевта наиболее актуальна для Сегежского округа (33,5%), наименее — для Кемского района (7,3%) (рис. 3).

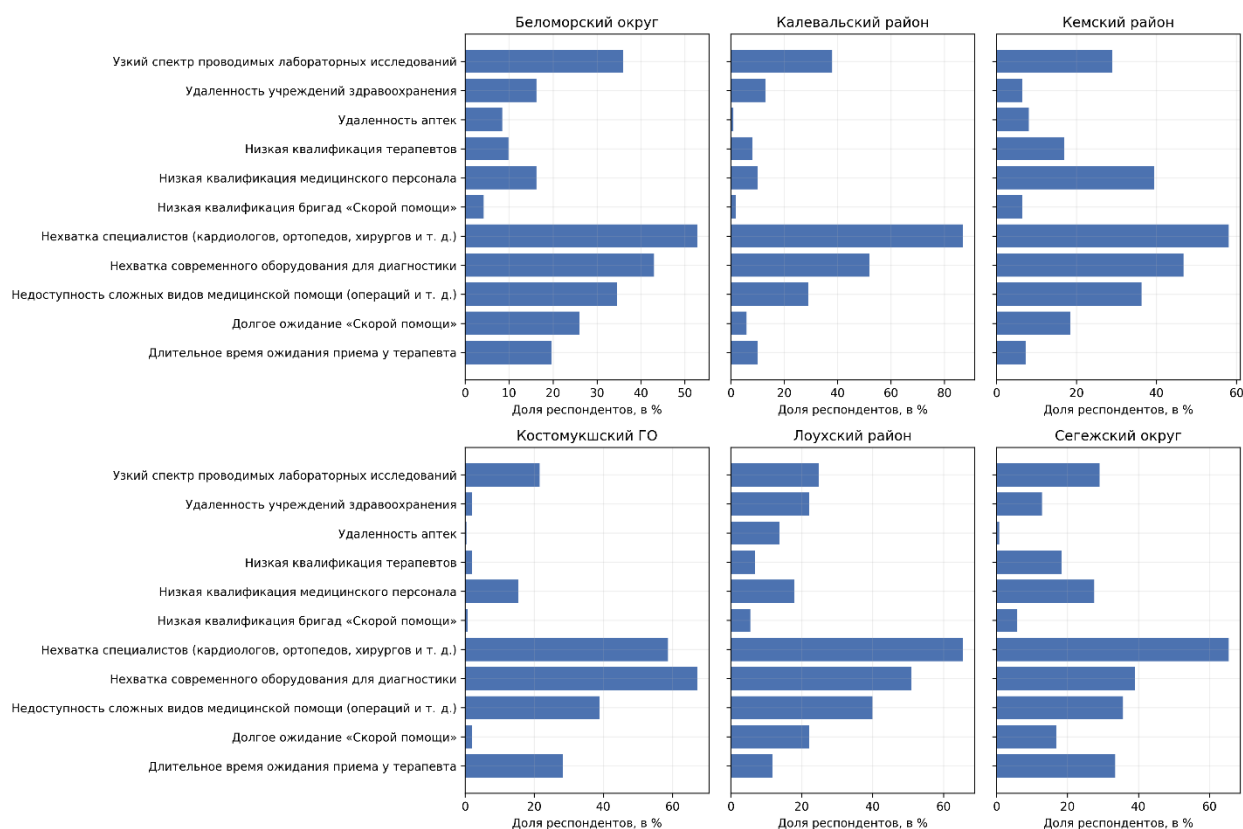

Рис. 3. Распределение ответов населения Арктической Карелии на вопрос «Какие наиболее серьёзные и важные для Вас проблемы в системе здравоохранения Вы можете отметить в месте Вашего проживания?».

При ответе на вопрос «В последние годы были решены какие-либо важные проблемы в сфере здравоохранения в месте Вашего проживания? Есть ли улучшения?» только 15% опрошенного населения Арктической Карелии дали положительный ответ. В пространственном отношении это значение изменяется относительно слабо — от 18% в Костомукшском ГО до 11% в Сегежском округе. В числе наиболее часто отмечаемых улучшений: новое оборудование, ремонт больничных помещений, новый фельдшерско-акушерский пункт, появление узких специалистов и ряд других. Пространственные условия развития системы здравоохранения арктических территорий Республики Карелия отражены на рис. 4.

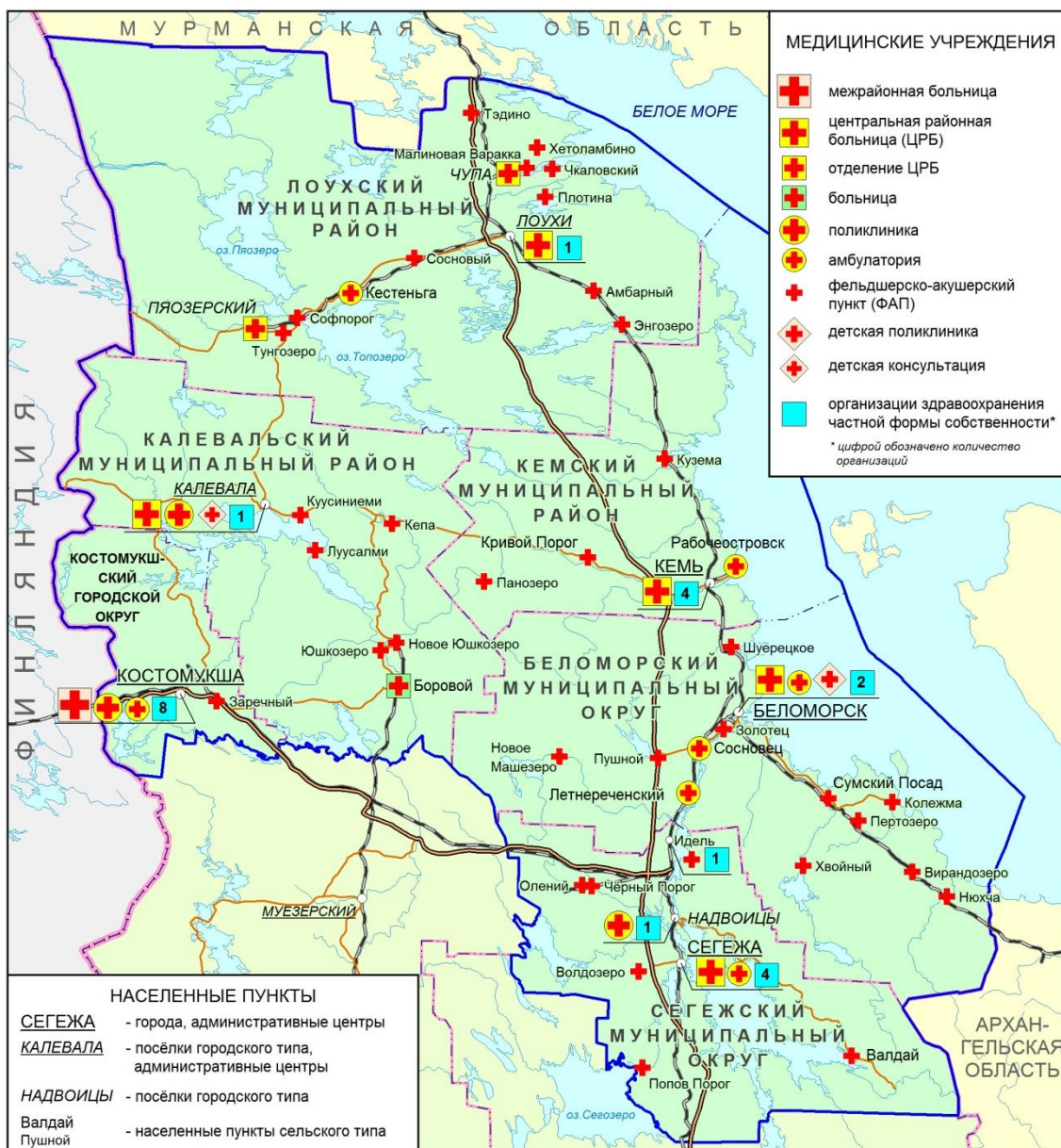

Рис. 4. Пространственные особенности развития системы здравоохранения в Арктической Карелии.

Всего на территории Арктической Карелии локализовано 8 больниц и их отделений, 39 ФАПов, из которых 4 частные, 4 отдельных поликлиники, из которых 1 частная (РЖД). Также поликлиники существуют при районных и межрайонных больницах. Частные учреждения здравоохранения представлены в первую очередь стоматологическими кабинетами, а также учреждениями, относящимися к РЖД (поликлиника в Кемии и ряд ФАПов). Пространственная локализация учреждений здравоохранения демонстрирует неоднородность распределения условий воспроизводства человеческого капитала, связанных со здравоохранением (рис. 4). Кроме того, большинство ФАПов на периферийных территориях не имеют постоянного медицинского персонала, а приём осуществляется приезжающим из районного центра специалистом, с периодичностью от нескольких раз в неделю до нескольких раз в год в зависимости от территории. В таком режиме функционируют ФАПы в Нюхче и Вирандозере (в соседней Маленге ФАП заброшен и приём осуществляется на частной квартире) Беломорского муниципального округа, Черном Пороге и Оленьем Сегежского муниципаль-

ного округа, Тэдино и Хетоламбина Лоухского района, Куусиниеми Калевальского района и ряде других мест.

Наиболее обеспеченными с точки зрения широты предоставления медицинских услуг являются Костомукшский ГО, Беломорский и Сегежский муниципальные округа.

Сводная экономико-социологическая информация об условиях здравоохранения в Арктической Карелии в разрезе муниципальных образований представлена в табл. 3.

Таблица 3

Сводная информация о состоянии системы здравоохранения территорий
Арктической Карелии в 2022 г.³

Показатели	Муниципальные районы					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Число ЛПО	16	2	6	10	9	12
Число врачебных больничных учреждений	1	1	1	1	1	1
Число ОЗ частной формы собств.	1	1	2	0	4	8
Обеспеч. населения больничными койками (число коек на 10 000 чел.)	52	65	35	33	55	51
Обеспеч. населения врачами (число врачей на 10 000 чел.)	27	27	32	20	31	39
Обеспеч. населения средним МП (в расчёте на 10000 чел.)	98	108	109	85	76	109
K _i для здравоохран.	-0,38	-0,28	-0,42	-0,47	-0,43	-0,25
D _i для здравоохран.	0,12	0,17	0,16	0,14	0,11	0,18

Наибольший коэффициент удовлетворённости населения системой здравоохранения наблюдается в Костомукшском ГО, а также в Калевальском районе, наименьший — в Лоухском и Кемском районах, Сегежском муниципальном округе. При этом коэффициент динамики состояния системы образования имеет наибольшие значения в Костомукшском ГО и Калевальском районе, наименьшее — в Сегежском округе. Явной корреляции между оценками удовлетворённости состоянием системы здравоохранением и обеспеченностью населения больничными койками, врачами и средним медицинским персоналом не наблюдается.

Блок 2. Оценка населением состояния сферы образования и пространственные особенности её развития

Система образования как составляющая пространственных условий воспроизводства человеческого капитала является вторым ключевым аспектом, требующим рассмотрения. В рамках социологической части исследования он раскрывался через следующие вопросы и соответствующие оценки респондентов:

³ Составлено авторами на основе данных полевого исследования и официальной статистической информации. В таблице (1) Беломорский округ; (2) Калевальский район; (3) Кемский район; (4) Лоухский район; (5) Сегежский округ; (6) Костомукшский городской округ. ЛПО — лечебно-профилактические организации; ОЗ — организации здравоохранения, МП — медицинский персонал.

1. Насколько Вы удовлетворены состоянием системы образования и повышения квалификации в месте Вашего проживания?
2. Какие наиболее серьёзные и важные для Вас проблемы в системе образования можете отметить в месте Вашего проживания?
3. В последние годы были решены какие-либо важные проблемы в сфере образования в месте Вашего проживания? Есть ли улучшения?
4. Если улучшения были, то опишите их кратко.

Оценка населением Арктической Карелии удовлетворённости системой образования и повышения квалификации отражена на рис. 5. В целом значения говорят о более положительных оценках по сравнению с теми, что мы видели в отношении системы здравоохранения. В то же время относительно большая доля респондентов отметила, что не задумывается о состоянии системы образования (15,1%). Проценты удовлетворённых и неудовлетворённых респондентов равны, однако в структуре оценок несколько более выражены негативные (6,4% абсолютно не удовлетворённых против 3,6% полностью удовлетворённых) (рис. 5).

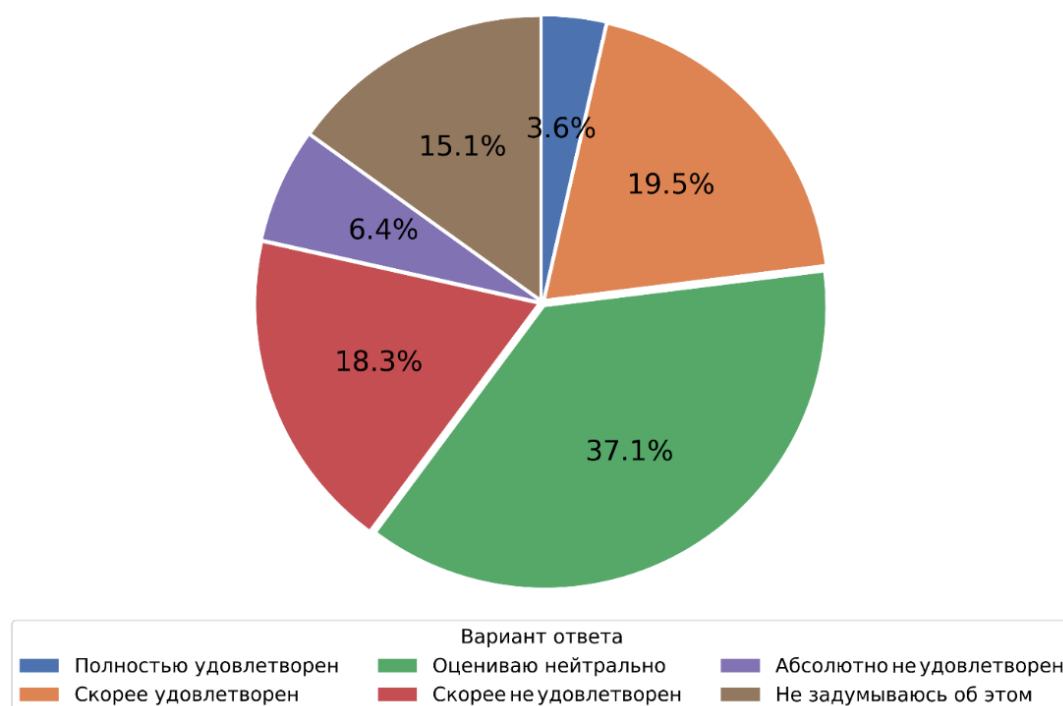

Рис. 5. Распределение ответов населения Арктической Карелии на вопрос «Насколько Вы удовлетворены состоянием системы образования и повышения квалификации в месте Вашего проживания?».

В разрезе территорий наибольшая доля положительных оценок в Костомукшском ГО (35,5%, из них полностью удовлетворены 3,9%), наименьшая — в Лоухском районе (15,2%, из них полностью удовлетворены — 2,1%).

Как наиболее серьёзные и важные проблемы в системе образования население Арктической Карелии отмечает нехватку специалистов (48,2%), отсутствие учреждений высшего профессионального образования (33,6%), падение уровня образования (25,5%), плохое со-

стояние зданий школ и детских садов (25%) и отсутствие или малое количество секций и кружков (23,5%). Как положительное явление следует отметить минимальную выраженность проблем нехватки мест в детских садах (2%) и школах (1,2%).

Рассматривая ситуацию в отдельных районах более пристально, следует отметить, что вопрос плохого состояния зданий школ и детских садов стоит наиболее остро в Калевальском районе (44%) и Кемском районе (32,3%). Падение уровня образования больше всего волнует население Сегежского округа (33,1%), а отсутствие учреждений высшего профессионального образования как проблему отмечают в первую очередь жители Костомукшского ГО (51,7%) и Беломорского округа (48,6%). Проблема отсутствия или малого количества секций и кружков наиболее выражена для Лоухского района (36,6%) и Беломорского округа (35,9%), в наименьшей степени — для Костомукшского ГО (7,7%). Нехватка специалистов в образовании наиболее остра для населения Лоухского района (62,8%) и Сегежского округа (57,7%) (рис. 6).

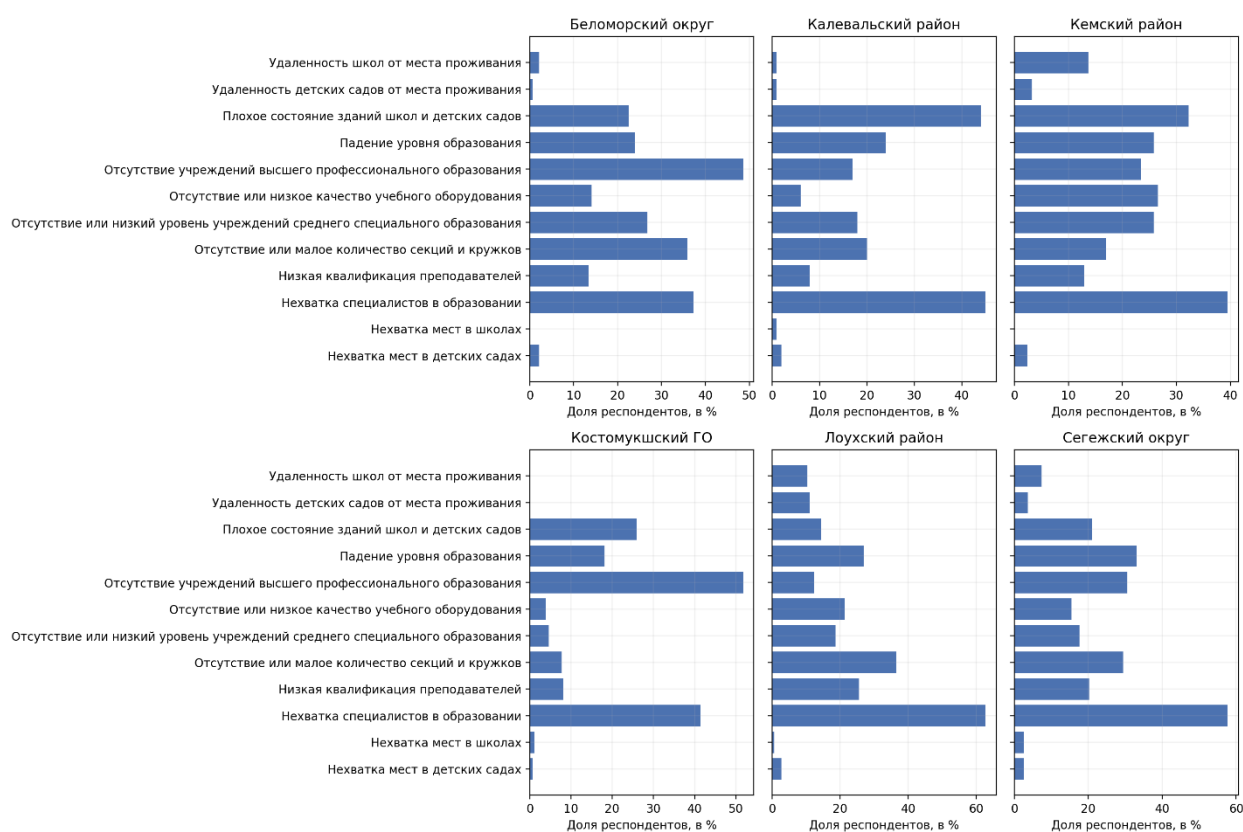

Рис. 6. Распределение ответов населения Арктической Карелии на вопрос «Какие наиболее серьёзные и важные для Вас проблемы в системе образования можете отметить в месте Вашего проживания?».

На вопрос об улучшениях в сфере образования положительный ответ дали всего 12% опрошенных в Арктической Карелии, что ниже уровня оценок положительных изменений в сфере здравоохранения. Наибольшую долю отметивших положительные изменения мы видим в Калевальском районе (22%), наименьшую — в Беломорском округе (6%).

Перечень улучшений и положительных изменений, затронувших систему образования и повышения квалификации в месте проживания населения Арктической Карелии,

крайне разнообразен и включает: ремонт школ, открытие «точек роста», строительство новой школы, новые секции / кружки и др.

Пространственные условия развития системы образования арктических территорий Республики Карелия отражены на рис. 7.

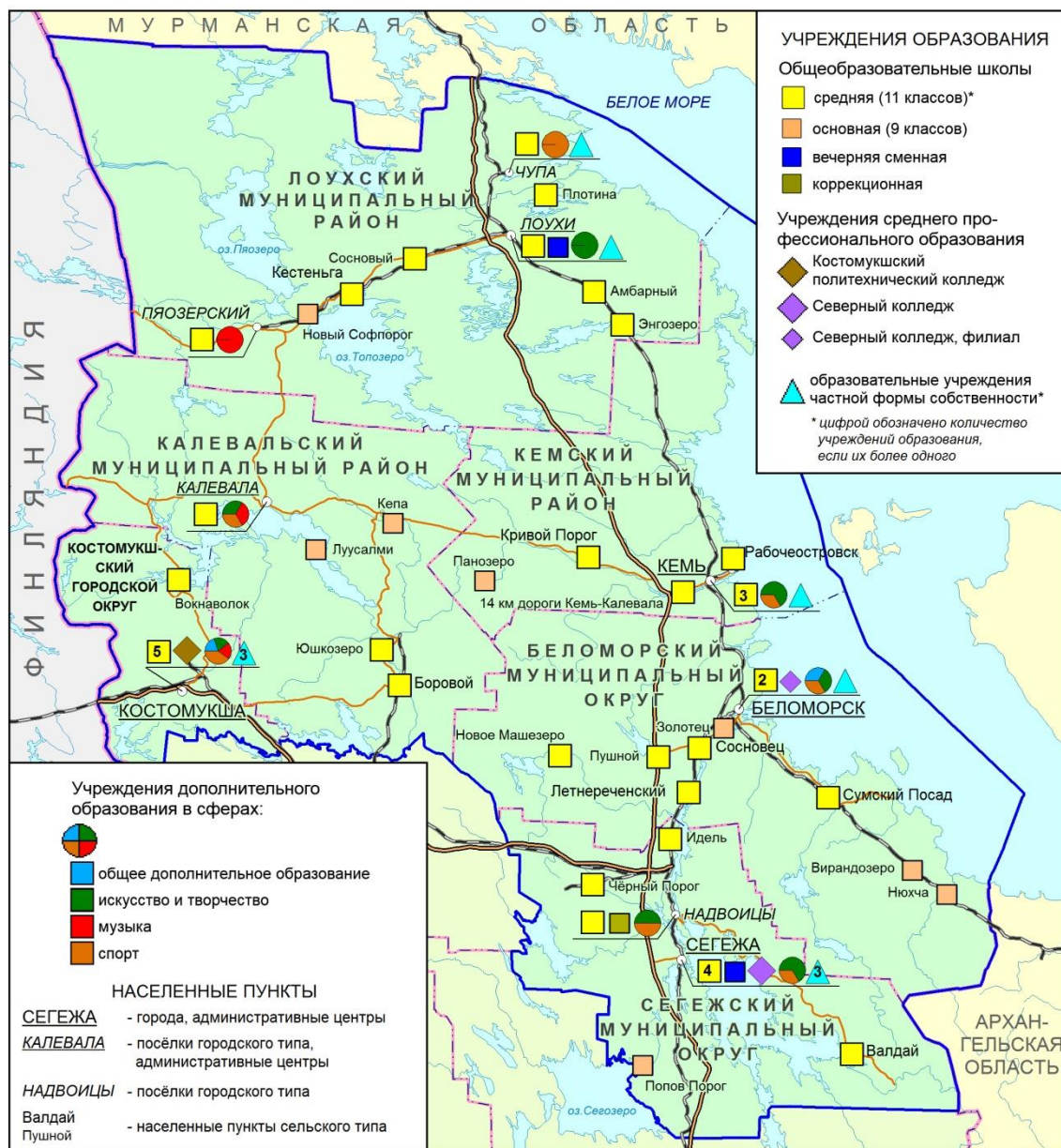

Рис. 7. Пространственные особенности развития системы образования в Арктической Карелии.

Всего на территории Арктической Карелии локализовано два колледжа и один филиал колледжа, 45 учреждений общего образования, 22 учреждения дополнительного образования. Значительная часть частных учреждений дополнительного образования представлена организациями, осуществляющими деятельность школ подготовки водителей автотранспортных средств. Пространственная локализация демонстрирует неоднородность распределения условий воспроизводства человеческого капитала, связанных с системой образования (рис. 7; табл. 4).

Сводная экономико-социологическая информация о пространственных условиях состояния системы образования представлена в табл. 4.

Таблица 4

Сводная информация о состоянии системы образования территорий Арктической Карелии в 2022–2023 учебных годах ⁴

Показатели	Муниципальные районы					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Число учрежд. ОО	10	5	7	9	9	5
Число учрежд. ДО	3	3	3	3	5	5
Число учрежд. ПО	1	-	-	-	1	1
Числ-ть педагогов на 10 000 чел. насел.	171	151	118	115	76	87
Числ-ть педагогов на 100 обуч. в учрежд. ОО	11,6	10,9	7,6	10	6	5,9
Числ-ть педагогов на 100 обуч. в учрежд. ПО	26,1	-	-	-	7,7	6,6
K _i для образован.	-0,11	0,04	-0,07	-0,14	-0,07	0,12
Di для образован.	0,06	0,22	0,18	0,12	0,12	0,1

Наибольший коэффициент удовлетворённости населения системой образования наблюдается в Костомукшском ГО, а также в Калевальском районе, наименьший — в Лоухском районе и Беломорском округе. При этом коэффициент динамики состояния системы образования имеет наибольшие значения в Калевальском и Кемском районах. Явной корреляции между оценками удовлетворённости системой образования и количеством преподавателей на 10 000 человек населения, а также 100 человек учащихся не наблюдается.

Блок 3. Оценка населением состояния сферы культуры, досуга и развлечений и пространственные особенности её развития

Важнейшей составляющей условий воспроизводства человеческого капитала является состояние сферы культуры, досуга и развлечений. На рассматриваемых территориях данный аспект изучался через анализ оценок населения, полученных в рамках ответов на следующие вопросы:

1. Насколько Вы удовлетворены досугом и развлечениями в месте Вашего проживания?
2. Какие наиболее серьёзные и важные для Вас проблемы в сфере досуга, развлечений и учреждений культуры Вы можете отметить в месте Вашего проживания?
3. Есть ли улучшения в сфере досуга, развлечений и культуры в месте Вашего проживания в последние годы?
4. Если улучшения были, то опишите их кратко.

В оценке состояния сферы культуры и досуга наиболее распространённым является нейтральное отношение, однако отрицательные оценки преобладают над положительными (32,5% и 21,6%, соответственно). При этом абсолютно неудовлетворены состоянием сферы досуга 13,9% опрошенных, а полностью удовлетворены — 5,0% (рис. 8).

⁴ Составлено авторами на основе данных полевого исследования и официальной статистической информации. В таблице (1) Беломорский округ; (2) Калевальский район; (3) Кемский район; (4) Лоухский район; (5) Сегежский округ; (6) Костомукшский городской округ. ОО — общего образования; ДО — дополнительного образования; ПО — профессионального образования.

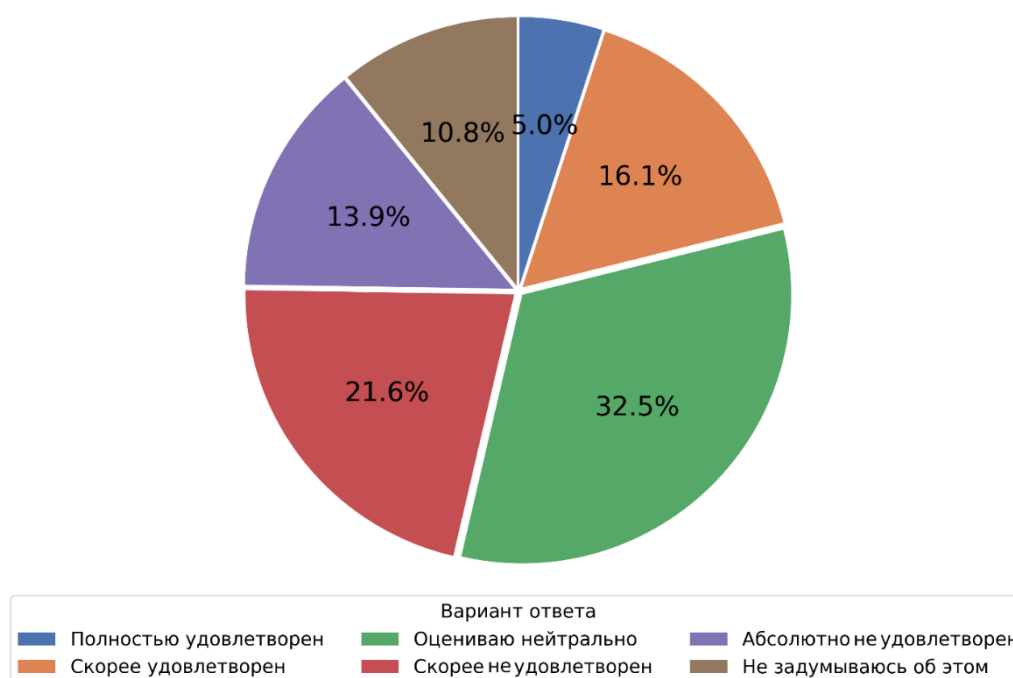

Рис. 8. Удовлетворённость населения Арктической Карелии состоянием сферы культуры, досуга и развлечений.

В территориальном разрезе наименее высокие оценки состояния данной сферы мы видим в Кемском районе — 52,4% респондентов не удовлетворены её состоянием (из них 21,8% — абсолютно не удовлетворены). Наиболее высокие оценки населения характеризуют состояние сферы досуга в Костомукшском ГО: 29,0% ответивших выражают удовлетворённость (5,0% — абсолютно удовлетворены) и только 17,8% — неудовлетворённость (из них 3,9% — абсолютно не удовлетворены). В остальных районах отрицательные оценки преобладают над положительными и их распределение занимает промежуточное положение между двумя указанными территориями.

Ключевыми проблемами в сфере досуга, по мнению жителей Арктической Карелии, являются отсутствие или малое количество кружков по интересам (отметили 29,9% опрошенных), нехватка или отсутствие кинотеатров (20,9%), отсутствие или плохое состояние библиотек (20%), низкое качество имеющихся услуг в сфере досуга (19,5%), а также малое количество интересных людей, с кем хотелось бы проводить досуг (17,3%).

Ситуация на территориях существенно различается (рис. 9). Если для Костомукшского ГО преобладающей проблемой является низкое качество имеющихся услуг в сфере досуга (32,4%), то для населения Сегежского округа к данной проблеме (30,9%) присоединяется малое количество или отсутствие спортивных объектов (бассейнов, тренажёрных залов и т.д.) (31,3%). Для периферийных районов характерна выраженность проблем, связанных с нехваткой учреждений досуга и культуры: в Беломорском округе — отсутствие или плохое состояние библиотек (52,8%) и отсутствие или малое количество кружков по интересам (38%); в Калевальском районе — отсутствие или плохое состояние библиотек (28%) и дороговизна имеющихся услуг в сфере досуга (28%); в Кемском районе — отсутствие или малое количество кружков по интересам (60,5%) и нехватка или отсутствие кинотеатров (29%); в Лоухском

районе — отсутствие или малое количество музеев, выставок (49%), отсутствие или малое количество кружков по интересам (37,9%).

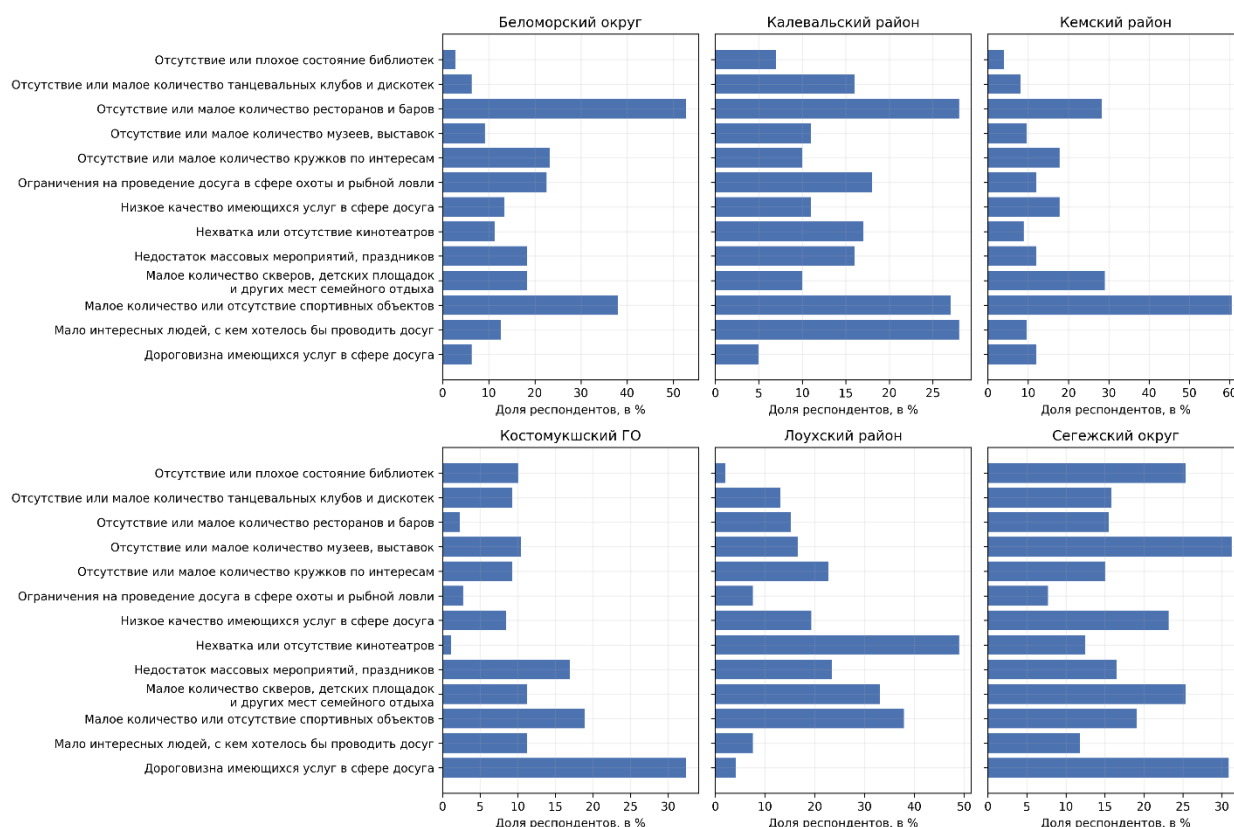

Рис. 9. Распределение ответов населения Арктической Карелии на вопрос «Наиболее серьёзные и важные проблемы в сфере досуга, развлечений и учреждений культуры в месте проживания».

Оценивая улучшения, произошедшие в сфере досуга, развлечений и культуры в месте проживания, их наличие отметили 19,8% респондентов. Наибольшая доля положительных оценок в Кемском районе (31,3%) и Калевальском районе (28,0%), наименьшая — в Лоухском районе (10,3%).

Улучшения в сфере досуга, отмечаемые населением Арктической Карелии, охватывают появление кинотеатра, культурные мероприятия, строительство детской площадки, появление зон отдыха и др.

Рассматривая пространственную локализацию учреждений культуры, досуга и развлечений, мы видим наибольшую обеспеченность условиями для рекреации в Костомукшском ГО и Сегежском округе (табл. 5).

Таблица 5

Сводная информация о состоянии системы культуры, досуга и развлечений на территориях Арктической Карелии в 2022 г.⁵

Показатели	Муниципальные районы					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Число учреждений культуры	4	5	7	9	5	3

⁵ Составлено авторами на основе данных полевого исследования и официальной статистической информации. В таблице (1) Беломорский округ; (2) Калевальский район; (3) Кемский район; (4) Лоухский район; (5) Сегежский округ; (6) Костомукшский городской округ.

Число учреждений досуга и развлечений	2	2	0	1	10	16
Число учреждений культуры на 10 000 чел. насел.	3,39	9,43	6,25	10,34	1,72	1,21
Число учреждений досуга и развлечений на 10 000 чел. насел.	1,69	3,77	0	1,15	3,44	6,45
K_i для сферы культуры, досуга и развлечений	-0,28	-0,07	-0,29	-0,20	-0,16	0,07
D_i для сферы культуры, досуга и развлечений	0,15	0,28	0,31	0,1	0,18	0,21

Наибольший коэффициент удовлетворённости населения сферой культуры, досуга и развлечений наблюдается в Лоухском районе и Калевальском районах, наименьший — в Кемском районе и Беломорском муниципальном округе. При этом коэффициент динамики состояния системы образования имеет наибольшие значения в Кемском и Калевальском районах.

Заключение

В качестве выводов следует отметить, что из трёх рассматриваемых составляющих условий воспроизводства человеческого капитала, связываемых нами с категорией социальной ёмкости пространства, наиболее критичными оценками населения характеризуется сфера здравоохранения. Несмотря на достаточную распространённость учреждений в пространственном отношении, одной из проблем является ограниченность режима их функционирования, связанная с нехваткой специалистов (зачастую на несколько ФАПов приходится один фельдшер или врач) и нехваткой оборудования. Данный аспект отражается как в объективных данных о численности врачебного и среднего медицинского персонала и режиме работы учреждений, так и в оценках населением важнейших проблем в сфере здравоохранения в месте проживания. Ключевыми для населения Арктической Карелии являются проблемы нехватки специалистов (её отметили 63,2% респондентов), нехватки современного оборудования (50,4%), недоступности сложных видов медпомощи (36,4%) и узкого спектра лабораторных исследований (28,4%). Данный перечень позволяет говорить о ещё одном аспекте сферы здравоохранения, обуславливающем полноту её функциональности с точки зрения условий воспроизводства человеческого капитала — соотношении между спектром потребностей населения и спектром оказываемых услуг здравоохранения. В отношении динамики решения проблем в сфере здравоохранения преобладают отрицательные оценки: только 15% респондентов отмечают, что в последние годы произошли улучшения.

Рассматривая состояние системы образования и повышения квалификации в Арктической Карелии, следует отметить несколько ключевых аспектов, важных с точки зрения воспроизводства человеческого капитала: отсутствие учреждений высшего профессионального образования или их филиалов на территории субрегиона, ограниченность учреждений среднего профессионального образования, а также пространственная неравномерность размещения частных учреждений образования. Так, например, отсутствие на

территории удалённого Калевальского района автошкол или их филиалов значительно ограничивает возможности местного бизнеса в найме водителей и является дополнительным импульсом к уходу предпринимателей с территории. Ключевыми проблемами в сфере образования и повышения квалификации, по мнению населения, являются: нехватка специалистов в образовании (48,2%), отсутствие учреждений высшего профессионального образования (33,6%), падение уровня образования (25,5%) и плохое состояние зданий школ и детских садов (25%). В целом удовлетворённость состоянием сферы образования оценивается респондентами значительно выше, чем удовлетворённость системой здравоохранения: преобладают нейтральные оценки, а в Костомукшском ГО положительные оценки даже превалируют над отрицательными. Однако динамика состояния сферы образования характеризуется более низкими оценками: улучшения отмечают только 12% респондентов в масштабах Арктической Карелии.

В сфере культуры, досуга и развлечений наблюдается выраженная пространственная неравномерность размещения условий рекреации. Высокая обеспеченность населения объектами культуры характерна для Калевальского, Кемского и Лоухского районов (более 6 ед. на 10 000 чел.), тогда как для Сегежского округа и Костомукшского ГО это значение составляет менее 2 ед. на 10 000 чел. Это положение Сегежского округа и Костомукшского ГО компенсируется относительной развитостью сферы досуга и развлечений. На этом фоне выделяется Беломорский округ, где население обеспечено и культурными, и досуговыми учреждениями на относительно низком уровне. Ключевыми проблемами в сфере культуры, досуга и развлечений, по мнению населения, являются отсутствие или малое количество кружков по интересам (её отметили 29,9% респондентов), отсутствие кинотеатров (20,9%), отсутствие или плохое состояние библиотек (20%) и низкое качество имеющихся услуг в сфере досуга (19,5%). Однако динамика состояния сферы культуры, досуга и развлечений характеризуется самыми высокими оценками из рассматриваемых составляющих условий воспроизводства человеческого капитала: улучшения отмечают 20% респондентов.

Обобщая рассмотренные составляющие условий воспроизводства человеческого капитала на территории Арктической Карелии в контексте понятия социальной ёмкости пространства, следует отметить, что его содержательное наполнение следует разделить на следующие составляющие, отталкиваясь от концептуальной логики и имеющихся данных:

- 1) инфраструктурный аспект: пространственное размещение объектов;
- 2) функциональный аспект: полнота реализации функционала объектов;
- 3) производственный аспект: соотношение между спектром оказываемых услуг и спектром потребностей населения.

Для более подробного и детализированного анализа составляющих социальной ёмкости пространства необходимо ввести в систему показателей параметры, отражающие

плотность пространства и его связность применительно к реализации учреждениями здравоохранения, образования и культуры, досуга и развлечений своих социальных функций.

Таким образом, дополнение представленной в настоящем исследовании информации значениями указанных показателей позволит сформировать достаточные информационные основы для перспективной разработки и операционализации понятия социальной ёмкости пространства в функциональном, инфраструктурном и воспроизводственном измерениях.

Практическая значимость исследования заключается в формировании информационно-аналитических основ управления территориями арктических регионов России в части создания условий для закрепления населения и перехода к расширенному воспроизводству человеческого капитала.

Развитие исследований в данной предметной области будет сосредоточено на развитии экономико-социологического инструментария измерения социальной ёмкости пространства и расширении географии проводимых исследований на другие территории АЗРФ.

Список источников

1. Говорова Н.В. Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения арктических территорий // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.52>
2. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. Т. 20. № 2. С. 51–61.
3. Lee E.S. A theory of migration // Demography. 1966. No. 3. Pp. 47–57.
4. Волков А.Д., Тишков С.В. Стратегические приоритеты развития региона Карельской Арктики в условиях интеграции экономического пространства Арктической зоны России // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 5–32. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.46.5>
5. Волков А.Д., Симакова А.В., Тишков С.В. Пространственная дифференциация факторов миграции населения арктического региона (на примере Карельской Арктики) // Регион: экономика и социология. 2022. № 3 (115). С. 155–186. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20220307>
6. Пишняк А.И., Горяйнова А.Р., Назарбаева Е.А., Халина Н.В. Инвестиции среднего класса в человеческий капитал: потребление платных услуг в области образования и медицины // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 69–85. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-69-85>
7. Guo Ju., Qu Xi. Competition in household human capital investments: Strength, motivations and consequences // Journal of Development Economics. 2022. Vol. 158. Art. 102937. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdevec.2022.102937>
8. Paczos W., Sawulski J., Leśniewicz F. How much do public and private sectors invest in physical and human capital? Towards a new classification of investments // International Review of Economics & Finance. 2023. Vol. 88. Pp. 1324–1336. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.iref.2023.07.010>
9. Chen B-L., Liang F-C. Optimal taxation in the life cycle with human capital investment // Review of Economic Dynamics. 2024. Vol. 52. Pp. 21–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.red.2023.11.004>
10. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие : тез. докл. к XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва. 10–13 апреля 2018 г. / Под ред. Я.И. Кузьминова, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Якобсона. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 63 с.
11. Сеница А.Л. Развитие системы образования как фактор демографического развития регионов Крайнего Севера // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 22–50. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.22>

12. Торопушина Е.Е. Здравоохранение российской Арктики: уроки пандемии COVID-19, результаты оптимизации, приоритеты развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 2. С. 117–132. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.008>
13. Торопушина Е.Е. Методические подходы к оценке уровня развития социальной инфраструктуры регионов Севера и Арктики России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 4. С. 101–110. DOI: <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.101-111>
14. Конышев В.Н., Лагутина М.Л. Безопасность человека в Арктике: угрозы сквозь призму «северного менталитета» // Арктика и Север. 2021. № 45. С. 85–112. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.45.85>
15. Гершанок Г.А. Социально-экономическая и экологическая ёмкость территории при оценке устойчивости ее развития // Экономика региона. 2006. № 4 (8). С. 166–180.
16. Татаркин А.И., Гершанок Г.А. Методология оценки устойчивого развития локальных территорий на основе измерения их социально-экономической и экологической ёмкости // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. 2006. Т. 6. № 1. С. 40–48.
17. Безгубов В.А., Часовников С.Н. К вопросу об экологической ёмкости территории и способам ее оценки // Фундаментальные исследования. 2015. № 12–4. С. 751–754.
18. Zhang Y., Fan J., Wang S. Assessment of Ecological Carrying Capacity and Ecological Security in China's Typical Eco-Engineering Areas // Sustainability. 2020. No. 12 (9). Art. 3923. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12093923>
19. Копылов И.С., Красильников П.А., Клецкина О.В. Экологическая ёмкость территории: классификации подходов и критериев оценки // Экология и промышленность России. 2023. Т. 27. № 4. С. 66–71. DOI: <https://doi.org/10.18412/1816-0395-2023-4-66-71>
20. Ермакова А.А. Проблемы определения рекреационных нагрузок и рекреационной ёмкости территорий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2009. № 2. С. 16–20.
21. Рыбкина И.Д. Оценка демографической ёмкости регионов Сибири // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 1–5. С. 1437–1442.
22. Фаузер В.В., Смирнов А.Д. Методологические подходы к определению демографической ёмкости Севера и Арктики // Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Сыктывкар, 24–25 декабря 2013 г.) в 2 ч. Сыктывкар, 2013. Ч. 2. С. 27–33.

References

1. Govorova N.V. Human Capital — A Key Factor of the Arctic Economic Development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.52>
2. Rybakovsky L.L. Factors and Causes of Migration, Mechanism of Their Relationship. *Population*, 2017, vol. 20, no. 2, pp. 51–61.
3. Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*, 1966, no. 3, pp. 47–57.
4. Volkov A.D., Tishkov S.V. Strategic Development Priorities for the Karelian Arctic Region in the Context of the Russian Arctic Zone Economic Space Integration. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 46, pp. 5–32. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.46.5>
5. Volkov A.D., Simakova A.V., Tishkov S.V. Spatial Differentiation of Migration Factors in the Arctic Region (Case Study of the Karelian Arctic). *Region: Economics and Sociology*, 2022, no. 3 (115), pp. 155–186. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20220307>
6. Pishnyak A.I., Goryaynova A.R., Nazarbaeva E.A., Khalina N.V. Middle Class' Investment in Human Capital: Consumption of Paid Services in Education. *Economic Questions*, 2020, no. 11, pp. 69–85. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-69-85>
7. Guo Ju., Qu Xi. Competition in Household Human Capital Investments: Strength, Motivations and Consequences. *Journal of Development Economics*, 2022, vol. 158, art. 102937. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2022.102937>

8. Paczos W., Sawulski J., Leśniewicz F. How Much Do Public and Private Sectors Invest in Physical and Human Capital? Towards a New Classification of Investments. *International Review of Economics & Finance*, 2023, vol. 88, pp. 1324–1336. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.iref.2023.07.010>
9. Chen B-L., Liang F-C. Optimal Taxation in the Life Cycle with Human Capital Investment. *Review of Economic Dynamics*, 2024, vol. 52, pp. 21–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.red.2023.11.004>
10. Kuzminov Ya.I., Ovcharova L.N., Yakobson L.I. *How to Increase Human Capital and its Contribution to Economic and Social Development: Abstract of the XIX April International Scientific Conference on the Problems of Development of Economy and Society*. Moscow, HSE Publ., 2018, 63 p. (In Russ.)
11. Sinitsa A.V. The Education System Development as a Factor in the Demographic Growth of the Far North of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 22–50. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.22>
12. Toropushina E.E. Healthcare in the Russian Arctic: Lessons from the COVID-19 Pandemic, Optimization Results, and Development Priorities. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2023, no. 2, pp. 117–132. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.008>
13. Toropushina E.E. Methodical Approaches to Evaluation of Social Infrastructure Development in the Russian Northern and Arctic Regions. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2018, no. 4, pp. 101–110. DOI: <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.101-111>
14. Konyshev V.N., Lagutina M.L. Human Security in the Arctic: Threats through the Prism of the “Northern Mentality”. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2021, no. 45, pp. 85–112. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2021.45.85](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.45.85)
15. Gershanok G.A. Social, Economical and Ecological Territory Capacity within the Stability's Assessment of Its Development. *Economy of Regions*, 2006, no. 4 (8), pp. 166–180.
16. Tatarkin A.I., Gershanok G.A. Methodology for Assessing the Sustainable Development of Local Territories Based on Measuring Their Socio-Economic and Environmental Capacity. *Vestnik NSU. Series: Social and Economics Sciences*, 2006, vol. 6, no. 1, pp. 40–48.
17. Bezgubov V.A., Chasovnikov S.N. The Issue of Ecological Capacity of the Territory and Establishes a Framework. *Fundamental Research*, 2015, no. 12–4, pp. 751–754.
18. Zhang Y., Fan J., Wang S. Assessment of Ecological Carrying Capacity and Ecological Security in China's Typical Eco-Engineering Areas. *Sustainability*, 2020, no. 12 (9), art. 3923. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12093923>
19. Kopylov I.S., Krasilnikov P.A., Kletschina O.V. Ecological Capacity of Territory: Classifications of Approaches and Evaluation Criteria. *Ecology and Industry of Russia*, 2023, vol. 27, no. 4, pp. 66–71. DOI: <https://doi.org/10.18412/1816-0395-2023-4-66-71>
20. Ermakova A.A. Problems of Definition of Recreational Pressure and Recreational Capacity of Territories. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, 2009, no. 2, pp. 16–20.
21. Ribkina I.D. Estimate the Demographic Capacities of Siberian Regions. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2010, vol. 12, no. 1–5, pp. 1437–1442.
22. Fauzer V.V., Smirnov A.D. Methodological Approaches to Determining the Demographic Capacity of the North and the Arctic. In: *Socio-Economic, Demographic and Historical Research in the North of Russia. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conf. (Syktyvkar, December 24–25, 2013). In 2 parts. Part 2. Syktyvkar, 2013, pp. 27–33.*

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024, 05.03.2024;
принята к публикации 11.03.2024

Вклад авторов: Волков А.Д. — концепция исследования; развитие методологии;
научное руководство; написание исходного текста; итоговые выводы;
Аверьянов А.О. — написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы;
Рослякова Н.А. — развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы;
Голомыдько П.А. — доработка текста

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 115–135.

Научная статья

УДК [304.42:331](985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.115>

Медиаобраз Арктики: решение задачи кадрового обеспечения региона

Зашихина Инга Михайловна^{1✉}, кандидат философских наук, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ zashikhinainm@mail.ru ✉, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

Аннотация. Статья посвящена актуальному вопросу кадрового обеспечения российской Арктики. К потенциальным трудовым кадрам Арктики сегодня относят представителей поколения Z, выпускников российских вузов. Задача привлечения трудовых ресурсов в Арктику имеет своей адресной аудиторией молодёжь. Проводником государственной политики являются средства массовой информации. СМИ обеспечивают публичные нарративы социальных конструктов. С помощью СМИ происходит репрезентация такого важного для государства социального конструкта, как российская Арктика. Устоявшийся медийный образ Арктики включает в себя характеристики, связанные с суровыми погодными условиями местности, ресурсностью региона, его военным потенциалом, экологическими проблемами. Традиционные компоненты медиаобраза Арктики имеют слабое значение с точки зрения освещения кадрового потенциала региона. Существующий медиаобраз Арктики является неинформативным для потенциальных трудовых кадров Арктики в связи с особенностями потребления и обработки информации публичного характера молодёжью. Для контента медиаобраза важна прямая прагматическая составляющая, имеющая непосредственное отношение к вопросу трудовой вакансии, условий проживания, работы и образа жизни в локации вакантного места. Методологической базой исследования являются современные публикации на обозначенную тематику и данные социологического опроса студентов арктического вуза. Цель исследования — определить, каким должен быть медиаобраз Арктики, чтобы соответствовать государственной стратегии российского правительства по развитию АЗРФ. В результате выработаны рекомендации по корректировке медиаобраза Арктики для решения задачи кадрового обеспечения Арктики. Новизна исследования заключается в данных, полученных в ходе опросов студентов арктического вуза, которые позволяют оценить степень осознания молодыми людьми возможностей применения профессиональных компетенций в освоении Арктики. Исследования, посвящённые изучению особенностей современной молодёжи, в том числе в вопросе потребления СМИ, также составляют научную новизну в исследовании инструментов по формированию кадров Арктики. Практическую значимость представляют возможности, которые обеспечат новый медиаобраз Арктики для создания кадрового потенциала АЗРФ.

Ключевые слова: трудовые кадры Арктики, молодёжь, медиаобраз Арктики, цифровые СМИ, блогеры

Media Image of the Arctic: Towards Qualified Human Resources

Inga M. Zashikhina^{1✉}, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ zashikhinainm@mail.ru ✉, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

* © Зашихина И.М., 2024

Для цитирования: Зашихина И.М. Медиаобраз Арктики: решение задачи кадрового обеспечения региона // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 115–135. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.115>

For citation: Zashikhina I.M. Media Image of the Arctic: Towards Qualified Human Resources. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 115–135. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.115>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Abstract. The article is devoted to the relevant topic — the Russian Arctic labor resources. The potential labor force of the Arctic today includes representatives of generation Z, graduates of Russian universities. The strategic issue of attracting labor resources to the Arctic has a target audience of young people. The governmental policy agent is mass media. The media provide public narratives of social constructs. The media are used to represent such an important social construct for the state as the Russian Arctic. The established media image of the Arctic includes characteristics related to the harsh weather conditions, the region's resource endowment, its military potential, and environmental problems. The traditional components of the media image of the Arctic have little significance in terms of highlighting the region's human resource potential. The existing media image of the Arctic is uninformative for potential Arctic labor force due to the features of public information consumption and processing by young people. The content of the media image has a specific pragmatic component that is directly related to the issue of labor vacancies, living conditions, work and lifestyle in the location of the vacancy. The aim of the study is to determine the media image of the Arctic corresponding to the Russian government's strategy for the development of the area. As a result, recommendations are made to adjust the media image of the Arctic to solve the problem of staffing the Arctic. The scientific novelty of the study is in the data obtained through surveys of Arctic university students. This data allows us to assess the degree of young people's awareness of the possibilities for applying professional competencies in the development of the Arctic. The study of the modern youth features, including the character of media consumption, also constitutes scientific novelty in the study of tools for the formation of Arctic workforce. Practical significance is represented by the possibilities that will provide a new media image of the Arctic for the creation of human resources potential of the AZRF.

Keywords: *Arctic labor resources, youth, media image of the Arctic, digital media, bloggers*

Введение

В России действует политика управления социально-экономическим развитием Арктической зоны РФ¹. Инновационная модернизация в управлении территориями подразумевает взвешенный и продуманный подход в распределении любых ресурсов, направленных на развитие страны. Времена экстенсивного социального развития канули в лету в связи с возрастающими экологическими рисками и распространением интеллектуальных форм менеджмента и программных компьютерных технологий. Грамотное освоение АЗРФ включает в себя синергетическую консолидацию усилий со стороны государственного аппарата, бизнеса, области образования, научно-исследовательских учреждений и публичной сферы [1, Zaikov K.S., Kondratov N.A., с. 126].

Развитие АЗРФ невозможно без человеческого присутствия в суровых арктических условиях, несмотря на широкое использование ИКТ и робототехники в инженерных и технологических процессах. Провозглашается задача формирования капитала российской Арктики, «восприимчивого к инновациям, готового к включению в научные и производственные процессы в условиях стремительно обновляющихся технологий» [2, Липкин А.В., с. 13]. В то же время специалисты отмечают дисбаланс спроса и предложения на рынке труда АЗРФ. Выпускники трудоустраиваются не по профессии. Такая ситуация имеет последствия как в виде снижения профессионального уровня выпускников, так и в

¹ Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2021 г. № 996-р «Об утверждении единого плана мероприятий по реализации Основ государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года и Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400560856/?ysclid=lr0ba7xbzf849734262> (дата обращения: 05.02.2024).

виде сокращения интеллектуального потенциала АЗРФ [3, Корчак Е.А., с. 1626]. На фоне всё чаще звучащих заявлений о том, что необходимо наращивать квалифицированные трудовые кадры в Арктике, исследователи говорят о низких темпах развития человеческого капитала в этой зоне [4, Каргинова-Губинова В.В., с. 8]. Регистрируются высокие темпы миграции молодёжи с Севера.

Фиксируемые экспертами проблемы говорят о том, что социальная политика создания кадрового потенциала в Арктике нуждается в доработке. Необходимо подумать о механизме создания условий для удержания и привлечения молодёжи в АЗРФ. Одним из средств социальной политики традиционно является создание одобряемого обществом нарратива [5, Boughton M.]. Нарратив, или репрезентация того или иного объекта, создаётся средствами массовой культуры: кино, литературы, изобразительного искусства. Огромный вклад в создание публичного нарратива вносят СМИ, порождая медиаобраз социального конструкта. За счёт объёмов информации и постоянной трансляции той или иной точки зрения СМИ под силу сформировать отношение широких масс людей к обсуждаемому вопросу [6, Терских М.В., с. 200].

Медийный образ советской Арктики был связан с жизнью полярников и включал в себя существенную долю романтики, героизма, отваги, которую проявляли немногие чудаки, осмелившиеся поехать в суровые края. Образ Арктики, создаваемый современными СМИ, несколько расширил понимание северных территорий, добавив таких прагматических составляющих, как потенциал, ресурсность региона. Несмотря на изменения в медиаобразе, исследования показывают, что сегодня Арктика предстаёт как далёкий и трудный для жизни регион [7, Жигунов А.Ю.]. Следует констатировать, что существующий медийный образ не сделал Арктику более понятной и привлекательной для жизни. При рассмотрении медийного образа Арктики как части публичной политики возникает понимание его ущербности в рамках государственной стратегии по развитию АЗРФ.

В связи с тем, что молодёжь является основой для формирования кадрового потенциала, осваивающего Арктику, возникают вопросы:

- Какой информацией об Арктике владеет современный потребитель СМИ-контента?
- Как знания об Арктике, получаемые читателем / зрителем СМИ, определяют публичное отношение к вопросу современного освоения АЗРФ?
- Насколько продуктивен формируемый в СМИ образ Арктики для её развития?
- Каким должен быть медиаобраз Арктики, чтобы соответствовать государственной стратегии российского правительства по развитию АЗРФ?

Ответ на последний вопрос стал целью настоящего исследования. В результате работы предполагаются рекомендации по корректировке медиаобраза Арктики в целях решения задачи развития человеческого капитала Арктики и её кадрового обеспечения. Предложения по изменению медиаобраза Арктики основаны на исследованиях, посвящённых изучению взглядов современной молодёжи, в том числе на данных об

особенностях потребления СМИ молодым поколением, что составляет научную новизну в изучении инструментов по привлечению трудовых кадров в Арктику. Помимо этого, новизну исследования представляют данные опросов студентов арктического вуза, которые позволяют оценить степень осознания молодыми людьми возможностей применения собственных компетенций в деле освоения Арктики. Практическая значимость работы заключается в перспективах, которые обеспечат новый медиаобраз Арктики для создания кадрового потенциала для работы в АЗРФ.

Методология

Основанием для исследования стал следующий факт: было выявлено, что *студенты арктического вуза, целью которого является, в том числе, подготовка кадров для работы в Арктике, слабо представляют себе, как они могут применить свои усилия на пользу освоения Арктики*. Так, в 2022–2023 г. мы провели опрос среди 117 студентов уровней бакалавриата и магистратуры социально-гуманитарного кластера Северного (Арктического) федерального университета. Были заданы следующие вопросы:

- Как студенты арктического вуза могут применить полученные профессиональные компетенции для освоения Арктики?
- Что вы знаете об Арктике?
- Откуда вы получили информацию об Арктике?

Ответы на первый вопрос показали, что:

- 67% респондентов полагают, что *никак* не могут быть полезными для освоения Арктики,
- 28% ответили, что, *возможно*, получив образование, смогут быть так или иначе полезными,
- 3% воздержались от ответа (рис. 1).

Рис. 1. Как студенты арктического вуза могут применить полученные профессиональные компетенции для освоения Арктики.

Ответы на вопрос: «Что вы знаете об Арктике?» можно сформировать в три основные группы:

- Арктика обладает большими природными ресурсами (77%).
- Арктика — территория критических температур (63%).
- Ничего не знаю (11%).
- Иное (26%) (рис. 2).

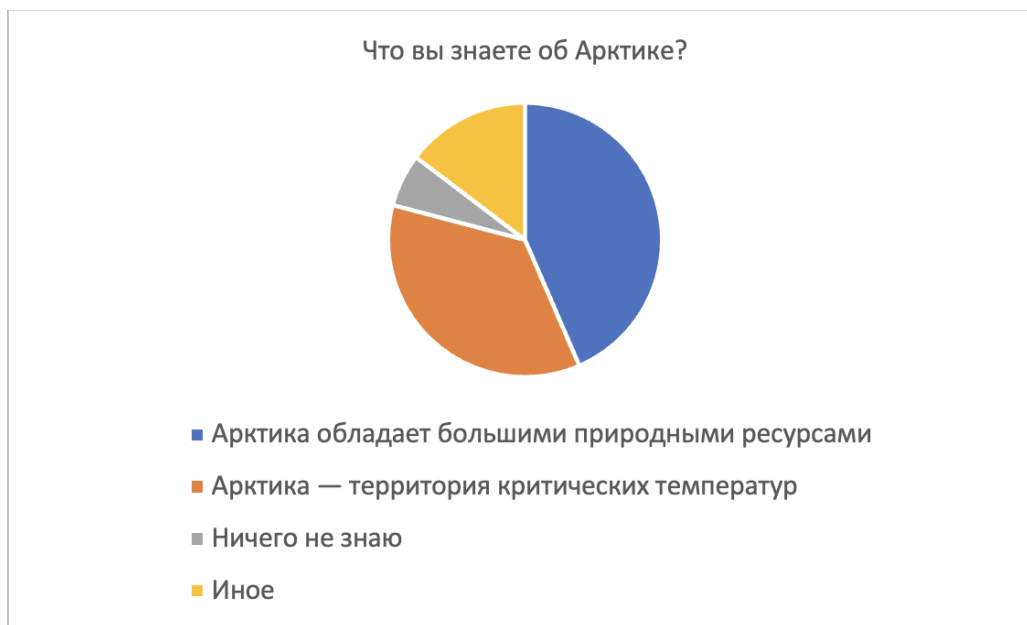

Рис. 2. Что студенты знают об Арктике?

Ответы на вопрос «Откуда вы получили информацию об Арктике?» попадают в следующие группы:

- Из СМИ (69%).
- Из разговоров с окружающими (28%).
- Иное (3%) (рис. 3).

Рис. 3. Откуда студенты получают информацию об Арктике?

Полученная информация даёт основания считать, что:

- молодёжь, которая потенциально может составить кадры для освоения Арктики, мало что знает о проблемах, возникающих в процессе освоения Арктических территорий;
- средствами получения информации об Арктике для молодого поколения в основном являются СМИ и публичное мнение.

Учитывая, что публичное мнение во многом формируется средствами массовой информации, мы задались вопросом: «Почему образ Арктики в СМИ не даёт понимания о проблемах, которые нужно решать в ходе освоения Арктики?». Другим естественно возникающим в данном контексте вопросом стал вопрос «Каким должен быть образ Арктики, чтобы молодёжь рассматривала этот регион как место для работы и жизни?». Для ответа на заданные вопросы мы интервьюировали 50 студентов бакалавриата и 20 студентов магистратуры различных направлений обучения в САФУ. Были заданы вопросы по поводу их критериев для определения места работы и жизни. Ответы на эти вопросы позволяют определить, насколько существующий публичный образ Арктики может рассматриваться современной молодёжью в качестве места работы и жизни. Кроме этого, был проведён анализ существующих научных публикаций по указанным темам. Рассмотренные публикации касаются следующих вопросов:

- Каковы характеристики современной молодёжи, начинающей свой трудовой путь?
- Как молодые люди получают и обрабатывают информацию публичного характера?
- Какую публичную информацию даёт современный медийный образ Арктики?

В результате анализа данных интервью и контента современных научных публикаций даны предложения по дополнению публичного образа Арктики с тем, чтобы эта территория стала местом выбора современной молодёжи для трудоустройства.

Трудовые кадры для Арктики

Арктика нуждается в трудовых кадрах². Направления работы в Арктике связаны с добычей углеводородного сырья, обеспечением логистической инфраструктуры, инженерно-технологическим развитием территорий. Работа на Севере обладает особенностями, которые можно отнести к негативным: природно-климатические условия низких температур, транспортная труднодоступность, социально-психологическая изоляция работающего персонала, ограниченные возможности комфорта, скудность окружающего ландшафта. Перечисленные особенности влекут за собой соответствующие последствия для человека: риски для здоровья, в том числе для психического, появление хронических заболеваний, высокая стоимость жизни, частая смена работающего персонала на предприятиях. Большая часть труда организуется в вахтовой форме. Превалирующая часть

² Развитие Российской Арктики потребует около 180 тысяч новых специалистов. URL: <https://pravdasevera.ru/2022/11/10/636cdd6f3c903a2d8a4e4802.html?ysclid=lqzlmxi7j147122998> (дата обращения: 05.02.2024).

трудовых кадров — мужчины, что объясняется тем, что исторически кадры Арктики составляли прежде всего сотрудники топливно-энергетического комплекса.

Большие надежды в вопросе развития Арктики возлагаются на современную молодёжь, студентов вузов и учреждений среднего профессионального образования [8, Иванова М.В., Зайцев Д.В., с. 47]. Именно они должны составить трудовые кадры для работы в таком сложном для развития макрорегионе, как Арктика. Предполагается, что молодые люди примут решение выбрать АЗРФ в качестве места своей жизни, работы, построения семьи. Однако, по мнению исследователей, современная молодёжь желает комфортной жизни, которая не потребует огромных усилий и даст возможность хорошо заработать и самореализоваться [9, Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., с. 173–174]. Соответствует ли карьера в Арктике этим требованиям? Вероятно нет, так же, как и большинство других профессиональных треков. Нет работы, которая была бы одновременно и высокооплачиваемой, и малозатратной, так что вопрос выбора той или иной вакансии молодыми людьми вряд ли определяется исключительно сложностью трудовых условий.

Какие факторы влияют на решение молодых людей в пользу той или иной рабочей позиции? Мы спросили 70 студентов, что они хотели бы знать о вакансии, чтобы сформировать своё решение по поводу будущей работы в экстремальных арктических условиях. Были даны как варианты ответов, так и возможность ответить в свободной форме. Среди вариантов ответов были такие, которые в целом характерны для информационной страницы о любой вакансии:

- зарплата,
- бытовые условия труда,
- возможность карьерного роста,
- медицинская страховка,
- возможность брать отпуск в удобное для работника время,
- возможность повышения квалификации за счёт предприятия,
- возможность льготной ипотеки,
- транспортная доступность территории рабочего места,
- условия для рекреации (учреждения культуры, кинотеатр, спортзал, место для прогулок, организации общепита).

Респонденты выбрали следующие ответы:

- зарплата — 70 человек,
- бытовые условия труда — 70 человек,
- возможность карьерного роста — 63 человека,
- медицинская страховка — 67 человек,
- возможность брать отпуск в удобное для работника время — 59 человек,
- возможность повышения квалификации за счёт предприятия — 50 человек,

- возможность льготной ипотеки — 69 человек,
- транспортная доступность территории рабочего места — 68 человек,
- условия для рекреации (учреждения культуры, кинотеатр, спортзал, место для прогулок, организации общепита) — 70 человек (рис. 4).

Рис. 4. Факторы, влияющие на решение молодых людей при выборе трудовой вакансии.

Выходит, что большая часть предложенной информации является необходимой молодым людям для того, чтобы принять решение о том, насколько вакансия является подходящей. Наиболее любопытными оказались ответы, предложенные в свободной форме. Так, были даны ответы:

- *«Зарплата может быть неплохой, но затраты на поездку к месту работы могут перекрывать все плюсы»;*
- *«Даже если будет дана ипотека, разве в Арктике много вариантов выбора жилья?»;*
- *«Бытовые условия — это в помещении или на открытом воздухе? А если в помещении, то это помещение находится в поле?»;*
- *«Я хотел бы знать, с кем я буду работать. У меня нет знакомых, работающих в экстремальных арктических условиях»;*
- *«Нужна удалённая работа. Сейчас все работают в компьютерах»;*
- *«Не знаю, смогу ли я работать при низких температурах. Скорее всего, нужно будет сначала попробовать. Есть вариант пробной работы?»;*
- *«Хотела бы знать, кто будет моим непосредственным начальником»;*
- *«Нужно давать ссылку на фотографии места работы, компании»;*
- *«А какая работа есть в экстремальных арктических условиях?»;*
- *«Не представляю, как можно описать бытовые условия в Арктике. Что бы ни было написано, нужно побывать на месте работы».*

Как видно, многие ответы даны в форме вопросов. Из утвердительных предложений наиболее показательным кажется последний ответ. Действительно, услышав о работе в Арктике, обыватель задаётся вопросами, а не ответами. Реакция закономерна: человек не может сделать выбор в пользу того, о чём не знает. Общие формулировки типа зарплаты, ипотеки и медицинской страховки, возможно, являются достаточными, если речь идёт о среднестатистическом месте работы. Вакансия в условиях Арктики — это выход за пределы ежедневного опыта. Много ли в публичном поле информации, которая повествовала бы о реальных кейсах работы в Арктике? Есть ли среди наших знакомых такие, которые могут поделиться собственной историей работы на арктических территориях? Если такие всё-таки есть, то насколько их история укладывается в рамки комфортной жизни? Где черпать информацию, достаточную для принятия решения о работе в Арктике?

Характеристика молодёжи как трудового ресурса

Хотя к категории молодёжь исследователи относят население от 12 до 30 лет, в данном исследовании мы остановимся на характеристиках того сегмента молодёжи, который является студентами университета. Такой выбор оправдан потому, что целый ряд университетов сегодня выстраивает свою образовательную стратегию в расчёте на рынок труда Арктики: вузы Дальнего Востока, Сибири, Якутии, Мурманской, Архангельской областей. Представители университетов ищут инструменты по удержанию талантов, привлечению профессиональных кадров в Арктику. Общество, университеты ожидают, что студенты, окончив университет, будут работать на экономику арктического региона, будут заняты на региональных предприятиях, но и отправятся работать в удалённые районы АЗРФ. Производится подготовка кадров по запросу предприятий горнодобывающей промышленности, судостроительных компаний, обрабатывающих, топливно-энергетических предприятий. Поскольку для северных регионов характерны высокие темпы миграции, идёт речь о мерах по удержанию молодёжи в северных регионах и привлечению на Север выпускников университетов соседствующих регионов [10, Оглезнева Т.Н., с. 15]. Нельзя сказать, что заявленные меры являются эффективными, так как отток молодёжи с северных территорий является высоким и трудноудерживаемым.

Причины миграции молодёжи являются комплексными. Однако важным фактором являются особенности возрастной группы. Социально-психологические особенности молодёжи позволяют отнести эту группу населения к наиболее уязвимой и неподготовленной к существующему рынку труда. Представителей поколения Z описывают как обучаемых, креативных и коммуникабельных [11, Никулина Ю.Н., с. 756]. При этом отмечается высокий уровень амбициозности, низкий уровень терпения, завышенные ожидания в отношении заработной платы и должностного статуса, отсутствие долгосрочных планов в профессиональной жизни. Кроме этого, молодые люди стремятся к самостоятельности в принятии решений, к обособленности от своих родителей жизни и к

экономической независимости [12, Захарова В.А., с. 49–50]. Одновременно отмечается, что молодёжь стремится получить желаемое быстро и без затруднений, быстро меняет цели и предпочтения, не признает авторитетов, высоко ценит честность, реализм и открытость. Молодёжи важно всегда быть на связи с друзьями и родственниками, они часто выбирают дистанционную форму работы, будучи цифровыми аборигенами [13, Badham M., Luoma-aho V., с. 420].

Если применить перечисленные характеристики к ситуации работы в арктической зоне, можно определить как плюсы, так и минусы в отношении соответствия характеристик потенциальных трудовых кадров и условий труда. Так, развитые мягкие навыки — коммуникативность, креативность — позволят легче вступать в процесс переговоров с потенциальными работодателями, а также стать частью рабочего коллектива. Стремление к независимости даст возможность принять решение о рабочем месте даже в том случае, если родственники выразят отрицательное отношение к оригинальному выбору. Самостоятельность позволит принимать решения в сложных рабочих ситуациях, вполне реальных для экстремальных арктических условий. Умение работать с цифровыми технологиями обеспечит возможность легко справиться с высокотехнологичным оборудованием. В целом высокий уровень обучаемости, приписываемый молодой аудитории, делает их ценными сотрудниками на любом инновационном производстве.

Несмотря на перечисленные достоинства поколения Z, существует ряд критических характеристик, которые вынуждают отнести работу в Арктике к менее вероятной для молодёжи. Амбициозность и низкая терпеливость — плохие помощники на любой ответственной должности. Ожидания высокой зарплаты также не всегда являются оправданными. Отсутствие перспективы и долгосрочных профессиональных планов становятся серьёзным препятствием в случае с регионом, который можно отнести к развивающейся территории. Стремление к быстрому успеху и отсутствие авторитетов в профессии нежелательно там, где нет явных и устоявшихся способов решений. Именно умение прислушиваться к советам опытных сотрудников и опыту коренного населения часто отмечается в качестве условия успеха в критических условиях Арктики. Наименее реальной кажется возможность постоянной связи с друзьями и родственниками на труднодоступных территориях Севера. Необходимость открытости, отмечаемая в качестве требования молодого поколения, также может быть препятствием по причине низкого уровня информационного освещения событий, происходящих на труднодоступных территориях.

Восприятие информации в публичной коммуникации

В современном обществе публичное мнение о многих социальных конструктах формируется посредством СМИ. Средства массовой информации являются каналом коммуникации государственной власти и общества. Публичный образ Арктики создаётся благодаря информации, содержащейся в газетных и журнальных статьях, сюжетах теле- и

радиопередач, научно-популярных блогах [14, Болсуновская Л.М., с. 148–149].

Молодёжная аудитория обладает спецификой в вопросе получения и обработки информации. В качестве главного источника получения информации молодёжь предпочитает цифровые медиа. Чем моложе контингент, тем чаще они просматривают блоги, YouTube [15, Полуэхтова И.А., с. 100]. Традиционное телевидение и печатные СМИ остаются практически вне поля зрения молодых людей [16, Вартанов С.А., с. 170–172]. Что касается каналов получения информации, то здесь важна мобильность. Средством номер один для получения информации является смартфон, подключённый к Интернету. Единицы знакомы с произведениями классической и советской литературы. Именно в советской культуре появились первые повествования об освоении Арктики. Однако ни художественная литература, ни кино ранней стилистики не является объектом выбора поколения Z в целом.

Обработка информации также существенно отличается от способов, характерных для взрослой аудитории. Стандартные средства привлечения внимания — баннеры, контекстная реклама — перестают быть воспринимаемыми. Предпочтение отдаётся визуальным средствам: мемам, картинкам, фотографиям. Молодёжь практикует «диагональное» чтение, часто концентрируется исключительно на заголовках, читает преимущественно короткие тексты и называет более объёмные тексты — пренебрежительно либо с усмешкой — лонгридами (от англ. long, read). Любая новость остаётся таковой на короткий срок, быстро покидая поле зрения молодых людей. Поколение Z запоминает не информацию, а то место, где её можно отыскать. Политическая повестка, традиционные представления о патриотизме не являются интересными. Отмечается формирование гражданской активности нового типа [17, Дунас Д.В., с. 120].

Существует проблема доверия молодых людей к информации в публичном поле. Согласно исследованиям, половина молодых пользователей российских СМИ доверяют предлагаемой информации, половина — не доверяют [18, Лапшинова К.В., с. 139]. Среди наиболее авторитетных источников информации выделяются блогеры. Именно они играют роль лидеров мнения в молодёжной среде. Исследователи отмечают, что лидерство блогеров связано с их умением добиться известности, публикационной активностью, качеством публикуемых постов и устойчивой гражданской позицией [19, Османова А.И.]. Доверие к блогерам простирается от вопроса выбора бренда одежды до политического выбора. Зачастую блогеры настолько авторитетны, что представители молодого поколения буквально начинают говорить предложениями из речи блогеров. Бизнес уже широко пользуется такими предпочтениями молодёжи. Мало какой бренд не прибегает к помощи известных тренд-сеттеров для выстраивания коммуникации с молодой аудиторией. Эти тенденции следует учитывать и при выстраивании коммуникации с молодёжной аудиторией по вопросам выбора профессионального пути и трудоустройства. Ассоциативное облако представляет современные тренды коммуникации в молодёжной среде (рис. 6).

Рис. 5. Ассоциативное облако современных трендов коммуникации в молодёжной среде.

Современный медиаобраз Арктики

Публичный образ Арктики, формируемый СМИ, — медиаобраз Арктики — привлекает внимание исследователей. В исследованиях Н.С. Авдониной и С.О. Долгобородовой говорится о широком внимании СМИ к арктической тематике начиная с 2001 г. С самого начала его формирования в медиадискурсе Арктики прослеживалась агональность, состязательность, продиктованная борьбой разных стран за арктический шельф [20, с. 739]. Геополитические, экономические вопросы, ресурсность региона — наиболее характерные темы, освещаемые в СМИ в период 2001–2007 гг. Далее медийный дискурс Арктики становится ещё более состязательным, милитаристским. В складывающийся публичный образ Арктики входят также проблемы экологии, климатических изменений, вопросы истории.

Прослеживая историю развития медиаобраза Арктики, авторы отмечают, что позднее СМИ больше начинают интересоваться вопросы нефтебурения, глобального потепления. К 2009 г. состязательность арктического медиадискурса становится менее очевидной. Шире начинают освещаться события международного сотрудничества. В целом медиаобраз Арктики остаётся устойчивым, и его содержание почти не меняется. Подтверждение этому факту можем найти в исследовании 2020 г. А.Ю. Жигунова, где автор выделяет три главных темы материалов об Арктике в СМИ: военизация и геополитическая обстановка в регионе, экономическая деятельность крупных компаний и экологические проблемы. Среди новых компонентов в медиаобразе выделяются туризм и научная экспедиционная деятельность. Кроме этого, добавляется тематика региональной промышленности и инфраструктуры. Этот вопрос связан с необходимостью развития обслуживающей отрасли. Кроме того, СМИ уделяют внимание вопросу инвестиций в промышленные объекты, в развитие транспортной инфраструктуры и проблеме добычи и переработки полезных ископаемых. Отметим, что материалы, относящиеся к тематике социального освоения Арктики, появляются в статусе

«иное» и «прочее» [7, с. 105].

Наиболее свежий анализ медиаобраза Арктики представлен в исследовании А.В. Симаковой и И.С. Степуть [21]. Этот материал в некоторой мере обращается к практической стороне вопроса медиаобраза Арктики, так как ставит на повестку вопрос о том, каков вес романтического и прагматического в медийном арктическом дискурсе. На самом деле, романтизм, свойственный арктической теме, традиционно широко описан в кино, музыкальных и художественных произведениях, живописи. Авторы пишут, что, несмотря на явную романтизацию арктического образа, современная Арктика — территория не только романтиков, но и стратегически важный объект. Отмечается, что официальные СМИ 2019–2021 гг. представляют Арктику в позитивном ключе как национальный приоритет и зону притяжения инвестиций. Более уверенно проявляется социальный компонент в медийном образе Арктики. Иницируется тема о создании инфраструктуры, комфортных условий проживания, привлечения кадрового потенциала.

Исследуя сложившийся в сознании людей образ Арктики, А.В. Симакова и И.С. Степуть фиксируют все вышеперечисленные тематические компоненты. Однако немаловажен тот факт, что представления населения об Арктике скорее романтичны и связаны с красотой природы и темой родины. Публичное мнение хоть и разделилось, но большая часть людей находится далеко от практичного осознания значимости арктических территорий. Речи о том, что население связывает Арктику, богатую ресурсами и являющуюся перспективным для освоения регионом, просто не идёт. Вопрос развития кадров транслируется всё чаще в публикациях последнего времени. При этом тематика касается трудностей, связанных с проблемой привлечения рабочих кадров и поиском решения данной проблемы [22, Saburov A.A., Nikiforov A.S.]. В целом такого рода публикации можно отнести к политическим вопросам освоения Арктики. Для обычного человека такие материалы имеют мало значения в силу своей отстранённости от жизненных проблем рядового гражданина: жизнеобеспечения, дохода, бытовой обустроенности, содержания семьи, воспитания детей, здравоохранения, рекреации.

Жизненный опыт трудовых кадров Арктики как часть медиаобраза

Как коррелирует созданный медиаобраз Арктики с задачей развития кадрового потенциала и привлечения трудовых ресурсов на Север? Важна ли информация, содержащаяся в медиаобразе, для принятия решения о месте работы в Арктике? Современная молодёжь достаточно прагматична и относится к построению своей жизни без иллюзий. Для разумного юноши романтический образ Арктики может быть привлекательным как часть эстетики, искусства и культуры, но не как основа для определения своего профессионального будущего. Знание о том, что Арктика — территория диалога, белых медведей и экстремальных температур, не может оказать положительного влияния при выборе АЗРФ в качестве места жизни и работы. Информационный, медийный

образ Арктики, нацеленный на привлечение кадров, должен не только давать основания для объективной гордости, но и понимание реальной картины будущего опыта, важной для планирования собственной жизни и построения семьи.

Авторы публикаций последнего времени по вопросу трудовых кадров в Арктике единодушны во мнении: кадры будущего должны обладать целым рядом компетенций, которые являются не только дисциплинарными, но и надпрофессиональными. В условиях Арктики важны профессиональные навыки, включающие не только экспертные знания, но и так называемые «мягкие» компетенции. Так, в ходе дискуссии на Петербургском международном экономическом форуме — 2023 ректоры российских ведущих университетов, в которых готовят кадры для Арктики, вывели портрет потенциального специалиста, работающего в Арктике. Такой специалист должен «любить природу, свою страну» и быть «добрым» и «хлебосольным»³. Важны способность к командной работе, навыки межкультурной коммуникации, возможность быстро адаптироваться к новым условиям и реагировать на чрезвычайные ситуации. Кроме этого, необходимы высокая дисциплина и желание развиваться профессионально [22, Saburov A.A., Nikiforov A.S.]. *Перспектива развития эмоционального интеллекта, навыков межличностного взаимодействия, самоменеджмента должна быть понятной студенту, планирующему свою будущую деятельность в Арктике.*

Исследователи также отмечают необходимость специальной подготовки сотрудников для работы вахтовым методом [23, Корнеева Я.А., с. 384]. Несмотря на вызывающую беспокойность специалистов проблему слабого заселения арктических территорий, вахтовый метод работы в Арктике останется одним из основных. Распространённый в обществе подход к сезонной и вахтовой занятости не учитывает физических, психоэмоциональных перегрузок, характерных для такого рода работы. Сотрудники работают в замкнутом пространстве, изолированы от внешнего мира, вынуждены надолго расставаться с семьёй. В то же время вахтовая работа имеет свои преимущества: высокую заработную плату и выгодный для работника расчёт трудового стажа. Как правило, работодатели предоставляют вахтовикам бесплатное медицинское обслуживание, одежду и питание. *Публичность научных данных об особенностях вахтовой работы в Арктике повысит число историй успеха у молодых специалистов, начинающих свой трудовой путь.*

С другой стороны, связь инфраструктуры арктического региона и наличие профессиональных кадров для дальнейшего освоения местности важна для понимания общества, в медиапространстве должна быть информация о значимости создания комфортной среды в Арктике для проживания рабочих кадров. Чтобы территория была удобна для жилья, необходима инфраструктура. В арктических условиях создание инфраструктуры осложняется её высокой стоимостью и экстремальными климатическими

³ Образование и работа в Арктике: какие нужны компетенции и навыки, обсудили на ПМЭФ. URL: <https://rsv.ru/news/2/5500/> (дата обращения: 05.02.2024).

условиями. Важны инновационные решения, которые позволят справиться с задачей создания жилищной инфраструктуры. Состояние жилищного хозяйства, уровень коммунальных услуг, наличие системы общественного транспорта, здравоохранения и образования оказывают серьёзное влияние на уровень жизни человека и, соответственно, на выбор территории АЗРФ как места проживания. *Для молодых кадров важной является информация о регионах Арктики с наиболее развитой инфраструктурой.* Кроме того, необходимо освещать проекты и планы инфраструктурного развития. Даже если в настоящий момент та или иная местность не может похвастаться состоянием инфраструктуры, ожидание запланированных изменений может иметь значение при выборе места будущей работы.

Понимание того, какие выгоды несёт регион не только государству, но и простым людям важно потому, что обеспечение личных и близлежащих потребностей входит в базовые потребности человека. Студенты рассчитывают найти работу, которая прокормит их и их будущие семьи. Проживание в арктическом регионе должно быть не только по силам, но и приносить преимущества. Сложные условия жизни должны компенсироваться плюсами, которые даёт природа Арктики и одновременно соответствовать принципам устойчивого развития. В рамках программ устойчивого развития территорий АЗРФ реализуются проекты по восстановлению арктических станций, строительству портов, ледоколов, контейнеровозов для круглогодичной навигации по Северному морскому пути, созданию заповедников и национальных парков, предлагающих туристические программы. *Экономически выгодные характеристики работы в Арктике должны стать частью медиаобраза арктических территорий.*

Природно-климатические и экологические проблемы остаются определяющими при принятии решения о работе в АЗРФ. Факт экстремальных температур воздуха, низкого комфорта погодных условий является общеизвестным. Однако важно иметь чёткую картину того, что будущий работник может ожидать, оказавшись на территории места трудоустройства в отношении климатической ситуации. Ещё важнее знание о том, *как человек может справляться с трудными природными данными арктических территорий.* Так, например, в Заполярье из-за низкого содержания водяных паров кислород усваивается из атмосферы хуже, чем в соседних широтах. Недостаток солнечной радиации и специфический световой режим также являются неблагоприятными факторами для здоровья человека [24, Чашин В. П., Гудков А. Б., с. 90]. Человек способен справляться с данными трудностями. Однако это возможно только в том случае, если человек владеет информацией о способах решения проблемы. Понимание реальной ситуации и наличие работающих решений по преодолению трудностей позволит потенциальным работникам сделать свой выбор. Кроме того, будущим работникам в Арктике важно знать, как ведётся работа по решению экологических проблем и какие риски в этом отношении существуют.

Возможности современного искусственного интеллекта являются прорывными для

освоения арктических территорий в связи с рядом характерных для этой местности факторов: суровыми природными условиями, экологическими проблемами, дефицитом квалифицированной рабочей силы, удалённостью от высокоразвитой инфраструктуры. Там, где человек сталкивается с затруднениями в применении своего физического ресурса, ИИ с его «большими данными», «умным транспортом» оказывается значимой силой развития. Современные инновационные схемы освоения ресурсов Арктики выглядят как обособленные автономные производственные платформы, на которых разворачиваются процессы добычи и переработки природных ресурсов с использованием безлюдных технологий и дистанционного управления всеми производственными процессами. Такое освоение арктических месторождений в формате хозяйственных платформ с эффектом предельной локализации требует применения искусственного интеллекта [25, Pilyasov A.N., Putilova E.S., с. 28].

Работодатели также признают высокий вес цифровых технологий в профессиональном освоении арктических территорий. Автоматизация процесса труда в Арктике связана с использованием геоинформационных систем, беспилотных летательных аппаратов, систем сбора и обработки данных. Владение цифровыми компетенциями становится типичным для современных кадров Арктики. Примечательно, что часть субъектов АЗРФ обладает высоким уровнем потенциала цифровизации даже в сравнении с другими регионами Российской Федерации [26, Бабкин А.В., Егоров Н.Е., с. 51]. Поскольку ИИ предлагает многообещающие перспективы решения по целому ряду вопросов, публикации по этому поводу дадут понимание вариантов развития арктических территорий с использованием цифровых технологий. Современная молодёжь с удовольствием использует цифровые технологии и ИИ. *Информация о применении в развитии Арктики модных цифровых компетенций сфокусирует молодёжь на необходимости целенаправленно развивать цифровые навыки для будущего использования в трудовой деятельности на арктических территориях.*

Можно кратко перечислить основные направления, по которым необходимо повышать информированность потенциальных трудовых кадров Арктики:

- способность к психоадаптации;
- отсутствие проблем со здоровьем;
- развитые цифровые компетенции;
- информация о развитии инфраструктуры АЗРФ;
- информация о преимуществах работы и жизни в АЗРФ.

Однако важно то, что перечисленные направления нельзя просто упомянуть в качестве требований к рабочим кадрам или в качестве характеристики рабочего места. Нужна подробная информация с наглядными примерами и анализом рабочих ситуаций, в которых будет проявлена сущность указанных выше проблем. Реальные кейсы рабочих, отзывы работодателей, зарисовки из жизни трудовых коллективов, сюжеты о решении

возникающих трудностей — всё это важно для создания общей картины жизненного опыта человека, работающего на Севере. Рефлексируя чужой опыт, человек способен вынести решение о том, насколько такой опыт возможен для него самого. Отсутствие понимания о том, что испытывает человек в условиях жизни в Арктике, делает возможность такого опыта опасной и нежелательной.

Необходима корректировка медиаобраза Арктики с включением в него элемента жизненного опыта человека, проживающего на арктической территории. Образ стратегически важного региона, места, богатого природными ресурсами, красивого края и нового транспортного узла не даёт информации, необходимой для принятия решения о жизни и работе в Арктике. Человек может принять такое решение тогда, когда осознает, что условия жизни на Севере приемлемы для него. Меры адаптации к климатическим трудностям, возможность использовать свои профессиональные и личностные компетенции, представление об особенностях жизни в арктическом городе или селе в полном календарном цикле — такие знания нужны будущим трудовым кадрам Арктики.

Заключение

Мотивацией к проведению данного исследования послужила информация о том, что студенты арктического вуза в большинстве своём не имеют представления о том, как могут использовать свои профессиональные компетенции в работе по развитию арктических территорий. Несмотря на то, что государство возлагает большие надежды на выпускников вузов в качестве трудовых ресурсов для Арктики, молодые люди не связывают знания, полученные ими в вузе, с перспективой применения этих знаний для работы в условиях Арктики. Более того, молодёжная аудитория воспринимает Арктику не как место для работы и жизни, а как некую отдалённую территорию критических температур, обладающую природными ресурсами. Такой образ Арктики сформировался у молодых людей под влиянием общественного мнения и материалов СМИ.

Опрос студентов показал, что при поиске работы они интересуются обычными для ситуации данными: зарплатой, бытовыми условиями труда, возможностью карьерного роста, медицинской страховки, льготной ипотеки и пр. Однако эта информация, предоставляемая в отношении работы в Арктике, является недостаточной. Сформировавшееся в обществе отношение к Арктике подсказывает, что сухие факты об особенностях труда на арктической территории недостаточны для принятия решения о работе там. Сложность заключается в том, что условия арктического климата, отдалённость территории препятствуют получению личного опыта пребывания на заполярных территориях. Одновременно существует понимание, что реальные условия жизни в Арктике — это больше, чем факты из объявления о вакансии. Молодёжи не хватает личного опыта жизни в Арктике.

Своё представление об Арктике молодёжь черпает из материалов СМИ. Именно СМИ являются создателями публичного опыта Арктики, доступного рядовому гражданину России.

Медиаобраз арктических территорий, доступный россиянину, создавался под влиянием событий, происходящих с начала 2000-х гг. Он даёт понимание об Арктике как о геополитически нестабильном, военизированном, но ресурсном регионе. Стратегическое значение данного региона связано преимущественно с нефтебурением. Регион также известен климатическими и экологическими проблемами. В более поздний медиаобраз Арктики добавляется информация о туристическом потенциале территорий и экспедиционной деятельности, связанной с научным освоением Арктики. Образ дополняется информацией о проблемах развития инфраструктуры и сложностях, связанных с привлечением кадров для работы в Арктике. Констатируем, что сложившийся медиаобраз Арктики не является стимулирующим для молодёжи. Поступающая в публичное пространство информация о событиях в Арктике не вызывает желания выбрать данный регион для работы и жизни.

В результате исследования даются рекомендации по дополнению медиаобраза Арктики, с тем чтобы он соответствовал государственной стратегии по привлечению трудовых кадров в Арктику. Прежде всего, изменения связаны с включением в медиаобраз реального опыта человека, работающего в Арктике. Несмотря на то, что труд в Арктике связан с рядом сложностей, которые обусловлены критическими погодными условиями и труднодоступностью региона, не это является главным камнем преткновения в понимании молодёжи. Выпускникам вузов не хватает информации о том, как человек справляется с трудностями работы и жизни в Арктике. В медиаобраз Арктики необходимо включить кейсы из жизни работников на арктических территориях, истории успеха людей, выбравших данный регион для своей профессиональной реализации. Трудовая студенческая практика была бы весьма затратным способом знакомства молодёжи с северными территориями. Однако даже если молодёжь в большинстве своём не имеет возможности получить пробный опыт работы в Арктике прежде, чем принять решение о своём трудоустройстве в Заполярье, виртуальные туры и нарративы, повествующие в реальных людях, работающих в погодных условиях Арктики, стали бы тем необходимым звеном, дающим возможность самоопределения.

Перспективы исследования связаны с отслеживанием меняющихся социально-экономических условий и их влиянием на жизнь и работу в АЗРФ. Медиаобраз Арктики следует корректировать в зависимости от нужд государства и планов развития общества. Важно помнить, что пользователь СМИ применяет поступающую информацию к своей собственной жизни. Населению нужна не отвлечённая риторика, а презентация ситуаций жизненного опыта. Важно далее изучать жизненный опыт трудовых кадров Арктики и делиться результатами этой деятельности с населением государства. Гордость за Арктику питается реальными достижениями человека.

Список источников

1. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. Analyzing trends in training highly

- qualified personnel in the interests of strategic development of the Arctic zone of the Russian Federation // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.9>
2. Липкин А.В. О роли человеческого капитала при переходе на инновационный путь развития регионов Севера и Арктики // *Вопросы регулирования ТЭК: регионы и Федерация*. 2019. № 4. С. 12–15.
 3. Корчак Е.А. Человеческий капитал и дисбаланс на рынках труда Арктической зоны России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2018. Т. 14. № 9. С. 1619–1631. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.14.9.1619>
 4. Каргинова-Губинова В.В. Человеческий капитал и окружающая среда как факторы устойчивого развития: приоритеты предприятий Карельской Арктики // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2022. № 2 (45). С. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/2/1157>
 5. Boughton M. A new nation brand strategy? Global Ireland 2025 and the UN Security Council campaign // *Administration*. 2022. No. 70. Iss. 3. Pp. 85–105. DOI: <https://doi.org/10.2478/admin-2022-0020>
 6. Терских М.В., Малёнова Е.Д. Имидж региона: теоретический аспект (Российский и зарубежный опыт) // *Политическая лингвистика*. 2015. № 2. С. 199–205.
 7. Жигунов А.Ю. Арктика в российских медиа: проблематика и тематические доминанты // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2020. Т. 11. № 3. С. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.11308>
 8. Иванова М.В., Зайцев Д.В. Арктические трудовые ресурсы: текущее состояние и будущие вызовы // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 10 (433). С. 46–62.
 9. Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Batanina I.A. Russian youth professional strategies in the digital age and their representation in social media: the results of a comprehensive applied analysis // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No. 5. Pp. 162–182. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.09>
 10. Оглезнева Т.Н. О перспективах подготовки квалифицированных трудовых ресурсов в арктических субъектах России // *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2022. № 1 (27). С. 14–23.
 11. Никулина Ю.Н. Молодежь на рынке труда региона: актуальные вопросы трудоустройства и занятости // *Экономика труда*. 2019. Т. 6. № 2. С. 747–762. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.6.2.40780>
 12. Захарова В.А. Студенты поколения Z: реальность и будущее // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2019. № 4. DOI: <https://doi.org/10.17805/trudy.2019.4.5>
 13. Badham M., Luoma-aho V., Valentini C., Lumimaa L. Digital strategic communication through digital media-arenas / J. Falkheimer, M. Heide (Eds.). *Research Handbook on Strategic Communication*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2022. Pp. 416–430. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781800379893.00035>
 14. Болсуновская Л.М., Диброва Ю.А. Арктика в отражении российской медиакультуры / Развитие Северо-арктического региона в гуманитарной сфере: локальное и глобальное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Архангельск. 2020. С. 148–152.
 15. Полуэхтова И.А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) // *Знание. Понимание. Умение*. 2022. № 3. С. 90–107. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.3.8>
 16. Вартанов С.А. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / Под ред. Д.В. Дунаса. Москва: Издательство Московского университета, 2021. С. 170–175.
 17. Дунас Д.В., Вартанов С.А. Молодежный сегмент аудитории СМИ: теоретические подходы отечественных медиаисследователей // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2020. Т. 9. № 1. С. 106–122. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).106-122](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).106-122)
 18. Лапшинова К.В., Подольская А.А. Доверие молодежи к информации российских СМИ / Русский космизм: история и современность. Место и роль науки и технологий в решении глобальных проблем современности. Сборник трудов по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции. Королев, 22 декабря 2022 г. / Под ред. Т.Ю. Кириловой. Москва, Русайнс. 2023. С. 137–145.

19. Османова А.И. Специфика коммуникации с молодежной аудиторией в виртуальной среде // Медиаскоп. 2018. Вып. 4. DOI: <https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2018.10>
20. Авдоница Н.С., Долгобородова С.О. Проблема освоения Арктики в государственном медиадискурсе России: на примере «Российской газеты», официального издания Правительства РФ // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 4. С. 735–746. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(4\).735-746](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(4).735-746).
21. Simakova A.V., Stepus I.S. The Russian Arctic Image at the Present Stage of Development: Romance or Pragmatism? // *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2022. No. 49. Pp. 234–251. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.234>
22. Saburov A.A., Nikiforov A.S., Minchuk O.V. Employers' Assessment of Competences of the Employees of the Shipbuilding, Forestry and Fishing Industries of the Arkhangelsk Oblast in the Context of the Development of Digitalization and Automation of Production // *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2023. No. 53. Pp. 239–259. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.239>
23. Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Оценка экстремальных факторов вахтового труда в условиях Арктики работниками с различными регуляторными процессами // Гигиена и санитария. 2016. № 95 (4). С. 381–386. DOI: <https://doi.org/10.18821/0016-9900-2016-95-4-381-386>
24. Чашин В.П., Гудков А.Б., Попова О.Н., Одланд Ю.О., Ковшов А.А. Характеристика основных факторов риска нарушений здоровья населения, проживающего на территориях активного природопользования в Арктике // Экология человека. 2014. № 1. С. 3–12.
25. Pilyasov A.N., Putilova E.S. New projects for the development of Russian Arctic: space matters! // *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2020. No. 38. Pp. 20–42. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.38.21>
26. Бабкин А.В., Егоров Н.Е., Ковров Г.С. Цифровизация экономики регионов и крупных нефтегазовых компаний в российской Арктике // Вестник Академии знаний. 2022. № 3 (50). С. 49–56.

References

1. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. Analyzing Trends in Training Highly Qualified Personnel in the Interests of Strategic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.9>
2. Lipkin A.V. On the Role of Human Capital in the Transition to the Innovation Path of Development of the Regions of the North and the Arctic. *Issues of Fuel and Energy Sector Regulation: Regions and Federation*, 2019, no. 4, pp. 12–15.
3. Korchak E.A. Human Capital and Imbalance in the Labor Markets of the Russian Arctic. *National Interests: Priorities and Security*, 2018, vol. 14, no. 9, pp. 1619–1631. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.14.9.1619>
4. Karginova-Gubinova V.V. Human Capital and Environment as Factors of Sustainable Development: Priorities of Enterprises in the Karelian Arctic. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2022, no. 2 (45), pp. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/2/1157>
5. Boughton M. A New Nation Brand Strategy? Global Ireland 2025 and the UN Security Council Campaign. *Administration*, 2022, no. 70, iss. 3, pp. 85–105. DOI: <https://doi.org/10.2478/admin-2022-0020>
6. Terskikh M.V., Malenova E.D. Image of a Region: Theoretical Aspect (Russian and Foreign Experience). *Political Linguistics*, 2015, no. 2, pp. 199–205.
7. Zhigunov A.Yu. The Arctic in Russian Media: Perspective and Thematic Dominants. *Society. Communication. Education*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.11308>
8. Ivanova M.V., Zaitsev D.V. Human Resources of the Arctic: The Current Condition and Future Challenges. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2016, no. 10 (433), pp. 46–62.
9. Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Batanina I.A. Russian Youth Professional Strategies in the Digital Age and Their Representation in Social Media: The Results of a Comprehensive Applied Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 5, pp. 162–182. DOI:

- <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.09>
10. Oglezneva T.N. On the Prospects for the Training of Skilled Labor Resources in the Arctic Regions of Russia. *Arctic XXI Century. Humanities*, 2022, no. 1 (27), pp. 14–23.
 11. Nikulina Yu.N. Young People on the Labour Market of the Region: Current Issues of Employment. *Russian Journal of Labor Economics*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 747–762. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.6.2.40780>
 12. Zakharova V.A. Students of Generation Z: Reality and Future. *Scientific Works of the Moscow Humanitarian University*, 2019, no. 4. DOI: <https://doi.org/10.17805/trudy.2019.4.5>
 13. Badham M., Luoma-aho V., Valentini C., Lumimaa L. Digital Strategic Communication through Digital Media-Arenas. In: *Research Handbook on Strategic Communication*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, 2022, pp. 416–430. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781800379893.00035>
 14. Bolsunovskaya L.M., Dibrova Yu.A. Arctic as Reflected in Russian Media Texts. In: *Advancing Humanities in the Northern Arctic Region: Local and Global Prospects: Paper Collection of the International Scientific Conference*. Arkhangelsk, 2020, pp. 148–152. (In Russ.)
 15. Poluekhtova I.A. Practices of Media Consumption of Russian Youth in the Digital Society (According to the Results of an Empirical Study). *Knowledge. Understanding. Skill*, 2022, no. 3, pp. 90–107. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.3.8>
 16. Vartanov S.A. *Media Consumption of "Digital Youth" in Russia*. Moscow, Lomonosov Moscow University Publ., 2021, pp. 170–175. (In Russ.)
 17. Dunas D.V., Vartanov S.A. Youth as Media Audience: Theoretical Approaches in Russian Media Studies. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 106–122. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).106-122](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).106-122).
 18. Lapshinova K.V., Podolskaya A.A. Youth Trust in Russian Media Information. In: *Russian Cosmism: History and Modernity. Place and Role of Science and Technology in Solving Global Problems of Our Time. Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow, Rusayns Publ., 2023, pp. 137–145. (In Russ.)
 19. Osmanova A.I. Specifics of Communication with the Youth Audience in Virtual Environment. *Mediascope*, 2018, iss. 4. DOI: <https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2018.10>
 20. Avdonina N.S., Dolgoborodova S.O. Coverage of the Arctic Development in Russian Mass Media Discourse (By the Example of "Rossiyskaya Gazeta"). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 4, pp. 735–746. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(4\).735-746](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(4).735-746).
 21. Simakova A.V., Stepus I.S. The Russian Arctic Image at the Present Stage of Development: Romance or Pragmatism? *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2022, no. 49, pp. 234–251. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.234>
 22. Saburov A.A., Nikiforov A.S., Minchuk O.V. Employers' Assessment of Competences of the Employees of the Shipbuilding, Forestry and Fishing Industries of the Arkhangelsk Oblast in the Context of the Development of Digitalization and Automation of Production. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2023, no. 53, pp. 239–259. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.239>
 23. Korneeva Ya.A., Simonova N.N. Assessment of Extreme Factors of Shift Work in Arctic Conditions by Workers with Different Regulatory Processes. *Hygiene and Sanitation, Russian Journal*, 2016, no. 95 (4), pp. 381–386. DOI: <https://doi.org/10.18821/0016-9900-2016-95-4-381-386>
 24. Chashchin V.P., Gudkov A.B., Popova O.N., Odland Yu.O., Kovshov A.A. Description of Main Health Deterioration Risk Factors for Population Living on Territories of Active Natural Management in the Arctic. *Human Ecology*, 2014, no. 1, pp. 3–12.
 25. Pilyasov A.N., Putilova E.S. New Projects for the Development of Russian Arctic: Space Matters! *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2020, no. 38, pp. 20–42. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.38.21>
 26. Babkin A.V., Egorov N.E., Kovrov G.S. Digitalization of the Economy of Regions and Large Oil and Gas Companies in the Russian Arctic. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2022, no. 3 (50), pp. 49–56.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024;

принята к публикации 20.02.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 136–154.

Научная статья

УДК 338.48(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.136>

Направления и приоритеты развития туризма в Арктике: контент-анализ стратегических документов

Кондратьева Светлана Викторовна^{1✉}, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Шлапек Екатерина Андреевна², кандидат политических наук, старший научный сотрудник

^{1,2} Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», пр. А. Невского, 50, Петрозаводск, Россия

¹svkorka@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

²shlapeko_kate@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3518-4543>

Аннотация. В последние годы на федеральном уровне приняты стратегические документы, устанавливающие нормативно-правовой режим развития туризма в Арктике. В связи с этим в начале исследования были определены ключевые направления и приоритеты туристского освоения Арктики в федеральной повестке, а далее рассмотрены доктринальные документы девяти арктических регионов России. Целью работы является определение ключевых направлений и приоритетов развития туризма в федеральной и региональных политике, а также выявление соответствия региональных стратегических направлений развития туризма заявленным федеральной повесткой ключевым направлениям туристского освоения Арктики. В основу исследования положен метод контент-анализа региональных документов путём оценки качественного и количественного присутствия установленных авторами ключевых слов, что позволило определить тренды, которые в региональных стратегиях, концепциях, программах отражены в разной степени. Удалось содержательно и наглядно продемонстрировать общее и различное в стратегировании развития арктического туризма. Анализ региональных стратегических документов по развитию туризма выявляет содержательную неоднородность и их различную структурированность в силу разнообразия форматов документов. В ходе проведённого анализа также обнаружено отсутствие оценки возможностей и перспектив развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества.

Ключевые слова: арктические регионы, направления развития туризма, Арктика, стратегия, концепция, контент-анализ

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00092, <https://rscf.ru/project/24-28-00092/>.

Directions and Priorities for Tourism Development in the Arctic: Content Analysis of Strategic Documents

Svetlana V. Kondrateva^{1✉}, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

Ekaterina A. Shlapeko², Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher

* © Кондратьева С.В., Шлапек Е.А., 2024

Для цитирования: Кондратьева С.В., Шлапек Е.А. Направления и приоритеты развития туризма в Арктике: контент-анализ стратегических документов // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 136–154. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.136>

For citation: Kondrateva S.V., Shlapeko E.A. Directions and Priorities for Tourism Development in the Arctic: Content Analysis of Strategic Documents. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 136–154. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.136>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

^{1,2} Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, pr. A. Nevskogo, 50, Petrozavodsk, Russia

¹ svkorka@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

² shlapko_kate@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3518-4543>

Abstract. The number of strategic documents has been adopted at the federal level in recent years, establishing the regulatory regime for the development of tourism in the Arctic. At the beginning of the study the key directions and priorities of the tourist development of the Arctic on the federal agenda were identified, and then the strategies of the nine Arctic regions of Russia were considered. The purpose of the work is to determine the key directions and priorities for tourism development in federal and regional policies, as well as to identify the correspondence of regional strategic directions for tourism development with the key directions of tourism development in the Arctic declared by the federal agenda. The study is based on the method of content analysis of regional documents by assessing the qualitative and quantitative presence of keywords chosen by the authors, which made it possible to identify trends that are reflected to varying degrees in regional strategies, concepts, and programs. It was possible to demonstrate common and different features in strategic development of Arctic tourism. The analysis of regional strategic documents on tourism development reveals the existing heterogeneity in content and structure due to the diversity of formats of the documents. The analysis also revealed a lack of assessment of the possibilities and prospects for the development of interregional and intermunicipal cooperation.

Keywords: *Arctic regions, directions of tourism development, Arctic, strategy, concept, content analysis*

Введение

Туристско-рекреационное освоение арктических регионов России позиционируется в качестве одной из приоритетных и / или перспективных сфер экономической деятельности, что находит отражение в основных стратегических документах социально-экономического развития [1, Кондратьева С.В.; 2, Ноева Е.Е.; 3, Кропинова Е.Г., Смирнова Е.]. Кроме того, в Арктической зоне проживает 19 малочисленных народов, располагаются объекты их историко-культурного наследия, имеющие историческую и культурную ценность общемирового значения ¹. С учётом значимости туризма в региональном развитии важной представляется проблематика соответствия региональных стратегических направлений его развития ключевым направлениям, заявленным федеральной повесткой туристского освоения Арктики. Именно исследованию специфики стратегирования туристской сферы в регионах Арктической зоны Российской Федерации и посвящена данная статья.

В настоящем исследовании впервые на основе контент-анализа рассматриваются документы планирования туристского развития (стратегии, концепции, программы) всех Арктических регионов России, что позволяет соотнести федеральную арктическую повестку с региональными представлениями развития арктических территорий. Практическая значимость заключается в возможности гармонизации стратегий федерального и регионального уровней, совместной разработке направлений развития арктического туризма. Целью работы является определение ключевых направлений и приоритетов развития туризма в федеральной и региональных политике, а также выявление соответствия региональных стратеги-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 N 645 (ред. от 12.11.2021) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972#sel=40:3:wZ,40:4:Zw> (дата обращения: 01.03.2024).

ческих направлений развития туризма заявленным федеральной повесткой ключевым направлениям туристского освоения Арктики.

Теоретические подходы к исследованию

Проблематика стратегического управления развитием туризма как на федеральном, так и на региональном уровнях представляется одним из актуальных направлений научных исследований в последние десятилетия. Так, в коллективной работе И.И. Кружалина (профессор, вице-президент Национальной академии туризма, действительный государственный советник III класса, заведующий кафедрой рекреационной географии и туризма географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), Т.Н. Меньшиковой (врио начальника Управления государственных туристских проектов и безопасности туризма Федерального агентства по туризму) и К.В. Кружалина (доцента кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) анализируется «совокупность региональных документов стратегического планирования, организационных и управленческих отношений, обеспечивающих устойчивое развитие туризма в управлении туристскими территориями» [4, Кружалин В.И., Меньшикова Т.Н., Кружалин К.В., с. 139]. Авторы подчёркивают, что «стратегическое планирование туризма на принципах устойчивости является основой эффективного развития индустрии туризма и должно осуществляться на федеральном и региональном уровнях» [4, Кружалин В.И., Меньшикова Т.Н., Кружалин К.В., с. 146]. Согласно академику В.Л. Квинту (иностраннный член РАН, создатель теории глобального формирующегося рынка, разработчик общей теории стратегии), под стратегическим управлением понимается «процесс формирования и функционирования системы стратегического управления, обеспечивающей разработку и долгосрочную реализацию стратегии, её доктрины, в соответствии с содержащимися в них конкурентными преимуществами, приоритетами, целями и задачами, способствующими воплощению фундаментальных ценностей и интересов объекта стратегирования» [5, Квент В.Л., с. 8–9]. Вопросы стратегического управления развитием туризма занимают центральное место в работах Чхотуа И.З., Мурадова А.А. (исследователи Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва), методологической базой которых выступают труды академика РАН В. Л. Квинта по теории, методологии и практике стратегирования [6, Чхотуа И.З.; 7, Чхотуа И.З., Мурадов А.А.]. Согласно В.Л. Квинту, «стратегия — это система поиска, формулирования и развития доктрины, которая обеспечит долгосрочный успех при ее последовательной и полной реализации» [8, Квент В.Л., с. 10]. Вместе с тем в своей работе Алимуратов М.К. и Власюк Л.И. (исследователи Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва) выявляют существующее противоречие формирования стратегических документов: «в стране практически не осталось хозяйствующих субъектов, не представивших документы стратегического характера в той или иной форме» с «отсутствием единого понимания сущности процессов стратегирования» [9, Алимуратов М.К., Власюк Л.И., с. 155–156]. Раскрывая выявлен-

ную проблематику, авторы приходят к выводу, что «большое количество стратегических документов, особенно это касается региональных и отраслевых стратегий» демонстрирует «острую необходимость формирования долгосрочных концепций, оптимизации использования имеющихся ресурсов, создания условий экономического и социального развития, повышения уровня конкурентоспособности регионов и отраслей», однако «принятые стратегии уже через несколько лет претерпевают кардинальные изменения, приводя к невозможности их последовательной реализации, а ресурсы, направляемые на достижение целей, заявленных в предыдущих вариантах, оказываются утраченными безвозвратно» [9, Алимуратов М.К., Власюк Л.И., с. 156]. В качестве причин, наряду с иными, Алимуратов М.К. и Власюк Л.И. выделяют следующие: «отсутствие единой общепринятой методологии разработки региональных, отраслевых и корпоративных стратегий», «искусственная подмена процессов стратегирования процессами долгосрочного планирования и прогнозирования», а также «неразвитость нормативно-правовой базы, регулирующей процессы стратегирования» [9, Алимуратов М.К., Власюк Л.И., с. 156]. При этом, как справедливо отмечает в своей работе Каторин И.В., научный сотрудник Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск), проблематика «влияния политики федерального центра на ситуацию в регионах» актуальна и, кроме теоретической значимости, имеет практическую: «в современной России вектор и темпы развития региона во многом зависят от степени согласованности региональной политики с федеральной повесткой, от умения регионов “вписаться” в федеральные тренды» [10, Каторин И.В., с. 29].

Вопросы освоения и развития Арктической территории Российской Федерации становятся всё более актуальными, материализуясь в возрастающем числе научных работ, фокусирующихся на Арктике [11, Лукин Ю.Ф.; 12, Лукин Ю.Ф.; 13, Севастьянов В.Д.]. Детальному анализу итогов реализации Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. посвящена коллективная работа А.В. Крутикова (заместитель Министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики), О.О. Смирновой (доктор экономических наук) и Л.К. Бочаровой (Отделение «Мировой океан и Арктика», Совет по изучению производительных сил ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли» Минэкономразвития России) [14, Крутиков А.В., Смирнова О.О., Бочарова Л.К.]. Отдельного внимания заслуживает учебное пособие З.Ю. Желниной (доцент кафедры сервиса и туризма Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск), презентующее ресурсы ряда арктических регионов РФ, систему государственного управления и задачи развития туризма с учётом стратегий повышения качества жизни, экономической, социальной и экологической устойчивости рассматриваемых территорий [15, Желнина З.Ю.]. В другой работе автором проанализированы изменения в подходах к управлению туризмом на примере Мурманской области. Автор заключает, что «интегральная задача государственного управления региональным туризмом может быть определена как достижение синхронизации интересов субъектов предпринима-

тельской и общественной инициативы в интересах развития территории» [16, Желнина З.Ю., с. 92]. Также следует обозначить работы, фокусирующиеся на кластерном подходе к устойчивому развитию туризма в арктических регионах. Так, в совместной работе профессора Н.Н. Щебаровой и М.А. Ковалевой (Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск) представлена оценка условий кластеризации экономики Мурманской области в сфере туризма, а также анализ туристического кластера с позиций его влияния на экономический потенциал региона [17, Ковалева М.А., Щебарова Н.Н.].

В нашей стране уделяется значимое внимание развитию туристических кластеров, что обретает своё отражение в концепциях долгосрочного социально-экономического развития и в стратегиях развития отдельных регионов. Как демонстрируют теоретические и эмпирические зарубежные исследования, политика смещения ценностей от помощи отдельным компаниям к поддержке действенных крупных агломераций между участниками сферы рекреации и туризма оправдана. Взаимодействие в туристическом кластере приводит к формированию положительных эффектов в силу наличия пространственной концентрации производства, но также активного взаимовыгодного сотрудничества между участниками цепочки формирования туристического продукта. Но разработка и реализация муниципальных мероприятий по стимулированию создания и развития туристических кластеров и оценка их эффективности зависит от типа имеющихся отношений между её участниками.

Отдельный блок представляют работы, фокусирующиеся на стратегировании локальных территорий. Так, анализируя Стратегию развития Соловецкого архипелага, Архангельская область (утверждена Распоряжением Правительства Архангельской области от 16 июля 2013 г. № 310-рп), А.Ю. Цветков, доцент Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск), указывает на необходимость особого внимания к «экономическому аспекту планирования, повышению эффективности освоения средств финансирования, разработке инфраструктурных проектов, направленных на развитие транспортной доступности, повышение качества жизни местного населения и туристической привлекательности Соловецкого архипелага» [18, Цветков А.Ю., с. 56]. В другой работе исследователь на основе оценки выгоды транспортно-географического положения основных дестинаций Архангельской области относительно мест формирования туристских потоков при использовании различных транспортных схем описывает вероятную стратегию развития туризма в Архангельской области А.Ю. Цветков резюмирует исследование необходимостью включения в стратегию рекреационного развития Архангельской области мероприятий, направленных на улучшение транспортно-географического положения основных дестинаций за счет «совершенствования транспортной инфраструктуры, выбора приоритетных логистических схем доставки туристов» [19, Цветков А.Ю., с. 49–52].

Интересным представляется исследование программных документов арктических государств, постоянных участников Арктического Совета, государств-наблюдателей Арктиче-

ского Совета, программы председательства в АС и декларации министров за период 1996–2019 гг., проведённое профессором Л. Хайниненом, доктором социальных наук (Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия; Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, РФ). Так, на основе анализа национальных политик / стратегий, программ председательства и декларации (туризм включён в число 14 выбранных индикаторов) исследователем были «выявлены, формализованы и кратко проанализированы новые / возникающие тенденции в контексте исследованных нарративов, представлений и дискурсов» [20, Хайнинен Л., с. 198–202]. В своей работе, посвящённой теоретико-методологическому обоснованию развития туризма в Арктике, Н.К. Харлампьева за основу изучения арктического туризма берёт «водно-бассейновый и водно-земельный подходы, а также водно-экологический принцип в рамках интегрального представления о едином акваториальном природном комплексе Арктики», выбор которых определяется природоохранными требованиями осуществления экономической деятельности в Арктике. Предлагается авторская научно-исследовательская матрица изучения основ развития туризма в Арктике, согласующая уровни прикладного анализа и организации, в компетенцию которых входит развитие арктического туризма [21, Харлампьева Н.К., с. 127–128].

Несмотря на многообразие фокусов и подходов к изучению управления развитием туризма на арктических территориях, наблюдается недостаточность комплексного исследования стратегического управления развитием туристской сферы Арктической зоны Российской Федерации, где были бы взаимоувязаны документы федерального и регионального уровней всех рассматриваемых регионов. Именно восполнению имеющегося пробела и посвящено настоящее исследование.

Методы и данные

Предложенный подход на основе контент-анализа стратегических документов федерального и регионального уровней по развитию туризма на арктических территориях позволяет:

- определить ключевые направления и приоритеты развития туризма в федеральной и региональной политике;
- выявить соответствие региональных стратегических направлений развития туризма заявленным федеральной повесткой ключевым направлениям туристского освоения Арктики;
- выявить общие тенденции и региональную специфику развития туризма в Арктике.

Применённый в работе метод контент-анализа широко используется при исследовании нормативно-правовых и доктринальных документов [22, Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В.; 23, Бокерия С.А., Кернер Е.А., Кузнецова Д.А.]. Необходимость оценки качественного и количественного присутствия установленных авторами семантических ядер потребо-

вала отведения центрального места именно данному методу исследования. Контент-анализ проведён без использования технологических средств.

Исследование включало в себя два основных этапа:

- на первом этапе были детально проанализированы стратегические документы федерального уровня по развитию туризма: Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, Национальный стандарт Российской Федерации. Арктический туризм, ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» с целью выявления ключевых слов (семантических ядер);
- на втором этапе был произведен детальный анализ стратегических документов по развитию туризма девяти арктических регионов Российской Федерации.

Исследование доктринальных документов девяти арктических регионов России позволило выявить место арктической тематики в развитии регионального туризма и основные приоритеты. Кроме того, удалось содержательно и наглядно продемонстрировать общее и различное в стратегировании развития арктического туризма, а выявление частотности повторения некоторых семантических ядер в текстах федеральных документов определило тренды, которые отражены в разной степени в региональных стратегиях, концепциях, программах.

Объектом исследования является комплекс стратегических документов по развитию туризма федерального и регионального уровней; предметом — соответствие региональных стратегических направлений развития туризма ключевым направлениям, заявленным федеральной повесткой туристского освоения Арктики.

В работе рассчитаны медианные показатели.

Результаты исследования

Стратегирование развития туризма в Арктике: федеральный уровень

Значимость туристского вектора развития Арктики подчёркивается принятием на федеральном уровне за последние четыре года ряда стратегических документов, устанавливающих нормативно-правовой режим развития туризма в Арктике.

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года — главный рамочный документ, определяющий политику властей в отношении туристической отрасли. В названной Стратегии Арктика упоминается дважды. Во-первых, в разделе о совершенствовании нормативно-правового регулирования туристской деятельности и системных мер поддержки: «для реализации Стратегии потребуется разработка стратегических и программных документов, а также иных документов для развития отдельных направлений ту-

ризма, таких как Стратегия развития арктического туризма в Российской Федерации для территорий Арктической зоны Российской Федерации и регионов Северного морского пути и др.»². Во-вторых, в разделе о развитии круизного туризма: «наиболее перспективными направлениями развития круизного туризма в России будут комбинированные речные и морские круизы в Азово-Черноморском, Каспийском и Балтийском бассейнах, развитие экспедиционного туризма, прежде всего в Арктической зоне»³.

В принятом в 2022 г. Национальном стандарте Российской Федерации по арктическому туризму впервые даётся определение арктическому туризму как «туризму в Арктической зоне РФ, направленному на популяризацию её исторического, культурного и природного потенциала»⁴. При этом в Стандарте учитываются сложные климатические и природные особенности Арктики.

В ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» к перспективным туристским направлениям отнесён проект «Русская Арктика», а к регионам-участникам со специализацией «арктические круизы и экспедиционные маршруты» отнесены Архангельская и Мурманская области, Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край, Республика Саха (Якутия). В программе отмечается, что «процесс туристского переосвоения российской Арктики должен стать и принципиально новым предметом государственного регулирования, предполагающего системную взаимосвязку множества локальных стратегий, программ и проектов федерального, регионального и муниципального уровней с интересами хозяйствующих субъектов и инвесторов». В Главе XXIII. Предложения по опережающему развитию Арктической зоны РФ речь идёт только о развитии туризма на острове Земля Франца-Иосифа и парке Русская Арктика. Однако указывается, что «объектом переосвоения российской Арктики должен впервые стать весь арктический регион во всем многообразии его составляющих и проблем, а все необходимые действия должны рассматриваться в составе единого (целостного и системно связанного) регионального кластера»⁵. Другие регионы Арктической зоны РФ не упоминаются.

Разработка отдельных мер по «развитию туристской индустрии в местах традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федера-

² Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 N 645 (ред. от 12.11.2021) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972#sel=40:3:wZ,40:4:Zw> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Там же.

⁴ Национальный стандарт Российской Федерации. Арктический туризм. Дата введения 2022-06-30. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200182007> (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» от 5 мая 2018 года N 872-р (с изменениями на 11 июля 2019 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/557414759> (дата обращения: 01.03.2024).

ции» предусмотрена в Федеральном законе от 13 июля 2020 года N 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»⁶.

Контент-анализ федеральных документов по развитию туризма позволил выявить четыре семантических ядра, которые можно рассматривать в качестве ключевых направлений и приоритетов развития туризма в Арктике: «Арктика» («арктический»), «эко» («экологический»), «природный» и «круизный». Резюмируя федеральный уровень стратегирования туризма в Арктике, можно сказать, что федеральной повесткой отведено особое внимание арктическим территориям, для которых определено развитие круизного и экспедиционного туризма с учётом сложных климатических и природных условий и хозяйственной деятельности местного населения.

Стратегирование развития туризма в арктических регионах

Анализ стратегических документов арктических регионов выявляет некоторую специфику позиционирования развития туризма в Арктике в документах двух уровней в Стратегиях социально-экономического развития регионов и в Концепциях / Стратегиях / Государственных программах развития туризма (табл. 1.):

Таблица 1

Стратегические документы регионов Арктической зоны России

№	Стратегия социально-экономического развития	Стратегии / Концепции / Государственные программы развития туризма
Мурманская область		
1	Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года	Стратегия развития туристско-рекреационного кластера Мурманской области на 2021–2025 годы. Распоряжение Правительства Мурманской области от 21.04.2021 г. № 72-РП
Республика Карелия		
2	Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года	Государственная программа Республики Карелия «Развитие туризма» (2016–2030 гг.). Постановление Правительства Республики Карелия от 28.01.2016 г. № 11-П с изм. от 07.12.2023 г.
Архангельская область		
3	Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2030 года	Концепция развития туризма в Архангельской области. Постановление Правительства Архангельской области от 19 января 2021 г. № 1-пп
Ненецкий автономный округ		
4	Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030	Стратегия развития туристско-рекреационного кластера Ненецкого автономного округа на период до 2022 года. Постановление Губернатора Ненецкого автономного округа от 15 декабря

⁶ Федеральный закон от 13 июля 2020 года N 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения: 01.03.2024).

	года	2017 года N 105-пг
5	<i>Республика Коми</i>	
	Стратегия социально-экономического развития республики коми на период до 2035 года	Концепция развития туризма Республики Коми на период 2023–2028 гг. Распоряжение Правительства Республики Коми от 19 декабря 2023 г. № 666-р
6	<i>Ямало-Ненецкий автономный округ</i>	
	Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года	Государственная программа Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие туризма и индустрии гостеприимства» (2022–2035 гг.). Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 22 декабря 2021 г. N 1163-П
7	<i>Красноярский край</i>	
	Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года	Государственная программа Красноярского края «Развитие туризма» (2024–2030 гг.). Постановление Правительства Красноярского края от 27.02.2024 № 124-п
8	<i>Республика Саха (Якутия)</i>	
	Стратегия социально-экономического развития республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года	Стратегия развития туризма в Республике Саха (Якутия) на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Республика Саха (Якутия) от 20.11.2020 г. N 1070-р
9	<i>Чукотский автономный округ</i>	
	Стратегия социально-экономического развития чукотского автономного округа до 2030 года	Стратегия развития туризма Чукотского автономного округа на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа от 9 декабря 2019 г. № 487-рп

* *Примечание: курсивом выделены регионы, частично входящие в Арктическую зону РФ.*

В первую очередь следует указать, что в период 2016–2018 гг. произошло обновление Стратегий социально-экономического развития российских регионов с горизонтом планирования до 2025, 2030 и 2035 гг., в которых нашла отражение арктическая тематика. Например, в «Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года» говорится о формировании Карельской опорной зоны в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», которая, в частности, будет специализироваться на технологиях в сфере туризма. В разделе, посвящённом стратегическому направлению «Развитие туризма и индустрии гостеприимства», предлагается разработка программ развития

межмуниципальных туристских кластеров «Беломорские петроглифы» и «Арктическая Карелия»⁷.

Отметим, что большинство региональных документов по развитию туризма было принято до разработки нормативно-правового режима развития туризма в Арктике. Стоит обратить внимание и на разный уровень документов региональной туристской политики:

- Концепции развития туризма (Республика Коми и Архангельская область),
- Государственные программы (Республика Карелия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край),
- Стратегии развития туризма (Чукотский автономный округа и Республика Саха (Якутия)) и туристско-рекреационного кластера (Мурманская область и Ненецкий автономный округ).

В стратегиях наиболее полно представлен анализ территорий с точки зрения сильных, слабых сторон, возможностей и угроз (SWOT-анализ), дана оценка средств размещения, транспортной инфраструктуры, перечисляются ключевые достопримечательности региона, выделены задачи по развитию туризма. Концепции определяют общие цели и ориентиры развития туристской отрасли в регионе, а также содержат детальное описание потенциала и ресурсов территории. Государственные программы предлагают конкретный план мероприятий по развитию туризма с указанием сроков реализации, финансирования и исполнителей. Так как только районы четырёх регионов (Мурманская область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа) полностью включены в Арктическую зону России, то анализ документов остальных регионов проводился в части касательно арктических территорий.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить имеющуюся неоднородность региональных стратегических документов по развитию туризма, различную их структурированность и наполненность содержанием в силу разнообразия форматов самих документов. Кроме того, в отдельных документах развития туризма практически отсутствует арктический вектор, вместе с тем в региональных стратегиях социально-экономического развития отведено отдельное место разделу по развитию туризма с арктическим акцентом (например, в Республике Карелия).

Направления и приоритеты развития туризма в Арктике: контент-анализ региональных стратегических документов

Исследование соотношения регионального стратегирования развития туризма с федеральной повесткой проведено на основе контент-анализа региональных документов путём выявления частотности употребления выделенных семантических ядер:

⁷ Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РК от 29.12.2018 N 899р-П (ред. от 13.04.2021). URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW904;n=599130#7RG5n6UEnE7v1YcT1> (дата обращения: 12.03.2024).

- **«Арктика» («арктический»):** в документах данное семантическое ядро употребляется в различном контексте. Здесь речь идёт об арктической зоне, арктических территориях, арктическом туризме и о таких государственных программах, как «Арктический гектар» или «пакет арктических преференций». «Арктический» также используется для того, чтобы подчеркнуть специфику турпродуктов.
- **«эко» («экологический»):** данное семантическое ядро используется в контексте экологической нагрузки на туристскую территорию, экосистему, разработки экологических троп и маршрутов, а также региональных брендов. Следует подчеркнуть, что сохранение ресурсов Арктики — один из векторов, способствующих ответственному управлению арктическими территориями.
- **«природный»:** все арктические территории отличает уникальность природных ресурсов, наличие геологических природных комплексов и благополучной экологической обстановки. Семантическое ядро «природный» упоминается тогда, когда речь идёт о природных и инфраструктурных условиях, внезапных природных явлениях, природных достопримечательностях, особо охраняемых природных территориях, природных экологических системах.
- **«круизный»:** употребляется в контексте речных и морских круизов, развития круизного судоходства, что подчёркивает особое место круизного арктического туризма.

Визуализация результатов контент-анализа региональных документов развития туризма на предмет следования заданным федеральной повесткой трендов туристского освоения Арктики позволяет выделить некоторые общие тенденции и специфику регионов (рис. 2). Частота упоминания выделенных семантических ядер на графике обозначена следующим образом:

- по оси X — «эко» («экологический»);
- по оси Y — «природный»;
- размер маркера — «Арктика»;
- цветовая насыщенность — «круизный».

Из общей картины следования заданным федеральной повесткой трендам туристского освоения Арктики выделяется Ямало-Ненецкий автономный округ, не представленный на графике в силу нулевых значений всех семантических ядер. Учитывая, что регион полностью входит в состав Арктической зоны РФ, данное обстоятельство может быть в некоторой степени обусловлено именно форматом стратегического документа (государственная программа), который не позволяет детально и содержательно рассмотреть специфику развития туризма.

Среди выделенных семантических ядер «Арктика» («арктический») — самое часто встречаемое в региональных стратегических документах развития туризма (совокупно 169 раз). Наиболее часто слова «Арктика» и «арктический» встречаются в Стратегиях развития

туризма Мурманской области, Чукотского автономного округа, Республики Саха (Якутия), что делает данное семантическое ядро наиболее распространённым в текстах по сравнению с другими ключевыми словами. Упоминание данного семантического ядра встречается при описании специфических турпродуктов: например, арктический ралли-рейд (Республика Саха (Якутия)) или «Арктическая этнодеревня» (Чукотский автономный округ). Примечательно, что в этих же двух регионах выбраны для развития специфические виды туризма: мистический, йога-туры, палеонтологический.

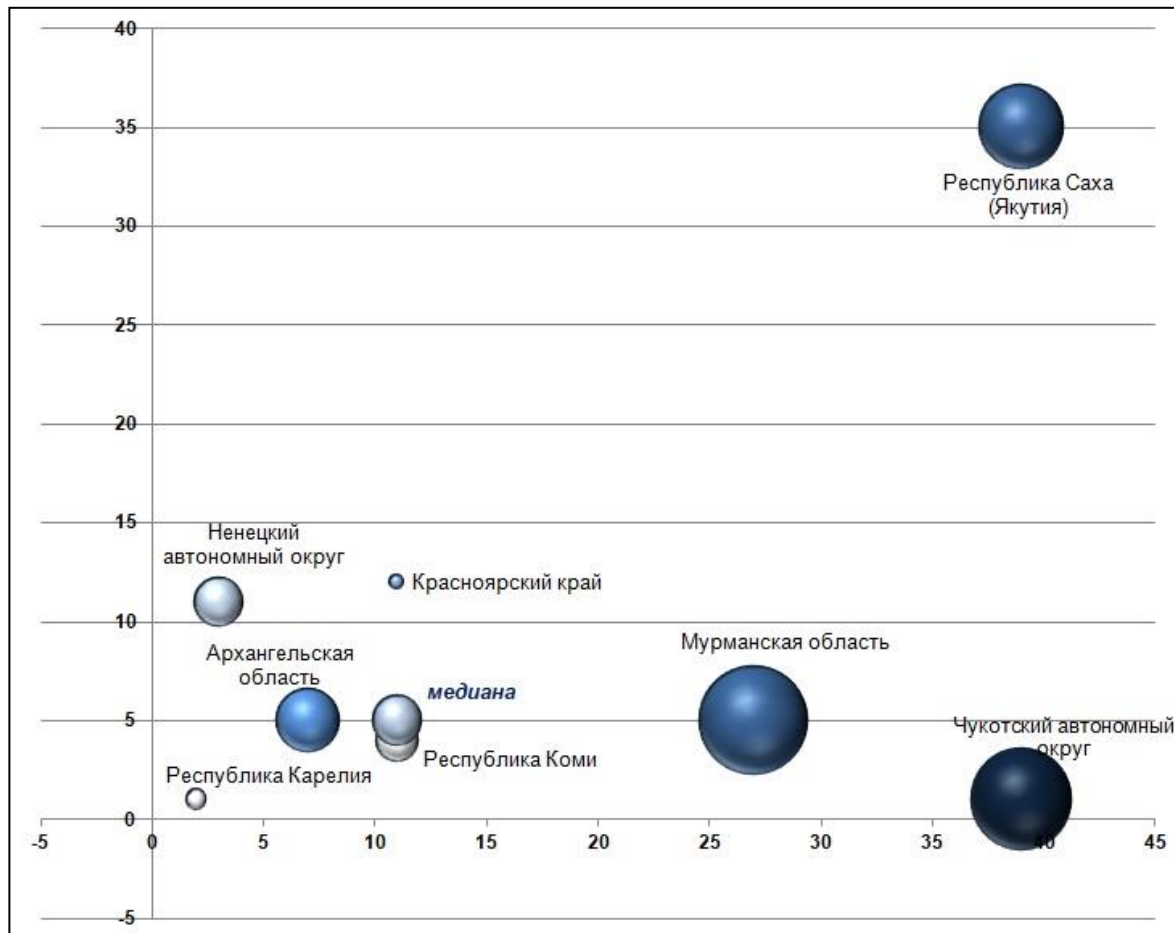

Рис. 2. Распределение арктических регионов по частотности упоминания семантических ядер в региональных стратегических документах развития туризма⁸.

Второе по частоте использования семантическое ядро — «эко» или «экологический» (совокупно в документах 139 раз) наиболее часто встречается в региональных стратегических документах Чукотского автономного округа и Республики Саха (Якутия) 39 раз и 27 раз — у Мурманской области. Кроме того, в Концепции развития туризма Республики Коми на период 2023–2028 гг. данное семантическое ядро использовано при формировании бренда региона: «Эко Республика Коми». Высокая частотность демонстрирует значимость данного направления для указанных арктических регионов.

Несмотря на третье место по частотности упоминания «круизный» в региональных стратегических документах (совокупно 107 раз), обращает на себя внимание тот факт, что

⁸ Источник: рассчитано и составлено авторами.

развитие круизов стоит особняком в ряду выделенных семантических ядер. Так, его указание полностью отсутствует в трёх стратегических документах трёх арктических регионов: Ямало-Ненецкий автономный округ, Республики Карелия и Коми (в силу данного обстоятельства два последних обозначены белым маркером). Следует подчеркнуть, что среди арктических регионов Республика Коми — единственный регион, не омываемый водами Северного Ледовитого океана. В Стратегии развития туристско-рекреационного кластера Ненецкого автономного округа на период до 2022 г. лишь один раз встречается данное семантическое ядро. Наибольшую частотность демонстрируют стратегические документы Чукотского автономного округа (61 раз), а также Республики Саха (Якутия) и Мурманской области (20 и 18 раз соответственно). Такая высокая частотность семантического ядра «круизный» в Стратегии развития туризма Чукотского автономного округа на период до 2025 года является пиковой среди всех семантических ядер и определяется во многом приоритетом региона. Так, реализация проектов развития круизного арктического туризма позиционируется в качестве приоритетной задачи, поскольку «морские круизы — это как одна из популярных форм туризма среди гостей Чукотки, так и один из двух способов, которыми туристы попадают в регион»⁹. Примечательно, что в Стратегиях Чукотского автономного округа и Республики Саха (Якутия) оценивается мировой опыт развития Арктического туризма, и только Мурманская область рассматривает потенциал соседних российских регионов, однако в качестве конкурентов: «Мурманская область граничит с Архангельской областью и Республикой Карелией. Близость данных регионов обеспечивает схожесть туристско-рекреационных ресурсов и повышает конкурентную борьбу за туриста при разнице развитости туристской инфраструктуры и сформированности бренда региона»¹⁰.

Четвёртое семантическое ядро «природный» менее всего упоминается в документах регионов по развитию туризма (совокупно 74 раза). Наибольший акцент на «природный» компонент представлен в Стратегии развития туризма в Республике Саха (Якутия) на период до 2025 года (упоминание 35 раз).

Соответствие региональных стратегических направлений развития туризма заявленным федеральной повесткой ключевым направлениям туристского освоения Арктики наблюдается в большей или меньшей степени у большинства арктических регионов (8), исключение составляет Ямало-Ненецкий автономный округ. Выделяются три региона, где наиболее полно с позиции частотности семантических ядер в региональных стратегических документах развития туризма имеется корреляция с федеральной повесткой: Чукотский ав-

⁹ Стратегия развития туризма Чукотского автономного округа на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа от 9 декабря 2019 г. № 487-рп. URL: https://chukotka.travel/upload/files/Chukotka_strategy_text.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

¹⁰ Стратегия развития туристско-рекреационного кластера Мурманской области на 2021–2025 годы. Распоряжение Правительства Мурманской области от 21.04.2021 г. № 72-ПП. URL: <https://openregion.gov-murm.ru/npra/390546/> (дата обращения: 03.03.2024).

тономный округ (146 раз упоминание выделенных семантических ядер), Республика Саха (Якутия, 126 раз) и Мурманская область (102 раза).

Вместе с тем было выявлено отсутствие анализа перспектив и возможностей межрегионального и межмуниципального сотрудничества. Решая сходные социально-экономические задачи, формируя схожие направления развития, например, туристские кластеры, арктические регионы без взаимодействия друг с другом неизбежно столкнутся с обострением конкуренции за инвестиции, трудовые ресурсы и туристов. Для усиления конкурентных преимуществ возникает необходимость поиска организационно-управленческих решений регионального развития. Кроме того, следует учитывать процесс наполнения арктических дестинаций тематическими и стратегическими направлениями, который происходит в настоящее время. В связи с этим, как верно подчёркивает в своей работе Ю.О. Владыкина, доцент Новосибирского государственного технического университета, дальнейшие перспективы концентрации и объединения региональных туристских зон в полноценные туристские кластеры будут зависеть от скорости принятия управленческих решений в региональной политике и централизации усилий по привлечению туристских потоков каждой территории [24]. Во многих стратегиях рассмотрены возможности развития международного арктического туризма совместно с Финляндией, Норвегией и другими зарубежными государствами, но в связи с закрытием границ с европейскими странами и ухудшением отношений совместные трансграничные маршруты не получают дальнейшего развития. В то же время есть возможность усиления межрегионального сотрудничества в рамках разработки межрегиональных туристских маршрутов, например, экологической направленности, так как природный туризм является одним из приоритетных видов туризма для всех арктических территорий.

Заключение

Предложенный подход позволил выявить ключевые направления и приоритеты развития туризма в федеральной и региональной политике, соответствие региональных стратегических направлений развития туризма заявленным федеральной повесткой ключевым направлениям туристского освоения Арктики, а также общие тенденции и региональную специфику развития туризма в Арктике.

Анализ федеральных документов показывает особое внимание к развитию арктических территорий, в том числе к их туристско-рекреационному освоению. Так, контент-анализ позволил определить четыре семантических ядра, которые можно рассматривать в качестве ключевых направлений и приоритетов развития туризма в Арктике: «Арктика» («арктический»), «эко» («экологический»), «природный» и «круизный». В федеральной повестке отведено особое внимание арктическим территориям, для которых определено развитие круизного и экспедиционного туризма с учётом сложных климатических и природных условий, а также хозяйственной деятельности местного населения.

Анализ региональных стратегических документов по развитию туризма выявляет имеющуюся содержательную неоднородность и различную их структурированность в силу разнообразия форматов самих документов.

Среди четырёх выделенных из федеральных документов семантических ядер самым распространённым является «Арктика» («арктический»), встречаемое совокупно 169 раз. Далее в порядке убывания представлены следующие семантические ядра: «эко» или «экологический» (аналогично, 139 раз), «круизный» (107 раз) и «природный» (74 раза).

Соответствие региональных стратегических направлений развития туризма заявленным федеральной повесткой ключевым направлениям туристского освоения Арктики наблюдается в большей или меньшей степени у восьми из девяти арктических регионов. Среди арктических территорий можно обозначить три региона, где с позиции частотности семантических ядер в региональных стратегических документах развития туризма наблюдается наиболее полная корреляция с федеральной повесткой: Чукотский автономный округ (146 раз упоминаются выделенные семантические ядра), Республика Саха (Якутия, 126 раз) и Мурманская область (102 раза). Из общей картины следования заданным федеральной повесткой трендам выделяется Ямало-Ненецкий автономный округ, где не встречается ни одно из выбранных семантических ядер. Учитывая, что регион полностью входит в состав Арктической зоны РФ, данное обстоятельство может быть в некоторой степени обусловлено именно форматом стратегического документа (государственная программа), который не позволяет детально и содержательно рассмотреть специфику развития туризма.

Согласно стратегическим документам регионального уровня, арктический туризм рассматривается как комплекс, включающий различные направления туризма, например, культурно-познавательный, природно-экологический, событийный, детско-юношеский, этнографический, активный, а также редкие виды туризма (мистический, йога-туры, палеонтологический). При этом природный и экологический туризм выделяются и как ключевые направления туристского развития арктических территорий, и как способствующие ответственному управлению Арктикой.

Вместе с тем проведённый анализ выявил отсутствие оценки возможностей и перспектив развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества. Дальнейшее исследование будет направлено на изучение перспектив и потенциальных направлений межрегионального сотрудничества арктических регионов в сфере туризма с целью выработки рекомендаций региональным, муниципальным органам власти, турбизнесу по стимулированию развития внутреннего и международного въездного туризма.

Список источников

1. Кондратьева С.В. Развитие туризма в регионах Европейского Севера // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 164–187. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.164>
2. Ноева Е.Е. Арктический туризм: международный и национальный аспекты, проблемы и особенности развития // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (29). С. 35–59. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.68.59.003>

3. Кропинова Е.Г., Смирнова Е. Модель развития арктического туризма // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 51–58.
4. Кружалин В.И., Меньшикова Т.Н., Кружалин К.В. Стратегическое планирование как основа устойчивого развития туризма в регионах Российской Федерации // Географический вестник. 2022. № 1 (60). С. 136–149. DOI: <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-1-136-149>
5. Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т. I. Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
6. Чхотуа И.З. Стратегические направления развития туристской отрасли в цифровой экономике // Управленческое консультирование. 2021. № 4 (148). С. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-81-96>
7. Чхотуа И.З., Мурадов А.А. Глобальные и национальные тренды развития туризма в современных условиях // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 2. С. 207–217. DOI: <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-2-207-217>
8. Квинт В.Л. К истокам теории стратегии: 200-летие издания теоретической работы генерала Жомини. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2017. 52 с.
9. Алимуратов М.К., Власюк Л.И. Стратегирование — новая область профессиональных знаний // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 154–159. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-11-154-159>
10. Каторин И.В. Формирование Арктической зоны РФ как фактор развития региона: постановка вопросов (на примере Архангельской области) // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 28–40. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.28>
11. Лукин Ю.Ф. Арктический туризм в России // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 211–216. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.25.211>
12. Лукин Ю.Ф. Арктический туризм: рейтинг регионов, возможности и угрозы // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 96–123. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.23.96>
13. Севастьянов Д.В. Арктический туризм в Баренцевоморском регионе: современное состояние и границы возможного // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 26–36. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.26>
14. Крутиков А.В., Смирнова О.О., Бочарова Л.К. Стратегия развития российской Арктики. Итоги и перспективы // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 254–269. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.254>
15. Желнина З.Ю. Арктический туризм. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2022. 316 с.
16. Желнина З.Ю. Туризм в фокусе государственной поддержки и стратегий развития территорий // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4. С. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.4.11>
17. Ковалева М.А., Щебарова Н.Н. Анализ влияния туристического кластера на развитие региональной экономики на примере Мурманской области // Управленческий учет. 2022. № 1-2. С. 231–240. DOI: <https://doi.org/10.25806/uu1-22022231-240>
18. Цветков А.Ю. Цели и стратегия развития территории (на примере Соловецкого архипелага) // Арктика и Север. 2017. № 27. С. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.27.52>
19. Цветков А.Ю. Транспортно-инфраструктурные основы стратегии развития туризма в Архангельской области // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.38.44>
20. Хайнинен Л. Обзор арктической политики и стратегий // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 195–202. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.195>
21. Харлампьева Н.К. Теоретико-методологическое обоснование развития туризма в Арктике // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 124–129. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.23.124>
22. Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75>
23. Бокерия С.А., Кернер Е.А., Кузнецова Д.А. Контент-анализ арктических стратегий России и США // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 117–123. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7144>

24. Владыкина Ю.О. Стратегии развития туризма в российских регионах // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. № 4. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.22412/1995-042X-11-4-1>

References

1. Kondratyeva S.V. Tourism Development in the Regions of the European North. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 164–187. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.164>
2. Noeva E.E. Arctic Tourism: International and National Aspects, Problems and Features of Development. *Arctic XXI Century. Humanities*, 2022, no. 3 (29), pp. 35–59. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.68.59.003>
3. Kropinova E.G., Smirnova E. Model of Arctic Tourism Development. *Bulletin of the Pskov State University. Series "Natural and Physical and Mathematical Sciences"*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 51–58.
4. Kruzhalin V.I., Menshikova T.N., Kruzhalin K.V. Strategic Planning as a Basis for Sustainable Tourism Development and the Preservation of Cultural Heritage in the Regions of the Russian Federation. *Geographical Bulletin*, 2022, no. 1 (60), pp. 136–149. DOI: <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-1-136-149>
5. Kvint V.L. *Kontseptsiya strategirovaniya. T. 1* [The Concept of Strategizing. Vol. 1]. Saint Petersburg, RANEPa St. Petersburg Publ., 2019, 132 p. (In Russ.)
6. Chkhotua I.Z. Strategic Directions of Tourism Industry Development in the Digital Economy. *Administrative Consulting*, 2021, no. 4 (148), pp. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-81-96>
7. Chkhotua I.Z., Muradov A.A. Tourism Development in Modern Conditions: Global and National Trends. *Strategizing: Theory and Practice*, 2023, vol. 3, no. 2, pp. 207–217. DOI: <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-2-207-217>
8. Kvint V.L. *Towards the Origins of Strategy Theory: 200th Anniversary of the Publication of General Jomini's Theoretical Work*. Saint Petersburg, RANEPa St. Petersburg Publ., 2017, 52 p. (In Russ.)
9. Alimuradov M.K., Vlasyuk L.I. Strategizing as a New Field of Professional Knowledge. *Administrative Consulting*, 2017, no. 11, pp. 154–159. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-11-154-159>
10. Katorin I.V. Establishing the Arctic Zone of the Russian Federation as a Factor of the Regional Development: Raising Questions (the Case of the Arkhangelsk Region). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 28–40. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.28>
11. Lukin Yu.F. Arctic Tourism in Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 25, pp. 211–216. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.25.211>
12. Lukin Yu.F. Arctic Tourism: the Rating of Regions, the Opportunities and Threats. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 23, pp. 96–123. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.23.96>
13. Sevastyanov D.V. Arctic Tourism in the Barents Sea Region: Current Situation and Boundaries of the Possible. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 26–36. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2020.39.26](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.26)
14. Krutikov A.V., Smirnova O.O., Bocharova L.K. Strategy for the Development of the Russian Arctic. Results and Prospects. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 254–269. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.254>
15. Zhelnina Z.Yu. *Arctic Tourism*. Saint Petersburg, Skifiya-print Publ., 2022, 316 p. (In Russ.)
16. Zhelnina Z.Yu. Tourism in the Focus of State Support and Territorial Development Strategies. *Theory and Practice of Social Development*, 2023, no. 4, pp. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.4.11>
17. Kovaleva M.A., Shchebarova N.N. Analysis of the Impact of the Tourism Cluster on the Development of the Regional Economy on the Example of the Murmansk Region. *Management Accounting*, 2022, no. 1-2, pp. 231–240. DOI: <https://doi.org/10.25806/uu1-22022231-240>
18. Tsvetkov A.Yu. The Objectives and Strategy of the Spatial Development (Using the Solovetsky Archipelago as the Example). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 27, pp. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.27.52>

19. Tsvetkov A.Yu. Transport and Infrastructural Basis of the Tourism Development Strategy in the Arkhangelsk Oblast. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 43–54. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.38.44>.
20. Heininen L. Overview of Arctic Policies and Strategies. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 195–202. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.195>
21. Kharlampieva N.K. Theory and Methodology of the Arctic Tourism Development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 23, pp. 124–129. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.23.124>
22. Degterev D.A., Vasilyuk I.P., Baum V.V. Multiplexity Parameters of the CIS Foreign Policy: Applied Analysis. *World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 1, pp. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75>
23. Bokeriya S.A., Kerner E.A., Kuznetsova D.A. Content Analysis of Russian and US Arctic Strategies. *Vlast'*, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 117–123. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7144>
24. Vladykina Yu.O. Strategies for Tourism Development in Russian Regions. *Services in Russia and Abroad*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.22412/1995-042X-11-4-1>

*Статья поступила в редакцию 07.03.2024; одобрена после рецензирования 11.04.2024;
принята к публикации 17.04.2024*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 155–167.

Научная статья

УДК 338.48(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.155>

Современные туристские практики северных и арктических территорий

Морозов Арсений Аркадьевич^{1✉}, младший научный сотрудник

¹ Институт экономики, Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», пр. А. Невского 50, Петрозаводск, Россия

¹ morozov589@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0873-5071>

Аннотация. Идеи северного и арктического туризма являются актуальными в современном мире. В настоящее время северный туризм становится всё более популярным среди людей со средними и высокими доходами в разных странах, в том числе и в России, и тенденция его развития положительная. Целью данного исследования является показать актуальность развития туризма на северных и арктических территориях, выявить современные тенденции и потребность людей для развития такого туризма. Арктика становится всё более популярным туристическим направлением. Увеличение интереса к туризму в Арктике привело к созданию соответствующей инфраструктуры и оказало влияние на регион и населяющих его людей. Это также оказало влияние на культурную самобытность и традиционные средства к существованию региона. В частности, недавний стремительный рост туризма и деятельности, связанной с ним, будет оказывать постоянное воздействие на окружающую среду и культуры Арктики. В материале представлен анализ современных исследований этой тематики. Показаны авторские исследования по теме этнокультурного туризма на северных территориях Карельского пограничья. Сделаны выводы о необходимости развития туризма на северных приграничных территориях и в арктических зонах.

Ключевые слова: туризм, Арктика, этнофутуризм, региональная экономика, северные регионы

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00092, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00092/>.

Modern Tourist Practices of the Northern and Arctic Territories

Arseniy A. Morozov^{1✉}, Researcher Assistant

¹ Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, pr. A. Nevskogo, 50, Petrozavodsk, Russia

¹ morozov589@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0873-5071>

Abstract. The ideas of northern and Arctic tourism are relevant in the modern world. Currently, northern tourism is becoming more and more popular among people with medium and high incomes in different countries, including Russia, and the trend of its development is positive. The purpose of this study is to show the relevance of tourism development in the northern and Arctic territories, to identify current trends and the need of people for the development of such tourism. The Arctic is becoming an increasingly

* © Морозов А.А., 2024

Для цитирования: Морозов А.А. Современные туристские практики северных и арктических территорий // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 155–167. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.155>

For citation: Morozov A.A. Modern Tourist Practices of the Northern and Arctic Territories. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 155–167. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.155>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

popular tourist destination. The increased interest in tourism in the Arctic has led to the creation of appropriate infrastructure and has had an impact on the region and the people who inhabit it. It has also impacted the cultural identity and traditional livelihoods of the region. In particular, the recent rapid growth of tourism and related activities will have a permanent impact on the environment and cultures of the Arctic. The article presents an analysis of modern research on this topic. The author's research of ethnocultural tourism in the northern territories of the Karelian borderland is shown. Conclusions about the necessity of tourism development on the northern border territories and in the Arctic zones are made.

Keywords: *tourism, Arctic, ethno-futurism, regional economy, northern regions*

Теоретические подходы: российский и зарубежный опыт

С 1980-х гг. в связи с быстрым развитием мировой экономики требования людей к качеству жизни и духовным потребностям постоянно повышались, что привело к развитию экотуризма и культурного туризма на северных территориях. Арктические регионы привлекают внимание туристов со всего мира своими волшебными ледяными и снежными пейзажами, а также культурными особенностями различных коренных народов. Помимо коренных культур, привлекательной является история освоения этих территорий другими народами.

Некоторые авторы исследований отмечают сравнительное отсутствие исследований мнений заинтересованных сторон в арктических сообществах, которые непосредственно затронуты в этом контексте, особенно в отношении проблем устойчивого развития [1, Boluk K.A., Cavaliere C.T., Higgins-Desbiolles F.]. В связи с этим авторы А.А. Grenier и D.K. Müller утверждают, что государства с арктическими территориями стремятся поддержать и узаконить претензии на суверенитет в регионе посредством туризма, заявляя, что «функционирующая индустрия туризма удовлетворяет некоторым юридическим требованиям для международного признания», а именно: доказывает, что в соответствующем месте возможно «проживание человека», демонстрирует «государственные функции / ответственность» [2].

Например, Канада использовала арктический туризм как средство укрепления своих претензий на суверенитет, ссылаясь на наличие коренных народов: «Коренные народы Севера играют решающую роль в развитии туризма на арктических территориях, [...] делая упор на местный туризм» [3, Mahoney I., Collins V.E.].

Российские авторы, например Меньшикова Т.Н., уверены, что развивать «северный» туризм можно посредством создания туристических кластеров [4]. Месаблишвили Д.З. рассматривает перспективный и более удобный маршрут для арктического туризма через развитие авиасообщений: движение туристов через Хельсинки (Финляндия), затем Осло (Норвегия), а затем на острова Шпицберген, Исландию или Гренландию (3 арктических острова) [5]. Агарковым С.А. был рассмотрен маршрут для туристов, который привлечёт внимание иностранцев: основные достопримечательности — лежбище моржей на острове Аполлонов, деревянный дом Эйры, построенный в 1881 г. на острове Белл, бухта Тихая, столица архипелага в Советское время, птичий рай на скале Рубини и сад каменных сфер на острове Чемпион [6]. Также на территории Чукотки можно увидеть вулканы и интересные пейзажи.

В настоящее время основанные на туризме нарративы о влиянии государства в Арктике включают не относящиеся к Арктике или «околоарктические» субъекты. Возможно, наиболее ярким примером этого являются дебаты вокруг китайских инвестиций в туризм в Арктике. Авторами Л. Джеймсом, Л. Смедом Олсеном и А. Карлсдоттиром [7] рассматривались потенциалы стран, расположенных за полярным кругом или в непосредственной близости от него, включая Норвегию, Швецию, Финляндию, Исландию и Канаду. По его убеждению, они стали «главными» направлениями для наблюдения за мистическим полярным сиянием и получения выгод от роста отрасли благодаря этому явлению. В 2020 г. глобальный рынок полярных путешествий был оценён в \$ 830,5 млн долларов США и, по прогнозам, среднегодовой темп роста между 2023–2031 должен составить 10,28%, достигнув \$2,003,6 млн [7, James L., Olsen L.S., Karlsdóttir A.].

Уникальный туристско-рекреационный потенциал территорий наряду с сохранёнными самобытными традициями, местной культурой и радушным гостеприимством локального населения привлекает возрастающие потоки российских и зарубежных туристов (за исключением периода ограничений пандемии COVID-19) [8, Кондратьева С.В.]

Современные туристские практики в Арктике

Сегодня экспедиционные круизы в Арктике становятся всё более популярными в регионах. Например, в России, Канаде и Скандинавии. Они предлагают уникальный опыт, сочетая в себе природную красоту, культурное наследие и экскурсии по историческим местам [9, Кружалин В.И., Шабалина Н.В. и др.]. Если рассматривать туризм с культурной точки зрения, то для туриста представляется возможность погружения в удивительный мир коренных народов, культуры и традиций. Путешественники могут посетить древние поселения, познакомиться с местными обычаями, попробовать национальную кухню, поучаствовать в традиционных мероприятиях и познакомиться с историей и мифами этих уникальных культур.

Круизы и полярные «сафари» позволяют туристам увидеть красоту северной территории, увидеть полярное сияние и на безопасном расстоянии посмотреть на животных, которые населяют северные территории. Что касается экспедиций, то здесь делается акцент на более отдалённые территории севера. Такие путешествия включают в себя пешие прогулки, катание на каяках, велосипедные прогулки и т. д. Одним из перспективных направлений является ледовый поход. Сюда входят прогулки по ледникам и снежным покровам полярных регионов с возможностью посещения глубоких ледяных пещер и других уникальных мест. Зимние виды отдыха популярны сегодня везде, сюда входят: лыжи, сноуборд, снегоходы, собачьи упряжки, трамплины и т. д.

Среди многих видов культурного туризма одним из самых демократичных и интересных является гастрономический туризм. Он подразумевает не только дегустацию национальных блюд, но и полноценное знакомство с технологией приготовления. Некоторыми профессиональными участниками гастрономического рынка приобретение гастрономиче-

ского тура рассматривается как возможность повысить свою квалификацию и пройти профессиональное обучение. В рамках таких туров большую актуальность набирают различного рода мастер-классы, экскурсионная практика и так далее. Гастрономический тур следует рассматривать как вариант своеобразного отдыха, где упор делается на дегустацию напитков и блюд, обучение приготовлению. При этом он позволяет стать ближе и понять культуру и менталитет местных народов. В рамках комплексных программ и гастрономических туров решается сразу несколько задач. Во-первых, организуется дегустация напитков и блюд для познания культурных особенностей региона через еду. Во-вторых, происходит получение специальных знаний по технологиям приготовления конкретных блюд национальной и региональной кухни, что позволяет перенять опыт и зарубежные культурные ценности.

Гастрономический туризм может быть частью комплексного тура или же обладать некоторыми признаками других видов туризма, по которым можно провести классификацию:

- сельский («зелёный») гастрономический туризм;
- деловой (городской) гастрономический туризм;
- событийный (фестивальный) гастрономический туризм;
- культурно-познавательный и гастрономический туризм [10, Нехаева Н.Е., Терехова Ю.С.].

Посещение арктических и приближенных к ним регионов возможно в основном в летний период. В остальное время года эти направления являются менее привлекательными, так как это рискованный проект точки зрения инвестиций. Развитию гастрономического туризма в России мешает отсутствие тесных связей между самими туристическими компаниями и производителями продукции. Создание необходимой инфраструктуры для развития гастрономического туризма требует от самих компаний больших инвестиционных вложений. Сами предприятия в сфере производства продуктов питания и напитков пока остаются закрытыми от посторонних глаз. Влияние гастрономического туризма может диверсифицировать экономику районов региона со сложными сельскохозяйственными элементами, препятствуя тем самым стагнации.

В некоторых регионах одной из причин для развития гастрономического туризма является ситуация с отсутствием единой тематики для организации туров. На данный момент в России существует множество различных фестивалей с этнической направленностью. В рамках этих фестивалей существует практика организации ярмарок небольших или крупных фермерских хозяйств. Однако, чтобы туристам было интересно знакомиться с краем, а следовательно, и со страной в целом, организаторам подобных фестивалей нужно развивать тему гастрономического туризма как отдельного блока.

Важным является то, что владельцам гостевых домов, туроператорам, ивент-менеджерам, бизнесменам и прочим лицам, задействованным в туристической деятельности в Арктике, следует основывать свои новации на реальных исторических и культурных элементах региона, а не на выдуманных продуктах, несмотря на то, что туристам также ин-

интересно и новое: с точки зрения защиты уникальных культур Севера России, это является безалаберным поступком [11, Морозов А.А.].

Согласно одному из последних отчётов, предоставленному Программой Организации Объединённых Наций по окружающей среде, морской туристический поток в Арктике увеличился почти на 500% за последние 15 лет, в то время как активность наземного туризма выросла почти на 800% за последнее десятилетие¹. Согласно последнему исследованию, индустрия экспедиционных круизов в Арктике приносит значительный вклад в местную экономику, составляя две трети общей суммы вложений, в то время как традиционные круизы вносят лишь треть. Несмотря на опасения по поводу безопасности и экологии, существует значительный потенциал для будущих экономических и социальных изменений, способствующих развитию индустрии полярных круизов в Арктике².

Туризм на Шпицбергене может являться частью диверсификации формы российского присутствия в Арктике. Кроме России этим озаботилась и Норвегия: к 2027 г. планируется закрыть норвежскую шахту по добыче угля и перейти на возобновляемые источники энергии³. В настоящее время на внутренний рынок полярного туризма с каждым годом приходится всё большая доля мирового рынка, и иностранные монополии должны постепенно снижаться. Как только туристические предприятия Китая смогут осуществлять проекты в области полярного туризма относительно независимо, они смогут формулировать правила и пользоваться ресурсами. С точки зрения большей автономии, это может лучше защитить права и интересы внутренних туристов; за счёт сокращения расходов агентов, снижения эксплуатационных расходов и отражения более высокой конкурентоспособности цен соответственно расширится и потребительский рынок.

Современные вызовы турбизнесу и местному сообществу

Однако, несмотря на природное и культурное разнообразие Арктики, типичные виды деятельности, например в северной Финляндии, характерны и для других арктических направлений, таких как Лонгйир (Норвегия), Сисимиут (Гренландия), Тромсё (Норвегия), Уайтхорс (Канада) или Фэрбенкс (США) [3, Mahoney, Collins]. Кроме того, в туристических регионах северной Европы наблюдается рост туризма за счёт усиления релятивизации⁴ туризма и увеличения упрощения пространства, которое, как мы предполагаем, можно понимать как процесс, связанный с «арктификацией» [12, Varnajot A., Saarinen J.]. Как и региональные бренды, туристические сезоны всё чаще формируются маркетингом и глобальными идеала-

¹ Программа Организации Объединённых Наций по окружающей среде. URL: <http://www.unep.org/> (дата обращения: 15.02.2024).

² Ren C., Chimirri D. Arctic Tourism — More than an Industry? The Arctic Institute. April, 2018. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-tourism-industry> (дата обращения 15.02.2024).

³ Лакстыгал И., Мишутин Г. Зачем Россия хочет развивать туризм на Шпицбергене. Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/14/1020136-zachem-rossiya-hochet-razvivat-turizm-na-shpitsbergene?from=read_also=3 (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ Отказ от придания чему-либо абсолютного значения; соотношение чего-либо с какой-либо точкой отсчёта, с каким-либо эталоном, ориентиром, мериллом и т. п.

ми досуга. Российский арктический туризм, например, связан с «новыми» сезонами и продуктами, включая летний и осенний туризм с экскурсиями, катанием на горных велосипедах, гастротуризмом, этнокультурным туризмом и обзором северного сияния.

Процесс «арктификации» также может иметь негативные последствия для местных туристических отраслей и сообществ. Во-первых, стереотипные образы Севера и Арктики могут привести к акцентированию внимания на зимнем сезоне в туризме и, следовательно, игнорированию сезонной динамики Севера и связанных с ней изменений окружающей среды.

В худшем случае результатом шаблонного продвижения является потеря уникальности места назначения и региона из-за тиражирования успешных стратегий брендинга мест из других источников. Во-вторых, арктификация может изменить структуру рабочей силы в туризме и, следовательно, поставить под сомнение степень, в которой туристический опыт отражает ценности и вклад местных жителей, привлекая всё большее число сезонных рабочих из других районов, регионов, стран [13]. Следовательно, туристический сектор остаётся уязвимым к циклам «подъёмов и спадов» и экономической нестабильности, что приводит к внезапному снижению спроса и доходов.

Наконец, процесс арктификации вызывает озабоченность по поводу изменения климата, особенно его воздействия на криосферу. [13] В результате некоторые авторы утверждают, что туроператоры стали чрезмерно зависимыми от желаемых посетителями климатических элементов, которые они не могут контролировать. Эта ситуация становится критической, когда погода в Арктике не соответствует ожидаемым впечатлениям туристов.

Региональные практики развития туризма в Арктике

Говоря о региональных особенностях арктического туризма, следует рассмотреть их в каждом регионе отдельно, так как в каждом из них могут быть как общие черты, присущие арктическому туризму в целом, так и индивидуальные. Среди индивидуальных черт, выделяющих северный и арктический туризм среди прочих, является наличие различных коренных культур народов России и природно-географические особенности территорий.

Далее рассмотрим некоторые особенности арктических регионов России, какую информацию они предлагают в открытом доступе.

В основе туризма в Мурманской области, например, лежит спортивный туризм, гастрономический и этнокультурный. В регионе существует множество туристических маршрутов: от посещения городской среды до пребывания и ознакомления с культурой коренных народов и оленеводством. Наличие гор и сопok позволяет развиваться спортивному туризму: лыжи, скейтбординг, пешие прогулки.

Архангельская область в арктических районах предлагает различные виды туризма спортивного характера, например снегоходные и лыжные туры, различные сплавы; культурно-познавательный туризм — посещение музеев, крепости, различных фестивалей.

Республика Коми предлагает прикоснуться к старине и изучить историю староверов этой территории.

Ненецкий автономный округ (НАО) — один из самых молодых российских регионов, при этом административно он входит в Архангельскую область. Это самый малонаселённый субъект РФ, но он тоже важен в общей системе развития арктических территорий. Особенностью этого региона является наличие коренных малочисленных народов, с культурой которых можно ознакомиться, посещая эту территорию. В регионе присутствуют различные музеи, в том числе музей-заповедник и этнографический музей, а также различные природные заказники. Важными элементами являются памятники археологии, а также различные водные артерии — реки и озёра. На территории осуществляются различные туры для рыболовов и охотников. В регионе проходят различные праздники — гонки на оленьих упряжках, снегоходах, фестиваль корюшки и другие.

Ямало-Ненецкий автономный округ предлагает нам такие виды туризма, как горнолыжный, этнокультурный, фотографический, водный, событийный, экологический, горный (пеший). На территории АО присутствует природно-этнографический парк-музей под открытым небом «Живун», в котором проходят различные мероприятия. Есть туры для рыболовов и охотников.

В районах Красноярского края проходит множество туров, связанных с типичным для Арктики темами туризма.

Особенности арктического туризма в Чукотском АО (ЧАО) обусловлены его природными особенностями и наличием коренных культур. В ЧАО имеется множество рекреационных возможностей: рыбалка, охота, условия для проведения экологических, этнографических, научных и приключенческих туров. Помимо этого, важным элементом является наличие научного туризма.

С 2020 г. развитие внутреннего туризма сильно возросло, особенно в Европейской части РФ, и одним из самых наиболее востребованных видов туризма в Арктике и на Северных территориях является именно этнокультурный и познавательный туризм [14, Белая Р.В., Морозова Т.В., Козырева Г.Б. и др.]. Далее рассмотрим потенциал такого туризма на примере социологического опроса туристов на территориях Республики Карелия и в Северной Карелии в Финляндии. Исследование проводилось в 2019 г., в его результате была зарегистрирована база данных «Этнокультурный потенциал в туристической индустрии приграничных территорий — опрос туристов на территории Республики Карелия (Россия) и северной Карелии (Финляндия) в 2019 году», Свидетельство о регистрации базы данных № 2021620812, 22.04.2021⁵.

⁵ «Этнокультурный потенциал в туристической индустрии приграничных территорий — опрос туристов на территории Республики Карелия (Россия) и северной Карелии (Финляндия) в 2019 году». Морозова Т.В., Белая Р.В., Козырева Г.Б., Морозов А.А. Свидетельство о регистрации базы данных №2021620812, 22.04.2021. Заявка № 2021620705 от 15.04.2021.

В качестве респондентов были выбраны граждане, прибывающие на вышеуказанные территории и позиционирующие себя как потребители туристских услуг, останавливающиеся для отдыха и проживания в организованных местах пребывания (отелях, гостиницах, коттеджах, базах отдыха и пр.). В рамках исследования проводился анализ популярности среди туристов туристических продуктов с элементами традиционной и современной культуры. В качестве информационной базы исследования используются данные, полученные в рамках социологического опроса туристов на территории исследуемой дестинации, включающей приграничные регионы: Республику Карелия (Россия) и Северную Карелию (Финляндия). Выборка составила 805 респондентов. Из них 424 респондента путешествовали по Республике Карелия (Россия) и 381 респондент — по Северной Карелии (Финляндия).

Анализ ответов туристов о соотношении в туристическом продукте элементов традиционной и современной культуры показал следующее (табл. 1): ответили на вопрос «Какие типы турпродуктов этнокультурного содержания из предложенных ниже представляют для вас наибольший интерес» 95,1% респондентов из выборочной совокупности. На рынке туристических услуг в Карелии доминирует спрос на туристические продукты традиционной культуры без сильного вмешательства современных элементов культуры (более 50%). Более одной трети туристов предпочитает использование элементов традиционной культуры в сочетании с элементами современной культуры в музыке, дизайне, одежде и пр. Около 10% туристов предпочитают только туристические продукты современной культуры.

Таблица 1

Отношение респондентов к типам турпродуктов этнокультурного содержания, %⁶

Индикаторы	Регион проживания туристов				Итого по выборке
	Москва	Санкт - Петербург	Карелия	Другие регионы России	
Турпродукты традиционной культуры, без сильного вмешательства современных элементов	63,6	48,4	48,1	61,6	55,5
Турпродукты современной культуры с включением элементов традиционной культуры	27,3	43,8	38,5	32,0	35,3
Турпродукты современной культуры, практически не связанной с местным культурным наследием	9,1	7,8	13,5	6,4	9,2
Количество ответивших респондентов, %	90,2	94,1	97,2	96,2	95,1

⁶ Источник: составлено автором.

В региональном разрезе туристические продукты только с элементами традиционной культуры предпочитают более всего туристы из Москвы и других регионов России (более 60%). Туристы из Санкт-Петербурга и Карелии в меньшей степени поддерживают такие туристические продукты (около 50%) и предпочтения отдают также сочетанию традиционных и современных культурных элементов. Повышенный спрос на туристические продукты без вмешательства элементов культурного наследия наблюдается у туристов — жителей Карелии (более 10%).

Потенциальный спрос туристов на приобретение туристических продуктов этнокультурного содержания раскрываются не только через индикаторы, связанные с интересом туристов к элементам культурного наследия, но и, возможно, в большей степени через индикаторы готовности туристов приобретать туристические продукты с этнокультурным содержанием. По данным опроса, 97% туристов Карелии готовы включиться в приобретение туристических продуктов с этнокультурным содержанием. В разрезе элементов турпродуктов наибольшей популярностью пользуются традиционные ремесленные навыки (около половины туристов хотели бы приобрести подобный туристический продукт). Высокой популярностью (40%) с незначительной разницей пользуются: историческое и культурное наследие края; традиционная кухня; новые сведения о культурных традициях территории: праздники, песни, танцы, народные промыслы и т. п.

В региональном разрезе наблюдается различие и особенности в предпочтениях туристов (табл. 2). Туристы из Москвы при формировании туристического продукта менее склонны по сравнению с другими регионами выбирать историческое и литературное наследие края, культурные традиции (песни, праздники и пр.) и традиционную кухню (менее 30%). Туристы из Санкт-Петербурга в сравнении с другими регионами выделяются высоким интересом к историческому и литературному наследию края и традиционным ремесленным навыкам (более 50%), традиционной кухне (около 60%) и ознакомлению с традиционной культурой края через современные этнофутуристические формы (около 50%). Отличительной особенностью туристов из Карелии является высокий интерес к новым сведениям о культурных традициях территории: праздники, песни, танцы, народные промыслы и т. п. (более 45%). Туристы из других регионов, как и туристы из Петербурга, отличаются высокой готовностью познакомиться с историческим и литературным наследием края: фольклор, легенды, летописи, сказания, предания и т. п. (более 50%) и в меньшей степени, по сравнению с другими, предпочитают традиционные ремесленные навыки и знакомство с традиционной культурой через современные этнофутуристические формы.

Таблица 2

Ответы респондентов на вопросы о привлекательности различных элементов культурного наследия⁷

Индикаторы	Регион проживания туристов (доля туристов из региона, %)	Итого по выборке
------------	---	------------------

⁷ Источник: составлено автором.

	Москва	Санкт-Петербург	Карелия	Другие регионы России	
Историческое и литературное наследие края: фольклор, легенды, летописи, сказания, предания и т.п.	24,6	52,9	34,6	52,3	42,6
Новые сведения о культурных традициях территории: праздники, песни, танцы, народные промыслы и т.п.	24,6	44,1	46,7	39,2	39,9
Традиционные ремесленные навыки: ткачество, вышивка, деревянное зодчество, работа с металлом, глиной, деревом, шитье лодок и т. п.	42,6	55,9	47,7	39,2	45,4
Знакомство с традиционной культурой через современные этнофутуристические формы: в музыке (например, стиль фолк), дизайне современного жилья, одежды, быта с элементами традиционной культуры и т. п.	32,8	48,5	37,4	26,9	35,0
Знакомство с традиционной кухней	29,5	58,8	39,3	37,7	40,7
другое	1,6	1,5	1,9	0,8	1,4
Количество респондентов в %	91,8	97,1	100,0	96,9	97,0

Данные исследования выявили интерес туристов к туристским продуктам традиционной культуры (90,8%) территории дестинации Республики Карелия и готовность туристов приобретать туристические продукты этнокультурного содержания (97%). Совпадение интереса и готовности свидетельствует о наличии потенциального спроса на этнокультурный туризм на рынке туризма в Республике Карелия, в том числе в арктических районах Республики.

В 2023 г. автором проводилось исследование пилотного типа с похожей темой. По результатам исследования была зарегистрирована база данных «Измерение динамики факторов туристической привлекательности региона на основе опросных методов»⁸. Можно сделать вывод, что

⁸ Морозов А.А. Измерение динамики факторов туристической привлекательности региона на основе опросных методов. Свидетельство о регистрации базы данных №2023621429, 10.05.2023.

туристы чаще начали путешествовать как в Карелию и её арктические районы, так и по регионам Северо-Запада России в целом. Людей стало больше привлекать это национально-культурное разнообразие. В гастрономических заведениях люди чаще хотят видеть местные блюда, часто меню на двух языках или местном языке. Чуть больше люди стали интересоваться различными современными видами культурных выражений с этническими элементами. Всё это уже сейчас, в реальности, положительно сказывается на экономической ситуации в регионе. Если сравнивать с результатами исследования 2019 г., в 2023 г. людей чуть больше стала интересовать именно традиционная составляющая северных культур, нежели этнофутуристичная. Но несмотря на это, интерес туристов растёт ко всем культурным элементам, предлагаемых акторами. Конечно, 2020 и 2021 гг. внесли свои коррективы в сферу внутреннего туризма. Однако в Республике Карелия и Мурманской области даже в 2020 г. рост потока туристов был положительный, а после снятия ковидных ограничений он увеличился и продолжает расти [15, Морозов А.А.].

Заключение

Туризм в северных и арктических районах России на сегодняшний день испытывает некоторые трудности, связанные с неопределённой политической ситуацией и санкционным давлением. В связи с этим в марте 2022 г. западные страны объявили о приостановке участия в любых мероприятиях в знак протеста против событий на востоке Европы. Однако, несмотря на это, индустрия туризма в российской Арктике находится на определённом подъёме и становится неотъемлемой частью её культуры и экономики. В наши дни особое внимание необходимо уделять влиянию туризма на отдалённые сообщества Арктики, природную среду и её ресурсы. Развитие новых технологий означает, что более крупные суда смогут курсировать по северному полушарию, что принесёт естественные экономические выгоды местной промышленности и туризму.

За десятки лет развития международная индустрия арктического туризма стала более зрелой и упорядоченной, были созданы соответствующие управленческие организации и правовые системы. Индустрия полярного туризма в нашей стране сформировалась поздно, но в последние годы она развивалась быстрыми темпами.

Рост туризма на северных и арктических территориях за последние пять лет увеличивается, в связи с этим органам государственной власти, бизнесу и местным сообществам этих территорий следует уделять особое внимание проектной деятельности и инициативам местного населения, так как не только природа, но и люди делают эту территорию уникальной. Следует обратить внимание на развитие коренных языков и культур на северных и арктических территориях. Есть особый смысл поддерживать инициативы по развитию родословных местных жителей. Это лишь повысит патриотизм в локальных обществах, что может существенно повлиять на внимание жителей к собственным территориям. Важным критерием остаётся поддержка социально ориентированных проектов.

Россия должна как можно скорее решить внешние неопределённости, усовершенствовать существующие законы и нормативные акты и ускорить интеграцию с международной индустрией

полярного туризма; воспользоваться возможностью страны для активного развития туризма, создания собственного бренда полярного туризма и открытия внутреннего рынка для повышения профессионального уровня практикующих специалистов; провести предварительный сбор данных и выезды на места, чтобы полностью понять тип, распределение и характеристики ресурсов полярного туризма, а также создать соответствующую систему оценки. Помимо всего этого, следует также обратить внимание и на коренные культуры. Численность коренных и малочисленных народов на арктических территориях стремительно падает.

Список источников

1. Boluk K.A., Cavaliere C.T., Higgins-Desbiolles F. Activating Critical Thinking to Advance the Sustainable Development Goals in Tourism Systems. London: Routledge, 2021. 274 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003140542>
2. Polar tourism: a tool for regional development / Grenier A.A, Müller D.K. (Eds.). Presses de l'Université du Québec, 2011. Pp. 207–226. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv18ph1gb>
3. Mahoney I., Collins V.E. The capitalist voyeur: commodification, consumption and the spectacle of the cruise // Leisure Studies. 2020. Vol. 39. Iss. 2. Pp. 280–293. DOI: <https://doi.org/10.1080/02614367.2019.1670721>
4. Меньшикова Т.Н. Пространственный анализ развития туризма в регионах Арктической зоны Российской Федерации на основе кластерного подхода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Географическая среда и живые системы. 2019. № 2. С. 94–100. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7189-2019-2-94-100>
5. Месаблишвили Д.З. Генезис развития туризма в Арктике. Арктификация и туризм // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 12–2. С. 293–299.
6. Агарков С.А., Козлов А.В., Федосеев С.В., Тесля А.Б. Основные направления повышения эффективности хозяйственной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Записки Горного Института. 2021. Т. 230. С. 209–216. DOI: <https://doi.org/10.25515/PMI.2018.2.209>
7. James L., Olsen L.S., Karlsdóttir A. Sustainability and cruise tourism in the Arctic: stakeholder perspectives from Ísafjörður, Iceland and Qaortoq, Greenland // Journal of Sustainable Tourism. 2020. Vol. 28. Iss. 9. Pp. 1425–1441. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1745213>
8. Кондратьева С.В. Развитие туризма в регионах Европейского Севера // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 164–187. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.164>
9. Кружалин В.И., Шабалина Н.В., Никанорова А.Д., Медведков А.А., Кудакеев А.Я., Меньшикова Т.Н. Организация круизного туризма в национальном парке «Русская Арктика»: риски и потенциал развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2021. Т. 15. № 3. С. 157–169. DOI: <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-3-157-169>
10. Нехаева Н.Е., Терехова Ю.С. Гастрономический туризм как перспективное направление развития регионов России // Естественные и математические науки в современном мире. 2015. № 9 (33). С. 82–87.
11. Морозов А.А. Гастрономический туризм на Северо-Западе России (на примере Республики Карелия) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 5. С. 851–869. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.15.5.851>
12. Varnajot A., Saarinen J. After glaciers? Towards post-Arctic tourism // Annals of Tourism Research. 2021. Vol. 91 (C). Art. 103205. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103205>
13. Hall C.M., Saarinen J. Tourism and Change in Polar Regions: Climate, Environments and Experience. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2010. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203851807>
14. Белая Р.В., Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Морозов А.А. Особенности дифференциации спроса на турпродукты культурного наследия Республики Карелия // Региональная экономика: теория и практика. 2022. Т. 20. № 10. С. 1985–2006. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.20.10.1985>

15. Морозов А.А. Туристическая привлекательность на основе национально-территориальной идентичности северного региона: пример республики Карелия // *Арктика и Север*. 2023. № 53. С. 219–238. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.219>

References

1. Boluk K.A., Cavaliere C.T., Higgins-Desbiolles F. *Activating Critical Thinking to Advance the Sustainable Development Goals in Tourism Systems*. London, Routledge, 2021, 274 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003140542>
2. Grenier A.A., Müller D.K., eds. *Polar Tourism: A Tool for Regional Development*. Presses de l'Université du Québec, 2011, pp. 207–226. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv18ph1gb>
3. Mahoney I., Collins V.E. The Capitalist Voyeur: Commodification, Consumption and the Spectacle of the Cruise. *Leisure Studies*, 2020, vol. 39, iss. 2, pp. 280–293. DOI: <https://doi.org/10.1080/02614367.2019.1670721>
4. Menshikova T.N. Spatial Analysis of Tourism Development in the Arctic Regions of Russia on the Basis of the Cluster Approach. *Bulletin of the MSRU. Series: Natural Sciences*, 2019, no. 2, pp. 94–100. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7189-2019-2-94-100>
5. Mesablishvili D.Z. The Genesis of Tourism Development in the Arctic. *Arctification and Tourism. Journal of Altai Academy of Economics and Law*, 2023, no. 12–2, pp. 293–299.
6. Agarkov S.A., Kozlov A.V., Fedoseev S.V., Teslya A.B. Major Trends in Efficiency Upgrading of the Economic Activity in the Arctic Zone of Russian Federation. *Journal of Mining Institute*, 2021, vol. 230, pp. 209–216. DOI: <https://doi.org/10.25515/PMI.2018.2.209>
7. James L., Olsen L.S., Karlsdóttir A. Sustainability and Cruise Tourism in the Arctic: Stakeholder Perspectives from Ísafjörður, Iceland and Qaqortoq, Greenland. *Journal of Sustainable Tourism*, 2020, vol. 28, iss. 9, pp. 1425–1441. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1745213>
8. Kondratyeva S.V. Tourism Development in the Regions of the European North. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2022, no. 47, pp. 164–187. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.164>
9. Kruzhalin V.I., Shabalina N.V., Nikanorova A.D., Medvedkov A.A., Kudakaev A.Ya., Menshikova T.N. Organization of Cruise Tourism in National Park “Russian Arctic”: Risks and Development Potential. *Service and Tourism: Current Challenges*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 157–169. DOI: <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-3-157-169>
10. Nekhaeva N.E., Terekhova Ju.S. Gastronomic Tourism as a Perspective Direction of the Development in Regions of Russia. *Natural and Mathematical Sciences in the Modern World*, 2015, no. 9 (33), pp. 82–87.
11. Morozov A.A. Culinary Tourism in the North West of Russia: Evidence from the Republic of Karelia. *National Interests: Priorities and Security*, 2019, vol. 15, no. 5, pp. 851–869. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.15.5.851>
12. Varnajot A., Saarinen J. After Glaciers? Towards Post-Arctic Tourism. *Annals of Tourism Research*, 2021, vol. 91 (C), art. 103205. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103205>
13. Hall C.M., Saarinen J. *Tourism and Change in Polar Regions: Climate, Environments and Experience*. London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2010, 336 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203851807>
14. Belaya R.V., Morozova T.V., Kozyreva G.B., Morozov A.A. Peculiarities of Forming Demand for Cultural Heritage in the Tourist Market of the Republic of Karelia. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2022, vol. 20, no. 10, pp. 1985–2006. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.20.10.1985>
15. Morozov A.A. Tourist Attractiveness Based on the National and Territorial Identity of the Northern Region: The Example of the Republic of Karelia. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2023, no. 53, pp. 219–238. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.219>

Статья поступила в редакцию 07.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024;
принята к публикации 04.04.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 168–180.

Научная статья

УДК [314.18:612.67](470.1/.2)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.168>

Уровень и темпы старения населения северных регионов России по новому пенсионному возрасту

Попова Лариса Алексеевна^{1✉}, доктор экономических наук, доцент

Зорина Елена Николаевна², научный сотрудник

^{1, 2} Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия

¹ popova@iespn.komisc.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0549-361X>

² zorina@iespn.komisc.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1788-9224>

Аннотация. Статья посвящена особенностям демографического старения северных регионов России в соответствии с новым экономическим порогом старости. Актуальность исследования обусловлена поэтапным повышением пенсионного возраста в России и сохранением на Севере льготного возраста выхода на пенсию. Информационной базой служат итоги переписей населения и официальные данные Росстата. Применяются динамический и сравнительный статистический анализ, демографические методы исследования. Выявлены закономерности старения населения России по новому пенсионному возрасту в разные межпереписные периоды. Период 1959–1970 гг. характеризуется «старением снизу», обусловленным переходом к ограничиваемой рождаемости, и «старением сверху» в условиях роста продолжительности жизни населения. 1970–1979 и 1989–2002 гг. отличаются «старением снизу». В периоды 1979–1989 и 2002–2010 гг. произошло сокращение уровня старения населения России. Последний межпереписной период 2010–2021 гг. единственный, для которого подходит определение «старения сверху». В зоне Севера к 1989 г. сложилась заметно более молодая возрастная структура населения, чем в целом по стране. Начавшийся в конце 1980-х гг. миграционный отток обусловил повышенные темпы демографического старения северных регионов, характерного для них также и в 2002–2010 гг. В результате в Карелии и Архангельской области доля населения старше нового пенсионного возраста в 2021 г. уже заметно превышает среднероссийский уровень, в Сахалинской области, Республике Коми и Мурманской области приближается к уровню по стране.

Ключевые слова: возрастная структура населения, демографическое старение, пенсионный возраст, экономический порог старости, северные регионы России

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках темы НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста», № ГР 122012700169-9.

* © Попова Л.А., Зорина Е.Н., 2024

Для цитирования: Попова Л.А., Зорина Е.Н. Уровень и темпы старения населения северных регионов России по новому пенсионному возрасту // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 168–180. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.168>

For citation: Popova L.A., Zorina E.N. Level and Rate of Population Ageing in the Northern Regions of Russia According to the New Retirement Age. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 168–180. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.168>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Level and Rate of Population Ageing in the Northern Regions of Russia According to the New Retirement Age

Larisa A. Popova¹✉, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor
Elena N. Zorina², Researcher

^{1,2} Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russia

¹ popova@iespn.komisc.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0549-361X>

² zorina@iespn.komisc.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1788-9224>

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of demographic ageing in the northern regions of Russia in accordance with the new economic threshold of old age. The relevance of the research is conditioned by the gradual increase of the retirement age in Russia and preservation of the favorable retirement age in the North. The information base is the results of the population censuses and the official data of Rosstat. The dynamic and comparative statistical analysis and demographic research methods are used. Regularities of ageing of the Russian population by new retirement age in different inter-census periods are revealed. The period of 1959–1970 is characterized by “ageing from below” due to the transition to limited fertility, and “ageing from above” under conditions of increasing life expectancy of the population. The periods of 1970–1979 and 1989–2002 are characterized by “ageing from below”. Within the periods of 1979–1989 and 2002–2010, there was a decrease in the level of ageing of the population in Russia. The last intercensal period of 2010–2021 is the only one for which the definition of “ageing from above” is suitable. By 1989, the North zone had a noticeably younger age structure of the population than in the country as a whole. The migration outflow that began in the late 1980s caused the increased rates of demographic ageing of the Northern regions, which also continued in 2002–2010. As a result, in Karelia and the Arkhangelsk Oblast, the share of the population above the new retirement age in 2021 already noticeably exceeds the average Russian level, while in the Sakhalin Oblast, the Komi Republic and the Murmansk Oblast, it is close to the national level.

Keywords: *age structure of the population, demographic ageing, retirement age, economic threshold of old age, northern regions of Russia*

Введение

Демографическое старение — увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения, причиной которого являются длительные изменения в характере его воспроизводства [1, Пирожков С.И., с. 117]. Наряду с общим ростом населения, увеличением международной миграции и урбанизацией, ООН относит старение населения к числу глобальных демографических «мегатрендов»¹, которые оказывают долговременное влияние на мировое развитие.

Для измерения степени демографического старения применяется ряд шкал, основанных на разных значениях границы старости. В России и странах, где значительная часть населения уходит на пенсию в 60 лет, наибольшее распространение получила шкала Ж. Боже-Гарнье — Э. Россета с порогом старости 60 лет [2, Доброхлеб В.Г., с. 185]. В экономически развитых странах в качестве критерия выделения пожилого населения для статистических

¹ Report of the Secretary-General on the review and appraisal of the Programme of Action of the International Conference on Population and Development and its contribution to the follow-up and review of the 2030 Agenda for Sustainable Development (E/CN.9/2019/2). URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/015/35/pdf/n1901535.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

целей традиционно используется другая граница старости — 65 лет. В последние годы ООН всё чаще применяет этот порог не только для развитых стран, но и для населения всего мира².

Оба порога старости привязаны к верхней границе трудоспособного возраста. Это логично, поскольку именно численность лиц пенсионного возраста и их доля в составе населения определяют экономические аспекты старения населения, и именно переход границы трудоспособности обуславливает формирование нового социального статуса человека со всем сложным комплексом социально-психологических последствий старения. Поэтому в наших предшествующих исследованиях по демографическому старению [3, Попова Л.А.; 4, Попова Л.А., Зорина Е.Н.; 5, Попова Л.А., Зорина Е.Н.] мы придерживались экономического порога старости, т. е. достижения пенсионного возраста, а не традиционно используемых в российских исследованиях по старению 60 лет для обоих полов [6, Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н.; 7, Сафарова Г.Л.; 8, Шабунова А.А.], в зарубежных — 65 [9; 10; 11, d'Albis H., Collard F.; 14, Belgrave L.L., Sayed B.A.; 13, Brunow S., Hirte G.; 14, Casamatta G., Batte L.]³. Поскольку с 1932 г., когда в СССР был законодательно утверждён возраст выхода на пенсию по старости (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), пенсионный возраст в стране не менялся [15, Роик В.Д.], переписи населения давали возможность корректно анализировать уровень и темпы старения населения России и отдельных регионов на основе динамики численности и удельного веса населения старше трудоспособного возраста.

С 1 января 2019 г. в России вступил в действие закон о поэтапном повышении пенсионного возраста⁴, согласно которому к 2028 г. верхняя граница трудоспособности у мужчин повысится до 65 лет, у женщин до 60 лет. Всероссийская перепись населения, проведённая по состоянию на 1 октября 2021 г., отнесла к населению старше трудоспособного возраста мужчин от 61,5 лет и более и женщин от 56,5 лет и более⁵. Предыдущие переписи учитывали в этой категории мужчин в возрасте 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше. А предстоящая и последующие переписи учтут в составе населения старше трудоспособного возраста мужчин 65 лет и старше и женщин 60 лет и старше — в соответствии с новым пенсионным возрастом. Таким образом, нарушается преемственность исследований закономерностей старения населения России и её регионов по экономическому порогу старости в разные периоды времени — необходимо привести их к единому критерию. Целью представленной статьи является выявление особенностей демографического старения северных регионов России в соответствии с новым пенсионным возрастом.

² United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 21.12.2023).

³ Srivastava A., Nandita S. Aging in India: Comparison of Conventional and Prospective Measures, 2011 // medRxiv. The preprint server for health science. 2022, 25 p. DOI: 10.1101/2022.04.11.22273700 (preprint).

⁴ Федеральный закон № 350-ФЗ от 3.10.2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 21.12.2023).

⁵ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

Методы исследования

Методологической основой исследования являются общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. В работе использованы системный подход, динамический и сравнительный анализ, статистические и демографические методы исследования, табличный приём визуализации данных. Теоретической базой исследования являются научные работы ведущих демографов, социологов и экономистов, посвященные изучению демографического старения. Информационной базой послужили итоги переписей населения и официальные данные Росстата.

Результаты исследования

В демографическом старении традиционно различают «старение снизу», происходящее из-за постепенного сокращения числа детей вследствие снижения рождаемости, и «старение сверху», вызываемое ростом числа старых людей в результате сокращения смертности в старческих возрастах при относительно медленном росте числа детей [1, Пирожков С.И., с. 117]. Существенное влияние на изменения возрастной структуры населения оказывают направление и интенсивность миграционных процессов: поскольку наибольшей территориальной мобильностью отличаются лица в активных трудоспособных возрастах, миграционный приток населения способствует омоложению возрастной структуры, а отток — старению населения. Темпы старения могут зависеть также от особенностей демографической истории страны, увеличиваясь в периоды достижения порога старости поколениями, родившимися в годы высоких уровней рождаемости [4, Попова Л.А., Зорина Е.Н., с. 8].

В целом по России удельный вес населения старше нового пенсионного возраста (мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины 60 лет и старше) на протяжении последних 60 лет увеличился более чем в 2,5 раза: с 8,0% в 1959 г. до 20,3% в 2021 г.⁶ (табл. 1). Доля населения указанных возрастов в составе взрослого населения (16 лет и старше) возросла за это время более чем в 2 раза: с 11,4% до 24,4%.

Таблица 1

*Возрастная структура населения России по данным переписей населения
в соответствии с новым пенсионным возрастом, %⁷*

Годы	Население в возрасте 0–15 лет	Мужчины в возрасте 16–64 лет и женщины в возрасте 16–59 лет	Мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше	Доля мужчин 65 лет и старше и женщин 60 лет и старше в составе населения 16 лет и старше
1959*	29,9	62,1	8,0	11,4
1970*	28,6	60,9	10,5	14,7
1979*	23,3	64,3	12,4	16,2
1989*	24,5	64,2	11,3	15,0
2002	18,1	65,6	16,2	19,8

⁶ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁷ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

2010	16,2	67,9	16,0	19,0
2021	16,8	62,9	20,3	24,4

*РСФСР

Проведённый нами статистический и демографический анализ уровня и темпов старения населения России в соответствии с новым пенсионным возрастом выявил, что разные межпереписные периоды характеризуются разными закономерностями старения по новому экономическому порогу старости.

- В 1959–1970 гг. происходило как «старение снизу», в условиях перехода населения к малодетности, так и «старение сверху» — за счёт роста продолжительности жизни россиян в рамках завершения первого этапа эпидемиологической революции.
- Межпереписной период 1970–1979 гг. на фоне продолжающегося снижения рождаемости характеризуется «старением снизу», сдерживаемым достижением трудоспособного возраста многочисленными поколениями послевоенного компенсационного подъёма рождаемости и начавшимся миграционным приростом.
- Для периода 1979–1989 гг. характерно уменьшение доли и численности населения старше нового пенсионного возраста, обусловленное повышением рождаемости под действием просемейной демографической политики 1980-х гг., снижением смертности в трудоспособных возрастах в результате антиалкогольной кампании 1985 г., а также достижением старших возрастов малочисленными поколениями 1920-х гг. рождения, понесшими значительные потери во время Великой Отечественной войны.
- Межпереписной период 1989–2002 гг. отличается самыми высокими темпами старения. В основе лежит сокращение рождаемости практически на всём протяжении периода и чрезвычайно высокая смертность в трудоспособных возрастах — наблюдаются как бы два взаимоусиливающих «старения снизу». Содействовала старению населения в эти годы и демографическая история, поскольку среди населения, достигающего старших возрастов, малочисленные поколения, понесшие колоссальные потери во время войны, постепенно сменялись поколениями, не принимавшими в ней участия. В то же время внешняя миграция немного сдерживала темпы старения.
- В 2002–2010 гг. в России произошло незначительное снижение численности и доли населения старше нового пенсионного возраста, на наш взгляд, обусловленное наследием кризиса смертности 1990-х гг. и активизацией оформления российского гражданства мигрантами со стажем из стран ближнего зарубежья в условиях совершенствования российского миграционного законодательства.

- Последний межпереписной период 2010–2021 гг., по сути, единственный в России, для которого подходит определение «старения сверху». В условиях восстановления позитивной тенденции ожидаемой продолжительности жизни населения (после двухлетнего снижения в условиях пандемии COVID-19 в 2022 г. показатель увеличился до 72,7 лет⁸) и предстоящего в самое ближайшее время структурного повышения рождаемости «старение сверху» имеет шансы приобрести в России устойчивый характер.

Различия в демографических процессах в регионах России обуславливают значительную региональную дифференциацию уровня и темпов старения населения. Благодаря высокой рождаемости, самой молодой возрастной структурой, несмотря на максимальный по стране показатель продолжительности жизни населения, характеризуется Республика Ингушетия. По данным переписи 2021 г.⁹, лишь 6,6% населения региона были старше нового пенсионного возраста в сравнении с 20,3% в целом по стране. Низкая рождаемость и хорошие показатели продолжительности жизни в Москве и Санкт-Петербурге обуславливают существенный уровень демографического старения столиц даже в условиях стабильного миграционного притока населения трудоспособного возраста: старше нового экономического порога старости в Москве 21,0% населения, в Санкт-Петербурге — 21,5%. Масштабный миграционный отток молодёжи определяет самый значительный по стране уровень старения населения Кировской области (в 2021 г. 24,8%).

В зоне Севера (в статье рассматриваются 13 субъектов федерации, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, по которым имеются информационные возможности для динамического анализа) определяющим фактором уровня и темпов старения населения также является миграция. Благодаря многолетней истории миграционного характера формирования населения, к 1989 г. на Севере сложилась заметно более молодая возрастная структура, чем в целом по России. Доли детских и трудоспособных возрастов практически во всех северных субъектах превышали среднероссийский уровень. Лишь в Республике Тыва удельный вес населения в трудоспособном возрасте на фоне весьма значительной доли детей был несколько ниже среднего по РСФСР [4, Попова Л.А., Зорина Е.Н., с. 12].

Соответственно, процент пенсионных возрастов в северных регионах был существенно меньше, чем в среднем по России. Только в Карелии и Архангельской области удельный вес населения старше нового пенсионного возраста в 1989 г. был сопоставим с общероссийским уровнем: по 10,7% в сравнении с 11,3% в целом по РСФСР¹⁰ (табл. 2). В Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах доля старших возрастов была в 10 раз меньше среднероссийского уровня, в Ханты-Мансийском АО и Магаданской области — ниже в 5,5 раза, в

⁸ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Камчатском крае, республиках Саха (Якутия) и Тыва, Ненецком АО, Мурманской и Сахалинской областях и Республике Коми — ниже от 3,4 до 1,7 раз.

Таблица 2

*Доля населения старше нового пенсионного возраста
(мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше)
в северных регионах России по данным переписей населения, %¹¹*

	1989 г.*	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация	11,3	16,2	16,0	20,3
Республика Карелия	10,7	15,2	15,9	23,3
Республика Коми	6,5	10,6	11,6	19,0
Архангельская область	10,7	14,5	15,1	22,0
Ненецкий АО	5,1	8,5	8,9	14,6
Мурманская область	5,4	9,8	12,0	18,0
Ханты-Мансийский АО	2,1	4,4	5,7	12,3
Ямало-Ненецкий АО	1,2	2,5	3,6	9,0
Республика Тыва	4,9	6,2	6,5	7,7
Республика Саха (Якутия)	4,0	7,0	7,8	12,5
Камчатский край	3,3	7,9	11,0	15,9
Магаданская область	2,1	7,0	9,6	15,6
Сахалинская область	6,4	10,7	12,2	19,6
Чукотский АО	1,0	3,4	4,9	9,8

*РСФСР

Начавшийся три с половиной десятилетия назад миграционный отток населения с северных территорий обусловил повышенные темпы демографического старения зоны Севера (табл. 3). За период между переписями 1989 и 2021 гг. доля населения старше нового пенсионного возраста в составе всего населения России увеличилась на 80%. При этом в Чукотском автономном округе произошло почти десятикратное увеличение процента старших возрастов (с 1,0% до 9,8%), в Ямало-Ненецком АО и Магаданской области их доля возросла в 7,5 раз, в Ханты-Мансийском округе — почти в шесть раз, в Камчатском крае — почти в пять раз, в Мурманской области, Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области — в три с лишним раза, в Республике Коми и Ненецком АО — почти в три раза, в Карелии и Архангельской области — в два с лишним раза¹². И только в Тыве, отличающейся высокой рождаемостью и очень низкой продолжительностью жизни населения, за 1989–2021 гг. произошло менее значительное увеличение удельного веса старших возрастов (на 57%), чем по стране в целом.

Таблица 3

*Темпы прироста доли населения старше нового пенсионного возраста
(мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше)
в северных регионах России в межпереписные периоды, %¹³*

	1989–2002 гг.	2002–2010 гг.	2010–2021 гг.	В целом за 1989–2021 гг.
Российская Федерация	43,4	-1,2	26,9	79,6
Республика Карелия	42,1	4,6	46,5	117,8
Республика Коми	63,1	9,4	63,8	192,3

¹¹ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

¹² Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

¹³ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

Архангельская область	35,5	4,1	45,7	105,6
Ненецкий АО	66,7	4,7	64,0	186,3
Мурманская область	81,5	22,4	50,0	233,3
Ханты-Мансийский АО	109,5	29,5	115,8	485,7
Ямало-Ненецкий АО	108,3	44,0	150,0	650,0
Республика Тыва	26,5	4,8	18,5	57,1
Республика Саха (Якутия)	75,0	11,4	60,3	212,5
Камчатский край	139,4	39,2	44,5	381,8
Магаданская область	233,3	37,1	62,5	642,9
Сахалинская область	67,2	14,0	60,7	206,3
Чукотский АО	240,0	44,1	100,0	880,0

Масштабы миграционного оттока с северных территорий, большая часть которого приходится на трудоспособный возраст, увеличивались до второй половины 1990-х гг.: некоторые исследователи называют 1999 г. годом второй смены динамики населения Севера, поскольку после дефолта 1998 г. из-за резкого падения обменного курса рубля значительно расширились возможности отраслей-экспортеров, и привлекательность северных регионов вновь стала возрастать [16, Пчелинцев О.С., Щербакова Е.М., Ноздрин Н.Н., Минченко М.М., с. 121]. А для России в целом в 1990-е гг., наоборот, были характерны максимальные объёмы миграционного притока населения из ближнего зарубежья [4, Попова Л.А., Зорина Е.Н., с. 17]. Поэтому в межпереписном периоде 1989–2002 гг. в северных регионах наблюдалось весьма значительное превышение среднероссийского темпа прироста доли населения старше нового пенсионного возраста. Исключение составили Республика Тыва с высокой рождаемостью и очень низким показателем продолжительности жизни населения, а также Архангельская область и Карелия, где, как и в Тыве, миграция играла менее значительную роль. Причём такое превышение наблюдалось в условиях значительного отставания от общероссийского уровня величины ожидаемой продолжительности жизни населения практически на всех северных территориях (кроме Ханты-Мансийского АО), а также традиционно повышенного уровня рождаемости в ряде регионов Азиатского Севера (в республиках Тыва и Саха (Якутия), Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах) и Ненецком АО¹⁴, что способствовало сокращению масштабов «старения снизу».

В межпереписной период 2002–2010 гг. в целом по России произошло небольшое уменьшение доли населения старше нового пенсионного возраста (на 1,2%). Одной из причин этого, на наш взгляд, является активизация получения российского гражданства мигрантами из бывших союзных республик, на что указывает достаточно заметный рост в стране удельного веса населения рабочих возрастов в этот период (с 65,6% до 67,9%). Для всех без исключения северных субъектов в 2002–2010 гг. характерно увеличение процента населения старше нового экономического порога старости. При этом в Якутии, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах темп снижения доли детей в этот период оказался значительнее, чем в среднем по стране, что свидетельствует об активизации демографического перехода у коренных народов Севера. Практически на всём Европейском Севере и в целом

¹⁴ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

ряде регионов Азиатского Севера «старение снизу», т. е. за счёт рождаемости, в 1989–2010 гг. было более интенсивным, чем в среднем по России¹⁵.

В 2010–2021 гг. старение населения России наблюдается в условиях увеличения удельного веса населения моложе трудоспособного возраста, что, как отмечалось, соответствует модели «старения сверху». Ускорение роста рождаемости в первые годы реализации регионального материнского капитала и повышенные её уровни уже в период начавшегося снижения привели к тому, что удельный вес детей в целом по России увеличился на 3,7%: с 16,2% до 16,8% (табл. 4).

Таблица 4

Изменение в северных регионах доли детских возрастов в межпереписной период 2010–2021 гг.¹⁶

	Доля населения в возрасте 0–15 лет, %		Темп прироста (убыли) за 2010–2021 гг., %
	2010 г.	2021 г.	
Российская Федерация	16,2	16,8	3,7
Республика Карелия	16,0	17,1	6,9
Республика Коми	17,7	18,8	6,2
Архангельская область	16,7	17,9	7,2
Ненецкий АО	22,7	22,5	-0,9
Мурманская область	16,2	18,2	12,3
Ханты-Мансийский АО	20,4	21,6	5,9
Ямало-Ненецкий АО	22,0	22,8	3,6
Республика Тыва	30,5	32,7	7,2
Республика Саха (Якутия)	23,3	24,0	3,0
Камчатский край	17,1	19,4	13,5
Магаданская область	16,8	17,0	1,2
Сахалинская область	16,7	16,2	-3,0
Чукотский АО	22,4	22,4	0,0

Для 7 из 13 северных территорий характерно более существенное увеличение доли населения моложе трудоспособного возраста, сдерживающее рост уровня старения. В то же время в ряде северных субъектов, большинство из которых относятся к регионам с традиционно повышенным уровнем рождаемости, наблюдается менее значительное увеличение процента детских возрастов (Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО), нулевой рост (Чукотский АО) и даже сокращение (Ненецкий АО, Сахалинская область), свидетельствующие о продолжающейся активизации демографического перехода у коренных народов Севера, способствующей ускорению старения населения указанных регионов.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

В результате всех этих изменений, по данным переписи 2021 г., в двух северных субъектах, Карелии и Архангельской области, доля населения старше нового пенсионного возраста уже заметно превышает среднероссийский уровень (рис. 1).

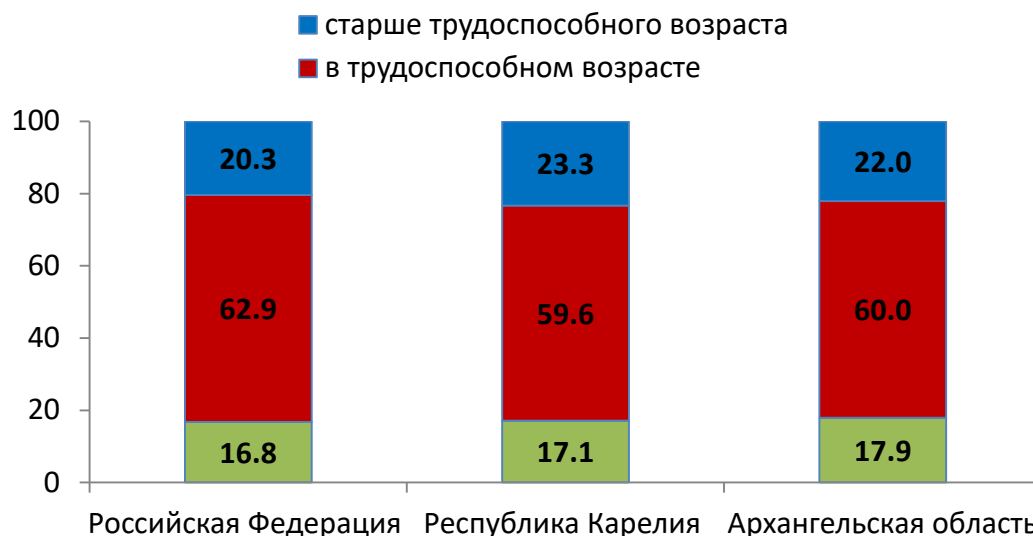

Рис. 1. Возрастная структура населения Российской Федерации, Республики Карелия и Архангельской области в 2021 г. в соответствии с новым пенсионным возрастом, %.

В Сахалинской области, Республике Коми и Мурманской области — приближается к уровню по стране. При этом отраслевая система хозяйствования и дискомфортность условий проживания предъявляют на Севере особые требования к характеристикам здоровья населения, а соответственно, и к его возрастной структуре.

Кроме того, следует учитывать, что начиная с 1993 г. на всей территории Севера, включая и местности, приравненные к Крайнему Северу, применяется льготный возраст выхода на пенсию. Для граждан, имеющих 15 лет работы в районах Крайнего Севера или 20 лет работы в районах, приравненных к Крайнему Северу, при условии наличия страхового стажа 20 лет для женщин и 25 лет для мужчин, он предусматривает возможность оформления пенсии на 5 лет раньше, чем в целом по стране¹⁷. При повышении пенсионного возраста северная льгота сохранилась.

В соответствии с этим в Республике Карелия и Архангельской области даже при окончательном переходе в России к повышенному пенсионному возрасту свыше трети взрослого населения (16 лет и старше) при наличии необходимого трудового стажа будут иметь право прекратить экономическую активность в связи с выходом на пенсию (табл. 5). В Республике Коми, Сахалинской и Мурманской областях право на пенсионное обеспечение по старости в соответствии с новым северным экономическим порогом старости получают около 30% взрос-

¹⁷ Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, при назначении и перерасчете пенсий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/ (дата обращения: 21.12.2023).

лого населения, в Камчатском крае, Ненецком автономном округе и Магаданской области — до 27%¹⁸.

Таблица 5

Возрастная структура населения северных регионов России в соответствии с новым северным экономическим порогом старости (мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше) по данным переписи населения 2021 г., %¹⁹

	Население в возрасте 0–15 лет	Мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины в возрасте 16–54 лет	Мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше	Доля мужчин 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше в составе взрослого населения (16 лет и старше)
Республика Карелия	17,1	52,3	30,6	36,9
Республика Коми	18,8	55,2	26,0	32,0
Архангельская область	17,9	53,1	29,0	35,3
Ненецкий АО	22,5	56,7	20,8	26,8
Мурманская область	18,2	57,5	24,3	29,7
Ханты-Мансийский АО	21,6	59,9	18,6	23,7
Ямало-Ненецкий АО	22,8	62,5	14,7	19,0
Республика Тыва	32,7	55,2	12,1	18,0
Республика Саха (Якутия)	24,0	57,8	18,2	23,9
Камчатский край	19,4	58,6	22,0	27,3
Магаданская область	17,0	60,9	22,1	26,6
Сахалинская область	16,2	57,8	26,0	31,0
Чукотский АО	22,4	61,7	15,9	20,5

Лишь в пяти регионах зоны Севера доля взрослого населения, получающего право на пенсионное обеспечение в соответствии с новым северным пенсионным возрастом, ниже, чем доля пенсионеров по старости в составе взрослого населения по России в целом (24,4%, см. табл. 1). В Республике Саха (Якутия) и Ханты-Мансийском АО — менее 23%, в Чукотском и Ямало-Ненецком округах и Тыве — до 18–20% населения старше 16 лет.

Заключение

Благодаря многолетней истории миграционного характера формирования населения к 1989 г. в северных регионах сложилась заметно более молодая возрастная структура, чем в целом по России. Начавшийся в конце 1980-х гг. миграционный отток обусловил повышенные темпы демографического старения Севера, несмотря на низкие показатели продолжительности жизни населения в большинстве северных территорий и высокий, даже в условиях активизации демо-

¹⁸ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

¹⁹ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

графического перехода у коренных народов Севера, уровень рождаемости в ряде из них. В результате в Карелии и Архангельской области доля населения старше нового пенсионного возраста в 2021 г. уже заметно превышает среднероссийский уровень, в Сахалинской области, Республике Коми и Мурманской области приближается к уровню по стране.

При этом на Севере экономический порог старости на 5 лет ниже, чем в целом по стране. В соответствии с льготным пенсионным возрастом в Карелии и Архангельской области свыше трети взрослого населения при наличии необходимого трудового стажа будут иметь право прекратить экономическую активность, в Республике Коми, Сахалинской и Мурманской областях — около 30% взрослого населения, в Камчатском крае, Ненецком АО и Магаданской области — до 27%. Лишь в Якутии, Ханты-Мансийском, Чукотском, Ямало-Ненецком АО и Республике Тыва доля взрослого населения, получающего право на пенсионное обеспечение при новом северном пенсионном возрасте, ниже, чем доля пенсионеров по старости по России в целом.

Список источников

1. Демографический энциклопедический словарь / Пирожков С.И., Валентей Д.И. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1985. 608 с.
2. Доброхлеб В.Г. Демографическое старение населения и становление новых социальных норм в «стареющем» обществе / Демографические перспективы России / Осипов Г.В., Рязанцев С.В. Москва: Издательство «Экон-Информ». 2008. С. 181–205.
3. Попова Л.А. Особенности демографического старения северных регионов России // Регион: экономика и социология. 2013. № 1 (77). С. 23–40.
4. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 122 с.
5. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.9>
6. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.6>
7. Сафарова Г.Л. Демографические аспекты старения населения России // Отечественные записки. 2005. № 3 (24).
8. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 2 (70). С. 7–17.
9. Ageing Europe — looking at the lives of older people in the EU. Eurostat 2019 report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019, 162 p.
10. Ageing Populations: The Social Policy Implications. Paris: OECD. 1988. 92 p.
11. d’Albis H., Collard F. Age groups and the measure of population aging // Demographic Research. 2013. Vol. 29. Art. 23. Pp. 617–640. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.23>
12. Belgrave L.L., Sayed B.A. Successful/Productive Aging, Responsibility, and Reflection / The Symbolism of Globalization, Development, and Aging / Ed. by S. Arxer, J. Murphy. Vol. 7. New York: Springer. 2013. Pp. 91–107. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-4508-1_8
13. Brunow S., Hirte G. Regional Age Structure and Economic Growth: An Econometric Study for German Region // Dresden Discussion Paper Series in Economics. 2019. No. 04/09. Pp. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1406925>
14. Casamatta G., Batte L. The Political Economy of Population Aging / Handbook of the Economics of Population Aging. 2016. Vol. 1. Pp. 381–444. DOI: <https://doi.org/10.1016/bs.hespa.2016.07.001>
15. Роик В.Д. Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт: монография. Москва: Юрайт, 2017. 336 с.

16. Пчелинцев О.С., Щербакowa Е.М., Ноздрина Н.Н., Минченко М.М. Социально-демографические процессы в зоне Севера и задачи государственного регулирования / Север как объект комплексных региональных исследований / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография». 2005. С. 120–126. 512 с.

References

1. Pirozhkov S.I., Valentey D.I. *Demographic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1985, 608 p. (In Russ.)
2. Dobrokhleb V.G. Demographic Aging of the Population and the Formation of New Social Norms in an "Aging" Society. In: *Demographic Prospects of Russia*. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2008, pp. 181–205. (In Russ.)
3. Popova L.A. Peculiar Demographic Aging in Northern Regions of Russia. *Region: Economics and Sociology*, 2013, no. 1 (77), pp. 23–40.
4. Popova L.A., Zorina E.N. *Economic and Social Aspects of Population Ageing in the Northern Regions*: monography. Syktyvkar, Komi respublikanskaya tipografiya Publ., 2014, 122 p. (In Russ.)
5. Popova L.A., Zorina E.N. Implementing Active Aging in the Labor Sphere (Case Study of the Komi Republic). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.9>
6. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Demographic Theories and the Regional Aspect of Population Ageing. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.6>
7. Safarova G.L. Demographic Aspects of Population Ageing in Russia. *Otechestvennye zapiski*, 2005, no. 3 (24).
8. Shabunova A.A. Social Development and Modern Demographic Challenges. *Problems of Territory's Development*, 2014, iss. 2 (70), pp. 7–17.
9. *Ageing Europe — Looking at the Lives of Older People in the EU. Eurostat 2019 Report*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2019, 162 p.
10. *Ageing Populations: The Social Policy Implications*. Paris, OECD, 1988, 92 p.
11. d'Albis H., Collard F. Age Groups and the Measure of Population Aging. *Demographic Research*, 2013, vol. 29, art. 23, pp. 617–640. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.23>
12. Belgrave L.L., Sayed B.A. Successful/Productive Aging, Responsibility, and Reflection. In: *The Symbolism of Globalization, Development, and Aging*. New York, Springer, 2013, pp. 91–107. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-4508-1_8
13. Brunow S., Hirte G. Regional Age Structure and Economic Growth: An Econometric Study for German Region. *Dresden Discussion Paper Series in Economics*, 2019, no. 04/09, pp. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1406925>
14. Casamatta G., Batte L. The Political Economy of Population Aging. In: *Handbook of the Economics of Population Aging*, 2016, vol. 1, pp. 381–444. DOI: <https://doi.org/10.1016/bs.hespa.2016.07.001>
15. Roik V.D. *Retirement Age and Modernization of Pension Systems: Domestic and Foreign Experience*. Moscow, Urait Publ., 2017. 336 p. (In Russ.)
16. Pchelintsev O.S., Shcherbakowa E.M., Nozdrina N.N., Minchenko M.M. Socio-Demographic Processes in the North and the Tasks of State Regulation. In: *The North as an Object of Integrated Regional Studies*. Syktyvkar, Komi respublikanskaya tipografiya Publ., 2005, pp. 120–126, 512 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024;
принята к публикации 21.02.2024

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 181–200.

Научная статья

УДК 331.526(470)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.181>

Неформальная занятость: особенности на севере и юге России

Терентьева Марина Алексеевна^{1✉}, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

¹ Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия

¹ iesp@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6204-7363>

Аннотация. Распространение неформальной занятости является актуальным как для рынка труда РФ в целом, так и для её регионов. Актуальность проблемы исследования связана с отсутствием сравнительных данных по неформальному сектору экономики территорий севера и юга РФ. Причина роста занятости в неформальном секторе связана с развитием сферы услуг и цифровизации экономики, ростом конкуренции на региональных рынках, что приводит к разрастанию гибких форм занятости. Цель исследования заключается в оценке масштабов занятости в неформальном секторе в северных и южных регионах России с использованием производственного подхода. В работе предпринята попытка выявить и оценить экономические условия, влияющие на неформальную занятость в рассматриваемых регионах. Автором были рассмотрены три группы условий и отобраны показатели, характеризующие данные условия, которые легли в основу анализа динамики занятости в неформальном секторе. Панельные данные были собраны на основе информации Росстата за последние годы с сохранением сопоставимости методики сбора и обработки данных. В исследовании дана оценка занятости в неформальном секторе для регионов юга и севера РФ и сделаны выводы по влиянию вышеуказанных групп экономических факторов на занятость в неформальном секторе в данных регионах. Выявлена связь между душевым валовым региональным продуктом и неформальной занятостью. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть востребованными при оценке процессов изменения занятости в ходе разработки стратегий и программ развития регионов. Перспективность дальнейших исследований определяется более глубоким анализом степени влияния современной социально-экономической ситуации на уровень занятости в регионах.

Ключевые слова: неформальный сектор, занятость населения, север, юг, производственный подход

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках НИР «Влияние демографических вызовов на трудоустроенность северных и арктических территорий: новые реалии XXI века» (2025–2027 гг.).

Informal Employment: Features in the North and South of Russia

Marina A. Terentyeva^{1✉}, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

¹ Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktывkar, Russia

¹ iesp@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6204-7363>

Abstract. The spread of informal employment is relevant for the labor market of the Russian Federation as a whole, and for its regions. The relevance of the research problem is associated with the lack of compara-

* © Терентьева М.А., 2024

Для цитирования: Терентьева М.А. Неформальная занятость: особенности на севере и юге России // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 181–200. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.181>

For citation: Terentyeva M.A. Informal Employment: Features in the North and South of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 181–200. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.181>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

tive data on the informal sector of the economy of the territories of the north and south of the Russian Federation. The reason for the growth of employment in the informal sector is associated with the development of the service sector and digitalization of the economy, increased competition in regional markets, which leads to the growth of flexible forms of employment. The purpose of the study is to assess the scale of employment in the informal sector in the northern and southern regions of Russia using a production approach. The work attempts to identify and assess the economic conditions affecting informal employment in the regions under consideration. The author examined three groups of conditions and selected indicators characterizing these conditions, which formed the basis for the analysis of employment dynamics in the informal sector. Panel data were collected on the basis of Rosstat information for recent years, maintaining comparability of data collection and processing methods. The study provides an assessment of employment in the informal sector for the regions of the south and north of the Russian Federation draws conclusions on the impact of the above groups of economic factors on employment in the informal sector in these regions. The relationship between per capita gross regional product and informal employment is revealed. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained may be in demand when assessing the processes of employment change during the development of strategies and programs for regional development. The prospects for further research are determined by a more in-depth analysis of the degree of influence of the current socio-economic situation on the level of employment in the regions.

Keywords: *informal sector, employment, north, south, production approach*

Введение

Исследования неформального сектора помогают понять его влияние и значимость как для экономического развития, так и для социальной защиты и устойчивости общества.

Изучение неформального сектора связано с тем, что он может представлять значительную часть экономики некоторых стран: так, например, доля неформального сектора в странах Восточной Европы и Центральной Азии в структуре валовой добавленной стоимости достигает 14,0%¹. При этом уровень занятости в неформальном секторе экономики также имеет значительные масштабы. Население, занятое в неформальной экономике, чаще всего имеет дело с нестабильными низкими доходами, ограниченностью социальной защиты и сталкивается с тяжёлыми условиями труда. Поэтому исследование занятости в неформальном секторе экономики поможет оценить не только её масштабы, но также выявить и понять особенности и проблемы тех, кто работает в неформальном секторе. Изучение занятости в неформальном секторе — это необходимый инструмент для анализа экономики и социальной реальности в регионах. Таким образом, актуальность данного исследования связана с отсутствием сравнительных данных по занятости в неформальном секторе на территориях севера и юга РФ.

Теоретические аспекты неформальности на рынке труда

Под неформальным сектором экономики понимают «совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчинённых государственному регулированию, не подкреплённых формальными контрактами и не фиксируемых статистическим

¹ Официальный сайт Международной организации труда. URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 21.12.2023).

и налоговым учётом»². Объективным условием появления неформального сектора стало его изучение в развивающихся странах как отъединённого от фирменного устройства сегмента, где регулирование происходит по иным правилам к исполнению обязательств. К. Харт заложил основы понимания значимости неформального сектора экономики, который играл огромную роль в обеспечении политической стабильности и экономического роста развивающихся стран. На современном этапе исследователи неформального сектора изучают его как явление, которое различается по регионам как по масштабам, так и по форме, причинности, социальному составу³. Неформальный сектор экономики стал рассматриваться в качестве свойства, характерного как для развивающихся, так и для развитых стран. Он включает в себя экономику, начиная с домашних хозяйств и заканчивая неформальными (криминальными) практиками [1, с. 27]. Понятие «неформальный сектор» расширяется и становится не изолированным сегментом хозяйствования, а уже базовым компонентом экономической системы.

Выделяют три основных подхода⁴ к изучению неформальности на рынке труда. Во-первых, это производственный подход, в рамках которого занятость в неформальном секторе изучается исходя из характеристик предприятия. Во-вторых, легалистский подход, апеллирующий при изучении неформальной занятости к характеристикам рабочих мест. И в-третьих, выделяют «гибридный подход», сочетающий в себе логику двух ранее указанных подходов.

Неформальную занятость противопоставляют формальной занятости [2]. И начиная с 80-х гг. прошлого столетия её связывают с высокими издержками легальности [3]. Далее многие исследования посвящаются оценкам неформальности по различным показателям [4]. Так, согласно принятой Международной организацией труда резолюции⁵, оценить масштаб неформального сектора можно по показателям численности занятых и регистрации в той или иной правовой форме. Во многих странах наиболее доступна информация о численности занятых в экономике, а статистическая информация о регистрации предприятий имеет свои особенности, связанные прежде всего с её ограничениями и достоверностью. Основным критерием отнесения предприятия к неформальному сектору является показатель числа наёмного персонала (не более 5–7 человек).

Экономика развивающихся стран (таких как Россия), неоднородна, исследователи выделяют в них «нормальную» экономику (связанную с хозяйственной деятельностью государственных предприятий и транснациональных компаний) и «иную» экономику, имеющую дело с крестьянскими хозяйствами и мелкими предпринимателями. К населению, работаю-

² Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. Курс лекций. Москва: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009. 354 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Резолюция о статистике занятости в неформальном секторе, принятая 15-й Международной конференцией статистиков труда (Женева, 1993 г.). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_234473.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

щему в неформальном секторе, в нашей стране относят всех тех, кто работает на предприятиях, не имеющих регистрации. К ним относятся индивидуальные предприниматели без образования юридического лица (ИП), занятые по найму у физических лиц и ИП, занятые на индивидуальной основе (без регистрации ИП, самозанятые и нелегализованные), фермерские хозяйства, занятые по найму у физических лиц и ИП, а также производство в домашних хозяйствах продукции для реализации. Занятость в неформальном секторе РФ составляет примерно 20,0% [4]. Более того, ещё в 70-е гг. исследователи неформального сектора отмечали его наращивание с востока на запад и с севера на юг страны [5]. Государственная политика в отношении неформальности на рынке труда уже в постсоветской истории РФ в разные десятилетия была разная. Так, в 1990-е гг. государство игнорировало проблему неформальности. Далее в 2000-х гг. позиция поменялась, и ставка делалась уже на экономический рост, который должен способствовать решению проблем неформальности. Уже в 2010-е гг. стало понятно, что автоматической легализации не произошло, поэтому было определено направление в сторону усиления внимания государства к неформальности на рынке труда. Дискуссионным остаётся вопрос о том, в чём состоит компромисс государственной политики в отношении неформального сектора, который обладает таким преимуществом, как способность самоорганизоваться вдали от государства, одновременно являясь основой стабильности общественного развития. Исследователи, изучающие неформальный и формальный секторы экономики, предлагают идею неразрывности формального и неформального порядка на основе институционального анализа [1, с. 22].

Институционалисты выделяют социокультурный фактор, обуславливающий экономическое развитие территорий [6]. Как один из основных факторов, воздействующих на разнообразие регионального развития, они выделяют климат с его особенностями сельскохозяйственных методов, применяющихся в разных климатических зонах. Так, например, исследования указывают на N-образную зависимость температуры и «маскулинности» / «феминности», склонности к массовому стандартному производству или к сервисной деятельности и креативности. В климате со средними резко высокими и низкими температурами проживают «феминные» народности, которые признают необходимость консенсуса, заботы об окружающих, соблюдается ориентация на обслуживание, характерно интуитивное мышление, ценится скромность и принадлежность к определённой общности, группе. В более благоприятном климате проживают «маскулинные» народности, так как туда стекается огромное количество этнических групп, в результате возникает высокая конкуренция [7].

Таким образом, климатические условия выступают мощным фактором дифференциации в экономическом развитии [6], [7]. Исследования по регионам России указывают на существенные различия в их как социально-экономическом [8], так и социокультурном [9] развитии, что в свою очередь влияет на уровень неформальности на рынке труда.

Методология и материалы

Исследование в основном охватывает период с 2010 по 2021 гг. Работа выполнена на основе системного, институционального и производственного подходов. Эмпирический анализ проведён по северным и южным регионам, обладающим спецификой, отражающейся на оценках социально-экономического развития. Российские регионы отличаются между собой значительной асимметрией данного развития, разделяясь на богатые и бедные регионы. Это отличие особенно заметно при сравнении южных и северных территорий. К северным регионам ⁶ относятся республики Карелия, Коми, Тыва и Саха (Якутия), Архангельская, Мурманская, Магаданская и Сахалинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также Камчатский край (далее — север России). К южным регионам ⁷ относятся республики Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области, а также Ставропольский край (далее — юг России) [10]. Целью исследования стал анализ особенностей неформальной занятости северных и южных регионов России. В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы познания: причинно-следственный и логико-структурный анализ, экономико-статистические методы (систематизация статистической информации, составление информационно-аналитической базы данных, др.). Обработка данных проведена с помощью MS Excel.

Результаты исследования

При сравнении валового регионального продукта (далее ВРП) юга и севера страны видим, что южные регионы проигрывают конкуренцию северным регионам по данному показателю (табл. 1).

Таблица 1

Валовый региональный продукт юга и севера России ⁸

Наименование	Значение по годам, млрд руб.							2010/ 2020
	2010	2012	2015	2016	2017	2018	2020	
Российская Федерация	37 687,8	49 926,0	65 750,6	69 237,7	74 798,9	84 976,7	93 810,3	2,5
Юг	3 229,8	4 394,5	6 030,7	6 385,1	6 862,2	7 422,2	8 456,8	2,6
Доля юга в РФ	8,6	8,5	8,8	9,2	9,3	9,2	9,2	-
Север	5 087,6	6 367,1	8 710,9	9 062,8	10 114,6	12 596,9	11 558,2	2,3
Доля севера в РФ	13,5	13,3	13,5	13,2	13,3	13,2	13,1	-

⁶ К северным регионам отнесены субъекты, вся территория которых относится к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям.

⁷ К южным регионам отнесены субъекты, которые территориально входят в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

⁸ Источник: рассчитано по данным Росстата.

По официальным данным Росстата, за 2022 г. вклад неформальной экономики в ВВП РФ оценивается в 14,0–15,0%, но по регионам РФ эта цифра меняется и в некоторых южных регионах она достигает 40,0–60,0%⁹. Таким образом, неформальная экономика имеет большой потенциал к легализации в большинстве южных регионов, но применяемый механизм выравнивания бюджетной обеспеченности регионов способствует консервации иждивенческих настроений бедных регионов [11]. Росстат определяет вклад неформального сектора экономики (основным критерием определения единиц неформального сектора является критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица) в ВВП на основе экономических операций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами. Но это не «теневая» или криминальная экономика. К теневым операциям в легальной экономике относятся ситуации, когда часть производства намеренно скрывается от внимания государства, например, для уклонения от уплаты налогов. Доля такой теневой экономики составляет порядка 4,0% ВВП¹⁰. К производству в неформальном секторе Росстат, например, относит производство владельцев подсобных хозяйств, которые на своём участке выращивают товары для продажи на рынке. Кроме того, при расчёте ВВП Росстат учитывает и то, что все мы производим для собственного потребления (от овощей, ягод и грибов до самостоятельного ремонта своего автомобиля и др.). Криминальное производство товаров и услуг не учитывается в ВВП страны.

Неблагоприятность климатических условий для проживания обусловила отток населения с севера страны. Если до 1990-х гг. население севера росло, то после распада СССР миграционный отток усугубился, и за 1991–2020 гг. северные регионы потеряли порядка 6,0% населения¹¹.

Активной «принимающей» зоной северных мигрантов стали Центральный, Приволжский федеральные округа и, конечно же, южные регионы страны, то есть территории с более благоприятным климатом. Региональные столицы и их пригороды становятся «чуть ли не единственными точками позитивной динамики населения в подавляющем большинстве регионов России» [12]. В свою очередь, потенциал развития региональных центров определяется наличием ресурсов на периферии — в городах и районах, которые служат для них источниками миграционного прироста [8, 13].

Институционалисты установили, что в комфортных для проживания территориях возникают институты, ориентированные не на ренту, а на иную продуктивную деятельность, когда жизнь обустроивается для себя [14]. Здесь, в «принимающих» регионах юга возникают Краснодарская, Ставропольская, Ростовская и Волгоградская агломерации (несмотря на то, что в целом в этих регионах численность населения падала, за исключением Краснодарского

⁹ Глава Росстат: органы власти все больше интересуются статистикой. URL: <https://tass.ru/interviews/11610271?ysclid=m4b18rtocc907889292> (дата обращения: 08.02.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ Мкртчян Н. Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // Демоскоп. 2002. № 79-80. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/079/tema06.php> (дата обращения: 01.11.2022).

края, где численность выросла на 10,0 % (табл. 2), в то время как численность городского населения росла (табл. 3)), и как следствие — в таких регионах обостряется конкуренция [14, 11].

Таблица 2

Динамика численности населения, тыс. человек¹²

Наименование	2010	2015	2020
Юг	23 290	23 763	24 038
Краснодарский край	5 230	5 514	5 684
Ростовская область	4 275	4 236	4 181
Волгоградская область	2 607	2 546	2 475
Ставропольский край	2 786	2 802	2 793
Север	7 915	7 859	7 815

Таблица 3

Динамика численности городского населения, тыс. человек¹³

Наименование	2010	2015	2020
Юг	12 343	12 832	13 321
Краснодарский край	2 767	2 994	3 160
Ростовская область	2 877	2 872	2 851
Волгоградская область	1 981	1 953	1 916
Ставропольский край	1 594	1 634	1 478
Север	6 095	6 130	6 174

Население южных регионов России на 2021 г. составляет 16,5% от численности населения страны, в то время как численность северных регионов составляет 5,3%, что в три раза меньше.

Исследователи выделяют три условия [8]: экономическая самостоятельность (показатель доли работающих в малом бизнесе), экономические ресурсы (доля населения старше трудоспособного возраста) и уровень образования, которые в значительной степени определяют поведение населения одновременно с точки зрения социальной самостоятельности и институционального устройства. Ниже мы проанализировали данные три условия.

1) Доля работающих в малом бизнесе

Этот показатель характеризует уровень самостоятельности населения. Почему это так важно? Так как люди, работающие в малом бизнесе, это те, кто каждый день принимает экономические решения самостоятельно. Сколько их от всей численности населения? Так, к примеру в Москве каждый третий житель работает в малом бизнесе (26–29%), на Юге и на Севере эта цифра в два раза ниже и составляет порядка 10–11% (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности занятых на малых предприятиях в южных и северных регионах России, 2010–2021 гг.¹⁴

Год	Южные регионы		Северные регионы	
	тыс. чел.	доля от всей численности занятых, %	тыс. чел.	доля от всей численности занятых, %
2010	1 109,7	11,7	506,5	11,9
2012	1 130,2	11,8	482,3	11,3
2013	1 129,6	11,6	475,4	11,2

¹² Источник: рассчитано по данным Росстата.

¹³ Источник: рассчитано по данным Росстата.

¹⁴ Источник: Рассчитано по данным Росстата.

2014	1 135,5	11,9	454,6	10,8
2016	1 029,9	10,1	421,8	10,0
2017	1 112,6	10,8	438,4	10,8
2018	1 079,0	10,5	436,2	10,3
2019	1 136,7	11,1	445,7	11,3
2021	993,3	9,6	443,4	10,6

Как на юге, так и на севере численность занятых в малом предпринимательстве характеризуется тенденцией к снижению. Если на юге страны до 2014 г. занятость в малом бизнесе росла, то после 2014 г. численность занятых на малых предприятиях здесь падала, и падение продолжается по настоящее время, в целом за последние десять лет она снизилась на 10,5%. В северных регионах численность падала из года в год, и за десять лет падение составило 12,5%. Таким образом, уровень самостоятельности большей части жителей юга и севера трудно назвать высоким, а исследования показывают, что в кризисные годы растёт занятость в неформальной экономике [4], так как уходом в тень предприниматели сокращают свои издержки [8].

2) Удельный вес населения старше трудоспособного возраста

Данный показатель важен с точки зрения рисков неформальной занятости, так как у данной возрастной группы этот риск довольно высокий вследствие специфики человеческого капитала, здоровья и т. д. На севере население в возрасте старше трудоспособного в среднем за 2005–2020 гг. составило 17,6%, в южных регионах эта цифра выше — 20,1%. То есть на юге каждый пятый житель является пенсионером. На севере возраст выхода на пенсию ниже на пять лет, то есть при прочих равных пенсионеров на севере должно быть больше, но здесь значительную роль играет миграционный фактор: часто люди, выйдя на пенсию, переезжают в более благоприятные для жизни регионы, в результате доля трудоспособных на севере выше по сравнению с югом (табл. 5).

Таблица 5

Динамика удельного веса населения в трудоспособном возрасте на юге и севере России, %¹⁵

Наименование	Доля трудоспособного населения в общей численности населения			Занятое трудоспособное население в общей численности населения		
	2010	2015	2020	2010	2015	2020
Россия	61,5	57,4	56,0	47,3	48	49,7
Север России	65,6	61,2	58,6	53,7	54,1	58,6
Юг России	60,7	57,1	55,7	37,6	36,1	31,2

Северные регионы, несмотря на снижение доли трудоспособного населения за последние 10 рассматриваемых лет на 7 п.п., имеют рост занятости, значение которой сохраняется на уровне выше среднего по стране, в то время как южные регионы имели снижение

¹⁵ Источник: Рассчитано по данным Росстата.

доли трудоспособных на 5 п.п., но, в отличие от северных регионов, здесь наблюдается более низкие показатели занятости.

3) Уровень образования населения

Образовательный уровень населения прежде всего связан с выбором каждого индивида неформальной или формальной занятости, а также с качеством человеческого капитала, который оказывает значительное влияние на конкурентоспособность региона [16]. Перепись населения 2020 г. показала, что уровень образования растёт в целом по РФ (табл. 6).

Таблица 6

Уровень образования населения старше 15 лет в северных и южных регионах России (на 1 000 населения), по данным переписей 2010 и 2020 гг.¹⁶

Наименование	2010				2020			
	высшее	неполное	среднее	начальное	высшее	неполное	среднее	начальное
Россия	234	46	312	56	267	24	258	137
Юг	208	49	266	49	236	21	224	100
Север	214	40	335	64	279	20	259	147

На юге численность населения в возрасте 15 лет и старше, имеющего уровень высшего образования, в 2020 г. выросла и в расчёте на 1 000 человек составила 236 против 208 в 2010 г. При этом за десять лет число людей со средним профессиональным образованием снизилось с 266 до 224 в расчёте на 1 000 человек. За всё те же десять лет наблюдался рост численности населения с начальным профессиональным образованием — с 49 до 100 на 1 000 человек.

На севере страны образовательные тенденции имели похожий характер. Так, численность населения в возрасте 15 лет и старше, имеющего высшее образование, выросла, а вот число обладателей среднего и начального профессионального образования сократилось. Таким образом, население на севере активнее повышало свой уровень образования, но доминирующая добывающая отрасль в экономике поддерживает востребованность на «невысокий» уровень образования населения, поэтому северные регионы имеют существенную долю лиц с начальным профессиональным образованием (рис. 1).

¹⁶ Составлено по данным переписей 2010 и 2020 гг.

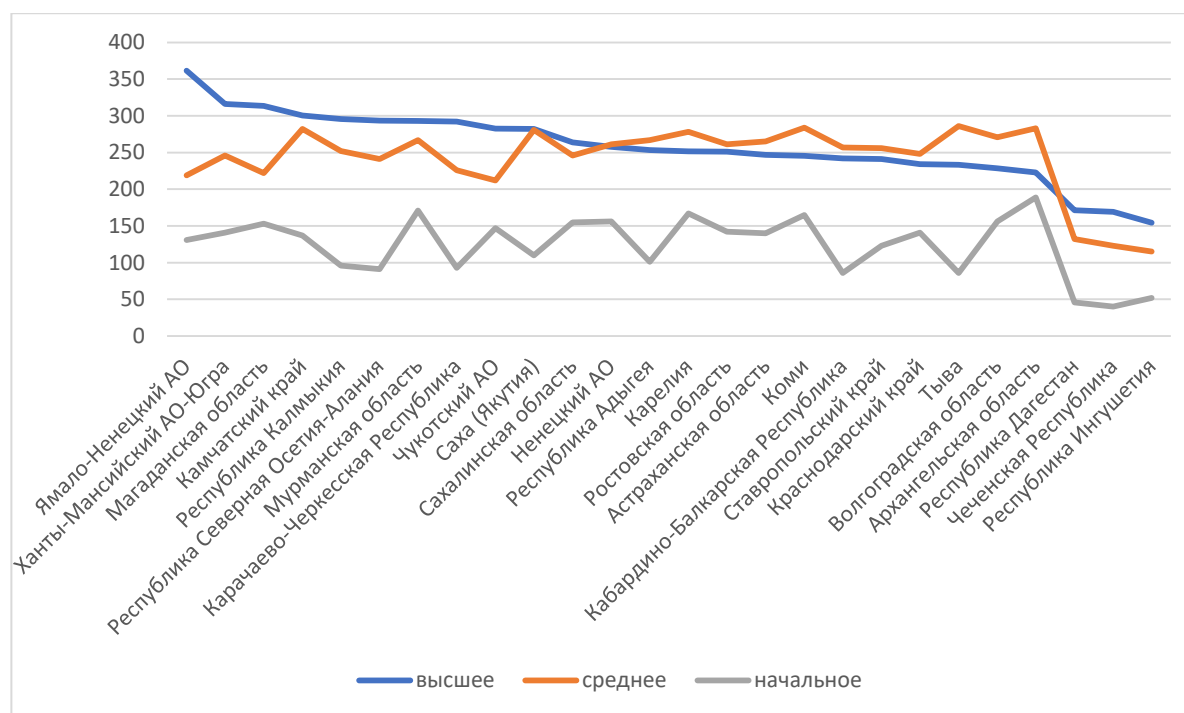

Рис. 1. Структура населения старше 15 лет по уровню образования в регионах России (на 1 000 населения)¹⁷.

Институциональные изменения на рынке труда в регионах повлияли на поведенческие установки населения, что проявилось в адаптации к новым реалиям посредством получения образования, поэтому в целом для РФ характерен рост лиц с высшим образованием.

Таким образом, три условия — экономическая самостоятельность, экономические ресурсы и уровень образования — в значительной степени определяют поведение этих людей одновременно с точки зрения социальной самостоятельности и институционального устройства. А поскольку для регионов России неизбежно институциональное разнообразие [17, 9], то и примеры регионов севера и юга показывают территориальные отличия по условиям неформальной занятости. Отметим, что оценки неформальной занятости разными ведомствами РФ имеют разные значения. Так, Минтруд относит к неформально занятым 18–20 млн человек (это 27,0% от общей численности занятых в экономике). Росстат определяет количество занятых в неформальном секторе на уровне 15 млн человек, или 20% занятых¹⁸. В целом для России характерна тенденция к росту неформальной занятости в экономике [18]. Поэтому в нашей стране активно обсуждаются вопросы сокращения масштабов занятости в неформальном секторе [19, 20]. Но каковы же масштабы занятости в неформальном секторе на юге и севере страны? Численность занятых в неформальном секторе на юге страны в два раза больше по сравнению с северными регионами (табл. 7).

¹⁷ Источник: перепись населения 2020 г.

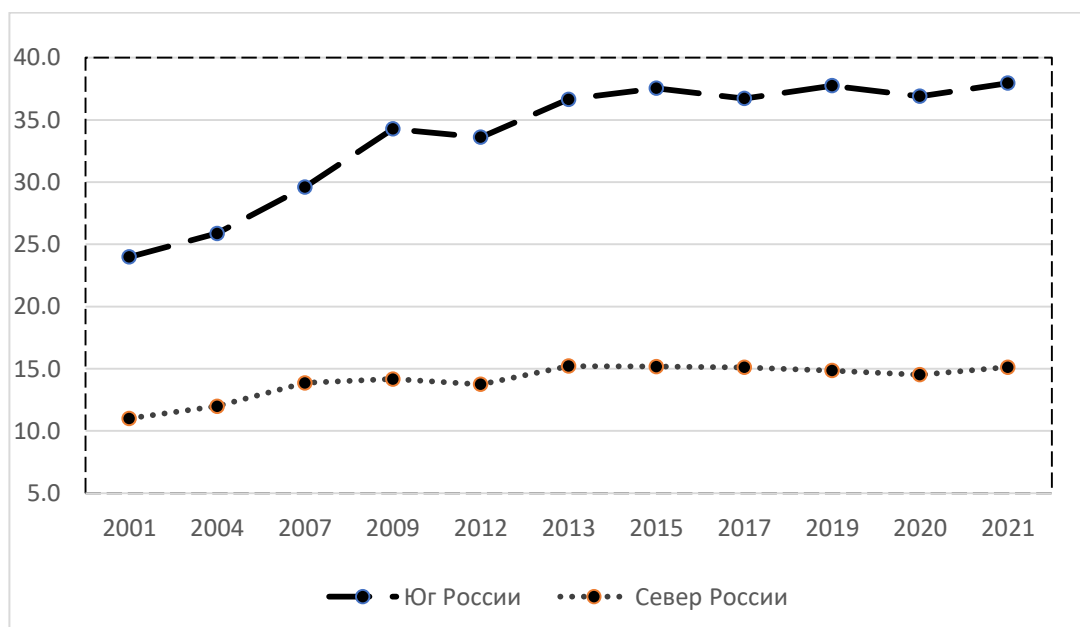
¹⁸ Росстат: стат. сб. Итоги выборочного обследования рабочей силы. Москва, 2012. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 02.10.2023).

Таблица 7

Численность занятых в неформальном секторе за 2010–2021 гг., %¹⁹

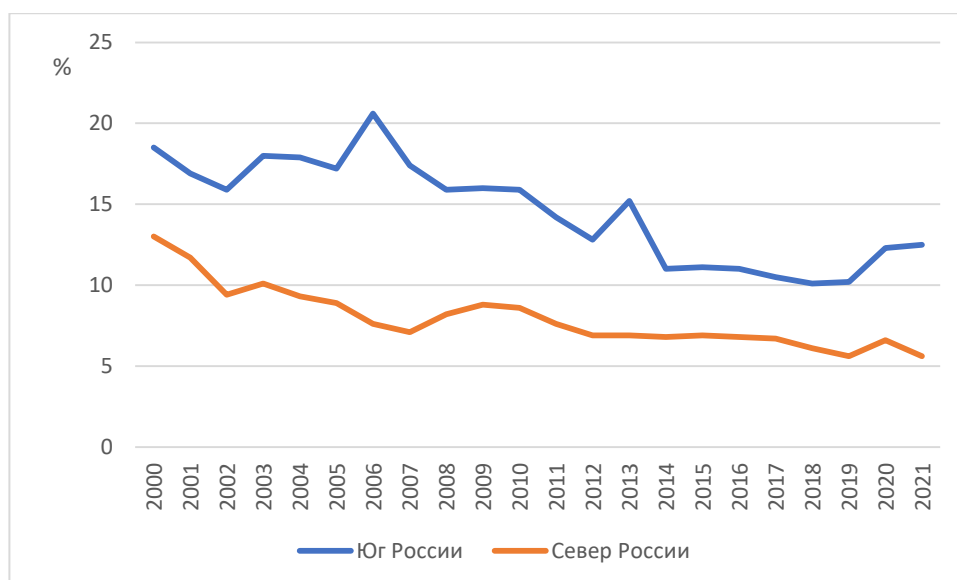
Наименование	2010	2012	2013	2015	2017	2021
Россия	19,5	19,0	19,7	20,5	19,8	20,3
Юг России	34,3	33,6	36,7	37,5	36,7	38,0
Север России	14,2	13,7	15,2	15,2	15,1	15,1

Данные Росстата показывают, что в период активного экономического роста в начале 2000-х гг. число занятых в неформальном секторе не сокращалось, а наоборот росло: как в стране в целом, так и в её северных и южных частях. На рис. 2 хорошо видно, что их число активнее росло на юге, который традиционно отличается высокими значениями неформальности [21].

Рис. 2. Динамика численности занятых в неформальном секторе за 2001–2021 гг., %²⁰.

Начиная со второй половины 2000-х гг. неформальный сектор перестал расширяться. Переток из формального сектора в неформальный почти остановился. При этом уровень безработицы за последние двадцать лет имел тенденцию к снижению как на юге, так и на севере страны. И если юг РФ имеет высокие показатели неформальности и безработицы, то для севера РФ характерны более низкие значения неформальности и, соответственно, безработицы (рис. 3).

¹⁹ Источник: рассчитано по данным Росстата.²⁰ Источник: данные Росстата.

Рис. 3. Динамика безработицы за 2001–2020 гг.²¹

В целом, как было сказано выше, динамика безработицы имеет снижающий тренд как на севере, так и на юге РФ. Рис. 2 и 3 демонстрируют падение уровня безработицы и расширение границ неформального сектора, который разрастался до 2014 г., а после данного года темпы нарастания существенно снизились, и тренд приобрёл «ровный» характер. Таким образом, потенциал неформальности, амортизирующий избыточную зарегулированность законодательства, которая должна создавать пространство для развития предпринимательства, приостановился.

Можно ли назвать неформальный сектор на юге и севере России колыбелью предпринимательства? В неформальном секторе России условно можно выделить два яруса. Первый ярус представлен разными видами деятельности, которые можно объединить словом «предпринимательство», то есть самоинициативная деятельность людей. А во втором ярусе — работники, занятые по найму у физических лиц или у индивидуальных предпринимателей (рис. 4).

²¹ Источник: данные Росстата.

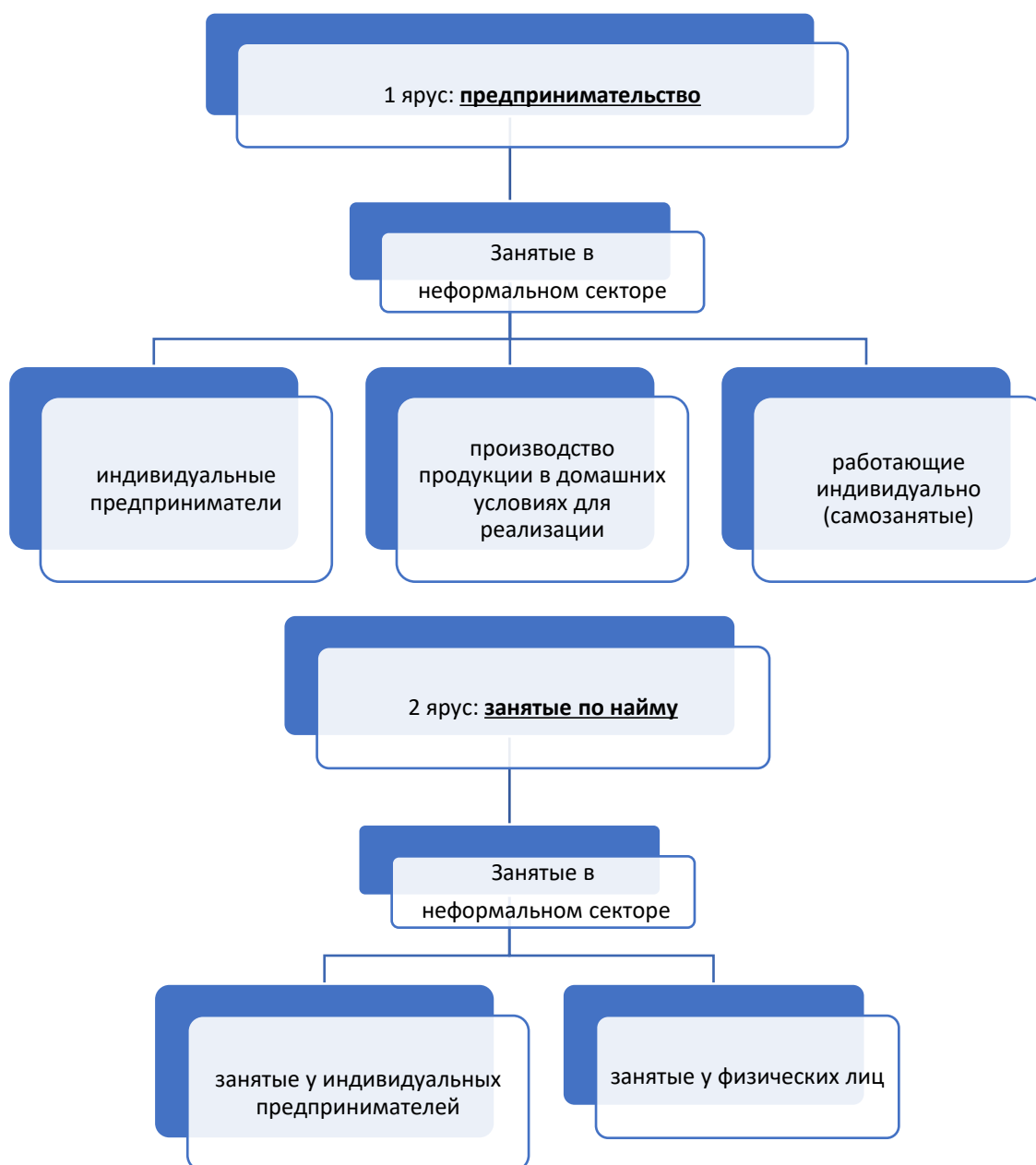

Рис. 4. Занятость в неформальном секторе Российской Федерации ²².

Российские исследования [23; 24] показывают, что неформальный сектор в нашей стране представлен людьми, которые работают в найме у физических лиц, у индивидуальных предпринимателей. На севере России, по данным обследований рабочей силы, в 2021 г. численность занятых в неформальном секторе в возрасте 15–72 лет составила 502,0 тыс. человек, что составляет 12,9% от общей численности занятого населения, остальные 87,1% занятого населения работают в формальном секторе экономики (рис. 5).

²² Источник: составлено по [21].

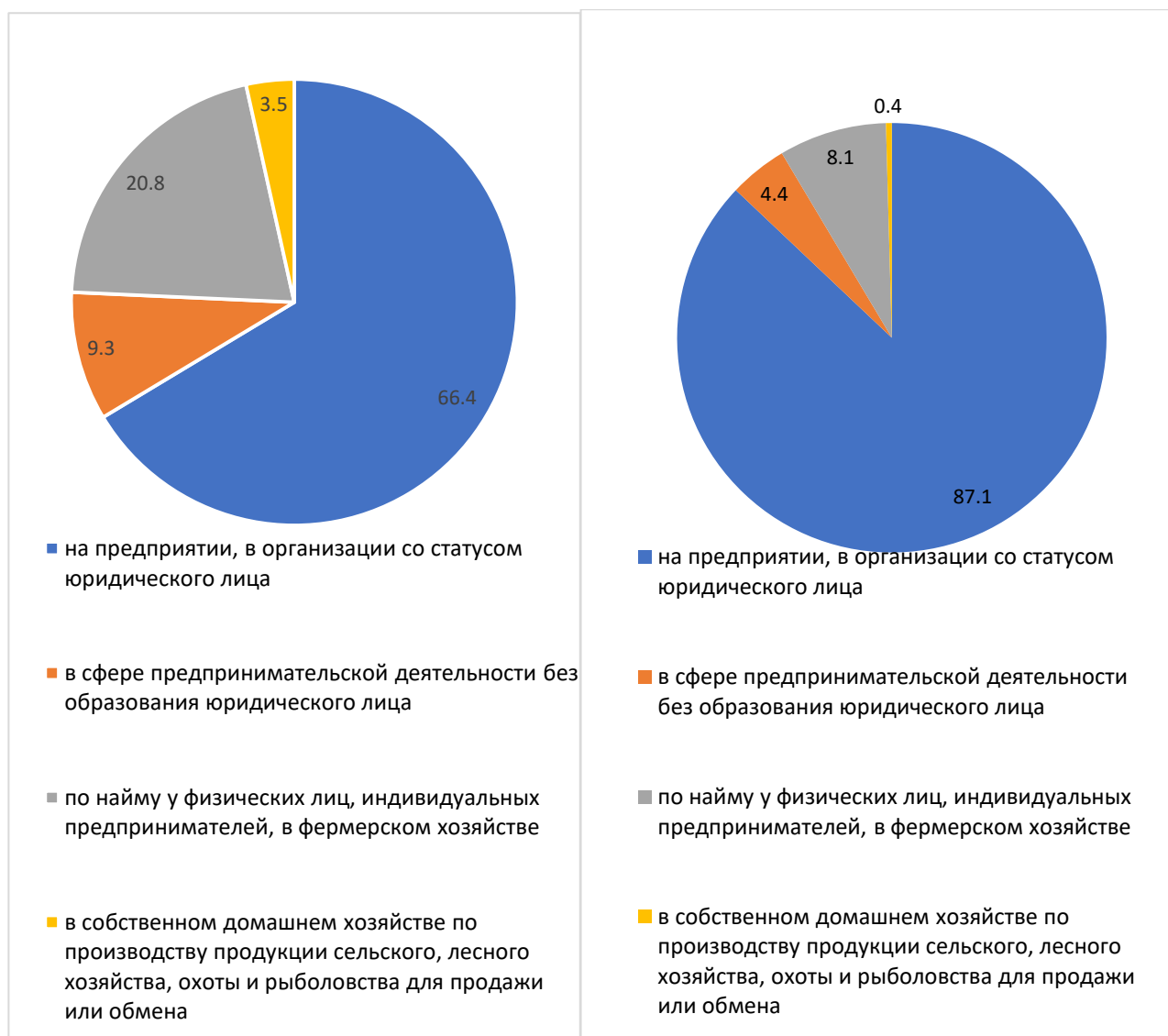
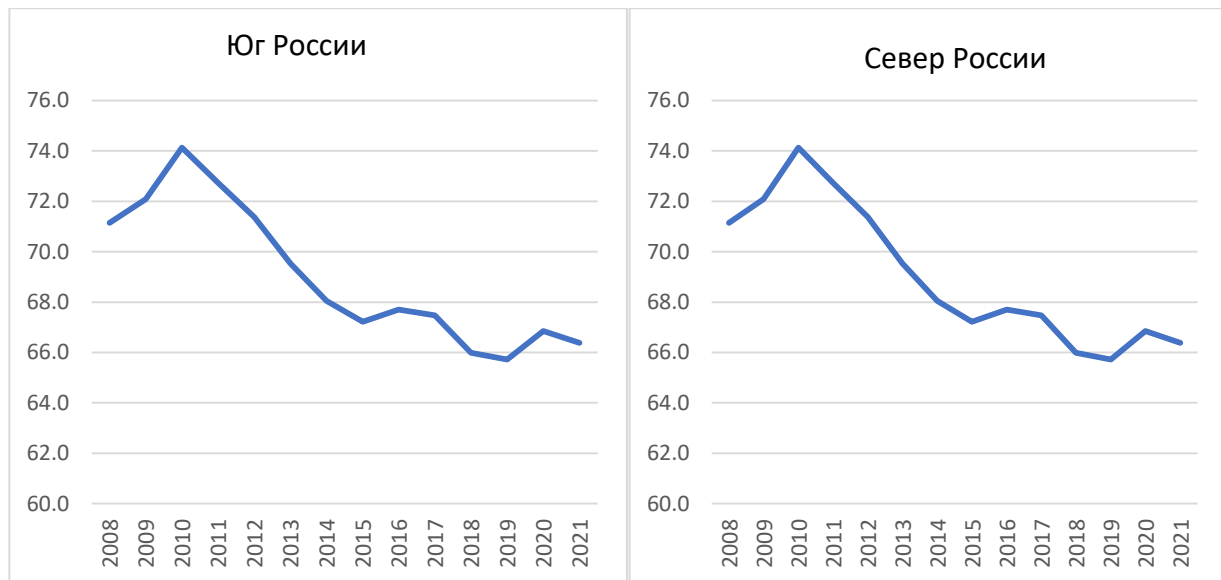

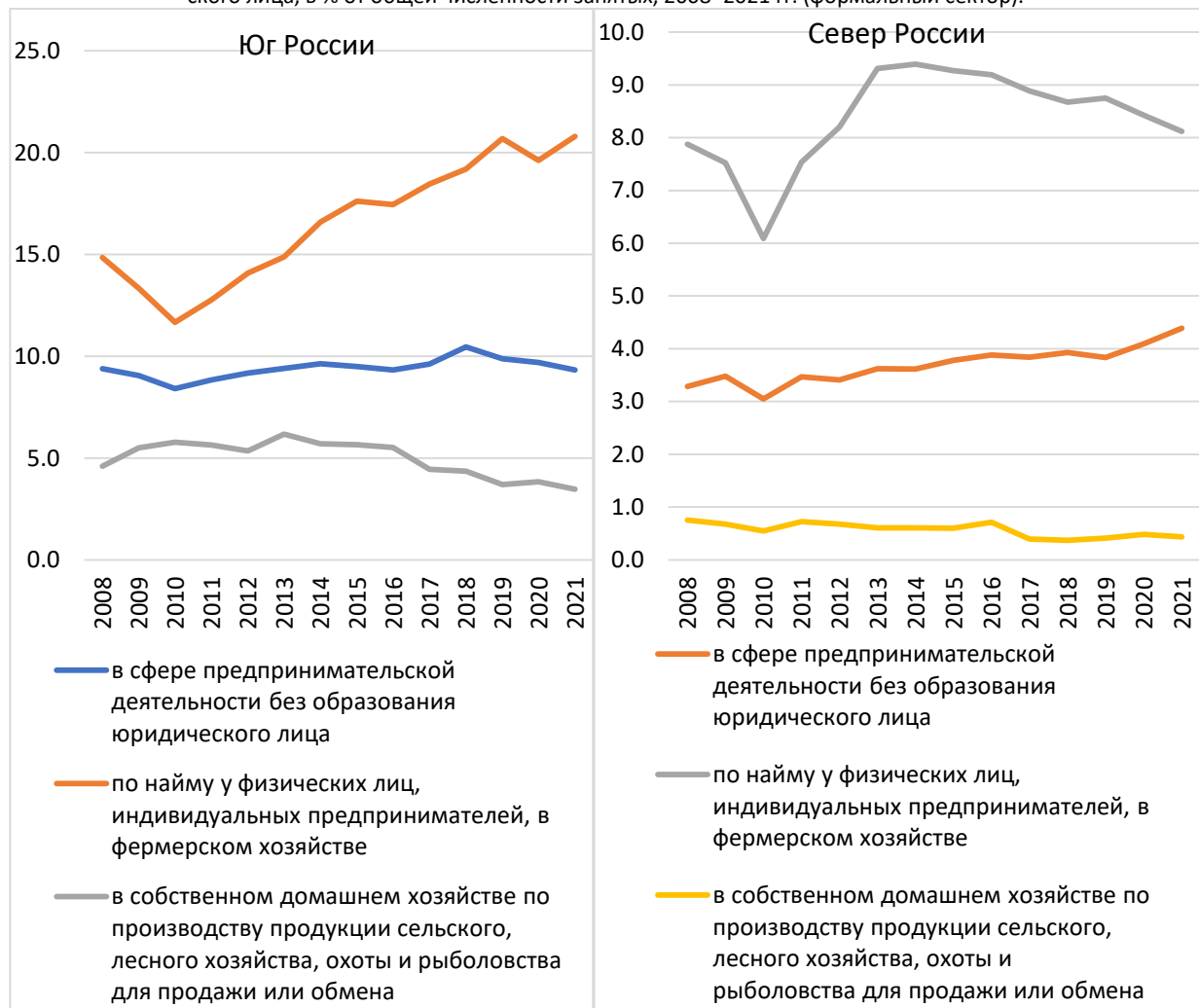
Рис. 5. Распределение занятого населения в возрасте 15–72 лет по месту основной работы, в % от общей численности занятых, 2021 г. (слева — Юг России, справа — Север России) ²³.

Пик занятости в корпоративном секторе приходился как в южных, так и в северных регионах на 2010 г., с условием, что мы анализируем период за 2008–2021 гг., соответственно самая низкая занятость в сфере предпринимательской деятельности приходилась на 2010 г., после чего корпоративная занятость начинает падать в рассматриваемых регионах, наблюдается сужение корпоративного сектора (рис. 6).

²³ Источник: данные Росстата.

Динамика занятого населения регионов России в возрасте 15–72 лет на предприятии, в организации со статусом юридического лица, в % от общей численности занятых, 2008–2021 гг. (формальный сектор).

Динамика занятого населения регионов России в возрасте 15–72 лет по месту основной работы, в % от общей численности занятых, 2008–2021 гг. (неформальный сектор).

Рис. 6. Динамика занятого населения регионов России в возрасте 15–72 лет по месту основной работы, в % от общей численности занятых, 2008–2021 гг.²⁴

²⁴ Источник: данные Росстата.

Экономический кризис 2009 г. затронул как формальный, так и неформальный секторы экономики. Численность в неформальном секторе за 2 года сократилась на севере на 0,1%, в то время как на юге страны численность занятых в формальном секторе экономики сократилась намного значительнее: на 2,6%. В целом за рассматриваемый период на юге страны занятость в корпоративном секторе сократилась сильнее (на 8%), а на севере сужение корпоративной занятости выражено слабее по сравнению с югом (на 4%). Но, несмотря на снижение, корпоративный сектор по-прежнему обеспечивает основную занятость (в пределах 87% на севере и 66% на юге).

Предпринимательская активность населения в РФ в условиях кризиса должна падать в связи с повышением уровня нестабильности в экономике [25]. Так, в южных регионах России с 2010 г. мы наблюдаем динамичный рост численности работников в найме у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве, но при этом доля предпринимателей падает. Уже после 2018 г. на юге страны падала как численность занятых в сфере предпринимательской деятельности, так и число предпринимателей. На севере обратная ситуация: до 2014 г. наблюдался рост числа работников в найме у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве, после чего численность занятых начинает падать, но растёт доля предпринимателей. Таким образом, если весь прирост неформальной занятости за последние 11 лет на юге страны обеспечивался за счёт расширения неформальной работы по найму, то на севере её преобладающей формой начинает выступать самозанятость (динамика положительная).

Подытожим: неформальный сектор имеет значительное влияние на экономику региона и страны по нескольким аспектам. Во-первых, он часто является одним из основных источников занятости для многих людей, особенно в развивающихся странах. Он позволяет людям получать доход при ограниченности формального сектора экономики. В некоторых странах неформальный сектор может составлять значительную долю занятости и иметь важное социальное значение для людей, а также вносить значительный вклад в экономику региона. Нелегальные предприятия и самозанятые работники могут генерировать доходы, создавать рабочие места и участвовать в торговле и производстве товаров и услуг. Во-вторых, неформальный сектор часто называют «колыбелью» малого предпринимательства, при этом неформальность распространена в таких отраслях, как розничная торговля, предоставление услуг и сельское хозяйство. В-третьих, значимость для экономики представляет такое свойство неформального сектора, как гибкость и адаптивность к изменяющимся экономическим условиям. Население и предприниматели, работающие в неформальном секторе, могут быстро реагировать на изменения спроса, приспосабливаться к новым условиям и предлагать более гибкие цены и условия работы. Это особенно важно в периоды экономических кризисов или нестабильности. Однако неформальный сектор также имеет свои негативные стороны для экономического развития. Основным недостатком неформального сектора является уклонение от уплаты налогов, а также неподотчётность официальным статистическим

ведомствам, что в свою очередь приводит к искажению реальной экономической ситуации и создаёт проблемы для финансирования государственных программ, включая социальные и инфраструктурные проекты. Таким образом, неформальный сектор имеет значимость для экономики региона, но его влияние может быть как позитивным, так и негативным: в зависимости от специфики экономического положения страны.

Заключение

В данной работе оценивались масштабы уровня занятости в неформальном секторе от ряда социально-экономических показателей по северным и южным регионам России. Результаты исследования подтвердили неоднородность занятости в неформальном секторе на уровне регионов юга и севера России. Анализ занятости в неформальном секторе рассматриваемых регионов показал, что неформальность распространена в большей степени на юге страны. Поскольку климатические условия выступают мощным фактором дифференциации в экономическом развитии, в ходе проведённого исследования выявилось, что южные регионы проигрывают конкуренцию северным регионам по ВРП. Однако в «принимающих» регионах юга возникли Краснодарская, Ставропольская, Ростовская и Волгоградская агломерации, и в результате здесь обостряется конкуренция. По факту мы видим, что рост численности населения на юге страны в лице появления агломераций, которые являются точкой роста малого предпринимательства, привёл к росту числа занятых на малых предприятиях, а доля занятых на малых предприятиях в три раза ниже, чем в федеральных городах Москве и Санкт-Петербурге, и имеет тот же уровень, что и на севере страны (не более 11,0%).

Трансформационные процессы не обошли южные и северные регионы России. Эти процессы привели к росту конкуренции на рынке труда, а чтобы успешно адаптироваться к новым условиям, население начало активно получать образование, что обусловило рост лиц с высшим профессиональным образованием как на юге, так и на севере, поскольку именно высшее образование даёт более «качественный» уровень социализации.

Кроме того, имеется связь показателей ВРП и неформальной занятости: южные регионы с меньшим ВРП имеют больший охват неформальной занятостью, тогда как в северных регионах ситуация обратная.

Список источников

1. Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies / Ed. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford University Press. 2006. 294 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0199204764.001.0001>
2. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School. 1954. № 22 (2). Pp. 139–191. DOI: <https://doi.org/10.1111/J.1467-9957.1954.TB00021.X>
3. Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Пер. с англ. Б. Пинскера. Москва: Catallaxy, 1995. 320 с.
4. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / Под ред. Гимпельсона В.Е., Капелюшниковой Р.И. Москва: ИД Высшей школы экономики, 2014. 535 с.
5. Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. Pp. 25–40.

6. Sokoloff K.L., Engerman S.L. Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. No. 14 (3). Pp. 217–232.
7. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publishers, 2012. 579 p.
8. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // *Журнал НЭА*. 2015. № 2 (26). С. 226–231.
9. Брызгалин В.А., Никишина Е.Н. Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // *Вопросы экономики*. 2020. № 7. С. 108–126. DOI: <https://doi.org/10.32609-0042-8736-2020-7-108-126>
10. Терентьева М.А. Роль малого предпринимательства в обеспечении занятости на Российском севере // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 4. С. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.6>
11. Мусаева Х.М., Шахбанова З.И., Керимова З.А. Вероятностные характеристики неформальной экономики и ее легализация как резерв роста налоговых доходов бюджета // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2023. № 10–3. С. 377–384. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3057>
12. Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды. Особенности миграционного баланса // *Известия РАН. Серия географическая*. 2018. № 6. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
13. Зубаревич Н.В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // *Общественные науки и современность*. 2017. № 6. С. 5–21.
14. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / Под ред. Аузана А.А., Дорошенко М.Е., Елисеева А.Н. и др. Москва: ИНФРА М, 2011. 447 с.
15. Acs Z.J., Varga A. Entrepreneurship, Agglomeration and Technological Change // *Small Business Economics*. 2005. No. 24 (3). Pp. 323–334. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-005-1998-4>
16. Клячко Т.Л. *Образование в России: основные проблемы и возможности решения*. Москва: ИД «Дело», 2013. 48 с.
17. Баранов А.Ю., Малков Е.С., Полищук Л.И., Рохлиц М., Сюняев Г.Р. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // *Вопросы экономики*. 2015. № 2. С. 69–103. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-69-103>
18. Вередюк О.В. Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // *Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика*. 2016. № 4. С. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2016.402>
19. Ахмадеев Д.Р. Анализ факторов, влияющих на развитие неформальной занятости в субъекте Федерации // *Вопросы регулирования экономики*. 2014. № 4. С. 92–104.
20. Салин В.Н., Нарбут В.В. Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и влияния на государственные финансы страны // *Финансы: теория и практика*. 2017. Т. 21. № 6. С. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-6-60-69>
21. Куницына Н.Н., Джиоев А.В. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // *Экономика региона*. 2023. Т. 19. № 2. С. 437–450. DOI: <https://doi.org/10.17059/econ.reg.2023-2-11>
22. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. Москва: ИД Высшей школы экономики, 2009. 354 с.
23. Barsukova S., Radaev V. Informal Economy in Russia: A Brief Overview // *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*. 2012. Vol. 13. No. 2. Pp. 4–12.
24. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 448 с.
25. Габелко М.В., Мурзачева Е.И., Алимова Т.А., Чепуренко А.Ю., Образцова О.И., Демьянова Ю.В., Ченина А.В. Предпринимательская активность россиян в условиях кризиса // *Мир перемен*. 2010. № 3. С. 147–162.

References

1. Guha-Khasnobis B., Kanbur R., Ostrom E., eds. *Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies*. Oxford University Press, 2006, 294 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0199204764.001.0001>

2. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *The Manchester School*, 1954, no. 22 (2), pp. 139–191. DOI: <https://doi.org/10.1111/J.1467-9957.1954.TB00021.X>
3. Soto de H. *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. Moscow, Catallaxy Publ., 1995, 320 p. (In Russ.)
4. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. *In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market*. Moscow, HSE Publ., 2014, 535 p. (In Russ.)
5. Grossman G. The “Second Economy” of the USSR. *Problems of Communism*, 1977, pp. 25–40.
6. Sokoloff K.L., Engerman S.L. Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World. *Journal of Economic Perspectives*, 2000, no. 14 (3), pp. 217–232.
7. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York, Crown Publishers, 2012, 579 p.
8. Zubarevich N.V. Spatial Strategy After the Crisis: From the Big Projects to Institutional Modernization. *Journal of the New Economic Association*, 2015, no. 2 (26), pp. 226–231.
9. Bryzgalin V.A., Nikishina E.N. Is There a Regional Culture in Russia? Opportunities of Using a Sociocultural Approach in Economics. *Economic Questions*, 2020, no. 7, pp. 108–126. DOI: <https://doi.org/10.32609-0042-8736-2020-7-108-126>
10. Terentyeva M.A. Role of Small Business in Providing Employment in the Russian North. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.6>
11. Musaeva Kh.M., Shakhbanova Z.I., Kerimova Z.A. Probabilistic Characteristics of the Informal Economy and Its Legalization as a Reserve for the Growth of Tax Revenues of the Budget. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*, 2023, no. 10–3, pp. 377–384. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3057>
12. Mkrtchyan N.V. Regional Capitals and their Suburbs in Russia: Net Migration Patterns. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, 2018, no. 6, pp. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
13. Zubarevich N.V. Russia’s Agglomerations Development: Trends, Resources and Governing. *Social Sciences and Contemporary World*, 2017, no. 6, pp. 5–21.
14. Auzan A.A., Doroshenko M.E., Eliseev A.N., et al. *Institutional Economics: The New Institutional Economic Theory*. Moscow, INFRA M Publ., 2011, 447 p. (In Russ.)
15. Acs Z.J., Varga A. Entrepreneurship, Agglomeration and Technological Change. *Small Business Economics*, 2005, no. 24 (3), pp. 323–334. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-005-1998-4>
16. Klyachko T.L. *Education in Russia: Main Problems and Possibilities of Solution*. Moscow, Delo Publ., 2013, 48 p. (In Russ.)
17. Baranov A.Yu., Malkov E.S., Polishchuk L.I., Rokhlitz M., Syunyaev G.R. Measuring Institutions in Russian Regions: Methodology, Sources of Data, Analysis. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 2, pp. 69–103. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-69-103>
18. Veredyuk O.V. Informal Employment: Structure and Risk Determinants in Russia. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2016, no. 4, pp. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2016.402>
19. Akhmadeev D.R. The Analysis of the Factors Influencing on the Development of the Informal Employment in the Region. *Journal of Economic Regulation*, 2014, no. 4, pp. 92–104.
20. Salin V.N., Narbut V.V. Informal Employment of the Population of Russia: Assessment of the Scale and the Impact on Public Finances of the Country. *Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-6-60-69>
21. Kunitsyna N.N., Dzhioev A.V. Dependence of Informal Employment on Population Income in Russian Regions: Lessons from the Pandemic. *Economy of Regions*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 437–450. DOI: <https://doi.org/10.17059/econ.reg.2023-2-11>
22. Barsukova S. Yu. *Informal Economics. A Course of Lectures: The Textbook*. Moscow, HSE Publ., 2009, 354 p. (In Russ.)
23. Barsukova S., Radaev V. Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 4–12.
24. Barsukova S.Yu. *Informal Economy. Economic and Sociological Analysis*. Moscow, HSE Publ., 2004, 448 p. (In Russ.)

25. Gabelko M.V., Murzacheva E.I., Alimova T.A., Chepurensko A.Yu., Obratsova O.I., Entrepreneurial Activity of Russians in the Crisis. *The World of Transformations*, 2010, no. 3, pp. 147–162.

*Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 04.02.2024;
принята к публикации 12.02.2024*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 201–225.

Научная статья

УДК [94:341.24](470)(485)(481)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.201>

Асимметричное соседство империи и малой нации на Крайнем Севере: образ русского «Другого» и российско-шведско/норвежские отношения в XIX — начале XX вв.

Зайков Константин Сергеевич^{1✉}, доктор исторических наук, доцент

Зарецкая Оксана Валерьевна², кандидат исторических наук, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ k.zaikov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6479-416X>

² o.zaretskaya@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1623-3143>

Аннотация. В работе исследуются особенности отношений Российской империи со Швецией и Норвегией в контексте асимметричного соседства XIX — начала XX вв. Авторы проанализировали и выделили специфические черты, характерные для соседства империи и малой нации, а также факторы формирования представлений Швеции и Норвегии о «русской угрозе» в указанный период и проследили этапы и динамику трансформации этих представлений в скандинавских странах. Российско-норвежские и российско-шведские отношения насчитывают несколько столетий асимметричного соседства, контактов и конфликтов, которые, безусловно, повлияли на формирование образов «восточного соседа». Собственные страхи, надежды и ожидания шведов и норвежцев, базировавшиеся на представлениях о самих себе, о коллективном «Я», способствовали формированию образов русского «Другого», отношение к которому было неоднозначным и в первую очередь зависело от внутренних предпосылок. Поэтому подробное изучение трансформации образов России в Норвегии и Швеции позволяет по-новому взглянуть на историю взаимоотношений между этими странами, а также выявить внутри- и внешнеполитические интересы норвежского и шведского обществ, связанные с теми или иными образами России.

Ключевые слова: Крайний Север, империя, малая нация, миф «о русской угрозе», российско-норвежские отношения

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00768 «Фундаментальные проблемы трансформации образа русского «Другого» в контексте межгосударственного соперничества в Арктике в XX — начале XXI вв.».

* © Зайков К.С., Зарецкая О.В., 2024

Для цитирования: Зайков К.С., Зарецкая О.В. Асимметричное соседство империи и малой нации на Крайнем Севере: образ русского «Другого» и российско-шведско/норвежские отношения в XIX — начале XX вв. // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 201–225. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.201>

For citation: Zaikov K.S., Zaretskaya O.V. Asymmetrical Neighborhood of the Empire and a Small Nation in the Far North: The Image of the Russian “Otherness” and Russian-Swedish/Norwegian Relations in the 19th — Early 20th Centuries. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 201–225. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.201>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Asymmetrical Neighborhood of the Empire and a Small Nation in the Far North: The Image of the Russian “Otherness” and Russian-Swedish/Norwegian Relations in the 19th — Early 20th Centuries

Konstantin S. Zaikov^{1✉}, Dr. Sci. (Hist.), Professor

Oksana V. Zaretskaya² Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ k.zaikov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6479-416X>

² o.zaretskaya@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1623-3143>

Abstract. The work examines the features of relations between the Russian Empire and Sweden and Norway in the context of the asymmetric proximity of the 19th — early 20th centuries. The authors have analyzed and identified specific features characteristic of the asymmetrical neighborhood of the empire and a small nation, as well as factors in the formation of ideas about the “Russian threat” to Sweden and Norway during this period and have traced the stages and dynamics of the transformation of these ideas in the Scandinavian countries. Russian-Norwegian and Russian-Swedish relations go back several centuries of asymmetrical proximity, contacts and conflicts, which, of course, influenced the formation of images of the “eastern neighbor”. The Swedes and Norwegians’ fears and expectations, based on perceptions of themselves, about their collective “Self”, contributed to the formation of images of the Russian “Otherness”, the attitude towards which was ambiguous and primarily depended on internal preconditions. Therefore, a detailed study of the transformation of images of Russia in Norway and Sweden allows us to take a new look at the history of relations between these countries, as well as to identify the domestic and foreign policy interests of Norwegian and Swedish societies associated with certain images of Russia.

Keywords: *Far North, empire, small nation, myth of the “Russian threat”, Russian-Norwegian relations*

Введение

Россия, Швеция и Норвегия имеют многовековую историю соседства и взаимоотношений на Крайнем Севере. Особенность этого соседства заключалась в том, что это были соседи, разные не только по своим территориальным размерам, но и по своей внутренней динамике развития [1, Зайков К.С., Куприков Н.М., Куприков М.Ю., с. 2272–2279; 2, Zaikov K.S., с. 154–174].

Россия была огромной многонациональной династической империей, идущей по консервативно-традиционалистскому пути развития, заключавшемся в патерналистской природе власти, осторожном, зачастую реактивном отношении к технологической модернизации и в то же время высокой терпимости к наличию открытых пограничных зон на Крайнем Севере Европы.

Швеция и Норвегия, объединившись в 1814 г. в унию, представляли собой малое государство, стоявшее на модернистском западноевропейском пути развития. В XIX веке Норвегия постепенно двигалась к построению национального государства и стремилась к очерчиванию герметичных политических границ с Российской империей. Швеция, пытавшаяся на протяжении XIX в. сохранить своё геополитическое значение на севере Европы, стремилась как можно дольше удерживать Норвегию в составе унии. Для скрепления этого союза Стокгольм использовал любые аргументы, в том числе образ внешней угрозы, позволявшей консолидировать союзные государства.

Эти внешние и внутренние отличия, которые зачастую были асимметричными и основывались на воображаемых образах соседа, формировали основу для восприятия Россией и Швецией-Норвегией другой стороны.

Данная проблема остаётся актуальной и в настоящий период. Современная Россия воспринимается северными соседями как источник угрозы «устойчивому развитию» европейских государств. Однако для развития взаимоотношений крайне важно отделять факты от домыслов и реалии от ожиданий. Изучая миф о «русской угрозе», можно извлечь новые смыслы, которые помогут лучше ориентироваться в идеологизированном информационном пространстве современности. Особенно важным в данном контексте является исследование возникновения и последующей трансформации мифа о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии в XIX — начале XX вв.

Мы полагаем, это существенно повлияло на динамику двухсторонних отношений и иногда, к сожалению, приводило к неправильным внешнеполитическим действиям, отражавшимся на самом близком локальном уровне соседства между странами. Цель данной статьи — переосмыслить российско-шведско/норвежские отношения на приграничном пространстве Крайнего Севера Европы в XIX — начале XX вв. в контексте асимметрии соседства империи и малой нации.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов из архивов России, Норвегии и Швеции, а также историографического анализа работ российских и скандинавских учёных. В целях изучения межгосударственных отношений России и Швеции-Норвегии в вопросах трансграничного сотрудничества на Крайнем Севере в XIX — начале XX вв. использовались фонды Государственного архива Норвегии (г. Осло), Архива института Гувера (США) и Архива внешней политики Российской империи.

Важной группой источников стала периодическая печать, в частности, материалы газет «Aftenposten», «Svenska dagbladet», «Menigheds Blad» и др., так как именно пресса представляет наибольший интерес для исследования формирования и развития мифа о «русской угрозе» в рамках концепции идеологии.

Для реконструкции процесса делимитации российско-норвежской границы 1826 г., российско-шведских переговоров по проблеме трансграничных промыслов финских и норвежских саамов, а также для изучения отношения и взгляда региональных (провинции Финнмарк, Архангельской губернии, Великого княжества Финляндского) и центральных властей России и Швеции-Норвегии к так называемой «лопарской проблеме» и трансграничных отношений в период с 1826 по 1920 гг. использовался широкий пласт источников из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Архангельской области, Государственного архива г. Осло (Норвегия).

Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе, что важно для изучения образов пространства и его влияния на развитие территории и трансграничные отношения.

Постструктуралистский подход использовался для изучения «символической системы» (образов пространства и соседа) в российско-шведско/норвежских отношениях, влияния этой системы на динамику развития ассиметричного соседства в рамках дихотомии «империя — малая нация».

Также одной из важнейших концепций исследования является концепция «Я — Другой» и отчасти связанная с ней концепция идентичности, в частности — исследование проблемы мифа о «русской угрозе» как средства формирования идентичности. Наконец, концепция коммуникации и восприятия позволяет рассмотреть механизм формирования и распространения мифа.

Проблемное поле исследования выходит за рамки исторической науки как таковой, поэтому необходимо учитывать методологию смежных дисциплин. Одним из важнейших методов, использованных в данной работе, является метод построения моделей — умственных конструкций, которые упрощают реальность, «чтобы подчеркнуть повторяющееся, общее и типичное, которое она представляет в форме черт и атрибутов» [3, Burke P., с. 26–27]. Этот метод используется при изучении процесса формирования и трансформации представлений о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии. Основными показателями в рамках моделей будут являться сектор безопасности (экономический, политический, военный, социальный), источник угрозы, объект угрозы и те, кто непосредственно испытывал страх по поводу угрозы. Важно отметить, что в данном случае речь идёт не только о мифе (так как он касался, прежде всего, прямой военной угрозы), а обо всей совокупности проявлений возможной «русской угрозы», некоторые аспекты которой были вполне реальными.

Помимо основных аналитических методов (анализ, синтез, сравнение), авторы используют набор специфических методов, обусловленных многомерностью изучаемого феномена. Так, ретродуктивный метод, построенный на критике и сопоставлении теорий и моделей, был основой для анализа историографии. Абдуктивный метод, включающий в себя пошаговое, логическое сопоставление исследовательских концепций / гипотез с включёнными в анализ документами и последующую модификацию первых, в зависимости от документов стал основой для отбора и анализа источников, касающихся изучения символической системы и динамики ассиметричного соседства России и Швеции-Норвегии.

Обсуждение

Подавляющее число исследований близких к теме публикации локализовано вокруг отдельных аспектов истории российско-норвежских отношений. Непосредственно истории

ассиметричного соседства России и Швеции-Норвегии посвящена коллективная монография под редакцией профессора Й.П. Нильсена, вышедшая в 2014 г., ставшая отчасти методологической основой для данной статьи [4].

Отдельным вопросам истории российско-шведско/норвежского пограничья, его политическим аспектам посвящены работы О.А. Йонсена, А. Подвысоцкого, Н. Голубцова [5; 6, с. 6–7; 7]. Сжатое обобщение присутствует в публикациях Э. Ниemi, в «Истории Южного Варангера» А. Лунда [8; 9].

Дипломатические аспекты истории разграничения 1822–1826 гг. частично изучены в публикациях К.Ф. Пальмшерны [10] и В.В. Рогинского [11]. Вопрос адаптации коренного населения к установленной границе исследован в работах А. Андресен и М. Лахтеенмаки [12; 13].

Исследования, посвящённые изучению образов России в различных странах, в значительной мере повлияли на формирование подходов к вышеобозначенной проблематике как в зарубежной, так и в отечественной историографии. В первую очередь, стоит упомянуть работу норвежского специалиста по международным отношениям И. Нойманна [14] «Использование "Другого". Образы Востока в формировании европейских идентичностей». По мнению Нойманна, русский «Другой» был средством формирования национальной идентичности в европейских государствах, которые, сравнивая себя с Россией, подчёркивали свою цивилизованность. Стоит отметить, что Нойманн отмечает дискурсивную неоднозначность и амбивалентность образов России.

Значительная часть работ, посвящённых вопросу России в XIX в., относится к исторической публицистике. В XX в. шведским учёным Ф. Линдбергом была написана ставшая классической работа «Den Svenska utrikespolitikens historia. 1872–1914» [15]. Одно из крупнейших исследований, посвящённых образу России в Швеции, а конкретнее, образу «русской угрозы», проведено историком Г. Оселиусом, профессором Шведского национального Военного колледжа [16].

Среди норвежских авторов, изучающих проблемы восприятия России и российско-норвежские отношения, в том числе и на Крайнем Севере, были Э. Ниemi [17], Т. Кристиансен [18] и др.

Отметим, что существующая историография вопроса, к сожалению, не представлена исследованиями, комплексно реконструирующими российско-шведско/норвежские отношения на Крайнем Севере в контексте ассиметричного соседства империи и малой нации XIX — начала XX вв.

Результаты

Общий спектр повестки взаимоотношений России и Швеции-Норвегии на Крайнем Севере XIX в., которая включала вопрос о разграничении российско-норвежского пограничья, регулирования саамских трансграничных промыслов, а также поморской торговли,

сформировался достаточно давно, но только со второй декады XIX в. эти взаимоотношения получили развитие в качественно ином смысле.

Предпосылкой для изменения характера двухсторонних отношений были события так называемой эпохи наполеоновских войн, которая кардинально изменила политическую карту Северной Европы.

Наполеоновские войны стали одним из самых значительных событий, оказавших непосредственное влияние на формирование и развитие взаимных представлений и отношений между Швецией, Норвегией и Россией. Создание унии между Швецией и Норвегией во многом стало возможным благодаря политическим процессам, которые происходили в Европе в первом десятилетии XIX в. По мнению некоторых историков, Российская империя сыграла в этом ключевую роль.

В сентябре 1809 г. между Россией и Швецией был подписан Фридрихсгамский мирный договор. Документ, начинавшийся со слов «Мир, дружба и доброе согласие пребудут отныне между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Королём Шведским», положил конец прямым военным конфликтам между Россией и Швецией, что неоднократно отмечалось историками двух стран. Тем не менее, в 1809 г. факт, что эта русско-шведская война станет последней, был совсем не очевиден. Согласно договору, Швеция потеряла Финляндию (треть территории государства и приблизительно четвертую часть населения), которая вошла в состав Российской империи на правах автономного Великого княжества Финляндского: 1809 г. был действительно *annus mirabilis* («удивительный год») в истории Финляндии [19, Мейнандер Х., с. 76–77].

«Финская война» серьёзно изменила политическую обстановку в Швеции. Военные неудачи и глубочайший экономический кризис способствовали росту недовольства среди офицеров-дворян и молодых чиновников, что в конечном счёте привело к перевороту 13 марта 1809 г. [20, Андерссон И., с. 308]: король Густав IV был свергнут, на престол взойшёл его дядя Карл XIII, в Швеции установили конституционную монархию с разделением властей.

В то же время война и последовавшие за ней события актуализировали в шведском обществе образ России, который обозначался при помощи понятия «*arvfiende*» (наследственный враг). Этот образ формировался на протяжении столетий и был связан с продолжительным военным противостоянием между Россией и Швецией в Балтийском регионе. О.В. Чернышёва, проводившая исследование этого вопроса, отмечала, что многие шведские путешественники и дипломаты XVI–XVII вв. отмечали такие черты русского характера, как «склонность к пьянству, лживость, ненадёжность, ненависть ко всему иностранному, самоуверенность» [21, с. 102]. Подобные характеристики дополняли стереотип «русского варварства», который в то время был распространён во многих европейских государствах.

Подобное размежевание было неслучайным. Образ русского «Другого», который формировался в Швеции, служил для проведения границы между «цивилизацией» и «варварством». При этом шведы, противопоставляя себя русским, наделяли их теми чертами, ко-

торые не должны быть свойственны «цивилизованным» государствам. Контекст формирования данного образа — время доминирования Швеции в регионе, так называемый период «шведского великодержавия».

Русско-шведские войны 1741–1743 и 1788–1790 гг., связанные с идеями возможного реванша, возвращения утраченных территорий и влияния, закончились поражениями Швеции. В 1789 г. в Лондоне был опубликован памфлет «Об угрозе политическому балансу в Европе». Считается, что он был написан «по заданию шведского короля Густава III» [22, Мезин С.А., с. 154] французским журналистом Малле дю Паном. В этой работе рассматриваются три направления агрессивной политики России: Крым, Швеция и Польша; автор призывает европейские державы бороться против России. Тем не менее, к концу XVIII в. укрепившееся положение России, по мнению многих, «дало ей право играть роль в европейской политике» [14, Нойманн И., с. 124].

Таким образом, к 1809 г. в Швеции уже были достаточно сильны антирусские настроения, что объясняется крайне сложным опытом взаимоотношений двух государств на Балтике. Последняя война также во многом стала катализатором появления, прежде всего среди дворян и офицеров, «страха перед Россией» и желания найти могущественного союзника в неизбежной (как считали многие) борьбе с ней.

По итогам войны со Швецией в 1809 г. Россия не только приобрела Финляндию, но и общее пограничье России и Швеции-Норвегии существенно удлинялось и расширялось от финского выступа на северо-западе до полуострова Рыбачий на северо-востоке, увеличившись почти в три раза [23, Похлебкин В.В., с. 307]. Норвежско-российское пограничье уже перестало иметь очертания одного лишь фронта, так как западный и северо-западный участки приобрели чёткие демаркационные линии, но северо-восточная часть всё ещё сохраняла фронтальный статус. Российское присутствие на скандинавском полуострове ощущалось значительно сильнее. Великое княжество Финляндское и финские иммигранты на территории Норвегии олицетворяли русское присутствие, поэтому образ границы среди норвежской элиты стал приобретать всё большее военно-политическое значение.

Россия, опасавшаяся политической нестабильности во вновь приобретённой Финляндии, стремилась максимально примирить финскую элиту с новым имперским порядком. В 1810 г. Финляндия обрела статус Великого княжества, став одной из немногих территорий Российской империи, получивших широкое самоуправление. Определённая самостоятельность в формировании внутренней политики и опасения Санкт-Петербурга потерять Финляндию сформировали благоприятную среду для того, чтобы великое княжество могло влиять на внешнеполитическую повестку и двухсторонние отношения России и Швеции-Норвегии в XIX в.

В 1814 г. Норвегия после драматических событий лета этого же года — войны со Швецией — отстояла своё право на широкую внутреннюю автономию в рамках новой унии со Швецией. Хотя внешняя политика этих стран была формально общая, стремления Швеции

удержать Норвегию в составе унии позволяли Норвегии в течение XIX в. формировать собственную повестку российско-норвежских отношений, где Стокгольм зачастую играл роль арбитра в решении вопросов между Санкт-Петербургом и Христианией.

Таким образом, в 1814 г. закончилось переформатирование геополитической карты Крайнего Севера Европы, а вместе с ней и российско-норвежских отношений.

Одним из острых вопросов в повестке двухсторонних отношений России и Швеции-Норвегии с 1814 г. оставалась проблема разграничения северного фронта, так называемых «общих округов», расположенных на юге Варангер фиорда. С XVIII в. Норвегия, находясь в унии с Данией, пыталась безуспешно инициировать переговоры с Россией о разграничении фронта [24, Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 519–535; 25, Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 855]. Для жителей Восточного Финнмарка территории общих округов были жизненно необходимым пространством, которое в хозяйственном отношении уже давно использовалось норвежцами. Однако лишь в унии со Швецией вопрос о границе получил новое развитие. Это стало возможным по ряду причин.

Во-первых, между Швецией и Россией впервые за долгие годы сложился стратегический союз, и в то же время опасность доминирования России в Европе заставляла короля Швеции-Норвегии Карла Йохана и стокгольмский двор быть очень предусмотрительными к наличию открытых зон на северной окраине Швеции-Норвегии. Поэтому, когда в 1816 г. норвежское правительство предложило Карлу Йохану инициировать переговоры по делимитации границы в «общих округах», он без особого промедления одобрил решение Госсювета. Король понимал, что Александр I, очевидно, не пошлёт русские войска, чтобы отторгнуть Финнмарк от Королевства, но в более длительной исторической перспективе никто не мог гарантировать, что спорные территории не станут предлогом для расширения России на северо-восток, как в случае с Финляндией. Кроме того, делимитация границы была необходима для внутренней консолидации общества в самой Швеции и для удержания Норвегии в составе унии.

Официальные переговоры о разграничении северного фронта начались в 1823 г. после поступления годом ранее в мае — июне 1822 г. в МИД Швеции-Норвегии нот российского посла Петра Сухтелена с жалобами русских подданных — коренных жителей общих округов — скольтов (саамов) на промыслы подданных Швеции-Норвегии на территории их погостов.

В России погосты саамов входили в состав Архангельской губернии, и русская региональная администрация, поддерживая их, считала спорные территории частью Российской империи и обратилась с жалобой в МИД России с просьбой содействовать к высылке норвежских подданных с российской земли. Глава МИД России вице-канцлер Карл Нессельроде не стал изучать все нюансы вопроса о статусе территорий. Вице-канцлер, действуя реактивно, посчитал мнение архангельских чиновников за истину, направил ноту протеста в Сток-

гольм, которая сыграла роль катализатора в постановке вопроса о делимитации российско-норвежской границы на повестку дипломатических отношений двух соседей ¹.

Отправив в Санкт-Петербург ответ с предложением организовать исследования трансграничных промысловых конфликтов, Стокгольм тем не менее опасался, что российская нота могла быть вызвана односторонним стремлением России присоединить все спорные территории, в связи с чем после консультаций с Христианией было принято решение вести подготовку проектов делимитации границы и в тоже время предложить России признать это про-странство общим и провести границу ².

В течение 1823–1824 гг. в Норвегии и России было подготовлено несколько проектов разделения границы, которые дают нам ясную картину ассиметричного восприятия пограничной проблемы России и Швеции-Норвегии, в том числе и восприятия друг друга ³.

В России в 1824 г. было ясно, что у генерал-губернатора Архангельской губернии Степана Миницкого нет неоспоримых свидетельств принадлежности спорных территорий к России и, скорее всего, оспариваемые норвежцами территории имеют фронтирный статус. Несмотря на это, Александр I в переписке с губернатором С.И. Миницким, признавая фронтирность пограничных территорий, ставил под сомнение необходимость проведения границы ⁴.

Следуя логике имперского мышления, Александр I был спокойно настроен к наличию открытого фронта со Швецией-Норвегией, которая не представляла опасности для России. Император намеревался сохранить фронтирный статус российско-норвежского пограничья в целях поддержки традиционных промыслов подданных России и Швеции-Норвегии. Однако он принял решение созвать двухстороннюю делимитационную комиссию для подготовки летом 1825 г. проекта делимитации границы из-за настойчивости С.И. Миницкого, а также шведского поверенного в делах Нильса Фредерика Пальмшерны.

Зимой 1825 г. С.И. Миницкий и Н.Ф. Пальмшерна фактически вынудили императора принять решение. В то же время, не доверяя обоим просителям, Император решил поручить делимитацию границы независимой комиссии. Решение было вызвано попытками Санкт-Петербурга найти компромисс между интересами коренных жителей Архангельской губернии и политикой добрососедства со Швецией-Норвегией, и данное обстоятельство требовало от Императора необходимости учитывать интересы Норвегии ⁵.

В конечном итоге разрешением данного вопроса занималась совместная пограничная комиссия, возглавляемая с российской стороны подполковником Валерьяном Галяминым и

¹ Государственный Архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4. Оп. 3. Д. 642 1-50; Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1) — л. 10-140.

² State archive in Oslo. RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5213; 40, D-RA/S1076/F/Fb/L0001.

³ ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1); 42, РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 Д. 910; 40, D-RA/S-1076/F/Fb/L0001.

⁴ Национальный Архив Норвегии (НАН). RA/PA-0409/V/L0003/boks — VI-1B; 39, ГААО, Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1) — л. 119–153.

⁵ НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — VII; 39, ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1) — л. 139-139об., 153; 41, НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — VII; 41, НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — IX.

со шведско-норвежской стороны — полковником Йоханом Спорком⁶. Подготовленный комиссией Галямина — Спорка проект разграничения по многим пунктам соответствовал проекту комитета Стортинга. Он предполагал смещение линии границы на юго-восток до реки Якобс эль и был успешно одобрен в Стокгольме и Христиании, но смерть Александра I внесла корректуры в процесс принятия решения по вопросу о границе⁷ [10, с. 234].

В марте 1826 г. новый император Николай I внезапно решает внести существенные изменения в проект Галямина — Спорка и предлагает провести границу по р. Паз. Однако уже в апреле император, желая сохранить политику «добрососедства» в отношении Швеции-Норвегии, решил одобрить проект Галямина — Спорка, по которому Россия уступала в пользу Швеции-Норвегии округа Нейден и Пасвиг (район современного Киркенеса) и соглашалась провести границу от реки Ворьема (норв. — Якобсэльв)⁸.

В этой истории мы видим, что, несмотря на асимметрию соседства великой державы и малого государства, обоюдное стремление Санкт-Петербурга и Стокгольма сохранить позитивную атмосферу двусторонних отношений смогло привести к решению сложного многолетнего территориального спора между Россией и Норвегией. Тем не менее, главная задача конвенции 1826 г. положить конец спорам и взаимному недоверию по обе стороны границы решена не была.

С приобретением новых земель Швеция-Норвегия стала ещё более настороженно относиться к русскому соседу. Парадоксально, что выгодный для Швеции-Норвегии результат разграничения сформировал условия для культивации идей о «русской угрозе», популярных здесь со второй трети XIX в. В целом этой границей были довольны в Христиании. В то же время сдержанность, которую проявила Российская дипломатия при заключении договора, стала одной из предпосылок для ошибочных представлений о русском экспансионизме на Севере. Договор был выгоден для Норвегии, но осознание этого факта норвежской политической элитой способствовало появлению опасений, что впоследствии Россия может потребовать обратно некоторые части старых общих округов.

Предполагалось, что Россия добилась бы больших экономических и военных преимуществ, овладев Финнмарком с его незамерзающими морскими заливами. Тезис о том, что Россия вынашивает тайные планы по присоединению незамерзающих гаваней Северной Норвегии, получил широкое распространение, начиная с 1830-х гг. Предполагалось, что у русских не было доступа к незамерзающему побережью вдоль собственной территории на Севере, и поэтому они нуждались в одном или нескольких норвежских фьордах, чтобы развивать военно-морской флот. Всё это стало геополитической основой для идеи о существовании «русской угрозы» Норвегии [26, Зайков К.С., с. 67].

⁶ Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 1. Адм., дела. Оп. II-6. Д. 75 ч. I — л. 9-21.

⁷ НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — IX.

⁸ НАН, Фонд — Собрание документов Арнольда Рестада RA/EA-4036/H/Hc/L002.

Поэтому значение российско-норвежского пограничья и трансграничных отношений в двусторонних отношениях Швеции-Норвегии и России во второй половине XIX в. только возросло.

В России договор расколол позиции региональной общественности и центральной власти. Жители Архангельской губернии воспринимали границу 1826 г. территориальной потерей. Договор стал поводом для появления и распространения на Русском Севере идеи о «норвежской угрозе», которая в конце XIX в. разделялась и столичными чиновниками⁹.

Таким образом, конвенция породила новые образы соседства на Крайнем Севере, которые нашли своё отражение в двухсторонних отношениях второй половины XIX в.

Как уже отмечено ранее, ещё одним важным событием двухсторонних отношений первой половины XIX вв. стали переговоры об урегулировании трансграничных промыслов. Речь шла о финских и норвежских саамах вдоль норвежско-финского участка российско-шведско-норвежской границы.

Великое княжество Финляндское не принимало участия в переговорах о разграничении Северного Фронтiera, но конвенция 1826 г. устанавливала и норвежско-финский участок общей границы, который соответствовал линии, установленной согласно датско-шведскому пограничному договору в 1751 г. Данный факт оказался приемлем для норвежской стороны, однако финский Сенат был возмущён делимитацией норвежско-финского участка общей границы без участия делегатов от финской стороны в переговорах Галямина — Спорка [27, Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 632].

Раздражение вызывали и правила конвенции 1826 г. Финские саамы Энарского прихода, промышлявшие на территории округа Нейден, не получили закрепления своих промысловых интересов в тексте конвенции. Согласно параграфам конвенции, привилегии частично сохранялись только для коренных жителей приграничных погостов со стороны Архангельской губернии. Речь шла о пазрецких саамах.

Ещё более значимым был вопрос о том, какими нормами можно регламентировать пастьбу оленей норвежско-финских горных лопарей. До 1809 г. пастьба оленей была регламентирована саамским кодексом, дополнительным протоколом к норвежско-шведскому пограничному договору 1751 г. Однако хозяйственные потребности лопарей в начале XIX в. изменились: финские саамы стали интересоваться морскими и речными промыслами, которые кодексом были значительно ограничены. В то же время увеличилась миграция норвежских оленей, что не устраивало финских приграничных жителей. Сенат Финляндии надеялся, что кодекс можно отменить и проработать новые правила трансграничного промысла. Вопрос о судьбе саамского кодекса решили оставить для совместной комиссии пограничных чиновников в 1832 г. в Пульмаке.

На переговорах в 1832 и 1834 гг. имперский МИД склонялся к норвежской позиции: за основу урегулирования лопарских промыслов на норвежско-финском участке границы при-

⁹ ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 2) — л. 232-233об.; 42, РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 910 — л. 1-2, 107.

нять саамский кодекс. Норвегия не считала, что за действиями России стоят какие-то скрытые мотивы, но постепенно с середины 1830-х гг. оценка действий России в переговорах по этому вопросу стала существенно изменяться [27, Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 635–636].

Так, в 30-е гг. XIX в. появляются сведения о существовании военной «русской угрозы» Норвегии. В отечественной историографии принято считать, что представления о «русской угрозе» Норвегии имеют иностранное, прежде всего, шведское и английское происхождение. Однако здесь важно сделать несколько оговорок. Во-первых, отношения между Россией и Норвегией в первой половине XIX в. сложно назвать идиллическими, стоит упомянуть точку зрения Э. Ниemi, который считал, что «корни идеи о “русской угрозе” восходят в первую очередь» к 1810–1820 гг. и связаны с экономической экспансией России на Севере [28, Niemi E., с. 19]. Во-вторых, норвежские либералы стремились достичь большей самостоятельности в рамках унии и в то же время достаточно негативно относились к проводимой Россией политике. Очевидно, что образы «русской угрозы» Норвегии связаны и с внутренними для неё факторами.

Несмотря на борьбу стортинга, в этот период Швеция занимала явное доминирующее положение в унии, что ярко продемонстрировало так называемое «дело Буде». Английские контрабандисты, действовавшие с попустительства шведских властей на территории Норвегии, похитили конфискованные у них товары, а впоследствии потребовали от Норвегии выплатить им компенсацию. Швеция не стала противостоять этому, что привело к достаточно серьёзному охлаждению отношений. «Дело Буде» интересно для нас ещё и тем, что в нём был замешан Джон Райс Кроу — вице-консул Великобритании в Хаммерфесте, совмещавший дипломатическую службу и предпринимательскую деятельность.

В связи с его причастностью к данному делу в 1836 г. Кроу был смещён с должности, однако в данной ситуации он предпринял крайне интересный политический ход. Известный своими антироссийскими взглядами министр иностранных дел Великобритании лорд Пальмерстон получил от Кроу доклад о том, что «норвежский Финнмарк будет в скором времени захвачен Россией» [29, Давыдов Р.А., с. 361]. В скором времени Кроу был повышен в должности до консула и вернулся в Хаммерфест. Сложно сказать, действительно ли Кроу верил в это или просто использовал гипотетическую «русскую угрозу» для продвижения по службе, однако он прекрасно знал о напряжённой обстановке, которая существовала в «пограничных округах» до 1826 г.

Примерно в тот же период шотландский путешественник Сэмюэль Лэйнг в своей книге «*Journal of a Residence in Norway*» доказывал, что Россия попытается захватить северные норвежские территории (хотя Лэйнг в своём путешествии так и не достиг Финнмарка). По его мнению, это было обусловлено фактом захвата Россией Финляндии — тех территорий, которые находились в непосредственной близости от норвежской границы. Идея, что России необходимы незамерзающие гавани на норвежском побережье, придавала представлению о военной «русской угрозе» своеобразную логику. Лэйнг отмечал естественную тягу России к

морям, делая вывод, что описанный им «сценарий событий на Скандинавском полуострове не является пустым домыслом» [30, Laing S., с. 187]. Важно отметить, что в данном случае речь идёт уже не об экономической угрозе, а о гипотетическом военном вторжении России на территорию Норвегии. Эта идея нашла поддержку среди военного командования королевства. В свою очередь шведских либералов тяготили дружественные отношения Карла Юхана с Николаем I, а норвежские прямо высказывались о том, что они негативно относятся к русской политике в Европе.

Кронпринца Оскара I, возглавившего Швеции-Норвегию в 1844 г., не устраивало доминирование России в Скандинавии после 1809 г. Известно, что он желал реванша за потерю Финляндии и ждал благоприятной внешнеполитической обстановки, чтобы получить дополнительные гарантии стабильности политических границ с восточным соседом. В это же время появляется одно из первых, как тогда казалось, логичных объяснений наличия русской угрозы по отношению к Швеции-Норвегии.

Речь шла о том, что истинные интересы России в Скандинавии устремлены на захват незамерзающих фьордов в норвежском Финнмарке. Эту мысль сформулировал в конце 1830-х гг. британский консул Джон Райс Кроу, который стал ярым поборником распространения данной идеи в МИД Великобритании и Швеции-Норвегии. Она очень импонировала взглядам Оскара I на Россию и, кроме того, дополняла общий образ России, популярный среди большинства элиты Швеции-Норвегии. В 1840-е гг. Россия олицетворяла «жандарма Европы» — главной реакционной силы, которая сдерживала развитие европейского общества. Казалось очевидным, что основным мотивом внешней политики царской России в отношении Королевства было желание России расширить свои территориальные границы за счёт Норвегии и Швеции. Образ «русской угрозы» стал ориентиром в выстраивании внешнеполитической линии Швеции — Норвегии в отношении России. Этому потворствовали неуклюжие и противоречивые действия имперского МИДа в вопросе о трансграничных промыслах финских саамов [31, Zaikov K., с. 34–38; 13, Lähteenmäki M., с. 226].

Дело в том, что притязания финляндской стороны постоянно расширялись. Сенат настойчиво требовал изменить линию границы, утверждённую в 1826 г., или произвести обмен территориями. В 1840-е гг. финское население переживало сильнейший голод, и одним из спасений от голода стал рыбный промысел в Норвегии, которому препятствовали нормы саамского кодекса, налагавшие некоторые ограничения на прибрежную ловлю для финских лопарей. Российское правительство, опасаясь гибели имперских подданных, уступило Сенату и согласилось поддержать радикальную линию в переговорах с Объединённым Королевством¹⁰.

В 1840 г. Швеция-Норвегия предложила России обменяться территориями. Объектом был так называемый «финский выступ» норвежско-финского участка границы. В обмен Стокгольм предлагал России часть святых земель в Иерусалиме и собственность в Москве. Это

¹⁰ НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — XIII.

предложение было положительно встречено в Санкт-Петербурге ещё и потому, что это предложение частично совпадало с проектом об обмене территориями, представленным ещё Александру I русским посланником в Стокгольме графом Сухтеленом в октябре 1826 г. накануне смерти императора.

Проект был изложен в депеше на имя вице-канцлера Нессельроде. Сухтелен предлагал вступить в новые переговоры со шведским правительством по пересмотру границы. Речь шла об обмене территориями, и Граф предлагал обменять пространство Великого княжества — так называемый Финский выступ — на часть бывших общих округов в Норвегии, находящихся от р. Паз до середины Варангерского фиорда (современное местечко Варангер ботн) и от него до р. Тана ¹¹.

В 1840-е гг. Николай I решил взять проект Сухтелена за основу и в случае его одобрения шведским двором включить приобретённый южный Варангер в состав Великого княжества. Это позволяло Финляндии приобрести коридор к Арктическому побережью и решить проблему трансграничных промыслов. Тем не менее, это предложение было отклонено норвежским правительством. Последующие переговоры 1846–1848-х гг. также не дали результата: представители Норвегии уклонялись от предоставления финским лопарям каких-либо промысловых привилегий. Чувствуя некоторую тщетность попыток урегулировать вопрос на базе кодекса 1751 г., который был выгоден больше норвежским саами, имперский МИД решает признать действие саамского кодекса необязательным и вести переговоры более агрессивно.

В канун очередного раунда переговоров в 1851 г. на подготовительных межведомственных консультациях МИД России принял решение предъявить Норвегии ультиматум: Норвегия должна признать юридическую необязательность кодекса 1751 г. и принять предложение расширить промысловые права финских лопарей. Если Норвегия с этим не согласится, тогда Россия объявляла кодекс необязательным для исполнения и закрывала норвежско-финский участок границы для трансграничных промыслов.

Кураторы переговоров граф А.С. Меншиков и сенатор К.Ф.-Ф. Лангеншельда были уверены, что ультиматум склонит Норвегию принять российский проект. Они верили, что норвежская сторона пойдёт на уступку. Норвежские горные лопари нуждались в пастбищах на севере Финляндии не меньше финских лопарей в норвежских северных берегах. Никто не предполагал, что Норвегия будет пренебрегать интересами горных лопарей. Кроме того, российский МИД действительно считал, что сохранять какие-либо права для норвежских горных лопарей нет смысла, если преимущества получает лишь одна сторона [27, Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 638].

Резкое изменение позиции имперского МИД получило иное логическое объяснение в Швеции-Норвегии. Стокгольм интерпретировал российские претензии как потенциальное стремление России расширить в будущем свой суверенитет и аннексировать незамерзаю-

¹¹ АВПРИ, Ф.1. Адм. дела II-6. Д. 75. Ч. I. Л. 288–289.

щие гавани в норвежском Финнмарке. Норвежская сторона считала, что в будущем Россия может использовать финских мигрантов на территории Норвегии как предлог для выдвижения территориальных претензий. В этой ситуации «русская угроза», обрисованная Джоном Кроу, нашла плодотворную почву, которая в условиях общих антироссийских настроений в западной Европе казалась логичной. В 1848–1849 гг. Россия принимала активное участие в подавлении венгерского восстания на территории Австрийской империи, которое на долгие годы закрепило за Россией образ реакционной силы в Европе. И это тоже усилило антироссийские настроения в Стокгольме и Христиании, сделав чиновников Швеции-Норвегии очень восприимчивыми к антироссийской доктрине Кроу, а ситуация с переговорами о промыслах финских саамов лишь подтверждала их опасения. Поэтому Стокгольм предпочёл закрыть норвежско-финский участок границы для трансграничных промыслов, что и было сделано в 1852 г. [10, Palmstierna C.F., с. 294–295].

В 1850-е гг. в Норвегии сложилось впечатление, что одних российских гарантий неприкосновенности границ недостаточно. Недоверие к мотивам внешнеполитического курса России и желание получить дополнительные гарантии незыблемости границы 1826 г. подтолкнули Оскара I к новому политическому соглашению с Англией и Францией — главными соперниками России этого периода.

В канун завершения Крымской войны стало ясно, что Россия теряет статус европейского гегемона, и в ноябре 1855 г. между тремя игроками был подписан так называемый «ноябрьский трактат». Швеция-Норвегия обязалась не вступать в союз с Россией, взамен Великобритания и Франция гарантировали неприкосновенность границ Королевства.

На всём протяжении российско-норвежских рубежей от о. Кольто Яуре до устья р. Воряма граница получила чёткие политико-идеологические ориентиры. Это предопределило постепенную политизацию пограничных промыслов русских лопарей во второй половине XIX в.

Основным спорным моментом Конвенции 1826 г. был вопрос о промысловых правах части приграничных погостов скольтов, а именно земель пазрецких саамов на территории Швеции-Норвегии. Дело в том, что часть территорий их погоста, где располагались районы традиционного промысла (рыбной ловли, пастьбы овец и оленей), по итогам разграничения отошли к Швеции-Норвегии. Традиционные представления о пространстве и рубежах полукочевой культуры саамов не соответствовали политическому воображению пространства молодого норвежского государства, озабоченного достижением полной независимости, и потому стремившегося поскорее очертить границы собственной территории. В то же время Российская империя, чьё присутствие на Крайнем Севере обеспечивалось главным образом лояльностью саамских общин, имевших широкую автономию, была заинтересована скорее в сохранении экстерриториальных форм хозяйствования скольтов ради поддержания стабильности своей власти.

Частичным решением проблемы, вызванной механическим разделением погостов в 1826 г., стал так называемый «дополнительный протокол 1834 г.». Согласно ему, пазрецкие

саамы сохранили право сёмужьего промысла в бывших своих промысловых угодьях — рыбных тонях на территории, отошедшей к Швеции–Норвегии. Все остальные промыслы на территории Норвегии запрещались. Эта частичная поправка не делала договор 1826 г. в глазах скотов менее несправедливым и ограничивающим их исконные владения. В то же время узаконенный дополнительным протоколом о границе сервитут тяготил норвежскую сторону и воспринимался как доказательство готовности России нарушить суверенитет соседнего государства. Поэтому в дальнейшем данный сервитут, принятый с целью защиты традиционной кочевой экономики коренных жителей пограничья, стал в истории российско-норвежских отношений предпосылкой возникновения проблемы так называемых «лопарских промыслов». Норвегия предпринимала попытки максимально ограничить объём промысловых прав скотов на своей территории, а Россия — защитить эти права¹².

Благодаря распространению народного образования и нарастающей политической мобилизации в поддержку автономии Норвегии во второй половине XIX в. идея построения единого этнонационального государства начинает доминировать в норвежском обществе. Согласно этому пониманию политического пространства, территория государства соответствовала территории расселения нации, которая трактовалась в узком этнокультурном смысле. Соответственно, преобладание ненорвежского населения в Восточном Финнмарке и особенно в районе российско-норвежской границы воспринималось как иностранное вторжение — проникновение России на норвежскую землю. Новое национальное социальное воображение видело причину этого положения не в многовековой истории региона, а в незащищённости приграничных территорий [50, Niemі E., с. 153–158]. Опасения российской экспансии подпитывались муссированием на страницах российской прессы темы несправедливости границ 1826 г.¹³

Активное строительство национального государства в Норвегии и страх перед огромной многонациональной Российской империей, которая, как казалось норвежским властям и общественности, довлела над их маленькой страной, привели к тому, что незначительные промыслы скотов на норвежской территории представлялись Норвегии символом российского присутствия.

До конца 70-х гг. XIX в. власти Финнмарка, опасаясь нового вовлечения Санкт-Петербурга в вопрос урегулирования промысловых территорий, закрывали глаза на то, что русские саамы нарушали статьи протокола 1834 г. В 1880-е гг. ситуация изменилась. Реальной причиной для этого стал рост промысловой конкуренции саамов с норвежскими колонистами. Норвежцы стали использовать более прогрессивные методы лова рыбы, и конкуренция за сёмужьи тони стали приобретать неравный характер. Сервитут 1834 г. был крайне неудобен для жителей Финнмарка, и в этом смысле включение проблемы лопарских промыслов в контекст доктрины русской угрозы служило дополнительной аргументацией для

¹² АВПРИ. Ф. II Деп. I-3 Оп. 446. Д. 104 — л. 238-243; 41, НАН. RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5213.

¹³ НАН, RA/UD, Prebensen samling; 41, НАН, RA/UD, G05/10/boks 5213; АГВ 1877.

продвижения в Христиании и Стокгольме идей о выходе Швеции-Норвегии из протокола 1834 г., с тем чтобы сделать российско-норвежскую границу более герметичной¹⁴.

В России, пусть и с опозданием на несколько десятилетий, также наблюдалось переосмысление проблемы лопарских промыслов. На рубеже XIX–XX вв. Россия постепенно начинает догонять Норвегию в развитии политической мысли, на территории империи начинает кристаллизоваться идеология русского этнического национализма, постепенно проникая и в Архангельскую губернию [33, Tolz V., с. 16–17, 174–175; 34, Hosking G., с. 449–462].

Этот национализм смешивался с прежним имперским патриотизмом, и можно сказать, что региональная интеллигенция и чиновничество были охвачены своего рода имперским национализмом — идеей культурной и экономической консолидации Русского Севера, где единое этнокультурное пространство рассматривалось необходимым фактором обеспечения социально-экономического развития региона. Собственно, само понятие «Русский Север» появилось и стало активно употребляться в публицистике и научной исторической литературе в 90-е гг. XIX в. Эта обобщающая и унифицирующая категория пришла на смену прежнему восприятию региона как совокупности отдельных земель и групп местного населения (лопарей, поморов, ненцев).

Комплекс русского имперского национализма опирался в том числе на концепцию «естественных границ», получившую широкое распространение во второй половине XIX в., которая позволяла согласовывать идею исторической национальной территории с политической экспансионизма. Многие из официальных лиц и журналистов, которые путешествовали вдоль российско-норвежской границы, обращали внимание на странный «выступ», не соответствовавший современному «научному» принципу естественных границ. «Искусственный характер» границы на участке от церкви Бориса и Глеба и далее на юго-восток до р. Ворьема привёл к потере сёмужьих тоней пазрецких саамов. Так, спустя более полувека уже в совсем ином интеллектуальном и политическом климате вновь актуализировалась проблема «лопарских промыслов»¹⁵.

Новая и более масштабная национальная мобилизация вокруг проблемы северных границ поддерживалась в начале XX в. региональной и столичной прессой, вставшей на защиту «лопарских промыслов» в Норвегии. Теперь уже речь шла не о защите традиционных привилегий саамов, а о противодействии угрозы ущемления «русских» (которыми в данном случае признавались православные саамы). Призывая к пересмотру границы 1826 г., на страницах газет постоянно обращались к образу «старой границы», т. е. линии разграничения, которую в 20-е г. XIX в. предлагал генерал-губернатор Степан Иванович Миницкий [35, с. 30–56].

¹⁴ НИА; HI/Russian Missia; Norway/Missia; Sweden/Lapps/box127/11.

¹⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 452; Очерк, 1895: 36; 42, РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 520. — л. 1-13; ГАО. Ф. 4. оп. 16 т. 1. д. 988 — л. 4-14; 43, АВПРИ. Ф. 155, 1-5. Оп. 930. Д. 2. — л. 168 об.

Рост взаимного недоверия и обвинений в экспансионистских планах привёл к переговорам между российскими и норвежскими дипломатами в 1896–1903 гг. МИД России поддерживал позицию архангельской общественности, на волне национальной консолидации и мобилизации сформулировавшей программу реванша за «территориальную уступку» 1826 г.: во исполнение «морального долга перед лопарями» оформить сёмужьи тони скольтов на норвежской территории в частную собственность, включающую запрет на промыслы в тонях для подданных Норвегии¹⁶ [36, Похлебкин В.В., с. 74]. Норвежская сторона, стремившаяся к ликвидации сервитутов, наоборот, попыталась прощупать возможности одностороннего выхода из протокола 1834 г. или хотя бы максимального ограничить промысловую деятельность российских саамов [12, Andresen A., с. 80–100].

Переговоры закончились ничем. Идея добиться экстерриториальности не только для своих подданных, но и их промысловых угодий на территории соседнего суверенного государства не нашла понимания у норвежской стороны. Не удалось российским дипломатам зафиксировать в официальном договоре режим «фронтيرا», позволяющий пазрецким скольтам дополнять ловлю сёмги всеми сопутствующими промыслами (пастьбой оленей и овец, ловом остальных видов рыб), разрешёнными норвежцами в 1861 г.

В 1905 г. в разгар кризиса унии Норвегии и Швеции у России появилась возможность изменить сложившийся в ноябре 1855 г. геополитический расклад сил в Скандинавии. Возможный выход Норвегии из унии давал возможность ослабить на полуострове влияние Великобритании.

В это время борьба блоков Антанты и Тройственного Союза за раздел сфер влияния в мире постепенно вела к большой войне. России необходимо было обезопасить свои северные рубежи от гипотетической угрозы, которая могла исходить от северного направления. Выход же Норвегии из состава унии автоматически аннулировал действие договора 1855 г.

Независимая Норвегия была выгодна Санкт-Петербургу, однако Стокгольмский кабинет и Великобритания пытались запугать Норвегию русской угрозой с целью удержать её в унии. Российский МИД, избегая изоляционной позиции других держав в отношении признания норвежской независимости, пытался косвенно дать понять Христиании, что Россия готова поддержать её независимость [36, Похлебкин В.В., с. 12–16]. Это было продемонстрировано во время посещения Норвегии российским крейсером «Бакан» летом 1905 г. и во время переговоров о расторжении унии Швеции и Норвегии в Карлстаде в сентябре 1905 г. [36, Похлебкин В.В., с. 6].

11 октября 1905 г. глава МИД России В.Н. Ламздорф уверил норвежского премьер-министра Хр. Миккельсена, что Россия признает норвежское государство сразу по ратификации Карлстадских соглашений, и уже 29 числа Россия первой в мире признала норвежскую независимость. Открытые жесты России тем не менее не сняли опасения, что Норвегия в поиске более весомых гарантий территориальной целостности попытается вступить в альянс с

¹⁶ HI/Russian Missia; Norway/Missia; Sweden/Lapps/box127/11.

её противниками. В МИД из нескольких каналов Лондона и Стокгольма поступала информация, что Великобритания и Швеция пытаются восстановить антирусский ноябрьский трактат [36, Похлебкин В.В., с. 48–49].

Центральное место в ноябрьском договоре занимал вопрос о неприкосновенности границы, который для независимой Норвегии стал самым актуальным. Поводом для возникновения неуверенности стал страх, что Россия стремится завладеть южным Варангером. В этом контексте промысловые споры на российско-норвежской границе являлись удобным моментом для общественных манипуляций, подогреваемых шведской прессой.

МИД опасался, что норвежское правительство может поддаться этим настроениям. России необходимо было опередить соперников, первой объявить свои гарантии норвежской территориальной целостности и уверить Норвегию, что под лопарским вопросом нет каких-либо специальных политических соображений. Соответствующая нота была передана российским посланником в Христиании А.Н. Крупенским норвежскому министру иностранных дел Ю.Г. Лёвланду 7/20 декабря 1905 г. [36, Похлебкин В.В., с. 61–65]. Подтверждая дальнейшие миролюбивые и дружеские намерения России, нота содержала предложение заключить коллективный договор о гарантии территориальной целостности Норвегии.

Договор о целостности Норвегии (Договор об интегритете или Христианийская конвенция), заключённый в 1907 г., закрепил баланс сил в Северной Европе. Согласно этому договору, великие державы гарантировали территориальную целостность Норвегии. Первоначально Норвегия планировала заключить договор так, чтобы в случае необходимости она могла бы объединиться со Швецией и Данией для совместной защиты нейтралитета (первым норвежским королём стал датский принц Карл под именем Хокон VII). Это было невыгодно России, политика которой в скандинавском регионе была направлена на недопущение панскандинавского союза из-за опасения, что он будет проводить прогерманскую политику. Окончательный вариант договора устроил Россию, поскольку это соглашение препятствовало сближению Норвегии со Швецией, а также могло предупредить английское влияние на Норвегию. В итоге договор об интегритете Норвегии был подписан Британией, Францией, Германией и Россией в 1907 г.

Норвежский историк Йенс Петтер Нильсен писал, что после обретения независимости норвежское отношение к России можно охарактеризовать как «бьернсонское»: «Нужно выказать России доверие и установить с этой страной хорошие отношения, чтобы таким образом остановить её экспансионистские тенденции» [37, Нильсен Й.П., с. 22]. Тем не менее, определённые проблемы в русско-норвежских отношениях того периода были связаны с процессом делимитации морских границ в арктическом регионе. Многие норвежцы зарабатывали за пределами национальных границ: это касалось традиций рыбной ловли, китобойного и тюленьего промыслов. Поэтому Норвегия стремилась распространить свой суверенитет на некоторые островные арктические территории, а также заботилась о защите границ своих территориальных вод. В этой области столкновение интересов Норвегии и России при-

водило к конфликтам, разрешение которых оказывало влияние на отношения двух государств.

Например, определённые разногласия, связанные с действиями норвежских промысловиков, вызвала проблема Новой Земли. В 1908 г. А.Н. Крупенский, российский посол в Норвегии, прокомментировал в письме министру иностранных дел А.П. Извольскому ситуацию с объявлением шкиперским обществом г. Тромсё северной части Новой Земли «ничейной землей». Он отмечал, что это было сделано с целью «закрепить за норвежскими зверобоями право промысла на Новой Земле» [38, Комаров А.А., с. 39]. Позиция России по этому вопросу была непоколебимой: таких зверобоев Крупенский называл браконьерами. Позже Норвегия признала, что Новая Земля является частью Российской империи.

Экономические контакты на Севере и связанные с ними неизбежные противоречия также оказывали влияние на восприятие России. В декабре 1910 г. в «Новом времени», общественно-политической газете, которая издавалась в Санкт-Петербурге, появилась статья под названием «Север и его промышленные богатства». Основное содержание этого текста можно свести к следующему: норвежцы, которые вели рыбный промысел у берегов Мурманна, обвинялись в браконьерстве и даже в пиратских нападениях на поморские суда. Эта статья вызвала серьёзное возмущение в норвежской печати, при этом не последнюю роль в этом процессе сыграл Олаф Брок, который перевёл её на норвежский язык.

Как мы уже отмечали, Олаф Брок во многом идеализировал русский народ и при этом критиковал государство. Как профессиональный славист, он неоднократно отмечал, что среди политических деятелей России очень мало русских фамилий. В революции 1905–1907 гг. Брок видел надежду для русского народа. Однако, когда революционное движение пошло на спад, Брок критиковал возвращение к «старому режиму», поскольку это не решало ярко обозначенных в ходе революции проблем. Таким образом, публикация в «Новом времени» ещё раз убедила Брока в том, что к правительству Российской империи следует относиться настороженно.

Можно согласиться с мнением, что эти события стали первым «дипломатическим кризисом» [39, Нильсен Й.П., с. 4–17] в двусторонних русско-норвежских отношениях. Для самого Олафа Брока ситуация грозила утратой прямых связей с Россией; есть свидетельства того, что министр иностранных дел Норвегии Иргенс неоднократно обсуждал этот вопрос с представителями российской миссии в Христиании. В конечном итоге для Брока этот инцидент закончился благополучно, однако он свидетельствовал о том, что в русско-норвежских отношениях начала XX в. остаются существенные противоречия.

Заключение

Историю двусторонних отношений России и Швеции–Норвегии по динамике отношений и восприятия друг друга можно разделить на два периода: с 1814 по 1855 гг. и с 1855 по 1905 гг.

Период с 1814 по 1855 гг. в основном прошёл в условиях так называемой политики «союза 1812 года» или «политики добрососедства» между Россией и Швецией–Норвегией, сложившейся в результате альянса Карла Юхана и Александра I против Наполеона. Неудивительно, что этот период ознаменовался в истории двухсторонних отношений несколькими крупными достижениями дипломатии: делимитацией российско-норвежской границы в 1826 г. и подписанием нового торгового соглашения с Россией в 1838 г. В то же время политика добрососедства в 1840-е гг. постепенно начинает меняться в сторону политики недоверия к России и определённого страха перед ней. К середине 1850-х гг. образ «русской угрозы» окончательно утвердился как некая доктрина восприятия российской внешней политики в отношении Швеции–Норвегии, которая была популярна у либеральной элиты в Стокгольме и Христиании.

Под влиянием этого ассиметричного восприятия России в 1840–1850-е гг. происходило решение вопроса о трансграничных промыслах финских саамов на территории Норвегии, результаты обсуждения которого стали крупнейшим поражением российской дипломатии на Крайнем Севере первой половины XIX в. Однако окончательный поворот к политике сдерживания России на Крайнем Севере был сделан в 1855 г. с подписанием ноябрьского трактата между Швецией–Норвегией с одной стороны и Великобританией и Францией — с другой. Таким образом, ноябрьский договор стал своеобразным рубежом двухсторонних отношений в контексте восприятия соседства малого национального государства и большой империи, что имело далеко идущие последствия.

В период с 1855 по 1905 гг. образ русской угрозы становится одним из факторов выстраивания внутренней приграничной политики Норвегии, а также одним из факторов формирования повестки двухсторонних отношений. В то же время и в России, несмотря на достаточно сдержанное отношение МИД к ноябрьскому трактату и антироссийским настроениям в столицах Швеции — Норвегии, происходили серьёзные изменения. В 1870–1880-е гг. в среде чиновничества и интеллигенции Архангельской области, а с 1890-х гг. и среди столичных чиновников Российской империи постепенно начинает распространяться образ норвежской угрозы. И эти две асимметрии восприятия наиболее ярко нашли отражение в двухсторонних переговорах о трансграничных промыслах русских саамов на территории Норвегии в 1880–1905 гг.

Моральный долг перед «русскими лопарями» за несправедливое разграничение 1826 г. заставил власти империи попытаться пересмотреть условия договоров. Опасение неправомерного применения силы в отношении малого национального соседнего государства повлияло на неудачу этих переговоров. Представленный эпизод связан с вялотекущим приграничным конфликтом и иллюстрирует сложности ассиметричного соседства огромной империи с небольшим приграничным государством, испытывающим постоянное напряжение от такого соседства, но при этом стремящимся самоутвердиться за его счёт.

Список источников

1. Зайков К.С., Куприков Н.М., Куприков М.Ю. Северный фронт России и Норвегии XIII-XVII вв. // Былые годы. 2020. № 58 (4). С. 2272–2279. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2272>
2. Zaikov K. Between the empire and the nation state: the problem of the Russian-Norwegian frontier and Sami occupation in the 19th–early 20th centuries // The Polar Journal. 2019. Vol. 9. No. 1. Pp. 154–174. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618560>
3. Burke P. History and Social Theory. Cambridge: Polity, 2005. 224 p.
4. Сближение. Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Под ред. Й.П. Нильсена. Москва: Издательство «Весь Мир», 2017. 708 с.
5. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet. Kristiania: Dybwad, 1923. 357 p.
6. Подвысоцкий А. Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 96. С. 6–7.
7. Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск, 1910. 44 с.
8. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / Ed. by S. Imsen. Oslo, 2005. S. 387–415.
9. Lunde A. Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren. Vadsø, 1979. 887 s.
10. Palmstierna C.F. Sverige, Ryssland och England, 1833–1855. Kring Novembertraktatens förutsättningar. Stockholm, 1932. S. 234–235.
11. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge // Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed. By T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 62–68.
12. Andresen A. Siidaen som forsvant. Østsmene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989. 192 s.
13. Lähtenmäki M. The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Callote from 1808 to 1889. Helsinki, 2006. 335 p.
14. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва: Новое издательство, 2004. 335 с.
15. Lindberg F. Den Svenska utrikespolitikens historia III, 4, 1872-1914. Stockholm, 1958. 330 s.
16. Åcelius G. The “Russian menace” to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994. 455 p.
17. Niemi E. Vadsøs historie. Bind 1: Fra øyvær til kjøpstad (inntil 1833). Vadsø: Vadsø kommune, 1983. 621 s.
18. Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года // Русский Сборник: Исследования по истории России / Под ред. О.Р. Айрапетова, М. Йовановича, М.А. Колерова, Б. Меннинга, П. Чейсти. Том VIII. Москва, 2010. С. 26–52.
19. Мейнандер Х. История Финляндии. Москва, 2008. 237 с.
20. Андерссон И. История Швеции. Москва: Издательство иностранной литературы, 1959. 408 с.
21. Чернышева О.В. Шведы о русских. По материалам начала XX века // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. Москва: Наука, 2003. С. 102–125.
22. Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148–157.
23. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 1. Ведомства внешней политики и их руководители. Москва: Международные отношения, 1995. 288 с.
24. Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Саамы в истории норвежско-российского пограничья: фактор напряженности или региональной интеграции? // Былые годы. 2015. № 37 (3). С. 519–535.
25. Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Роль карт и населения Крайнего Севера России и Норвегии XVIII в. в конструировании границ внутреннего суверенитета // Былые годы. 2015. № 38 (4). С. 849–864.
26. Зайков К.С. К новой границе. Трактат 1826 года // Сближение. Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Под ред. Й.П. Нильсена. Москва: Издательство «Весь Мир». 2017. С. 44–64.

27. Зайков К.С., Тамицкий А.М. Финский фактор в истории Северного Фронтра Российской империи 1809–1855 гг. // Былые годы. 2016. № 41 (3). С. 629–641.
28. Niemi E. Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo: Gyldendal, 1992. 192 s.
29. Давыдов Р.А. Миф о русской угрозе Северной Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Империи и империализм Нового и Новейшего времени: сборник статей. Санкт-Петербург, 2009. С. 360–365.
30. Laing S. Dagbok frå eit opphald i Norge i åra 1834, 1835 og 1836. Med formål å undersøke den moralske tilstand og samfunnsøkonomiske forhold i landet, og levkåra for innbyggjarane. Oslo, 1997. 307 s.
31. Zaikov K. The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860 // Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historieseminar Skibotn 25–27 September 2009. Tromsø, 2010. Pp. 34–38.
32. Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygging, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark. 1850–1940 // Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007 / Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund, 2008. Pp. 153–158.
33. Tolz V. Inventing the Nation. Russia. London, 2001. 307 p.
34. Hosking G. Can Russia Become a Nation-State? // Nations and Nationalism. 1998. Vol. 4. No. 4. Pp. 449–462.
35. Г.Л. Мурманский ветер в открытом океане // Военный Сборник. 1916. № 4. С. 30–56.
36. Признание Россией Норвежского Независимого Государства (сборник документов) / Под ред. В.В. Похлебкина. Москва: Соцэкгиз, 1958. 106 с.
37. Нильсен Й.П. «Старая» Россия и «новая» Норвегия (1905–1917): соседство без страха? // Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Сборник статей. Архангельск, 1997. С. 6–28.
38. Комаров А.А. «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905–1917): Сборник документов. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 400 с.
39. Нильсен Й.П. Новая Земля — «ничейная» земля? // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсё, 1996. С. 4–17.

References

1. Zaykov K.S., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. Northern Frontier of Russia and Norway in the 13th–17th Centuries. *Bylye gody*, 2020, no. 58 (4), pp. 2272–2279. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2272>
2. Zaikov K. Between the Empire and the Nation State: The Problem of the Russian-Norwegian Frontier and Sami Occupation in the 19th–Early 20th Centuries. *The Polar Journal*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 154–174. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618560>
3. Burke P. *History and Social Theory*. Cambridge, Polity, 2005, 224 p.
4. Nil'sen Y.P. *Rapprochement. Russia and Norway in 1814–1917*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2017, 708 p. (In Russ.)
5. Johnsen O.A. *Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet*. Kristiania, Dybwad, 1923, 357 p.
6. Podvysotskiy A. The Russian-Norwegian Borderland. *Arkhangelskie Gubernskie Vedomosti*, 1877, no. 96, pp. 6–7.
7. Golubtsov H. *On the History of the Demarcation of Russia with Norway*. Arkhangelsk, 1910, 44 p. (In Russ.)
8. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid In: *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Oslo, 2005, s. 387–415.
9. Lunde A. *Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren*. Vadsø, 1979, 887 s.
10. Palmstierna C.F. *Sverige, Ryssland och England, 1833–1855. Kring Novembertraktatens förutsättningar*. Stockholm, 1932, s. 234–235.
11. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge. In: *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005, pp. 62–68.

12. Andresen A. *Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826*. Kirkenes, 1989, 192 s.
13. Lähtenmäki M. *The Peoples of Lapland. Boundary Demarcation and Interaction in the North Callote from 1808 to 1889*. Helsinki, 2006, 335 p.
14. Noymann I. *Using the "Other": Images of the East in the Formation of European Identities*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, 335 p. (In Russ.)
15. Lindberg F. Den Svenska utrikespolitikens historia III, 4, 1872-1914. Stockholm, 1958, 330 s.
16. Åcelius G. *The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism*. Stockholm, 1994, 455 p.
17. Niemi E. *Vadsøs historie. Bind 1: Fra øyvær til kjøpstad (inntil 1833)*. Vadsø, Vadsø kommune, 1983, 621 s.
18. Kristiansen T. "Russians Ruin Us; They Deprive Us of Means of Subsistence...": Russian-Norwegian Relations in the Far North until 1820. In: *Russian Collection: Studies on the History of Russia. Volume 8*. Moscow, 2010, pp. 26–52. (In Russ.)
19. Meynander H. *The History of Finland*. Moscow, 2008, 237 p. (In Russ.)
20. Andersson I. *The History of Sweden*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1959, 408 p. (In Russ.)
21. Chernysheva O.V. Swedes about Russians. Based on the Materials of the Beginning of the XX Century. In: *Northern Europe. Issues of History. Iss. 4*. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 102–125. (In Russ.)
22. Mezin S.A. Stereotypes of Russia in the European Social thought of the XVIII Century. *Questions of History*, 2002, no. 10, pp. 148–157.
23. Pokhlebkina V.V. *Foreign Policy of Russia, Russia and the USSR for 1000 Years in Names, Dates, Facts. Issue 1. Departments of Foreign Policy and Their Leaders*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, 288 p. (In Russ.)
24. Goldin V.I., Zaykov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye gody*, 2015, no. 37 (3), pp. 519–535.
25. Goldin V.I., Zaykov K.S., Tamitskiy A.M. The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye gody*, 2015, no. 38 (4), pp. 849–864.
26. Zaykov K.S. Towards the New Border. The Treatise of 1826. In: *Rapprochement. Russia and Norway in 1814-1917*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2017, pp. 44–64. (In Russ.)
27. Zaykov K.S., Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye gody*, 2016, no. 41 (3), pp. 629–641.
28. Niemi E. Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo, Gyldendal, 1992, 192 s.
29. Davydov R.A. Myth about the Russian Threat to Northern Norway and Its Influence on the Activities of the Russian Empire Authorities in the Euro-Arctic Region (Second Half of XIX - Beginning of XX Century). In: *Empires and Imperialism of New and Modern Times: A Collection of Articles*. Saint Petersburg, 2009, pp. 360–365. (In Russ.)
30. Laing S. *Dagbok frå eit opphald i Norge i åra 1834, 1835 og 1836. Med formål å undersøke den moralske tilstand og samfunnsøkonomiske forhold i landet, og levkåra for innbyggjarane*. Oslo, 1997, 307 s.
31. Zaikov K. The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860 In: *Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historieseminar Skibotn 25–27 September 2009*. Tromsø, 2010, pp. 34–38.
32. Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygging, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark. 1850–1940 In: *Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007*. Stamsund, 2008, pp. 153–158.
33. Tolz V. *Inventing the Nation. Russia*. London, 2001, 307 p.
34. Hosking G. Can Russia Become a Nation-State? *Nations and Nationalism*, 1998, vol. 4, no. 4, pp. 449–462.
35. G.L. Murmansk Wind in the Open Ocean. *Voennyi Sbornik*, 1916, no. 4, pp. 30–56.
36. Pokhlebkina V.V. *Russia's Recognition of the Norwegian Independent State (Collection of Documents)*. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1958, 106 p. (In Russ.)

37. Nil'sen Y.P. "Old" Russia and "New" Norway (1905-1917): Neighbourhood without Fear? In: *Fear and Expectations: Russia and Norway in the Twentieth Century. Collection of Articles*. Arkhangelsk, 1997, pp. 6–28. (In Russ.)
38. Komarov A.A. "Old" Russia and "New" Norway: Russian-Norwegian Relations (1905-1917): *Collection of Documents*. Moscow, LENAND Publ., 2014, 400 p. (In Russ.)
39. Nil'sen Y.P. Novaya Zemlya — "No Man's Land"? In: *Peoples and Cultures of the Barents Region*. Tromsø, 1996, pp. 4–17. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 24.10.2024;
принята к публикации 05.11.2024*

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 226–243.

Научная статья

УДК 327.8(73)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>

О новой военной стратегии США в Арктике

Коньшев Валерий Николаевич^{1✉}, доктор политических наук, профессор
Сергунин Александр Анатольевич², доктор политических наук, профессор

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, Россия

² Нижегородский государственный университет, пр. Гагарина, 23, Нижний Новгород, Россия

¹ v.konyshhev@spbu.ru ✉, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

² a.sergunin@spbu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

Аннотация. В статье рассматривается новая военная стратегия США в Арктике, обнародованная администрацией Дж. Байдена в июле 2024 г. Она пришла на смену аналогичному документу, выпущенному при Д. Трампе в 2019 г. Авторы ставят вопрос о том, что изменилось в подходах к обеспечению арктической безопасности, учитывая острый характер противоречий между республиканцами и демократами. В статье показано, что в целом арктическая политика США в военной области сохранила преемственность, отличие состоит лишь в попытке администрации демократов сформулировать более конкретные направления деятельности по защите интересов США в сфере безопасности. В тексте стратегии, при оценке угроз, не Россия, а Китай выведен на первое по важности место. В то же время формулировки об угрозах безопасности США в регионе имеют слишком общий вид и представляются надуманными. Основные направления реализации нынешней военной стратегии США включают в себя меры по развитию систем связи, управления, командования и разведки; по совершенствованию военной инфраструктуры; по усилению военного присутствия США и НАТО в странах Северной Европы и развитию оборонного сотрудничества. В целом стратегия носит конфронтационный характер, тем более что США, получив геополитические выгоды после присоединения Финляндии и Швеции к НАТО, явно намерены использовать их для получения односторонних преимуществ. Однако есть ограничивающие условия, которые не позволят США полностью реализовать планы данной стратегии. Основная угроза для безопасности России в регионе — постоянное военное присутствие и наращивание военной инфраструктуры США / НАТО в непосредственной близости от её арктических границ, а также намерение Вашингтона реализовать принцип «свободы мореплавания» в Северном Ледовитом океане, включая акваторию Северного морского пути.

Ключевые слова: Арктика, военная стратегия, США, Россия, Китай, угрозы безопасности

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта №116233367, поддержанного Санкт-Петербургским государственным университетом.

On the New US Military Strategy in the Arctic

Valeriy N. Konyshhev^{1✉}, Dr. Sci. (Polit.), Professor
Alexander A. Sergunin², Dr. Sci. (Polit.), Professor

* © Коньшев В.Н., Сергунин А.А., 2024

Для цитирования: Коньшев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной стратегии США в Арктике // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 226–243. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>

For citation: Konyshhev V.N., Sergunin A.A. On the New US Military Strategy in the Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 226–243. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

^{1,2} Saint Petersburg State University, Universitetskaya Naberezhnaya, 7/9, Saint Petersburg, Russia

² Nizhny Novgorod State University, pr. Gagarina, 23, Nizhniy Novgorod, Russia

¹ v.konyshchev@spbu.ru ✉, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

² a.sergunin@spbu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

Abstract. The article discusses the new US military strategy in the Arctic, announced by the administration of J. Biden in July 2024. It replaced a similar document issued under D. Trump in 2019. The authors raise the question of what has changed in the approaches to Arctic security, given the sharp nature of the contradictions between Republicans and Democrats. The article demonstrates that, in general, the US Arctic military policy has maintained continuity; the only difference is the attempt of the Democrat administration to formulate more specific areas of activity to protect US security interests. In the text of the strategy, when assessing threats, China, not Russia, is placed in the first place in terms of importance. At the same time, the formulation of threats to US security in the region is too general and seems far-fetched. The main areas of implementation of the current US military strategy include measures to develop communication, command, control and intelligence systems; to improve military infrastructure; to strengthen the US and NATO military presence in the Nordic countries and to develop defense cooperation. In general, the strategy is confrontational in nature, especially since the US, having obtained geopolitical benefits after Finland and Sweden joined NATO, clearly intends to use them to gain unilateral advantages. However, there are limiting conditions that will prevent the US from fully realizing the plans of this strategy. The main threat to Russia's security in the region is the constant military presence and build-up of US/NATO military infrastructure in close proximity to its Arctic borders, as well as Washington's intention to implement the principle of "freedom of navigation" in the Arctic Ocean, including the Northern Sea Route.

Keywords: Arctic, military strategy, United States, Russia, China, security threats

Введение

Новая арктическая стратегия министерства обороны США, опубликованная в июле 2024 г.¹, с одной стороны, пришла на смену предыдущему документу, разработанному ещё при администрации республиканца Д. Трампа в 2019 г., а с другой стороны — была призвана прояснить военные аспекты национальной арктической стратегии администрации Дж. Байдена, утверждённой в октябре 2022 г. С учётом динамичных изменений в мировой политике и жёсткого межпартийного противостояния внутри американских правящих кругов, выход в свет новой стратегии существенно задержался: ведь срок службы администрации Дж. Байдена подходит к концу.

В связи с публикацией этого документа возникает ряд вопросов. Кому он адресован? Будет ли администрация, которая придёт к власти в январе 2025 г., стремиться реализовать новую военную стратегию в Арктике, даже если у власти останутся демократы? Пойдут ли республиканцы на её пересмотр в случае победы на выборах в ноябре 2024 г.? Неясно также, насколько реалистична эта стратегия в плане её обеспечения бюджетными средствами и организационными мерами. И является ли она стратегией в строгом смысле слова?

Как известно, в отличие от других регионов, Вашингтон пока не может похвастаться своей мощью в Арктике. Даже сами американские военные жалуются на тот факт, что, имея в составе Береговой охраны два устаревших и постоянно ломающихся ледокола, не имея на

¹ 2024 Arctic Strategy. Washington: The Department of Defense, 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 01.09.2024).

Аляске ни одного глубоководного порта, способного принять военные и торговые суда большого водоизмещения, военно-морские силы США обладают весьма «бледным видом» в регионе². Знаменитая НОРАД (объединённая система аэрокосмической обороны США и Канады, призванная защитить Северную Америку от ракетного удара через Северный полюс) — и та изрядно обветшала за последнее время. А с появлением у России и Китая гиперзвукового оружия вообще появились сомнения в её эффективности. В связи с этим актуален вопрос: насколько новая военная стратегия Вашингтона в Арктике способна решить эти накопившиеся проблемы?

В силу неопределённости внутривнутриполитической ситуации в США, которая сохранится при любом исходе выборов, а также быстро меняющейся международной обстановки ответить на эти вопросы весьма сложно. Однако при этом важно понять, что принципиально нового предлагает новая стратегия, в чем её отличия от предыдущего документа, а главное — какие вызовы создаст её реализация для безопасности РФ на северном стратегическом направлении?

«Арктическое наследие» Д. Трампа и администрация Дж. Байдена

Необходимо отметить, что при Д. Трампе не было выработано общенациональной арктической стратегии, принимались только «ведомственные» документы, которые не предлагали обобщённого видения курса США в этом регионе. К числу таких документов относилась и арктическая стратегия министерства обороны 2019 г.³ Она ознаменовала собой радикальный разворот политики Вашингтона на Крайнем Севере, чётко обозначив переход США от сотрудничества к соперничеству в регионе [1, Коньшев В.Н., Сергунин А.А.]. Этот разворот был вызван не переоценкой собственно арктической политики, а общим трендом на неоизоляционизм и отказ от равноправного международного сотрудничества по довольно широкому спектру вопросов, который коснулся многих государств.

В военной стратегии Д. Трампа по Арктике присутствовали две ключевые идеи. Во-первых, при относительно низком уровне угроз военной эскалации Арктика всё же была названа потенциальным регионом стратегического соперничества США с Россией и Китаем. Во-вторых, в тексте стратегии отмечалось, что США считают возможным использовать в Арктике силы НАТО для сдерживания потенциального агрессора⁴.

Дополнительно было опубликовано несколько сопутствующих документов, отражающих видение региональных проблем безопасности другими силовыми ведомствами США: Береговой охраной, ВМС, ВВС и сухопутными силами. Таким образом, арктическая военная

² Mongilio H. Coast Guard Commandant Fagan Highlights Polar Security Cutters, Indo-Pacom Expansion // US Naval Institute News, 20 March 2024. URL: <https://news.usni.org/2024/03/20/coast-guard-commandant-fagan-highlights-polar-security-cutters-indo-pacom-expansion> (дата обращения: 29.03.2024).

³ The Department of Defense Arctic Strategy: Report to Congress. June 2019. Washington: The Department of Defense, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 21.09.2024).

⁴ Там же. Рр. 2, 4, 5, 7.

стратегия администрации Д. Трампа свелась в основном к декларативным положениям о потенциальных угрозах в будущем, повышении боеготовности, обновлении ледокольного флота и расширении ведения операций. В целом роль Арктики в системе внешнеполитических приоритетов администрации Д. Трампа была относительно невысокой [1, Конышев В.Н., Сергунин А.А.; 2, Конышев В.Н., Сергунин А.А.].

Следует отметить, что хотя в тексте стратегии Украина, как фактор, влияющий на обострение соперничества в арктической политике, ещё не упоминалась, на экспертном уровне были вброшены идеи экстраполировать политику России в Сирии и на Украине на арктический регион. Это делалось через концепцию гибридной войны [3, Конышев В.Н., Парфенов Р.В.], которую якобы Россия успешно использовала на Украине в 2014 г., присоединив Крым, и далее будет экстраполировать этот опыт на Прибалтику и на Арктику [4, Конышев В.Н.].

Несмотря на жёсткую межпартийную борьбу и отрицание большей части внешнеполитических инициатив Д. Трампа, администрация Дж. Байдена продолжила развивать тренд на конфронтацию в Арктике. Проблемы Арктики прямо увязали со специальной военной операцией России на Украине, был взят курс на форсированное вступление Финляндии и Швеции в НАТО, было объявлено о защите интересов стран НАТО в регионе и о враждебности Западу деятельности России и Китая в Арктике [5, Конышев В.Н., Сергунин А.А.].

Арктическая военная стратегия Дж. Байдена, с одной стороны, была призвана представить более конкретное, практическое видение военной политики на Крайнем Севере, преодолев недостатки предыдущей стратегии. Есть мнение, что затягивание выработки военной стратегии почти на два года после общенациональной арктической стратегии Дж. Байдена было связано с тем, что долго не удавалось достичь согласия между американскими военными ведомствами и представителями экспертно-аналитического сообщества, желавшими придать документу больше конкретики и реалистичности. С другой стороны, новый документ отвечает на фактически изменившуюся геостратегическую обстановку в Арктике, которая окончательно утратила статус «зоны мира и сотрудничества».

Документ делится на три части: анализ американских интересов в сфере арктической безопасности, характеристика стратегического окружения и мер по реагированию на новые вызовы безопасности.

Интересы США в области арктической безопасности

Что касается интересов США и их союзников по НАТО в сфере безопасности: стратегия министерства обороны развивает ранее принятые администрацией Дж. Байдена документы (Стратегия национальной безопасности 2022 г., Национальная оборонная стратегия 2022 г., Национальная стратегия для Арктического региона 2022 г. и Руководство оборонной политики по внутренней безопасности 2023 г.). В них обозначены национальные интересы США по сохранению в Арктике стабильности, которая должна обеспечиваться политикой, опираю-

щейся на сотрудничество с союзниками по НАТО, защиту окружающей среды, устойчивое экономическое развитие Аляски (единственного арктического региона США) и всей Арктики в целом, адаптацию к изменениям климата⁵. Новая военная стратегия видит основу стабильности в развитии инфраструктуры и военного присутствия США / НАТО в регионе.

В арктической военной стратегии Дж. Байдена появились новые акценты. Во-первых, США фактически вводят Арктику в зону ответственности НАТО. В частности, отмечается, что усиление блока НАТО в Арктике будет способствовать реализации военной стратегии США в регионе. Тем самым подтверждается предположение о том, что альянс и впредь будет служить в первую очередь интересам США. Примечательно, что упоминание арктических государств в тексте стратегии каждый раз сопровождается указанием на их членство в НАТО, подчёркивая, что суверенным государствам-членам альянса будет обеспечена их коллективная безопасность.

Во-вторых, включение Швеции и Финляндии в блок НАТО значительно расширяет стратегические возможности США:

- военный потенциал, сосредоточенный в североамериканской части Арктики, будет служить северным флангом для ведения операций в Индо-Тихоокеанском регионе;
- усиление контроля в европейской части Арктики существенно облегчает задачу проецирования сил в Европу и защиты морских коммуникаций между Северной Америкой и Европой⁶.

В целом новая стратегия продолжает долгосрочную политику США по достижению глобального доминирования, обозначая более широкую стратегическую перспективу. «Разворот на восток» с целью контроля за поставками энергоносителей в Китай с моря по линии «Персидский залив — Южно-Китайское море — Восточно-Китайское море» начался ещё при Б. Обаме [6, Коньшев В.Н., Сергунин А.А.] и затем продолжился при Д. Трампе. Но если при Б. Обаме Китай считался соперником, то при Д. Трампе его перевели в разряд стран-

⁵ См. например: The National Strategy for the Arctic Region. October 2022. Washington: The White House, 2022. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1733387753&tld=ru&lang=en&name=National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf&text=The%20National%20Strategy%20for%20the%20Arctic%20Region.%20October%202022.%20Washington%20The%20White%20House%202022&url=https%3A%2F%2Fwww.whitehouse.gov%2Fwp-content%2Fuploads%2F2022%2F10%2FNational-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf&lr=20&mime=pdf&l10n=ru&sign=a9e4e9cb1bc998d1413cf4b7e594a630&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3D1733387753%26tld%3Dru%26lang%3Den%26name%3DNational-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf%26text%3DThe%2BNational%2BStrategy%2Bfor%2Bthe%2BArctic%2BRegion.%2BOctober%2B2022.%2BWashington%253A%2BThe%2BWhite%2BHouse%252C%2B2022%26url%3Dhttps%253A%2F%2Fwww.whitehouse.gov%2Fwp-content%2Fuploads%2F2022%2F10%2FNational-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf%26lr%3D20%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3Da9e4e9cb1bc998d1413cf4b7e594a630%26keyno%3D0%26nosw%3D1> (дата обращения: 21.09.2024).

⁶ 2024 Arctic Strategy. Washington: The Department of Defense, 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 01.09.2024).

«ревизионистов», которые создают угрозу интересам США в Индо-Тихоокеанском регионе [7, Иванов О.П.]. Военная стратегия Дж. Байдена связывает Арктику и Индо-Тихоокеанский регион для глобального противостояния Китаю.

Проецирование силы в европейскую часть Арктики поддержано серией двусторонних договоров по безопасности США с Данией, Норвегией, Швецией и Финляндией, которые были подписаны накануне выхода в свет стратегии, в течение 2023–2024 гг. Согласно этим договорам (однотипным по содержанию), США получают доступ к военным базам на территории этих стран и право по своему усмотрению размещать там оборудование, технику, вооружения и склады, а также проводить учения в различных форматах⁷. Таким образом, военное присутствие США вблизи арктических границ России получает гибкий и гарантированный механизм: либо по линии НАТО, либо по линии двусторонних договоров по безопасности с арктическими государствами.

Стратегическое окружение

Согласно тексту документа, стратегическая обстановка в Арктике динамично меняется под влиянием следующих основных факторов: политика РФ и КНР в регионе, включая их сотрудничество; расширение НАТО за счёт Финляндии и Швеции; последствия изменения климата. Возможная дестабилизация может быть компенсирована лишь углублением оборонного сотрудничества стран Запада.

Наиболее серьёзным препятствием военная стратегия США называет глобальный вызов со стороны Китая. КНР пытается реализовать свои глобальные амбиции за счёт углубления военного и экономического сотрудничества с Россией в Арктике. Это может негативно повлиять на стратегическую стабильность в Арктике, потому что, согласно американской точке зрения, вся исследовательская и экономическая деятельность КНР имеет двойное назначение, включая испытания подводных роботов, адаптацию авиации к полярным условиям, реализацию транспортного проекта Полярного шёлкового пути. В этом же духе стратегия оценивает подписанный меморандум о взаимопонимании по вопросам судоходства между Береговой охраной КНР и ФСБ РФ⁸.

⁷ Defense Cooperation. Agreement Between the United States of America and Norway. Treaties and Other International Acts Series 22-617. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/08/22-617-Norway-Defense-SDCA-Ready-for-Review.pdf> (accessed 1 September 2024); Agreement of Defense Cooperation Between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the United States of America. URL: <https://www.government.se/contentassets/9938ae28ed8544d2b60b229e91fd0513/agreement-on-defense-cooperation-between-the-government-of-the-kingdom-of-sweden-and-the-government-of-the-united-states-of-america-date-and-place.pdf> (accessed 4 September 2024); Agreement of Defense Cooperation Between the Government of the Republic Finland and the Government of the United States of America. URL: <https://finlandabroad.fi/documents/35732/0/Finland%20US%20DCA%20-%20Finland%20Prime%20-%20English%20%281%29.pdf/ff602539-1854-bb30-8a5d-483304b08a59?t=1702559666029> (accessed 4 September 2024); Agreement of Defense Cooperation Between the Government of Denmark and the Government of the United States of America. URL: <https://via.ritzau.dk/files/2012662/13765902/57437/da> (дата обращения: 04.09.2024).

⁸ 2024 Arctic Strategy. Washington: The Department of Defense, 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 01.09.2024).

В экономическом сотрудничестве КНР с арктическими государствами стратегия министерства обороны США тоже усматривает угрозу. Для Вашингтона арктическая стратегия КНР 2018 г. и китайская концепция «всеобщего достояния» применительно к ресурсам Арктики лишь прикрывают реальные намерения Пекина получить рычаги управления Арктикой. Проект «Полярного шёлкового пути» (китайская версия развития Северного морского пути) расценивается как часть этого долгосрочного плана⁹.

Стратегия указывает, что в отношении России США получили преимущества за счёт вступления Финляндии и Швеции в НАТО. Это, прежде всего, расширение постоянного военного присутствия в европейской части Арктики и более надёжное прикрытие Северной Атлантики. Именно там, через Фареро-Исландский рубеж, выходят на патрулирование к берегам Северной Америки российские стратегические подводные лодки. Но, по мнению министерства обороны США, Россия демонстрирует возможности модернизировать и эффективно использовать обычные силы, ядерную триаду и силы специальных операций и тем самым создать риски для США и союзников в будущем.

В тексте стратегии отмечается, что в настоящее время угрозы интересам безопасности США создают провоцирующие действия РФ в виде подавления сигналов GPS, якобы «непрофессионального» перехвата военных самолётов стран Запада у северных границ РФ, будто бы «неправомерные амбиции» РФ по ограничению свободного мореплавания по Северному морскому пути, которые якобы противоречат Конвенции ООН по морскому праву, но обеспечиваются силовым потенциалом Северного флота. Содержательно эти аргументы США выглядят весьма спорно, что уже неоднократно было показано российскими экспертами [8, Тодоров А.А.; 9, Вылегжанин А.Н., Назаров В.П.; 10, Гудев П.А.; 11, Гудев П.А.]. Однако их использование в анализируемом документе говорит в пользу намерения проводить в ближайшем будущем наступательную политику в ущерб законным правам России в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ).

Следует обратить внимание, что текст стратегии ничего конкретного не указывает по части угроз со стороны КНР и РФ. Не говорится о стратегиях, военном строительстве, потенциале, оперативных возможностях, характере проводимых учений, межгосударственных противоречиях в Арктике, которые грозили бы военными конфликтами с участием РФ. России ничего кроме «дестабилизирующей активности низкого уровня»¹⁰ текст американской стратегии так и не предъявляет.

В этом же духе неопределённости дала комментарий помощник министра обороны США по арктической политике Айрис Фергюсон незадолго до публикации военной стратегии: «... они [русские] продолжают существенно инвестировать в [военную] инфраструктуру на Крайнем Севере. Они делают это частично по экономическим соображениям. Но когда мы

⁹ Там же.

¹⁰ 2024 Arctic Strategy. Washington: The Department of Defense, 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 01.09.2024).

обращаем на это внимание, то видим, что их потенциально оборонительные инвестиции могут обернуться наступательными возможностями»¹¹.

Китаю в качестве угрозы, создаваемой им безопасности США, военная стратегия Дж. Байдена вменяет намерение усилить влияние на принятие решений по арктической политике и несколько военных манёвров в Арктике с участием России¹². Но, например, министерство обороны США в официальных заявлениях не увидело реальной угрозы от совместных полётов российских и китайских истребителей в районе Аляски, поскольку это никак не нарушает международное право¹³. Комментируя текст стратегии, зарубежные эксперты отмечают, что ничего в действиях КНР в Арктике не указывает на военные приготовления, и в этом смысле текст стратегии тоже выглядит идеологически предвзятым, когда приписывает военные угрозы США со стороны Китая¹⁴.

Таким образом, и текст стратегии, и комментарии американских военных ясно говорят о надуманности военных угроз для безопасности США в Арктике.

Изменения климата имеют двойственные последствия для военной стратегии США в рассматриваемом регионе. С одной стороны, создаётся угроза инфраструктуре, с другой, таяние льдов повышает экономическую и военную значимость Баренцева, Чукотского, Берингова морей и Берингова пролива. К 2030 г. ожидается, что в Арктике существенно расширятся возможности для морского транзита и разработки ресурсов на морском дне со всеми сопутствующими рисками. При этом более благоприятная обстановка для министерства обороны США складывается в европейской части Арктики благодаря более мягкому климату и развитой инфраструктуре¹⁵.

Направления и способы реализации арктической стратегии США

Наиболее значимая часть анализируемого документа посвящена тому, каким образом США намерены обеспечить свои интересы в Арктике.

Первое направление связано с развитием систем мониторинга оперативной среды и разведки за действиями противника в интересах высокотехнологичных межвидовых сил (joint force), предназначенных для выполнения широкого круга военных и невоенных миссий в условиях Арктики. Для этого в планах значится дальнейшее совершенствование комплекс-

¹¹ Pentagon's Upcoming Arctic Strategy: «We Talk to Norway, Finland, and Sweden a Lot». URL: <https://www.highnorthnews.com/en/pentagons-upcoming-new-arctic-strategy-we-talk-norway-finland-and-sweden-lot> (дата обращения: 14.09.2024).

¹² 2024 Arctic Strategy. Washington: The Department of Defense, 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 01.09.2024).

¹³ McCusker E. The Defense Arctic Strategy — Continuation of Words. URL: <https://www.aei.org/foreign-and-defense-policy/the-defense-arctic-strategy-a-continuation-of-words/> (дата обращения: 13.09.2024).

¹⁴ Martin J. The U.S. DOD's 2024 Arctic Strategy is a Welcome Respite from Fatalistic Views on China. URL: <https://chinaus-icas.org/research/the-u-s-dods-2024-arctic-strategy-is-a-welcome-respite-from-fatalistic-views-on-china/> (дата обращения: 04.09.2024).

¹⁵ 2024 Arctic Strategy. Washington: The Department of Defense, 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 01.09.2024).

ной системы управления военными действиями C4ISR (Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance). Особое внимание будет уделяться наращиванию спутниковой группировки для обеспечения устойчивой связи и совершенствования системы раннего предупреждения о ракетном нападении. В этом направлении ведётся сотрудничество США с Норвегией ¹⁶. Около 250 новейших самолётов (в основном истребители F-35) будут размещены в натовских государствах Арктики. В своих комментариях к стратегии заместитель министра обороны США по политическим вопросам Кэтлин Хикс уточнила, что Арктика будет использоваться для тестирования систем искусственного интеллекта и беспилотных платформ ¹⁷.

Согласно тексту стратегии, система разведки должна опираться на продолжение модернизации американо-канадской системы НОРАД, совмещающей функции ПВО и ПРО, а также радаров, установленных в странах Северной Европы. Западные эксперты отмечают, что НОРАД «способна обнаруживать и сопровождать определённые цели» (проще говоря — не все цели) ¹⁸. В модернизации примет активное участие Канада, которая в 2022 г. выделила на эти цели 27,8 млрд долл.

Другая развиваемая функция НОРАД — наблюдение за морскими пространствами. Кроме того, предполагается инвестирование министерством обороны проектов по использованию беспилотных летательных аппаратов. Планируется обеспечить обмен данными между платформами наземного, морского, воздушного и космического базирования не только США и Канады, но и европейских арктических государств.

По соглашению о модернизации НОРАД, объявленному министрами обороны США и Канады в 2021 г., большинство проектов будет реализовано к 2030 г., включая введение в строй загоризонтных радаров, увеличивающих дальность действия НОРАД; подводных сенсоров у побережья Северной Америки; новейших навигационных систем в дополнение к существующей GPS, систем спутниковой и радиосвязи для канадских вооружённых сил; поставки улучшенных ракет класса «воздух-воздух» ближнего, среднего и дальнего радиуса действия ¹⁹.

Однако США ещё только предстоит добиться полного покрытия Арктики системой спутников связи выше 65 градусов северной широты. Устойчивой работе связи объективно препятствуют электромагнитные помехи, характерные для арктических широт. Для этой цели планируется использовать военные и коммерческие спутники США и их европейских союз-

¹⁶ USA and Norway: Will Build Satellite Station at Andøya For Early Missile Warning. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/usa-and-norway-will-build-satellite-station-andoya-early-missile-warning> (дата обращения: 16.09.2024).

¹⁷ Vincent B. DOD's New Arctic Strategy Calls for Better Tech to 'Monitor and Respond' URL: <https://defensescoop.com/2024/07/22/dods-new-arctic-strategy-better-tech-monitor-respond/> (дата обращения: 16.09.2024).

¹⁸ Erwin S. Pentagon's Arctic Strategy Emphasizes Space and Satellite Capabilities. URL: <https://spacenews.com/pentagons-arctic-strategy-emphasizes-space-and-satellite-capabilities/> (дата обращения: 16.09.2024).

¹⁹ NORAD Modernization Project Timelines URL: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/services/operations/allies-partners/norad/norad-modernization-project-timelines.html> (дата обращения: 12.09.2024).

ников по НАТО. Кроме того, к 2030 г. предстоит обеспечить передачу большого количества данных по системам связи для обеспечения авиационной группировки, беспилотных летательных аппаратов, объединённой системы радаров, околоземных спутников и другой инфраструктуры²⁰.

Особый вызов для высокотехнологичных межвидовых сил создают суровые погодные и сложные геомагнитные условия. Здесь стоят непростые задачи по разработке новых, либо адаптации существующих техники и вооружения к низким температурам, по ремонту инфраструктуры, страдающей от таяния вечной мерзлоты и длительного недофинансирования, по ведению операций в условиях Арктики.

Есть и военно-научная задача по надёжному предсказанию погодных условий с помощью моделирования процессов, происходящих в океане, атмосфере, ионосфере²¹. Оценивая эти планы, следует отметить, что подобные исследования и модели требуют постоянного получения данных, в том числе с многочисленных датчиков, распределённых на огромных пространствах АЗРФ. Но блокирование международного научного сотрудничества с РФ в Арктике по инициативе Запада сделало недоступными эти данные для западных учёных, а значит, и модели не будут достаточно надёжными. В этом плане поставленная в стратегии министерства обороны США задача остаётся далёкой от эффективного решения.

Второе направление реализации военной стратегии США в Арктике связано с вовлечением не просто отдельных стран НАТО, но и структур самого альянса. В стратегии заявлено, что альянс имеет стратегический интерес и обязанность согласно договору «по защите территории НАТО в Арктике»²². Фактически это означает включение Арктики в зону ответственности НАТО в ответ на нежелание России присоединиться к мироустройству, «основанному на правилах», т. е. по правилам, вводимым Западом по своему усмотрению.

В стратегии заявлено о поддержке регионального плана политики НАТО, на основе которого будет разрабатываться концепция ведения операций альянса в Арктике²³. Координацию с союзниками министерство обороны США будет проводить через Круглый стол по арктической политике безопасности (РФ была исключена в 2014 г.), встречи министров обороны арктических государств, Форум береговых охран арктических государств и другие организации. На внутривластном уровне министерство обороны планирует взаимодействовать с госдепартаментом, министерством внутренней безопасности, научным Центром изучения арктической безопасности им. Теда Стивенса и научными организациями, ведущими полярные исследования. Для задач координации в 2022 г. было создано координиру-

²⁰ 2024 Arctic Strategy. Washington: The Department of Defense, 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 01.09.2024).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Regional Perspectives Report on the Arctic. Strategic Foresight Analysis. Norfolk: HQ SACT Strategic Plans and Policy, 2021. URL: <https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/regional-perspectives-2021-04.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

ющее Управление по арктической стратегии и устойчивости. Что касается расширения мобилизационного ресурса, то стратегия также предполагает продолжение совместной подготовки сил специальных операций: как на уровне двустороннего военного сотрудничества, так и по линии НАТО. К программам обучения для действий в Арктике планируется привлекать силы Резерва (Национальная гвардия) и Береговой охраны.

Третье направление реализации стратегии — обеспечение военного присутствия в Арктике через проведение самостоятельных и совместных учений, патрулирование, а также постоянное дислоцирование на Аляске межвидовых сил, образующих первую линию сдерживания противника.

Стратегия предполагает дальнейшее повышение интенсивности учений в Арктике, включая самые важные для министерства обороны — Arctic Edge; Northern Edge (с участием Индо-Тихоокеанского командования); Ice Camp (подводный флот); Nanook (Северное командование и НОРАД); Noble Defender, Vigilant Shield (Северное командование); Nordic Response, Dynamic Mongoose, Arctic Challenge (межвидовые силы в европейской Арктике)²⁴. Для иллюстрации: только в учениях Nordic Response в Северной Норвегии 3–14 марта 2024 г. приняли участие 20 тыс. военнослужащих из 13 стран НАТО. Были задействованы 50 подводных лодок, фрегаты, корветы, авианосцы, амфибийные корабли, 100 истребителей, транспортная авиация, морские разведывательные самолёты²⁵. В свою очередь, они были лишь частью учений Steadfast Defender, проходивших в январе — июне с участием 90 тыс. военнослужащих из 31 страны НАТО — крупнейшего учения со времён холодной войны и направленного на отработку действий альянса в случае нападения России (в том числе переброска сил из США, десантирование с моря, стратегическое развёртывание)²⁶.

Межвидовые силы США на Аляске при необходимости могут увеличиваться на ротационной основе. Силы предназначаются для действий не только в Арктике, но и в любой части мира, при необходимости взаимодействуя с союзниками по НАТО. Помимо традиционных задач, межвидовые силы будут осуществлять морское патрулирование в Арктике, включая Фареро-Исландский рубеж, патрулирование в воздушном пространстве Исландии, обеспечивать операции по развёртыванию сил США и НАТО в арктических государствах. Очевидно, первостепенный интерес будут представлять Финляндия и Норвегия.

В поддержку реализации стратегии многое уже делается на практике. Министерство обороны США заявило, что будет поддерживать строительство по крайней мере 8 ледоколов для гражданских и военных нужд. Этот проект будет осуществляться через сотрудничество с

²⁴ 2024 Arctic Strategy. Washington: The Department of Defense, 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 01.09.2024).

²⁵ Media site — Nordic Response 2024. URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/nr24> (дата обращения: 09.09.2024).

²⁶ Зверев Ю. Steadfast Defender: чего ждать от крупнейших учений НАТО в XXI веке. URL: <https://eurasia.expert/steadfast-defender-chego-zhdet-ot-krupneyshikh-ucheni-nato-v-khkhiveke/?ysclid=m0xvortru870160848> (дата обращения: 03.09.2024).

Канадой и Финляндией, о котором Вашингтон объявил в июле 2024 г.²⁷ Дело в том, что США почти 50 лет не строили тяжёлых ледоколов и рассчитывают на технологическую помощь союзников. Однако, учитывая провал предыдущей ледокольной программы США, по поводу новой инициативы существуют большие сомнения.

А. Фергюсон заявила, что хотя полной ясности с финансированием арктических военных программ нет, бюджет, по крайней мере, покрывает расходы на реконструкцию базы космических сил Питуффик в Гренландии (7 млн долл.), на закупки для 11-й аэромобильной дивизии, составляющей ядро американских вооружённых сил на Аляске, специальной техники, адаптированной к условиям низких температур (280 млн долл.), на создание высокочастотной системы спутниковой связи с защитой от помех для американских войск, действующих в Арктике (1,8 млрд долл.)²⁸.

Экспертные оценки новой стратегии

Новая военная стратегия США в Арктике вызывает неоднозначные оценки в американском и мировом экспертно-аналитическом сообществах.

На фоне кризисных явлений во внешней политике внутри США набирают популярность неоизоляционистские настроения, объединяющие группу критически настроенных экспертов. Они считают, что новая военная стратегия в Арктике преувеличивает военные угрозы со стороны России и Китая. Например, согласно автору «Американского консерватора», модернизация Россией арктической военной инфраструктурой связана с важностью региона для экономического развития страны, а её обычный наступательный потенциал весьма скромный. Активность же КНР в Арктике носит преимущественно экономический характер. Да и гораздо важнее для Пекина отношения с Тайванем и ситуация в Тайваньском проливе. Именно здесь КНР готовится к возможным военным действиям²⁹.

Часть этой группы экспертов считает, что в новой стратегии до конца не преодолена декларативность (которая была характерна для стратегии Д. Трампа), в ней нет внутренней целостности, не указано место Арктики в ряду других приоритетов американской политики безопасности. По их мнению, слоган стратегии «мониторить и реагировать» указывает на то, что Арктика не будет в числе первых приоритетов, а политика скорее будет носить пассивно-реагирующий характер. Например, в тексте стратегии есть фраза, что придётся балансиро-

²⁷ Rosen Y. Alaska highlighted in new Department of Defense Arctic strategy. URL: <https://alaskapublic.org/2024/07/29/alaska-highlighted-in-new-department-of-defense-arctic-strategy/> (дата обращения: 16.09.2024).

²⁸ Burchett C. US military's Arctic strategy calls for new tech, better communications to maintain regional stability. URL: <https://www.stripes.com/theaters/us/2024-07-22/pentagon-arctic-climate-change-china-russia-14564133.html> (дата обращения: 1.09.2024).

²⁹ Little A. NATO's Arctic Strategy is an Overreaction // American Conservative. Aug. 26, 2024. URL: <https://www.theamericanconservative.com/natos-arctic-strategy-is-an-overreaction/> (дата обращения: 16.09.2024).

вать между Арктикой и другими угрозами национальной безопасности США, чтобы найти оптимальные пути реагирования³⁰.

Серьёзным аргументом, ставящим под сомнение реализуемость стратегии, является отсутствие официальных комментариев по части обеспечения новой стратегии военным бюджетом США³¹. Внимания и ресурсов Пентагона, как следует из брифинга заместителя министра обороны США К. Хикс, в первую очередь требуют Украина, Ближний восток, Индо-Тихоокеанский регион. Военный атташе Норвегии в США О. Хаген также отметил, что между США и их европейскими союзниками возможны споры из-за дефицита финансирования арктической политики³².

Вторую группу составляют американские эксперты, занимающие умеренную позицию. По их мнению, стратегия не направлена на усиление конфронтации с Китаем и Россией. Они отмечают, что в тексте стратегии говорится о возрастающей активности КНР и РФ, но при этом они не названы союзниками или партнёрами, которые имеют одни и те же стратегические цели антиамериканской направленности. В комментарии помощника министра обороны А. Фергюсон, одного из авторов стратегии, говорится, что «этот документ [стратегия] не о конфронтации... мы все ещё считаем его немного поверхностным на военном уровне... и я не хочу никоим образом предполагать, что они [Россия и Китай] находятся на этом уровне сотрудничества [высокой оперативной совместимости]»³³. Можно предположить, что в американских правящих кругах консенсус по военной политике в Арктике пока не достигнут. Многие американские чиновники, непосредственно вовлечённые в арктическую политику, видят проблему нарастающей конфронтации с Россией в Арктике явно искусственной на фоне украинского кризиса. Хотя в министерстве обороны США есть и немало сторонников жёсткой конфронтации с Россией и Китаем в Арктике.

Третья группа экспертов соглашается с наступательным пафосом военной стратегии США в Арктике и отводит НАТО ключевую роль как гаранта стабильности. Но при этом даже они отмечают, что характер угроз, исходящих от России как главного военного оппонента США, носит не актуальный (требующий предметного реагирования на угрозу), а лишь потенциальный характер: «российские военные возможности в Арктике создают потенциальные угрозы США и их союзникам»³⁴. Согласно этой точке зрения, для того чтобы НАТО как организация гарантировала стабильность в регионе, необходимо создавать в Арктике логистиче-

³⁰ McCusker E. The Defense Arctic Strategy — Continuation of Words. URL: <https://www.aei.org/foreign-and-defense-policy/the-defense-arctic-strategy-a-continuation-of-words/> (дата обращения: 13.09.2024).

³¹ Там же.

³² Grandy J. Pentagon Arctic Strategy Aims to Enhance U.S. Presence, Exercise More Often. URL: <https://news.usni.org/2024/07/23/pentagon-arctic-strategy-aims-to-enhance-u-s-presence-exercise-more-often> (дата обращения: 17.09.2024).

³³ Martin J. The U.S. DOD's 2024 Arctic Strategy is a Welcome Respite from Fatalistic Views on China. URL: <https://chinaus-icas.org/research/the-u-s-dods-2024-arctic-strategy-is-a-welcome-respite-from-fatalistic-views-on-china/> (дата обращения: 04.09.2024).

³⁴ Erwin S. Pentagon's Arctic Strategy Emphasizes Space and Satellite Capabilities. URL: <https://spacenews.com/pentagons-arctic-strategy-emphasizes-space-and-satellite-capabilities/> (дата обращения: 16.09.2024).

ские возможности для военного присутствия неарктических членов НАТО. Гонка вооружений будет нежелательным, но неизбежным процессом, поскольку Россия имеет ряд преимуществ, таких как ледокольный флот³⁵, которые НАТО предстоит нивелировать.

Незападные эксперты склонны оценивать новую военную стратегию Вашингтона в Арктике более негативно. В частности, военные эксперты КНР, оценивая стратегию США, отмечают её конфронтационный характер, который определяется не региональной повесткой, а общим ухудшением отношений России и Запада. Они считают, что военные возможности и амбиции КНР в Арктике явно преувеличены и носят идеологизированный (антикитайский) характер. Они обращают внимание на то, что Китай оказался на первом месте в оценке угроз, которые основаны на бездоказательном приписывании ему агрессивных намерений, что говорит в пользу ухудшения американо-китайских отношений как в Арктике, так и в других регионах³⁶.

По их мнению, стратегия США будет способствовать дальнейшей эскалации военных угроз и гонке вооружений на Крайнем Севере. Они считают, что восстановление механизмов согласования и мер военного доверия в Арктике может занять много времени. Определённый вклад в нормализацию могут внести неарктические государства-наблюдатели в Арктическом совете, участвуя в консультациях и создании новых механизмов регионального урегулирования. Интерес КНР к военному сотрудничеству с Россией в Арктике объясняется намерением не допустить чрезмерного ослабления России под усиливающимся давлением США / НАТО и сохранить для себя Северный морской путь как альтернативный маршрут в Европу, учитывая нестабильность в зоне Персидского залива и Суэцкого канала [12, Петровский В.Е.].

В российском экспертном сообществе отмечается, что новая военная стратегия США на Крайнем Севере вписывается в планы по обеспечению постоянного присутствия в Арктике в экономическом, политическом и военном измерениях, а также завоевания господствующих позиций в регионе³⁷. Этот документ свидетельствует о том, что США собираются в полной мере использовать вступление Финляндии и Швеции в НАТО и перспективу освобождения арктических морей ото льда к 2030 г.

В то же время, по мнению ряда российских аналитиков, во-первых, текст стратегии выводит на первое место стабильность, а не наращивание стратегической конкуренции в регионе. Во-вторых, США ещё не готовы к военной конфронтации в Арктике хотя бы потому, что пока не обладают «полноценной группировкой сил и средств для ведения масштабных

³⁵ US Department of Defense releases 2024 Arctic Strategy. URL: <https://www.army-technology.com/analyst-comment/us-department-of-defense-arctic-strategy/?cf-view&cf-closed> (дата обращения: 16.09.2024).

³⁶ Xu Keyue. US hypes 'threats from China, Russia' in Arctic strategy, to push for militarization in the region: expert // Global Times, 23 July 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202407/1316573.shtml> (дата обращения: 21.09.2024).

³⁷ Американские «танцы на арктическом льду» встретят горячий русский прием. URL: <https://19rusinfo.ru/politika/75390-amerikanskie-tantsy-na-arkticheskom-ldu-vstretyat-goryachij-russkij-priem> (дата обращения: 16.09.2024).

операций». Таким образом, Россия имеет паузу в несколько лет от прямого военного давления, что не отменяет другие, невоенные средства сдерживания со стороны Запада. Кроме того, США намерены активно привлекать инвестиции союзников к созданию общей военной инфраструктуры в Арктике ³⁸.

Можно предположить, что министерством обороны США через некоторое время будет принят дополнительный документ, более чётко раскрывающий замысел и план действий в рамках стратегии. Косвенно об этом свидетельствует документ «Национальная разведывательная оценка», опубликованный Советом по национальной разведке, на который ссылаются эксперты Исследовательской службы конгресса США: в результате потепления климата возрастет конкуренция за ресурсы Арктики, что приведёт к обострению отношений между арктическими и неарктическими государствами, усилению военной деятельности в регионе неарктических государств для защиты своих инвестиций, новых транспортных маршрутов и получения стратегических преимуществ над конкурентами. По мнению Совета по национальной разведке, в перспективе в Арктике допускается открытый военный конфликт. Он возможен либо с вовлечением России и неназванных неарктических государств, если они будут настойчиво проявлять военную активность в проливах Северного морского пути, которые Россия относит к внутренним водам (очевидно, речь идёт о союзниках США). Либо это будет конфликт Китая с арктическими государствами в случае его экономического закрепления в Арктике ³⁹.

Заключение

Новая военная стратегия США в Арктике считает политику РФ и КНР дестабилизирующим фактором в регионе и не оставляет места сотрудничеству с ними, что может привести к эскалации напряжённости в регионе в среднесрочной перспективе. США получили значительное геополитическое преимущество за счёт гарантированного военного присутствия в Финляндии и Швеции. При этом стратегия не содержит внятного изложения угроз, которые исходят от РФ и КНР. Планы вполне конкретного наращивания инфраструктуры и военного присутствия США / НАТО в Арктике являются ответом на мнимые угрозы, которые лишь гипотетически могут возникнуть от РФ и КНР. По всей видимости, внутри министерства обороны и экспертно-аналитического сообщества США пока не достигнут консенсус по содержанию военной политики США в Арктике. Во многом это объясняется нежеланием втягиваться в военную эскалацию с Россией и пониманием недостаточности ресурсов для более наступательной политики США в Арктике.

³⁸ Андрей Криворотов — о новой стратегии министерства обороны США. URL: [https://porarctic.ru/ru/comments/andrey-krivorotov-o-novoy-strategii-minoborony-ssha-v-arktike-/](https://porarctic.ru/ru/comments/andrey-krivorotov-o-novoy-strategii-minoborony-ssha-v-arktike/) (дата обращения: 04.09.2024).

³⁹ Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress. CRS Report R41153. Washington: Congressional Research Service, 2024. Pp. 29–30. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R41153.pdf> (дата обращения: 18.09.2024).

США де-факто включили Арктику в зону ответственности НАТО, и официальное объявление об этом по линии самого альянса остаётся формальностью. В Арктике сухопутная граница России с НАТО увеличилась до полутора тысяч километров. Расширение альянса за счёт Швеции и Финляндии США рассматривают как шаг, укрепляющий их глобальное доминирование, и как плацдарм для сдерживания РФ и КНР в Арктике.

В перспективе 2030 г. новая стратегия нацелена на поступательное наращивание военной инфраструктуры США на Аляске и в странах Северной Европы; накопление опыта ведения операций в североамериканской и европейской частях Арктики; дальнейшее увеличение количества и длительности военных манёвров антироссийской направленности с отработкой элементов развёртывания и наступательных действий. Ключевое значение для безопасности России будет иметь то, насколько глубоко зайдёт военное сотрудничество Финляндии и США и будет ли новая военная стратегия обеспечена финансированием. При этом США попытаются переложить значительную часть военных расходов на европейские страны, особенно на «неофитов» НАТО в лице Финляндии и Швеции.

Наращивание постоянного военного присутствия и военной инфраструктуры США / НАТО в Финляндии, Швеции и Норвегии создаёт основную угрозу безопасности России. В случае реализации стратегических планов США под удар попадает не только стратегический ядерный арсенал России на Кольском полуострове, но и густонаселённые промышленные районы и предприятия военно-промышленного комплекса, расположенные не только на Северо-Западе, но и в центральных регионах России. Возрастание рисков военного конфликта в Арктике будет связано с выживанием России и потребует соответствующих мер реагирования.

Едва ли военная стратегия США в Арктике вызовет серьёзные разногласия между республиканцами и демократами после выборов президента в ноябре 2024 г., причём независимо от исхода голосований. Сдерживающим фактором будут лишь бюджетные возможности пришедшей к власти американской администрации. По большому счёту, новая военная стратегия Дж. Байдена не преодолела декларативности стратегии Д. Трампа, но гегемонистские амбиции получили своё продолжение. По всей видимости, уточнение приоритетов арктической военной стратегии США произойдёт после достижения внутривнутриполитического консенсуса в США по итогам выборов, если он вообще состоится. В противном случае между амбициозными военными планами США и реальностью сохранится значительная дистанция.

Список источников

1. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Эволюция концептуальных основ арктической стратегии США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19>
2. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111>

3. Коньшев В.Н., Парфенов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66>
4. Коньшев В.Н. Арктика на грани гибридной войны? // *Арктика и Север*. 2020. № 40. С. 165–182. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.165>
5. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Новое вино в старых мехах? Об арктической стратегии администрации Дж. Байдена // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 7. С. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-63-73>
6. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы // *Проблемы национальной стратегии*. 2012. № 3. С. 98–113.
7. Иванов О.П. Военное измерение Индо-тихоокеанской стратегии США // *Обозреватель-Observer*. 2020. № 7. С. 39–52.
8. Тодоров А.А. Россия на Северном морском пути: в погоне за двумя зайцами? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 11. С. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-11-123-130>
9. Вылегжанин А.Н., Назаров В.П., Буник И.В. Северный морской путь: к решению политико-правовых проблем // *Вестник Российской академии наук*. 2020. Т. 90. № 12. С. 1105–1118. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587320120270>
10. Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть I // *Арктика и Север*. 2020. № 40. С. 142–164. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.142>
11. Гудев П.А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть 2 // *Арктика и Север*. 2020. № 41. С. 130–147. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.130>
12. Петровский В.Е. Новый военно-политический ландшафт в Арктике: прогнозы из Китая // *Арктика и Север*. 2024. № 54. С. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.74>

References

1. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Evolution of the U.S. Arctic Strategy's Conceptual Basis. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19>
2. Konyshov V.N., Sergunin A.A. U.S. – Russia Relations in the Arctic: Cooperation or Competition? *World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111>
3. Konyshov V.N., Parfenov R.V. Hybrid Wars – Between Myth and Reality. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66>
4. Konyshov V.N. Is the Arctic on the Brink of a Hybrid War? *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 165–182. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.165>
5. Konyshov V.N., Sergunin A.A. New Wine in Old Wine Skins? On the Biden Administration's Arctic Strategy. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 7, pp. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-63-73>
6. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Barack Obama's New Military Doctrine. *National Strategy Issues*, 2012, no. 3, pp. 98–113.
7. Ivanov O.P. Military Dimension of the U.S. Indo-Pacific Strategy. *Observer*, 2020, no. 7, pp. 39–52.
8. Todorov A.A. Russia on the Northern Sea Route: Having the Cake and Eating It too. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-11-123-130>
9. Vylegzhanin A.N., Nazarov V.P., Bunik I.V. The Northern Sea Route: Solving Political and Legal Problems. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 12, pp. 1105–1118. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587320120270>

10. Gudev P.A. The Northern Sea Route: Problems of National Status Legitimization under International Law. Part I. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 142–164. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.142
11. Gudev P.A. The Northern Sea Route: Problems of National Status Legitimization under International Law. Part II. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 130–147. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.130>
12. Petrovskiy V.E. A New Military and Political Landscape in the Arctic: China Perspective. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 54, pp. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.74>

*Статья поступила в редакцию 22.09.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024;
принята к публикации 26.09.2024*

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 244–253.

Краткое сообщение

УДК [338:910:656](09)(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.244>

Северный морской путь: прошлое, настоящее, будущее. Итоги международного научного мегапроекта

Голдин Владислав Иванович^{1✉}, доктор исторических наук, профессор

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ v.i.goldin@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. Автор характеризует замысел, процесс осуществления и итоги международного научного проекта, посвящённого истории, современности и перспективам развития Северного морского пути, результатом которого стала коллективная монография, изданная в 2022 г. Раскрывается содержание и структура этого издания, указываются его участники, учёные из четырёх стран Европы. Автор рассматривает то, как в этой книге раскрываются наиболее значимые вехи исторического прошлого этой морской коммуникации, начиная с развития мореплавания в европейской части Арктики и появления идеи о возможности морского прохода между Европой и Азией из Атлантического и Тихого океана вдоль евразийского северного побережья России в начале XVI в., получившего наименование Северо-Восточного прохода. Указывается на изучение в этом издании исследовательской деятельности и поисков сквозного прохода этим водным путём из Европы в Азию на протяжении более трёх с половиной веков, освоения его различных частей и организации навигации. Характеризуется трансформация Северо-Восточного прохода в Северный морской путь и организация его постоянной эксплуатации и сквозного мореплавания в XX в. Анализируются противоречивые тенденции развития СМП в начале XXI в., а также возможные сценарии его будущего. В статье раскрывается также процесс изучения истории Северо-Восточного прохода / Северного морского пути на протяжении нескольких веков и указываются наиболее значимые исследования, опубликованные в России и за рубежом.

Ключевые слова: Северо-Восточный проход, Северный морской путь, исторический опыт освоения и развития, современность и перспективы, вызовы и риски, международный научный мегапроект

Northern Sea Route: Past, Present, and Future. Results of the International Scientific Megaproject

Vladislav I. Goldin^{1✉}, Dr. Sci. (Hist.), Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ v.i.goldin@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

* © Голдин В.И., 2024

Для цитирования: Голдин В.И. Северный морской путь: прошлое, настоящее, будущее. Итоги международного научного мегапроекта // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 244–253. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.244>

For citation: Goldin V.I. Northern Sea Route: Past, Present, and Future. Results of the International Scientific Megaproject. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 244–253. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.244>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Abstract. The author characterizes the idea, concept, implementation process and results of the international scientific project devoted to the history, modernity and prospects of the Northern Sea Route development, which resulted in a collective monograph published in 2022. The content and structure of this publication are presented, its participants, scientists from four European countries, are indicated. The author examines how this book reveals the most significant milestones of the historical past of this maritime communication, starting with the development of navigation in the European part of the Arctic and the emergence of the idea of the possibility of passage between Europe and Asia, from the Atlantic to the Pacific Ocean along the Eurasian northern coast of Russia, which was called the Northeast Passage. The research compares the results of scientific investigations and search for a through passage from Europe to Asia by this waterway, as well as exploration of its parts and organization of navigation. The author characterizes the transformation of the Northeast Passage into the Northern Sea Route and the organization of its permanent operation and through navigation in the 20th century. The article analyzes the contradictory trends in the development of the Northern Sea Route in the beginning of the 21st century, as well as possible scenarios for its future. The article also reveals the process of studying the history of the Northeast Passage/Northern Sea Route over several centuries and identifies the most significant studies published in Russia and abroad.

Keywords: *Northeast Passage, Northern Sea Route, historical experience of exploration and development, modernity and prospects, challenges and risks, international scientific megaproject*

Введение

Конец XX — начало XXI вв. характеризовались резко возросшим в мире интересом к Арктике, которая превратилась в новый регион международных отношений. Поступательное развитие этого региона предполагает решение широкого комплекса его проблем, среди которых особую роль играют коммуникации, в первую очередь ведущая из них — Северный морской путь. Высокая динамика современного развития этой морской коммуникации основана на осмыслении её исторического опыта и уроков освоения, действует правительственная программа развития Севморпути до 2035 г. История, современность и будущее Северного морского пути вызывают большой научный интерес, свидетельством чему является реализация ряда международных исследовательских программ начиная с 90-х гг. минувшего века. Целью этой статьи является анализ результатов международного научного мегапроекта, начало которому было положено в конце XX в. и воплотившемся в конечном итоге в коллективную монографию исследователей европейских стран и России, опубликованную в 2022 г.

Степень изученности

К концу XVI в. относятся первые публикации сборников документов, в которых описывались попытки англичан найти и исследовать Северо-Восточный проход (СВП) [1, 2], а несколько позднее были изданы неопубликованные рукописи составителя этих сборников английского священнослужителя Р. Хаклита. В них содержались и свидетельства англичан об активном использовании арктических морских маршрутов русскими мореходами [3].

В XVIII в. были опубликованы работы, документы и инструкции выдающегося учёного-энциклопедиста М.В. Ломоносова, доказывавшего возможность прохода Сибирским / северным Сибирским океаном в Восточную Индию [4, с. 417–506, 519–535]. Он пророчески писал в своём сочинении «Краткое описание разных путешествий по северным морям и пока-

зание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Азию»: «Таким образом, путь и надежда чужим пресечётся, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке» [4, с. 498].

В книге английского историка У. Кокса, изданной в 1780 г., рассказывалось о русских и иностранных мореплаваниях, целями которых были исследования западной и восточной частей Северо-Восточного прохода [5].

В XIX в. публиковались многочисленные описания путешественников, отчёты об экспедициях, связанных с историей освоения Северо-Восточного прохода. Среди них надо особо отметить книгу шведского мореплавателя А.Э. Норденшельда с отчётом о путешествии в 1878–1880 гг. на пароходе «Вега» вокруг Европы и Азии, когда ему впервые за две навигации удалось преодолеть Северо-Восточный проход, тем самым доказав проходимость этой морской трассы [6].

Отметим изданную в 1883 г. книгу Ф.Д. Студитского, посвящённую истории поисков, освоения и открытия русскими и иностранными экспедициями морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива, начиная с Великой Северной экспедиции (1733–1743 гг.) и кончая путешествиями А.Э. Норденшельда [7]. Заслуживает упоминания опубликованная в России в 1915 г. книга знаменитого норвежского мореплавателя и исследователя Арктики Ф. Нансена, посвящённая Великому северному пути из Европы в Сибирь [8].

В XX в. Северный морской путь интенсивно осваивался, эксплуатировался и изучался, что вылилось и в обширный круг публикаций, в т. ч. книжного формата, посвящённых истории его освоения и развития. Здесь надо в первую очередь назвать подготовленный и опубликованный в СССР четырёхтомник, посвящённый истории Северного морского пути [9], а также книги М.И. Белова [10], В.Н. Булатова [11], М.Ю. Визе [12] и др.

В XXI в. в связи с активным развитием Севморпути интенсивно исследуются различные аспекты и проблемы его деятельности в прошлом и настоящем, что воплощается в целую серию изданий книжного формата [13; 14; 15].

История освоения Северного морского пути в англо- и немецкоязычных исследованиях получила освещение в статье новосибирского историка Д. А. Ананьева [16]. Иностранные исследователи, в т. ч. в работах книжного формата, обращаются к проблемам мореплавания в Арктике, в т. ч. и по Северному морскому пути [17].

Забегая вперёд и касаясь уже коллективной монографии, изданной в 2022 г., заметим, что в её библиографии содержится примерно 900 наименований работ о Северо-Восточном проходе / Северном морском пути на разных языках, опубликованных в странах Европы, на американском континенте и в Японии.

Рождение и реализация европейского научно-издательского проекта по истории Северного морского пути

У этого проекта и опубликованной в его результате коллективной монографии было, если так можно выразиться, три старта. Началом всего, как указывается в обзоре этого науч-

но-издательского проекта, стала мурманская речь генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва 1 октября 1987 г., в которой была предложена масштабная программа трансформации Арктики из региона соперничества и конфронтации в регион сотрудничества, в том числе открытия Северного морского пути для международного судоходства. В 90-е гг. в рамках осуществлявшейся международной исследовательской программы Северного морского пути (International Northern Sea Route Programme — INSROP) одним из проектов стала подготовка и публикация четырёх рабочих докладов по истории Севморпути, подготовленных четырьмя учёными из разных стран — Й.П. Нильсеном (Норвегия), Э. Оккейзенем (Нидерланды), В.Н. Булатовым (Россия) и Т.Э. Армстронгом (Великобритания), в которых охватывался период с XVI в. до 1991 г., роспуска СССР.

В 2013 г. состоялась международная научная экспедиция по Северному морскому пути в рамках программы «Плавучий университет» Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, посвящённая 100-летию экспедиции по этому маршруту известного норвежского полярного исследователя Ф. Нансена. В рамках этой научной экспедиции 2013 г. на борту научно-исследовательского судна «Профессор Молчанов» был обсуждён широкий комплекс проблем Северного морского пути, его прошлого, настоящего и перспектив развития, и после её окончания было принято решение о формировании международного научного коллектива для подготовки коллективной монографии, посвящённой истории Севморпути.

В 2013–2014 гг. был сформирован авторский коллектив, в состав которого вошли уже упомянутые ранее профессор Й.П. Нильсен (Арктический университет Норвегии, г. Тромсё) и Э. Оккейзен, а также профессор, бывший директор Института имени Фритьофа Нансена в Осло В. Остренг (Норвегия), доктор исторических наук, профессор Арктического университета Норвегии В.В. Тевлина, являвшаяся по совместительству и профессором САФУ, кандидат исторических наук А.Е. Гончаров из Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва (Красноярск), руководитель секции картографии Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге О.А. Красникова и автор статьи.

После формирования авторского коллектива развернулась работа над проектом, его концепцией, сбор материалов в архивах и библиотеках разных стран. Заметим, что к этому времени ушли из жизни В.Н. Булатов и Т.Э. Армстронг, но при подготовке коллективной монографии были использованы опубликованные ими материалы, и они вошли в состав авторского коллектива как его полноправные участники с указанием их имен в соответствующих разделах издания. Таким образом, этот проект и опубликованная в результате него книга стали результатом работы научного коллектива в составе представителей Великобритании, Нидерландов, Норвегии и России.

В ходе работы над этим проектом прошли научные семинары членов авторского коллектива в России и Норвегии. Последний из них состоялся осенью 2017 г. в Осло. В дальнейшем книга была передана для публикации в известное международное издательство «Brill».

Основную работу по подготовке книги к печати провели её редакторы — Й.П. Нильсен и Э. Оккейзен. При подготовке издания была проведена большая работа по поиску иллюстраций, и организационно-редакторскую работу в этом направлении провели, наряду с уже упомянутыми редакторами, В.В. Тевлина и О.А. Красникова. Следует отметить, что эта книга прекрасно иллюстрирована. Научным координатором проекта выступала В.В. Тевлина. Коллективная монография вышла в свет на английском языке осенью 2022 г. [18]

Это издание открывается вступительным словом председателя Санкт-Петербургского отделения Полярной комиссии Российского географического общества, почётного полярника России В.И. Боярского. Он охарактеризовал особенности и значение этого международного научно-издательского проекта и высоко оценил содержание этой коллективной монографии.

В предисловии профессора В. Остренга, который четверть века (1978–1993) был директором Института Фритьофа Нансена в Осло, а также руководителем Объединенного научного комитета и секретариата Международной исследовательской программы Северного морского пути в 1993–1999 гг., рассказывается об инициировании и реализации этой программы, в которой принимали участие 468 исследователей и экспертов из более чем 100 учреждений 14 стран и 3 континентов. В рамках этой программы было осуществлено 104 проекта, подготовлено 167 рабочих документов и опубликовано большое количество книг и статей. Одним из результатов реализации этой программы и стал задуманный проект по истории Северного морского пути.

Во вступлении, написанном редакторами книги Э. Оккейзенем и Й.П. Нильсеном, даётся общая характеристика истории освоения Северо-Восточного прохода / Северного морского пути и процесса трансформации СВП в Севморпуть, вводятся основные используемые в книге понятия и термины, содержится краткий обзор литературы по теме, называются и раскрываются природные и климатические факторы, воздействовавшие и влияющие сегодня на эту морскую коммуникацию.

Структура основной части издания включает в себя 7 частей и 34 главы. В книге освещается более чем тысячелетняя история исследований, освоения и развития Северо-Восточного прохода / Северного морского пути до нашей современности, а также представлен взгляд на будущее этой арктической морской магистрали. В отличие от изначального замысла, о котором упоминалось ранее, эта монография охватывает период не с XVI в., а с IX столетия. Она начинается с легендарного морского путешествия норвежского викинга Оттара (Ottar, Ohthere) примерно 870–880 гг. вдоль побережья Скандинавии и Кольского полуострова в Белое море с возможным заходом в реку Северную Двину. В целом же в этой первой части книги, названной «Из северного тумана», раскрывается период раннего мореплавания в западном или европейском секторе будущего Северного морского пути до середины XVI века.

Вторая и более объёмная часть этой монографии называется «Западноевропейские поиски Северо-Восточного прохода и русская навигация в евразийской морской Арктике».

Она охватывает период с середины XVI до середины XVIII в. Сам термин «Северо-Восточный проход», как официально назывался на протяжении нескольких веков Северный морской путь, был связан с предположением о возможности прохода из Европы, из Атлантического океана в Тихий океан, северным путём вдоль арктических берегов российской Евразии в Китай и Индию. Это было обусловлено тем, что соглашениями Испании и Португалии были захвачены и поделены традиционные океанские пути из Европы через Атлантический океан в названные страны.

Четыре главы этой второй части издания посвящены соответственно: западноевропейским поискам альтернативного торгового маршрута на Восток; русскому освоению и коммерческому использованию евразийской морской Арктики; первой Камчатской экспедиции 1725–1730 гг. и Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции 1733–1743 гг. Этот период характеризовался выдающимися достижениями, которые подробно рассматриваются в книге.

Третья часть книги включает в себя пять глав и названа, кажется, парадоксально «"Негероическое освоение" евразийской морской Арктики (середина XVIII — середина XIX века)». Объясняется это в тексте книги тем, что освоение в этот период носило довольно эволюционный и прогрессивный характер в сравнении с выдающимися результатами Камчатских экспедиций в предшествующий период и с беспрецедентным мореплаванием А.Э. Норденшельда, в дальнейшем прошедшего целиком Северо-Восточный проход. Вместе с тем указывается, что менее впечатляющим и негероическим рассматриваемый период кажется только на первый взгляд, а в действительности здесь происходили важные и масштабные мероприятия, хотя имели место и вызывающие недоумение события. В это время складывались и напряжённые геополитические отношения России с западными странами на крайней восточной оконечности осваиваемого Северо-Восточного прохода, которые характеризуются в издании.

Четвёртая часть монографии, включающая в себя шесть глав, охватывает период с середины XIX в. до 1917 г. и носит название «Открытие Северного морского пути в Сибирь». Доказательство в этот период экспедицией А.Э. Норденшельда в 1878–1879 гг. возможности сквозного прохода из Европы в Азию через моря Северного Ледовитого океана вдоль евразийского арктического побережья России, а также начавшиеся коммерческие плавания и гидрографическое обследование этой морской магистрали способствовали тому, что в начале XX в. в оборот вместо термина «Северо-Восточный проход» входит и утверждается понятие «Северный морской путь».

В этой части книги рассмотрен широкий круг самых разных проблем: раннее освоение и плавания к устьям Оби и Енисея; российско-норвежские отношения от Крымской войны до Российской революции 1917 г.; навигация по Северо-Восточному проходу; охрана Северного морского пути до 1905 г.; Русско-японская война и осознание потенциальной военной и стратегической значимости СМП; Севморпуть накануне Российской революции 1917 г.

Пятая часть монографии в составе десяти глав посвящена советской эпохе развития Северного морского пути, когда произошли глубокие изменения в системе управления, исследованиях, дальнейшем освоении и развитии этой морской арктической магистрали, развёртывании и обустройстве её инфраструктуры. В книге особо выделены и охарактеризованы такие периоды в развитии Севморпути, как 1917 — начало 20-х гг.; последующие десятилетия межвоенного периода; годы Великой Отечественной войны; послевоенный период, в рамках которого выделены 1945 — середина 50-х гг., середина 50-х — 60-е гг., а время с 1970-х до 1991 г. названо «возвращением к дням славы».

Все эти сложные и многогранные процессы развития Северного морского пути с особенностями освоения и эксплуатации западного и восточного секторов Севморпути были теснейшим образом связаны с развернувшимися широкомасштабными и сложными процессами развития советской Арктики в целом. Речь идёт о формировании экономической инфраструктуры и социальных преобразованиях, о развитии советской полярной науки, а также об укреплении обороноспособности этого огромного, сложного и протяжённого региона России и охране его морской коммуникации с учётом опыта и исторических уроков Первой и Второй мировых войн, периода Холодной войны и др.

В шестой части монографии получил освещение крайне противоречивый постсоветский период истории Северного морского пути. С одной стороны, в 90-е гг. возникла возможность использования его как международной транспортной магистрали, и был открыт доступ для плавания иностранных судов при условии соответствия требованиям, предъявляемым Администрацией Севморпути. Но, с другой стороны, — распад СССР и ломка прежней системы управления и экономических отношений привели к резкому сокращению грузоперевозок, разрушению инфраструктуры и поставили под угрозу само функционирование Северного морского пути.

В рамках трёх выделенных этапов: 1) 1990-е — начало 2000-х гг.; 2) 2008/2009 – 2013 гг.; и 3) 2014 — начало 2020-х гг. характеризуются процессы развития Севморпути и его правового регулирования, формирования его новой системы управления, рассматриваются динамика роста грузоперевозок и проблемы транзита, надежды и нарастающие сложности и вызовы, которые предстояло преодолевать. Они были связаны с широким кругом вопросов: международные отношения и геополитика; поиск оптимальной системы управления; экономика; инфраструктура; логистика и др.

В заключительной седьмой части монографии под названием «Прошлое и настоящее в формировании будущего Северного морского пути и Северо-Восточного прохода» обобщается и осмысливается накопленный исторический опыт, характеризуются, с одной стороны, проблемы и препятствия развитию этой морской магистрали, а с другой стороны — постоянные и меняющиеся драйверы, воздействующие на её использование, и исходя из этого предпринимаются попытки прогнозирования будущего Севморпути. В связи с этим заметим, что это издание, объективно говоря, выходит за пределы чисто исторического повествова-

ния, но характеризует и основные проблемы современности и анализирует перспективы развития Северного морского пути.

Но в связи с этим, уже выходя за хронологические рамки этой книги, завершаемой событиями самого начала 20-х гг., следует отметить, что если уже с 2014 г. западные санкции оказывали тормозящее воздействие на развитие Северного морского пути, международный транзит по этой магистрали, то осуществление Россией специальной военной операции и серия новых западных санкций, обрушившихся на Россию, в том числе на предприятия, работающие в российской Арктике, и на саму эту морскую коммуникацию, потребовали кардинальных перемен в функционировании Севморпути, в частности, перенаправления потока грузов с европейского на азиатское направление и решения нового и широкого круга сложных проблем.

Возвращаясь же к содержанию и структуре характеризуемой книги, заметим, что в её завершающей части опубликована информация об истории этого научно-издательского проекта, а также 26 страниц библиографии, перечни употребляемых географических названий и персоналий.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что это был успешный международный научный и научно-издательский проект, а осуществлённое издание будет полезно не только для историков, но и для специалистов, работающих в самых разных отраслях знаний, докторантов, аспирантов, студентов и просто людей, интересующих прошлым, настоящим и будущим Арктики. Кроме того, хотелось бы высказать пожелание, чтобы наработанные научные контакты не прерывались, а накопленный опыт совместной международной научно-исследовательской деятельности учёных из разных стран использовался бы и в дальнейшем, несмотря на современную политическую конфронтацию. В таком случае совместное научное творчество и научная дипломатия могли бы способствовать разрядке в международных отношениях.

Список источников

1. Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation. In 2 vol. London, G. Bishop, R. Newberie, R. Barker Publ., 1598.
2. Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. In 3 vols. London, G. Bishop, R. Newberie, R. Barker Publ., 1598–1600.
3. Pyrchus S. Hakluytus Posthumus or Pyrchas His Piligrimes, Containing a History of the World, in Sea Voyages, and Land-Travels, by Englishmen and Others. London, J. Maclehose Publ., 1625.
4. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук, 1952. 699 с.
5. Coxe W. Account of the Russian Discoveries between Asia and America. To which are added the conquest of Siberia, and the history of the transactions and commerce between Russia and China. London, 1780. 410 p.
6. Норденшельд А.Е. Путешествие А.Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 гг. Санкт-Петербург: Издательство И.И. Валлениуса, 1881. 517 с.

7. Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. Санкт-Петербург: Типография уделов, 1883. 644 с.
8. Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Петроград: издание К.И. Ксидо, 1915. 454 с.
9. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. Москва; Ленинград, 1956–1969.
10. Белов М.И. Путь через Ледовитый океан: очерки из истории открытия и освоения Северного морского пути. Москва: Морской транспорт, 1963. 237 с.
11. Булатов В.Н. КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917 — 1980). Москва: Изд-во МГУ, 1989. 156 с.
12. Визе В.Ю. Моря Российской Арктики. Очерки по истории исследования. В 2 т. Москва: Paulsen, 2016.
13. Селин В.С., Истомин А.А. Экономика Северного морского пути: исторические тенденции, современная ситуация, перспективы. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2003. 201 с.
14. Проблемы Северного морского пути. Москва: Наука, 2006. 581 с.
15. Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 336 с.
16. Ананьев Д.А. История освоения Северного морского пути в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.3.5>
17. Ostreng W., Eger K.M., Fløistad B., Jørgensen-Dahl A., Lothe L., Mejlænder-Larsen M., Wergeland T. Shipping in Arctic Waters: A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages. Springer Science & Business Media, 2013. 414 p.
18. From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia / Ed. by J.P. Nielsen, E. Okhuizen. Leiden; Boston, Brill, 2022. 544 p.

References

1. Hakluit R. *The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation*. In 2 Vols. London, G. Bishop, R. Newberie, R. Barker Publ., 1598.
2. Hakluit R. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*. In 3 Vols. London, G. Bishop, R. Newberie, R. Barker Publ., 1598–1600.
3. Pyrchus S. *Hakluytus Posthumus or Pyrchas His Piligrimes, Containing a History of the World, in Sea Voyages, and Land-Travels, by Englishmen and Others*. London, J. Maclehose Publ., 1625.
4. Lomonosov M.V. *Complete Works*. Vol. 6. Moscow, Leningrad, Akademia nauk Publ., 1952, 699 p. (In Russ.)
5. Coxe W. *Account of the Russian Discoveries between Asia and America. To Which are Added the Conquest of Siberia, and the History of the Transactions and Commerce between Russia and China*. London, 1780, 410 p.
6. Nordensheld A.E. *The Journey of A.E. Nordensheld around Europe and Asia on the Steamer Vega in 1878-1880*. Saint Petersburg, I.I. Vallenius Publ., 1881, 517 p. (In Russ.)
7. Studitskiy F.D. *The History of the Discovery of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and to the Bering Strait*. Saint Petersburg, Tipografiya udelov Publ., 1883, 644 p. (In Russ.)
8. Nansen F. *To the Land of the Future: The Great Northern Route from Europe to Siberia through the Kara Sea*. Petrograd, K.I. Ksido Publ., 1915, 454 p. (In Russ.)
9. *The History of the Discovery and Development of the Northern Sea Route*. In 4 Volumes. Moscow, Leningrad, 1956–1969. (In Russ.)
10. Belov M.I. *Way through the Arctic Ocean: Essays from the History of Opening and Development of the Northern Sea Route*. Moscow, Morskoy transport Publ., 1963, 237 p. (In Russ.)
11. Bulatov V.N. *CPSU – Organiser of the Arctic and Northern Sea Route Development (1917 - 1980)*. Moscow, MSU Publ., 1989, 156 p. (In Russ.)
12. Vize V.Yu. *Seas of the Russian Arctic. Essays on the History of Research*. In 2 Vol. Moscow, Paulsen Publ., 2016. (In Russ.)

13. Selin V.S., Istomin A.A. *Economics of the Northern Sea Route: Historical Trends, Current Situation, Prospects*. Apatity, KSC RAS Publ., 2003, 201 p. (In Russ.)
14. *Problems of the Northern Sea Route*. Moscow, Nauka Publ., 2006, 581 p. (In Russ.)
15. *Factor Analysis and Forecast of Cargo Flows of the Northern Sea Route*. Apatity, KSC RAS Publ., 2015, 336 p. (In Russ.)
16. Anan'ev D.A. The History of the Development of the Northern Sea Route as Presented in English- and German-Language Historiography. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2018, no. 3, pp. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.3.5>
17. Ostreng W., Eger K.M., Fløistad B., Jørgensen-Dahl A., Lothe L., Mejlænder-Larsen M., Wergeland T. *Shipping in Arctic Waters: A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages*. Springer Science & Business Media, 2013, 414 p.
18. Nielsen J.P., Okhuizen E., eds. *From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia*. Leiden; Boston, Brill, 2022, 544 p.

Статья поступила в редакцию 24.05.2024; принята к публикации 27.05.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 254–266.

Краткое сообщение

УДК 339.92(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.254>

Арктические сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024)

Журавель Валерий Петрович^{1✉}, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник

¹ Институт Европы РАН, ул. Моховая, 11, стр. 3, Москва, Россия

¹ zhvalery@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1786-6754>

Аннотация. В статье подводятся общие итоги XXVII Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024, Форум), который состоялся в Санкт-Петербурге с 5 по 8 июня 2024 г. Автор принимал участие в заседании двух основных арктических сессий, которые были посвящены Северному морскому пути и международным аспектам развития Арктики, взаимодействовал с практическими работниками федеральных и региональных министерств, транспортных компаний. Анализ этих сессий посвящена данная статья.

Ключевые слова: Россия, Арктика, Фонд «Росконгресс», международное сотрудничество, азиатские страны, Северный морской путь

Arctic Sessions of the St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF-2024)

Valery P. Zhuravel^{1✉}, Cand. Sci. (Pedag.), Associate Professor, Leading Researcher

¹ Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, ul. Mokhovaya, 11-3, Moscow, Russia

¹ zhvalery@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1786-6754>

Abstract. The article summarizes the general results of the 27th St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF-2024, Forum), which took place in St. Petersburg from 5 to 8 June 2024. The author participated in two main Arctic sessions, which were devoted to the Northern Sea Route and international aspects of Arctic development, interacted with practitioners from federal and regional ministries and transport companies. This article is devoted to analysing these sessions.

Keywords: Russia, Arctic, Roscongress Foundation, international cooperation, Asian countries, Northern Sea Route

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР No FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

* © Журавель В.П., 2024

Для цитирования: Журавель В.П. Арктические сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024) // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 254–266. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.254>

For citation: Zhuravel V.P. Arctic Sessions of the St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF-2024). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 254–266. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.254>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Введение

Главным мероприятием XXVII Петербургского международного экономического форума стало пленарное заседание, на котором выступил Президент России В.В. Путин. В своей речи и ответах на многочисленные вопросы глава государства дал глубокий анализ международной обстановки, развития российской экономики, осветил проблемы, в том числе касающиеся урегулирования украинского кризиса. Из того, что касается непосредственно Арктики: президент сообщил о формировании в Госсовете РФ комиссии по развитию арктических регионов России и Северного морского пути (СМП). Он отметил «Востребованной глобальной артерией становится Северный морской путь. В прошлом году по нему прошло 36 миллионов тонн грузов, а в перспективе перевозки могут превысить 150 миллионов тонн. Для этого мы продолжим развивать инфраструктуру Севморпути, строить транспортные подходы к арктическим портам. Особая роль в этой работе отводится руководителям наших северных субъектов Федерации. В этой связи сформируем в рамках Госсовета комиссию по развитию арктических регионов и Северного морского пути»¹.

По информации Советника президента РФ, ответственного секретаря Организационного комитета ПМЭФ А.А. Кобякова, в мероприятиях форума приняли участие 21,3 тысячи делегатов и гостей из 139 стран мира, 3,5 тыс. российских и иностранных компаний. На форум приехали зарубежные делегации из 95 стран, в том числе 63 главы дипломатических корпусов и 48 министров. За четыре дня на площадке форума было подписано 982 соглашения на общую сумму 6,43 триллиона рублей без учёта договорённостей, представляющий собой коммерческую тайну². ПМЭФ-2024 проходил под лозунгом «Основа многополярности — формирование новых центров роста».

Основные итоги работы предыдущих форумов по арктическим вопросам в прямой постановке были рассмотрены в журнале «Арктика и Север» в статьях В.П. Журавеля [1; 2] и Д.С. Тимошенко [3]. Следует отметить, что в 2022–2023 гг. вопросы Арктики обсуждались на многочисленных мероприятиях деловой программы «Арктика — территория диалога», организатором которых выступило Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. Во многом это было связано с тем, что Россия председательствовала в Арктическом совете. В 2024 г. на Форуме арктическая тематика в плане количества мероприятий была представлена скромно. Конкретно рассматривались вопросы Северного морского пути и международные проблемы развития Арктики. Их анализу посвящена данная статья.

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании XXVII Петербургского международного экономического форума. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74234> (дата обращения: 20.06.2024).

² На ПМЭФ-2024 заключили соглашения на 6,43 трлн рублей. 08.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/08/reg-szfo/v-pmef-2024-priniali-uchastie-213-tysiachi-chelovek-iz-139-stran-mira.html> (дата обращения: 20.06.2024).

Северный морской путь: расширяя арктические горизонты

Особое внимание на всех Петербургских международных экономических форумах уделялось Северному морскому пути. 6 июня 2024 г. на сессии «Северный морской путь: расширяя арктические горизонты» основное внимание было уделено средне- и долгосрочным перспективам Севморпути и их влиянию на развитие российских арктических регионов. Открывая сессию, её модератор Михаил Баженов, партнёр и руководитель практики инфраструктурного и проектного финансирования «Технологии доверия», предложил участникам оценить значимость СМП в качестве международного транспортного коридора альтернативного маршрута через Суэцкий канал.

Интерес участников мероприятия вызвало выступление Советника Президента Российской Федерации, специального представителя Президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в сфере транспорта И.Е. Левитина, который обозначил необходимость и принципы формирования на базе СМП международного транспортного коридора и усиления его железнодорожной составляющей. По этому вопросу он высказался так: «Перспектива у этого транспортного коридора очень серьёзная. Проблема у нас такая, что железнодорожные выходы только в Мурманске, Архангельске и Владивостоке. Нам нужен выход на Северный морской путь где-то в районе Урала или Сибири. Минимум один или два [дополнительных] железнодорожных выхода на Севморпуть, тогда он будет конкурентным»³. Обосновывая данный тезис, он обратил внимание на необходимость увеличения по данному маршруту контейнерных перевозок. При этом он отметил, что «объём между Азией и Европой очень значительный, а Транссибирская магистраль, Восточный полигон не смогут обеспечить эти объёмы, идти через Южную Африку тоже невыгодно. Без СМП мировой логистики, в том или ином её виде, не будет. От России ждут прорывных технологий в развитии этого международного транспортного коридора»⁴. Данная постановка вопроса является, на наш взгляд, принципиально важной, она предполагает если не изменение подхода по дальнейшему развитию Севморпути на ближайшую перспективу, то её значительную корректировку за счёт усиления в его интересах материковой части РФ.

Министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики А.О. Чекунков отметил, что активное развитие Северного морского пути возможно только с комплексным развитием арктических регионов России. «СМП не случится без жителей Крайнего Севера. Этот маршрут невозможен без создания для всех жителей комфортных условий проживания и работы. В российской Арктике живёт 2,5 млн человек»⁵. Он не стал обосновывать это утверждение, но речь идёт о недавно выдвинутой министерством идее по созданию 16 агломераций в АЗРФ. В данном направлении министерством и регионами проводится значительная организатор-

³ Эксперт: конкурентоспособность СМП могут повысить два ж/д выхода к нему на Урале и Сибири. 06.06.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21014357?ysclid=ly8i7sgh6d417909712> (дата обращения: 20.06.2024).

⁴ Там же.

⁵ Эксперт: конкурентоспособность СМП могут повысить два ж/д выхода к нему на Урале и Сибири. 06.06.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21014357?ysclid=ly8i7sgh6d417909712> (дата обращения: 20.06.2024).

ская и аналитическая работа по подготовке мастер-планов опорных населённых пунктов. Часть из них первично презентовалась в ходе работы ПМЭФ-2024. А.О. Чекунков отметил, что министерство формирует реестр лучших отечественных и мировых практик работы на севере, чтобы создать международный стандарт. Заявления министра о лучших практиках вызвало значительный интерес участников форума, но потом выяснилось, что это является перспективой в деятельности ведомства. Говоря о росте грузопотока по Севморпути, он отметил, что перевезённые в 2023 г. «36,2 млн тонн — это рекорд, о котором недавно ещё страшно было подумать», ведь 2012 г. грузооборот составлял 1 млн т. Для того чтобы нарастить объёмы, необходимо возить грузы внутри России по СМП». Эту задачу частично решают субсидированные каботажные рейсы. До последнего времени для этого привлекался атомный лихтеровоз «Севморпуть», сейчас на конкурсной основе на эти цели привлекаются другие суда. В 2022 г. состоялось 8 судозаходов, в 2023 г. — 16, в этом 2024 г., со слов А.О. Чекунова, запланировано 18. Всё это делается для того, «чтобы «раскатать» маршрут. Показать грузоотправителям, что СМП — это не страшно. Это — предсказуемо и, что важно, по стоимости как железная дорога»⁶. Как всегда, в выступлениях министра было много цифр, он отметил «в следующие 11 лет провоз по СМП достигнет 1,8 млрд т грузов общей стоимостью 111 трлн руб. Также это 20 трлн руб. налоговых поступлений»⁷.

Спецпредставитель госкорпорации «Росатом» по вопросам развития Арктики В.А. Панов пытался обосновать угрозы мировой морской логистики. Это пиратство у берегов Африки, инцидент в Суэцком канале с контейнеровозом Evergreen, недавнее обмеление Панамского канала и военный конфликт в Красном море, события на Украине. По его мнению, это «чёрные лебеди», которые влияют на направления грузопотоков и формирование новых торговых связей. Суэцкий канал за последний отчётный год, до событий в Красном море, достиг рекорда с точки зрения объёма перевозок — 1,5 млрд т. Огромная цифра! Но после событий в Красном море отмечается падение грузопотока на две трети. В то же время судоходство вокруг Африки выросло примерно на 75%. Самые дорогие контейнерные грузы идут в обход Африки, туда же пошли все СПГ-танкеры, в том числе российские. Это дорого, долго, но безопасно. Потеря дорогостоящего танкера может обойтись намного дороже⁸. По словам В.А. Панова, на сегодняшний день морские перевозки по СМП ограничены периодом летне-осенней незамерзающей навигации. Для перехода на круглогодичные перевозки необходимо строить арктические контейнеровозы ледового класса Arc7⁹. Он отметил, что в акватории в настоящее время работает 10 ледоколов, из них 7 — атомных, ещё пять атомных ледоколов строятся. В стадии подготовки к контрактации находятся ещё

⁶ ПМЭФ-2024: Без СМП нет мировой логистики. 06.06.2024. URL: <https://www.rzd-partner.ru/water-transport/comments/pmef-2024-bez-smp-net-mirovoy-logistiki/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁷ На ПМЭФ-2024 раскатали маршрут Севморпути. 07.06.2024. URL: https://www.prometall.info/ludi/menedgeri/na_pmef_2024_raskatali_marshrut_sevmorputi (дата обращения: 20.06.2024).

⁸ Там же.

⁹ «Росатом» будет развивать проект СМП. 07.06.2024. URL: <https://regnum.ru/news/3893971> (дата обращения: 20.06.2024).

четыре неатомных ледокола, мощностью не менее 40 мегаватт. И мы планируем их заказать уже в этом году¹⁰. Также в своём выступлении он отметил, что в 2024 г. ожидается рекордный транзитный грузопоток по СМП до трёх млн т, а кроме того — очередной рекорд по грузопотоку на СМП. Речь идёт о 40 млн т. Данную цифру он назвал позднее, 8 августа 2024 г., выступая на пленарной сессии форума «Арктика — регионы», который состоялся в Архангельске. В своём выступлении на форуме он анонсировал на октябрь 2024 г. первое заседание российско-китайской подкомиссии по развитию Северного морского пути. На форуме российской и китайской сторонами было подписано соглашение о намерениях по организации круглогодичной контейнерной линии между Россией и Китаем с использованием акватории Северного морского пути. Следует отметить, что китайская компания в 2023 г. впервые вышла на Севморпуть и осуществила 7 рейсов между портами Китая и России, в 2024 г. она планирует выполнить 12 рейсов.

Статс-секретарь — заместитель министра промышленности и торговли Российской Федерации В.Л. Евтухов в свою очередь заметил, что для реализации потенциала СМП нужен крупнотоннажный флот ледового класса, способный обеспечить круглогодичную перевозку грузов. Согласно планам министерства, до 2035 г. на СМП будут работать 14 ледоколов. На конец 2029 г. — начало 2030 г. назначено завершение строительства на судостроительном комплексе «Звезда» ультрасовременного ледокола «Лидер». Судно этого класса сможет справиться со льдами в море Лаптевых, которые не поддаются даже 60-мегаваттным ледоколам. По планам министерства до 2026 г. планируется построить 15 аварийно-спасательных судов, а в целом их будет 40 единиц [4, Алексушин Г.В.]. На заводе «Волга» начато строительство первого из трёх гидрографических судов для СМП. В своём выступлении он отметил, что ключевой задачей является строительство отечественных газовозов под перевозку сжиженного природного газа, оснащённых российским и китайским оборудованием. Как считает В.Л. Евтухов, ещё одним вызовом российским корабелостроителям является необходимость создания своего малооборотного двигателя мощностью более 8 МВт для больших судов. Он отметил, что такие агрегаты производятся за рубежом на трёх заводах: Vartsila, Man и по лицензии в Китае, в России за этот проект готовы взяться на волгоградском заводе «Красный Октябрь». Он проинформировал, что среди судостроителей прорабатывается идея развивать строительство больших судов на турбинных установках, такой потенциал у РФ есть. Он сообщил, что до последнего времени верфь работала в технологическом партнёрстве с коллегами из Республики Корея, которые в одностороннем порядке, нарушив условия, вышли из проекта.

Конструктивно выступили иностранные участники. Султан Ахмед Бин Сулайем — председатель Правления и главный исполнительный директор компании DP World, ведущий бизнесмен Объединённых Арабских Эмиратов откровенно отметил, что на трассе СМП пока нет регулярного и качественного сервиса, т. е. рано говорить о Севморпути как об альтернативном маршруте, но,

¹⁰ Рекордные пробки, СМП, РЖД и БРИКС. Первый день ПМЭФ-2024 в специальном репортаже Vgudok с полях форума. 07.06.2024. URL: <https://vgudok.com/lenta/rekordnye-probki-smp-rzhd-i-briks-pervyy-den-pmef-2024-v-specialnom-reportazhe-vgudok-s-poley> (дата обращения: 20.06.2024).

по мнению докладчика, их станет меньше, когда во Владивостоке и в Мурманске построят логистические хабы. Он отметил, что из-за геополитики цепочки поставок меняются, грузоотправители теперь не смотрят на стоимость транспортировки, их теперь интересуют сроки доставки или даже сама возможность доставки груза. Ранее в 2023 г., выступая на ПМЭФ-2023 на сессии «Северный морской путь: новые вызовы», он отметил, что за последние 60 лет так и не появилось новых маршрутов, за исключением Северного морского пути¹¹.

Генеральный директор Китайской транспортно-экспедиционной компании Кэ Цзинь с удовлетворением сообщил, что в 2023 г. его компания выполнила первые восемь контейнерных рейсов из Китая в Санкт-Петербург, Калининград и Архангельск, особенно выделив перевозки между Китаем и Россией через порт Архангельска, что позволяет сократить транзитный срок доставки грузов за период навигации. По его мнению, Архангельск имеет идеальное (близкое) расположение от Москвы (всего 1,1 тыс. км) для перевалки импортных грузов из Китая [5, Зайков К.С., Спиридонов А.А., Фадеев А.М.].

Губернатор Мурманской области А.В. Чибис отметил, что Северный морской путь — мощная точка роста для Мурманской области [6, Журавель В.П.]. Он подчеркнул: «Мурманск — базовый порт СМП. Грузооборот по итогам 2023 г. составил 58 млн тонн. Рост почти на 3% к предыдущему году. Порт Мурманск является глубоководным и незамерзающим, входит в пятёрку крупнейших в России. Мы работаем вместе с правительством России и компаниями над задачей, поставленной Президентом РФ В.В. Путиным, по увеличению мощности мурманского порта до 110 млн т в год»¹². Он также подчеркнул, что «одним из ключевых проектов области является Мурманский транспортный узел, который включает в себя строительство порта и почти 50 км железнодорожной ветки. Порт Лавна — первый новый порт в Мурманской области со времён Советского Союза, который будет работать на западном берегу Кольского залива, куда и пошла новая железная дорога. Это 18 млн т, мы планируем, что он заработает уже в текущем году»¹³. Он также с удовлетворением рассказал участникам форума о создании в пос. Белокаменка Центра строительства крупнотоннажных морских сооружений, который не имеет аналогов в мире и является ключевым объектом для создаваемой в России отрасли по производству СПГ-оборудования. В настоящее время успешно завершено строительство первой линии сжижения для проекта «Арктик СПГ-2», ведутся работы созданию второй линии. Данный проект реализует ПАО «НОВАТЭК».

Губернатор Архангельской области А.В. Цыбульский, продолжая дискуссию, отметил: «Важно, чтобы к выполнению новых масштабных задач была готова и береговая инфраструктура — важнейшая часть в общей системе СМП». Далее он перечислил преимущества Архангельского транспортного узла: круглогодичная навигация (с ледокольной проводкой) с выходом в Мировой

¹¹ Бизнес ОАЭ выразил интерес к использованию Севморпути. 15.06.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/15/oe/?ysclid=lyag1krde3953645055> (дата обращения: 25.06.2023).

¹² Андрей Чибис на ПМЭФ: «Мурманск может стать главным контейнерным хабом в Арктике при обеспечении соответствующей инфраструктуры». 06.06.2024. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/523098/?ysclid=m0p8yvg05y779388794> (дата обращения: 20.06.2024).

¹³ Там же.

океан без пересечения территориальных вод других государств; современная система «цифрового порта», делающая реальным получение детальных данных и их обработку в режиме реального времени; готовность к двукратному увеличению объёмов перевалки грузов уже сегодня; регулярное транспортное сообщение с другими регионами — ж/д и автодорогам; наличие компетенций в судостроении и судоремонте; полноценная база по подготовке кадров для отрасли¹⁴. Следует отметить, что в сентябре 2023 г. был утверждён Комплексный план по развитию Архангельского транспортного узла на период до 2035 года¹⁵. План предусматривает обустройство глубоководного района, расширение судоходных путей на реках Двине и Печоре и водных подходов к предприятиям, железных и автомобильных дорог, обновление и создание новых научных центров и профессиональных учебных заведений. Предусмотрено также строительство на архипелаге Новая Земля морского терминала по отгрузке свинцово-цинкового концентрата. Ввод в эксплуатацию нового терминала и глубоководного района морского порта Архангельск намечен на 2031 г. Планируется, что ориентировочная мощность нового терминала к 2040 г. составит 25 млн т в год.

Своё выступление Губернатор Чукотки В.Г. Кузнецов начал с того, что отметил, что Северный морской путь является одним из важнейших элементов экономики Чукотского автономного округа. Для нужд округа по СМП доставляется более 80% всех грузов¹⁶. Он также подчеркнул, что правительство региона совместно с госкорпорацией «Росатом» и Минвостокразвития РФ ведёт работу по запуску с 2025 г. единого морского оператора северного завоза¹⁷ в рамках пилотного проекта на базе Чукотского автономного округа. На форуме это предложение было закреплено в трёхстороннем соглашении, реализация которого должна способствовать улучшению транспортировки грузов в округ. Чукотка выбрана, потому что она на 100 процентов обеспечивается северным завозом. Туда доставить грузы можно только по воздуху, либо морским путём. Лучше это делать морем.

Директор Департамента образовательной и научно-технической деятельности МЧС России А.И. Бондар сообщил, что 4 июня 2024 г. в самом северном городе России, Певеке (Чукотский автономный округ), открылся арктический комплексный аварийно-спасательный центр. Он отметил, что впервые здесь совместно размещены спасательное подразделение МЧС, сотрудники Федерального медико-биологического агентства и ФГБУ «Морспасслужба», что значительно уменьшает финансирование проекта, повышает оперативность, слаженность действий сотрудников при ЧС. В центре будут работать 50 специалистов, оснащённых современными аварийно-

¹⁴ Сегодня на ПМЭФ-2024 — «Арктический день» и дискуссия на тему «Северный морской путь: расширяя арктические горизонты». 06.06.2024. URL: <https://goarctic.ru/news/segodnya-na-pmef-2024-arkticheskiy-den-i-diskussiya-na-temu-severnoy-morskoj-put-rasshiryaya-arktich/> (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 22 сентября 2023 г. № 2555-р. 22.10.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310020003?ysclid=loykmyr8e9578950869> (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁶ Делегация Чукотки участвует в Петербургском экономическом форуме. 07.06.2024. URL: <https://chaogov.ru/press-tsentr/novosti-chao/delegatsiya-chukotki-uchastvuet-v-peterburgskom-ekonomicheskom-forume/?ysclid=m4b3aythxt177133976> (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁷ Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040016?ysclid=ll1356qrls698740393&index=1> (дата обращения: 24.08.2023).

спасательными машинами, вездеходами, аэролодками и катерами. В дальнейшем ведомство планирует создать аналогичные центры в других населённых пунктах Северного морского пути: Сабетте, Диксоне и Тикси [7, Шеншин В.М., Назарова И.С., Уткин Н.И.].

Ректор МГТУ им. Баумана М.В. Гордин в своём выступлении обратил внимание на важность подготовки инженерных кадров для отечественной промышленности, на стимулирование мотивации молодёжи к получению профессии инженера. В связи с этим крайне важно переформатировать основные подходы к подготовке кадров, чтобы соответствовать современным вызовам, добиваться технологического суверенитета, в т. ч. в арктических технологиях. В этом плане знаковым событием явилось подписание им и ректором Дальневосточного государственного университета путей сообщения В.В. Буровцевым соглашения о научно-образовательном сотрудничестве.

По итогам сессии можно констатировать постоянное возрастание интереса к СМП. В отличие от дружественных стран, недружественные государства пытаются тормозить развитие его инфраструктуры, ограничивают его логистические возможности. Лучше развивается и эксплуатируется западная часть Севморпути.

Международные проблемы Арктики

На следующий день состоялась сессия «Арктический план. Международный аспект». На ней выступили представители Китая, Японии, Норвегии. Российская сторона была представлена должностными лицами Минвостокразвития РФ, Архангельской области, госкорпорации «Росатом», ООО «ГДК Баимская» (Чукотский автономный округ), ВЭБ.РФ и Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом Росгидромета.

В содержательном плане она была продолжением разговора по проблемам Северного морского пути, развития и освоения Арктики, с акцентом на некоторые международные проблемы Арктики [8, Марченков М.Л.; 9, Палилов Д.Е.].

Чекунков А.О., Министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, отметил важность Арктики для развития мировой экономики. Арктика — это «минерально-сырьевые ресурсы — удобрения, никель, кобальт, платина, медь; углеводороды — нефть, газ; целлюлозно-бумажное производство и продукция лесопромышленного комплекса, алмазы. А ещё судостроение»¹⁸, а также обозначил рост объёма перевозок по Севморпути: «Динамика развития СМП для всех очевидна: рост за 12 лет — 36 раз, с 1 млн тонн до 36 млн тонн. Планы, уже проинвестированные компаниями по производству товаров, которые нужно будет вывести по СМП, — 2 млрд тонн за следующие 12 лет. Это целый пласт экономики, который стоит более 100 триллионов рублей в сегодняшних ценах, которые только налоговых поступ-

¹⁸ ПМЭФ: «Арктический план», выступление президента, создание новой комиссии по развитию Арктики и Северного морского пути. 08.06.2024. URL: <https://goarctic.ru/news/pmef-arkticheskiy-plan-vystuplenie-prezidenta-sozdanie-novoy-komissii-po-razvitiyu-arktiki-i-severno/> (дата обращения: 20.06.2024).

лений в России должны обеспечить 20 триллионов рублей»¹⁹. Эти цифры впечатляют, но требуют значительных усилий государства, арктических регионов, коммерческих структур, финансовых ресурсов и непосредственной работы северян.

Панов В.А., специальный представитель госкорпорации «Росатом» по вопросам развития Арктики, обратил внимание на комплексный характер развития Арктического региона: «Арктика будет развиваться через экосистему, которая будет состоять из четырёх равновесных элементов. Первый — это, конечно, минерально-сырьевая база. Второй — это энергетика, третий — это логистика, или транспорт, и четвёртый — это международное сотрудничество, потому что у нас практически все проекты в Арктике так или иначе ориентированы на экспорт»²⁰. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, является попыткой обосновать научный характер работы в Арктике, хотя в действительности эти процессы в большей степени самостоятельны, и непонятно, причём здесь «экосистема». Хотя согласен с экспертом, что в Арктическом регионе возрастает важность экологических проблем.

Цыбульский А.В., губернатор Архангельской области, отметил, что все задачи, связанные с освоением Арктики и развитием СМП, должны решаться опережающими темпами²¹. С данной мыслью согласились все выступающие.

М. Хомич, главный управляющий директор, главный стратег ВЭБ.РФ, директор по специальным проектам Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов, указал, что Правительством России поставлены очень амбициозные задачи, связанные с освоением Арктической зоны, и их невозможно решить без международного сотрудничества.

Фотин Г.В., генеральный директор горнодобывающей компании «ГДК Баимская», отметил, что Баимский проект не только укрепит позиции России на международном рынке, но и кардинально преобразит жизнь в восточных арктических территориях страны. Компании принадлежит лицензия на добычу металлов в пределах Баимской площади, включающей месторождение медно-порофировых руд Песчанка в Чукотском автономном округе. Переработка руды, производство меди и золота потребуют значительных объёмов электроэнергии.

Обсуждению мировой климатической повестки посвятил своё выступление директор Арктического и антарктического научно-исследовательского института А.С. Макаров, который обратил внимание на важность научных исследований в регионе [9, Савинова В.А.].

Госпожа Фан Юсинь, председатель китайской логистической компании NewNew Shipping Line указала, что освоение Арктики — это миссия эпохи. При этом Северный морской путь и

¹⁹ Текущие темпы развития Севморпути соответствуют плановым показателям — эксперты. 10.06.2024. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/tekuschie_tempy_razvitiya_sevmorputi_sootvetstvuyut_planovym_pokazatelyam_-_eksperty.html?ysclid=m0ma8l6qr7764095867 (дата обращения: 20.06.2024).

²⁰ В Росатоме заявили, что экосистема из четырех элементов станет основой развития Арктики. 07.06.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21044807> (дата обращения: 20.06.2024).

²¹ ПМЭФ: «Арктический план», выступление президента, создание новой комиссии по развитию Арктики и Северного морского пути. 08.06.2024. URL: <https://goarctic.ru/news/pmef-arkticheskiy-plan-vystuplenie-prezidenta-sozdanie-novo-y-komissii-po-razvitiyu-arktiki-i-severno/> (дата обращения: 20.06.2024).

освоенный маршрут Архангельск — Шанхай, она назвала «Арктическим экспрессом № 1». По её мнению, Северный морской путь создаёт благо и благосостояние всему миру.

Хиде Сакагуч, президент Научно-исследовательского института океанической политики Японии, исполнительный директор Фонда мира Сасакавы, отметила, что у Арктического региона огромный экономический потенциал благодаря полезным ископаемым, стратегическому расположению и туристическим возможностям. По её оценке, в российской Арктике расположены значительные запасы водорода, и технологии по их использованию могут оказать значительный эффект на региональную и мировую экономику.

Мадс Квист Фредериксен, исполнительный директор Арктического экономического совета (выступал онлайн) заявил, что председательство Норвегии в Арктическом совете набирает обороты, возобновили свою деятельность его шесть рабочих групп, более доброжелательным стало отношение к России, которая является её полноправным членом. Он отметил «у нас глобальные цели, и мы уверены, что в дальнейшем сотрудничество будет развиваться и активизироваться». С учётом проблем в деятельности Арктического совета и председательства в нём Норвегии, РФ необходимо более глубоко анализировать складывающуюся арктическую ситуацию [11, Nevskaya N.A.].

Заключение

За более чем четверть века Форум стал востребованной мировой площадкой для налаживания кооперационных связей, авторитетным и представительным мероприятием мирового уровня, которое прошло на фоне спецоперации на Украине, масштабных санкций и ухода из России значительного количества иностранных компаний.

Состоявшиеся сессии внесли свой вклад во всестороннее понимание реальной ситуации в Арктике, позволили выработать конкретные шаги и эффективные решения по выполнению поставленных руководством России задач по обеспечению сбалансированного устойчивого развития Арктического региона. У руководства страны и глав субъектов АЗРФ есть понимание того, что этот регион является важной и перспективной территорией России. В обозримом будущем, по мнению экспертов, главными станут экономические проекты, в том числе с азиатскими странами. К сожалению, всё реже на форумах можно услышать о проблемах, которые затрудняют развитие Арктики. Это во многом связано и с тем, что из года в год выступают одни и те же эксперты.

Динамичное развитие Северного морского пути и превращение его в круглогодичный международный транспортный коридор напрямую зависит как от роста объёмов транзитных перевозок, так и от развития российских арктических территорий. Его развитие открывает для арктических регионов серьёзные экономические и логистические перспективы, а также даёт мощный толчок для улучшения качества жизни, появления высокооплачиваемых рабочих мест в разных сферах. Констатируется, что для реализации в полном объёме потенциала СМП, нужно иметь круглогодичную транспортную систему.

Арктика обладает огромным экономическим потенциалом и является ключевой зоной для глобального развития и экономической интеграции. При этом значительную роль в развитии этой территории должно сыграть восстановленное международное сотрудничество. В этих условиях Северный морской путь откроет новые возможности для международной торговли и экспорта арктических ресурсов.

Российские эксперты в своих выступлениях избегали оценок состояния и перспектив международного сотрудничества в Арктике, за исключением В.Л. Евтюхова, который отметил, что Республика Корея отказалась от договора по строительству ледоколов и не возвращает денежные средства по контракту, а также А.А. Макарова, который выразил надежду на достижение прорывных результатов в арктической науке на основе восстановленной международной кооперации.

Для некоторых спикеров арктических сессий участие в работе ПМЭФ-2024 имело своё рабочее и кадровое продолжение. Губернатор Мурманской области А.В. Чибис первый среди руководителей арктических регионов 6 августа 2024 г. получил одобрение у Президента РФ В.В. Путина мастер-планов по развитию опорных населённых пунктов Мурманской области²², второй раз был избран Губернатором Мурманской области. 12 июня 2024 г. В.Л. Евтухов был назначен начальником Управления Президента РФ по государственной политике в сфере оборонно-промышленного комплекса²³, а ректор МГТУ им. Баумана М.В. Гордин 19 августа 2024 г. был включён в состав Совета при Президенте РФ по науке и образованию²⁴. Теперь у них появилось дополнительная возможность в своей деятельности уделять больше внимания арктическим проблемам.

На этих двух сессиях участники форума, к сожалению, не вспомнили о вкладе недавно умершего (1 июня 2024 г.) Героя Советского Союза, Героя Российской Федерации, депутата Государственной Думы, специального представителя Президента РФ по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике, Артура Николаевича Чилингарова в изучение и освоение полярных регионов.

В работе XXVII Петербургского международного экономического форума активное участие приняла делегация Института Европы РАН в лице её ведущих научных сотрудников — В.П. Журавеля, Н.А. Невской и М.В. Ведерникова. В.П. Журавель является руководителем Центра арктических исследований, автором более 100 научных работ по проблемам развития и освоения Арктики; Н.А. Невская — руководитель Центра макроэкономических исследований, автор более 90 работ, среди которых авторский учебник федерального значения «Макроэкономическое планирование и прогнозирование», выдержавший три переиздания; М.В. Ведерников — заместитель

²² Президент России Владимир Путин одобрил мастер-планы по развитию опорных населённых пунктов Арктики в Мурманской области. 06.08.2024. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/526452/?ysclid=m0qxnt5uh353465491> (дата обращения: 15.06.2023).

²³ Указ Президента Российской Федерации от 12.06.2024 г. № 483 «О должностных лицах Администрации Президента Российской Федерации». 12.06.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406120010> (дата обращения: 20.06.2023).

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 № 706 «Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию и состава президиума этого Совета». 19.08.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408190015> (дата обращения: 20.06.2023).

главного редактора журнала «Научно-аналитический вестник Института Европы РАН», автор более 90 научных работ, уроженец Архангельской области.

Организатором XXVII Петербургского международного экономического форума выступил Фонд «Росконгресс» — социально ориентированный нефинансовый институт развития, крупнейший организатор общероссийских, международных, конгрессных, выставочных, деловых, общественных, молодёжных, спортивных мероприятий и событий в области культуры. Он был создан в соответствии с решением Президента Российской Федерации в 2007 г. с целью содействия развитию экономического потенциала, продвижения национальных интересов и укрепления имиджа России. По итогам ПМЭФ-24 глава государства 22 июля 2024 г. утвердил перечень поручений (Пр-1381), состоящий из 21 поручения. В поручении 6 Фонду «Росконгресс» поставлена задача обеспечить до 1 октября 2024 г. проведение анализа и обобщение итоговых материалов форума. В этом плане закономерно возникает вопрос о том, как идёт реализация соглашений, подписанных на предыдущих форумах. Так, по итогам ПМЭФ-2022 было подписано 695 соглашений на общую сумму 5 трлн 670 млрд рублей²⁵, на ПМЭФ-2023 было подписано более 900 соглашений на общую сумму 3 трлн 860 млрд рублей²⁶. Это соглашения, сумма которых не является коммерческой тайной.

Список источников

1. Журавель В.П. Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ-2022) и его арктическая повестка // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 244–260. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.48.244>
2. Журавель В.П. Арктическая повестка Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2023) // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 196–207. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.196>
3. Тимошенко Д.С. Арктическая повестка ПМЭФ-2023 — цифровые, экономические, экологические и социально-культурные аспекты // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 208–226. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.208>
4. Алексушин Г.В. Развитие атомного ледокольного флота и его роли в экономическом освоении Северного морского пути // Арктика и Север. 2023. № 53. С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.28>
5. Зайков К.С., Спиридонов А.А., Фадеев А.М. Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере: стратегический взгляд // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.22>
6. Журавель В.П. Мурманская область — форпост российской Арктики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 2. С. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran2024112124>
7. Шеншин В.М., Назарова И.С., Уткин Н.И. О месте МЧС России в системе обеспечения национальной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 50–55. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_5_50

²⁵ Итоги работы юбилейного XXV Петербургского международного экономического форума. 18.06.2022. URL: <https://forumspsb.com/archive/2022/outcomes-of-spief/> (дата обращения: 20.06.2024).

²⁶ Итоги работы ПМЭФ-2023. 17.06.2023. URL: <https://forumspsb.com/news/news/itogi-raboty-pmef-2023/> (дата обращения: 20.06.2024).

8. Марченков М.Л. Политико-философские аспекты повестки международных отношений в Арктическом регионе (кейс Баренцева сотрудничества) // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 98. № 3. С. 14–19. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-97-2-14-19>
9. Палилов Д.Е. Политико-экономические особенности эксплуатации северного морского пути в условиях геополитического противостояния // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 114–117.
10. Савинова В.А. Типология научно-исследовательских объектов в полярных регионах // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 2. С. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2023-2-97-107>
11. Nevskaya N.A. Northern Sea Route and the New Energy Agenda. In: Salygin V.I. (eds). Energy of the Russian Arctic. Palgrave Macmillan, Singapore. 2022. Pp. 299–317. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-19-2817-8_15

References

1. Zhuravel V.P. The St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF-2022) and Its Arctic Agenda. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 48, pp. 244–260. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.48.244>
2. Zhuravel V.P. Arctic Agenda of the St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF-2023). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 55, pp. 196–207. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.196>
3. Timoshenko D.S. Arctic Agenda of SPIEF 2023 — Digital, Economic, Environmental, and Socio-Cultural Aspects. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 55, pp. 208–226. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.208>
4. Aleksushin G.V. The Nuclear Icebreaker Fleet and Its Role in the Economic Development of the Northern Sea Route. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 53, pp. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.28>
5. Zaikov K.S., Spiridonov A.A., Fadeev A.M. Cooperation between Russia and China in the Arctic Energy Sector: A Strategic Perspective. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 54, pp. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.22>
6. Zhuravel V.P. The Murmansk Region – The Outpost of Russian Arctic. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2024, no. 2, pp. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran2024112124>
7. Shenshin V.M., Nazarova I.S., Utkin N.I. About the Place of the Russian Emergencies Ministry in the System of Ensuring National Security in the Arctic Zone of the Russian Federation. *State and Law: Theory and Practice*, 2023, no. 5 (221), pp. 50–55. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_5_50
8. Marchenkov M.L. Politico-Philosophical Aspects of the Agenda of International Relations in the Arctic Region (The Case of the Barents Cooperation). *The Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 98, no. 3, pp. 14–19. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-97-2-14-19>
9. Palilov D.E. Political and Economic Features of Operation of the Northern Sea Route under the Conditions of Geopolitical Standoff. *Social and Humanitarian Knowledge*, 2023, no. 3, pp. 114–117.
10. Savinova V.A. Typology of Research Facilities in the Polar Regions. *Academia. Architecture and Construction*, 2023, no. 2, pp. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2023-2-97-107>
11. Nevskaya N.A. Northern Sea Route and the New Energy Agenda. In: *Energy of the Russian Arctic*. Palgrave Macmillan, Singapore, 2022, pp. 299–317. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-19-2817-8_15

Статья поступила в редакцию 14.09.2024; принята к публикации 16.09.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 267–284.

Научная статья

УДК 347.79(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.267>

Российская Арктика в контурах актуальной Морской доктрины Российской Федерации

Козьменко Сергей Юрьевич^{1✉}, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Козьменко Арина Сергеевна², кандидат экономических наук, научный сотрудник

^{1,2} Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН «Федерального исследовательского центра КНЦ РАН», ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, Россия

¹ fregat306@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3728-8357>

² kozmenko_arriva@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3623-308X>

Аннотация. За десятилетие имплементации стратегического планирования в современную российскую действительность плановые императивы также внедрились в процессы геоэкономического и политического развития Арктики, определив систему целей и функциональную доминанту этого геостратегического региона, в частности, в среднесрочной перспективе реализации бюджетной политики в 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг. За этот период усилилась значимость России в системе международных отношений, укрепилась репутация страны и уверенность в обретении статуса великой морской державы, а также в занятии прочных позиций на суше как государства с многовековыми традициями развития крупной континентальной цивилизации. При этом заметно усилилась роль Арктики: как среди региональных направлений национальной морской политики, так и во внешней политике России. По существу, Арктика стала определять степень величия государства на море, а для этого требуется всестороннее развитие морского потенциала. Главным является обеспечение посредством морского потенциала гарантированного доступа России к арктическим морским ресурсам и пространству, включая обеспечение бесперебойного, желательно круглогодичного, функционирования национальной транспортной коммуникации в Арктике — Северного морского пути — основы системы морских коммуникаций. Символом арктического морского потенциала по праву считается Арктический атомный ледокольный флот и флоты судов усиленного ледового класса.

Ключевые слова: морская держава, Арктика, морской потенциал, атомные ледоколы, Морская доктрина Российской Федерации, стратегическое планирование

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках темы FMEZ–2023–0009 «Стратегическое планирование развития Арктики в новых геоэкономических и политических условиях» по государственному заданию ФИЦ «Кольский научный центр РАН».

Russian Arctic in the Contours of the Maritime Doctrine of the Russian Federation

Sergey Yu. Kozmenko^{1✉}, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

Arina S. Kozmenko², Cand. Sci. (Econ.), Researcher

* © Козьменко С.Ю., Козьменко А.С., 2024

Для цитирования: Козьменко С.Ю., Козьменко А.С. Российская Арктика в контурах актуальной Морской доктрины Российской Федерации // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 267–284. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.267>

For citation: Kozmenko S.Yu., Kozmenko A.S. Russian Arctic in the Contours of the Maritime Doctrine of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 267–284. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.267>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

^{1,2} Lulin Institute for Economic Studies, Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, Russia

¹ fregat306@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3728-8357>

² kozmenko_arriva@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3623-308X>

Abstract. During the decade of implementation of strategic planning in modern Russian reality, planning imperatives have also been introduced into the processes of geo-economic and political development of the Arctic, defining the system of goals and functional dominance of this geostrategic region, in particular, in medium-term perspective of budget policy implementation in 2024 and for the planning period of 2025 and 2026 [1]. During this period, Russia's importance in the system of international relations increased, the country's reputation and confidence in acquiring the status of a great maritime power, as well as in taking strong positions on land, as a state with centuries-old traditions of developing a large continental civilization, has been strengthened. At the same time, the role of the Arctic has noticeably increased, both among the regional directions of national maritime policy and in Russian foreign policy. Essentially, the Arctic began to determine the degree of state's greatness at sea and in the world. This requires the comprehensive development of maritime potential. The main thing is to ensure, through the maritime potential, Russia's guaranteed access to Arctic marine resources and space, including ensuring uninterrupted, preferably year-round, functioning of the national transport communication in the Arctic — the Northern Sea Route — the basis of the system of maritime communications. The Arctic nuclear icebreaker fleet and fleets of reinforced ice-class vessels are rightly considered the symbol of the Arctic maritime potential.

Keywords: *maritime power, Arctic, maritime potential, nuclear icebreakers, Maritime doctrine of the Russian Federation, strategic planning*

Введение

Среди нормативных документов стратегического планирования последних лет ¹ особенно выделяются Морская доктрина Российской Федерации 2022 г. ² и Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. ³, поскольку в этих документах определяется степень позиционирования России на геополитическом и экономическом атласе современного мира в качестве великой морской державы. Такие акты принимались в новой России с известной периодичностью, но только последние классифицируются как документы стратегического планирования, представляющие собой целевую доминанту развития России, в частности, при реализации бюджетной политики в среднесрочной перспективе [1].

В XXI в. известны три версии Морской доктрины Российской Федерации, которые отражают совокупность официальных взглядов на национальную морскую политику и морскую деятельность Российской Федерации. Это Морские доктрины РФ, утверждённые Указами Президента РФ соответственно в 2001, 2015 и 2022 гг. (МД–2001 ⁴; 2015 ⁵; 2022).

¹ С принятием 28.06.2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №-172-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (дата обращения: 09.02.24).

² Морская доктрина Российской Федерации. «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации». Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512. URL: <https://base.garant.ru/405077499/?ysclid=lm5iq45yo296296627> (дата обращения: 12.02.2024).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ № 229, 31.03.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/70811> (дата обращения: 12.02.2024).

⁴ Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. Утв. Президентом РФ 27.07.2001 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902010411?ysclid=lp85km79am636682751> (дата обращения: 12.02.2024).

⁵ Морская доктрина Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 26.07.2015 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208427/ (дата обращения: 12.02.2024).

МД-2001, исходя из географических характеристик (наибольшей в мире протяжённости морских границ, наличия собственного побережья Тихого и Северного Ледовитого океанов, а также относительно свободного выхода в Северную Атлантику), определяет Россию как «исторически ведущую морскую державу». То же подчеркивается в МД-2015 и в других документах стратегического планирования, регулирующих морскую и военно-морскую деятельность России в частности ^{6, 7}.

Однако МД-2022, основываясь на «национальных интересах Российской Федерации, которые распространяются на весь Мировой океан и Каспийское море» *определяет Россию как великую морскую державу*. Кроме наличия и содержания национальных интересов в Мировом океане, при подтверждении статуса великой морской державы ключевое значение имеет состояние морского потенциала. Это, в первую очередь, присутствие компетенций для поддержания на уровне современных стандартов экономической, технической и технологической базы обеспечения постоянной мобилизационной готовности Российского флота и средств освоения ресурсов Мирового океана, особенно нефти и газа континентального шельфа, а также наличие возможностей для воспроизводства военно-морской и морской техники в промышленных масштабах.

Национальные интересы России в Мировом океане, представленные в МД-2022, частично сочетаются и / или повторяют положения МД-2001 и 2015, но в основном являются новыми, учитывающими современные реалии развития морской деятельности страны. Возникновение в поле национальной морской политики таких значимых национальных интересов *свидетельствует о смене статуса России от ведущей морской державы к великой* и усилении роли страны в морской деятельности современного мира.

Это, прежде всего, *сохранение Россией статуса великой морской державы* ⁸ в условиях развивающегося полицентрического мира (п. 3 ст. 9) ⁹ на основе развития Российского флота (п.4

⁶ Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2017 г. № 327. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220574/ (дата обращения: 12.02.2024).

⁷ О Стратегии развития морской деятельности РФ до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 30 августа 2019 г. № 1930-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332557/ (дата обращения: 12.02.2024).

⁸ Следовательно, за короткий период в семь лет, прошедших между принятием двух Морских доктрин 2015 и 2022 гг., наша страна из ведущей (проще говоря, региональной) морской державы превратилась в великую, и этот статус следует сохранять. В этот период созданы принципиально новые элементы морского потенциала России — спущены на воду и вступили в строй в составе Северного флота три (из десяти строящихся и планируемых) фрегата «адмиральской серии» (пр. 22350 «Адмирал Горшков») и другие носители ударного гиперзвукового комплекса морского базирования «Циркон» и беспилотного подводного аппарата «Посейдон»; на АО «Балтийский завод» в Санкт-Петербурге создаётся уникальная серия ледоколов из семи кораблей проекта 22220, включая заложенный 26 января 2024 г. ледокол «Ленинград». На этом фоне грузооборот СМП в 2023 г. достиг рекордной отметки в 36 млн т, более чем в 5 раз превышающей наивысшее достижение времён Союза ССР. Источник: Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному собранию РФ 29 февраля 2024 г. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.03.2024). Но главное, в этот период динамика глобального потепления (отношение площади таяния льда к предыдущему аналогичному периоду) была наиболее интенсивной [2, с. 146–157], и это создавало иллюзию и давало надежду, что круглогодичное плавание по СМП можно обеспечить сравнительно малым числом ледоколов, построив семь кораблей проекта

ст. 9)¹⁰ и проведения эффективной военно-морской деятельности (п. 8 ст. 9)¹¹. В новых геополитических условиях ВМФ РФ выполняет новые задачи по обеспечению безопасности трубопроводной транспортировки углеводородов морем (п. 6 ст. 9)¹² и гарантированного доступа к мировым системам морских коммуникаций, включая важнейшие проливы (п. 7 ст. 9)¹³.

МД–2022 впервые в истории новой России включает в число национальных интересов страны в Мировом океане рациональное использование стратегических ресурсов Арктики, при этом особо выделяется полномасштабное освоение арктического континентального шельфа, в том числе за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны¹⁴ (ИЭЗ, п. 13 ст. 9)¹⁵, если это предусмотрено ст. 76 Конвенции ООН. Актуальная Морская доктрина МД-2022 особо подчёркивает потребность становления и развития Северного морского пути как национальной транспортной коммуникации в составе атрибутики великой морской державы (п. 14 ст. 9)¹⁶. *Таким образом, становление морского величия России неразрывно связано с Арктикой, с усилением значения этого региона в развитии страны.* Поэтому акватории Северного Ледовитого океана и арктических морей относятся (п. 3 ст. 14)¹⁷ к жизненно важным районам обеспечения национальных интересов России в Мировом океане.

Следовательно, порядок выделения приоритетов в определении национальных интересов России в Мировом океане и жизненно важных районов обеспечения последних доказывает, что статус великой морской державы подтверждается, прежде всего, в Арктике, на Арктическом региональном направлении национальной морской политики. Это определяет уровень разностороннего присутствия страны в этом геостратегическом регионе.

Особое выделение Арктики среди региональных направлений отмечается и в ст. 50¹⁸, Арктика является вторым по значимости регионом во внешней политике России после Ближнего Зарубежья и стоит перед Евразийским континентом, по существу, Китаем и Инди-

2220 к 2030 г. При этом в результате глобального потепления откроется доступ к несметным энергетическим ресурсам Арктики.

⁹ Морская доктрина Российской Федерации. «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации». Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512. URL: <https://base.garant.ru/405077499/?ysclid=lm5iq45yo296296627> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Суверенные права прибрежного государства в морских зонах Мирового океана определяются Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (Конвенция ООН) в части территориального моря (ст. 3-4), прилегающей зоны (ст. 33), ИЭЗ (ст. 55–59) и континентального шельфа (ст. 76), в том числе за пределами ИЭЗ. В отдельную морскую зону выделен Северный морской путь (СМП) как сложившаяся исторически единая национальная транспортная коммуникация. Плавание по СМП устанавливается законодательством РФ в соответствии со ст. 234 (Покрытые льдом районы) Конвенции. Источник: Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=12093641%40egNPA (дата обращения: 16.02.2024).

¹⁵ Морская доктрина Российской Федерации. «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации». Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512. URL: <https://base.garant.ru/405077499/?ysclid=lm5iq45yo296296627> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ № 229 от 31.03.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/70811> (дата обращения: 12.02.2024).

ей. Эта новация 2023 г. связана с геополитическими потрясениями предыдущих лет: в Концепции внешней политики новой России, включая 2016¹⁹ г. тройка региональных приоритетов выглядела так: 1. Страны СНГ; 2. Евросоюз и НАТО; 3. США.

Концепциями внешней политики новой России наша страна рассматривается, скорее как континентальная²⁰, нежели морская держава, поскольку адекватная великой державе морская составляющая локализована (и то с большим допуском) только в Арктике²¹, а в остальных морских регионах страны флота океанской морской зоны, по существу, нет. Дислокация кораблей океанской морской зоны по флотам РФ представлена в [3].

Особенно важно: Россия является одной из двух крупнейших ядерных держав с наличием всех компетенций для обеспечения функционирования и содержания стратегических ядерных сил (СЯС) в составе ядерной триады, особенно СЯС морского базирования. В целом же (ст. 4²²) многовековой опыт самостоятельной государственности совместно со странами Ближнего Зарубежья и сопредельными государствами позволяет идентифицировать «особое положение России как самобытного государства–цивилизации, обширной евразийской и евро–тихоокеанской державы», то есть простирающейся в пространстве между Европой и Тихим океаном и представляющей собой ось сердцевинной земли («Heartland») или основу континентальной цивилизации [6].

В целом морские и континентальные державы сосуществуют в единстве и противоположности мировых цивилизаций в концепции «континент–vis–океан», как две стороны одной медали.

В многообразии и на основе этих держав формируются морские и континентальные цивилизации (по существу, великие державы). В противостоянии *великих* держав основным является наличие способности нанести вероятному или явному противнику неприемлемый ущерб, который может быть разнообразным: военным, политическим, экономическим или иным [7, с. 506–507]. Понятие неприемлемого ущерба настолько индивидуально и субъективно, что, по существу, не поддается какой-либо унификации. Для того чтобы быть великой державой по определению, надо представлять собой государство, которое способно устоять перед мощью любой другой державы и ответить симметрично (или асимметрично) на все вызовы и угрозы последней. Однако действительно великой державой следует считать такое государство, которое большинством населения планеты признается таковым.

¹⁹ Там же.

²⁰ В XX веке Советский Союз рассматривался как великая континентальная держава мира одним из ведущих военно-морских теоретиков С.Г. Горшковым [5].

²¹ Показателем высокого класса морской деятельности России как великой морской державы является учение УМКА-21, проведенное в марте 2021 г. (в период максимальной интенсивности образования льда) в высоких арктических широтах 82°N. В ходе учения было выполнено одновременное всплытие во льдах с интервалом в 300 м трёх ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПКСН) — двух проекта 667БДРМ «Дельфин» поколения 2++ и новейшей подводной лодки проекта 955 «Борей» 4 поколения. Такой манёвр во льдах был выполнен впервые. Источник: «Умка» предупреждает Вашингтон: военная экспедиция в Арктике с элементами науки и шоу. URL: <https://argumenti.ru/army/2021/03/715970> (дата обращения: 12.02.2024).

²² Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ № 229, 31.03.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/70811> (дата обращения: 12.02.2024).

Концепция «континент–vis–океан» и права России в Арктике

Концепция «континент–vis–океан» воплощается в форме не сплошной (разорванной) линии соприкосновения двух мировых цивилизаций талассократической (морской) и теллуократической (континентальной), причём основой существования этой конструкции является единство и непреодолимая противоположность этих двух цивилизаций. Постоянное соприкосновение приводит к тому, что в недрах одной цивилизации постепенно зарождаются элементы другой, которые со временем при смещении гармонии сочетания отторгаются базовой (материнской) цивилизацией. В сочетании цивилизаций, безусловно, действует принцип гармонии: не прямо, но опосредованно.

В окрестностях линии «континент–vis –океан» приморские и прибрежные очаги и зоны, которые входят в союз с континентальными или морскими державами актуального состояния геополитической или иной конъюнктуры. Это дисконтинуальный пояс, ориентация составляющих которого в каждый данный момент зависит именно от направленности текущего вектора конъюнктуры. И если во второй половине XX в. определяющим фактором формирования альянсов были экономические соображения, обусловленные спецификой развития господствующей либерально–экономической модели (ЛЭМ), то в XXI в. всё большее значение приобретает геополитика. Все особенности сосуществования «властелинов моря» и «повелителей суши» удачно продемонстрированы в [8].

Следует подчеркнуть, что система «континент–vis–океан» является основой мироздания. Исчезновение одной из составляющих приведёт к коллапсу мирового масштаба и уничтожению системы сосуществования мировых цивилизаций. Примером тому является распад Советского Союза, что предопределило на рубеже веков геополитическую драму России [9].

В условиях глобального развития и утверждении ЛЭМ в мировом порядке, основанном на правилах, та и другая цивилизация стремится к глобальному превосходству, то есть к мировому господству или доминированию.

На современном этапе заката глобализации набирает силу тенденция утверждения национального могущества по принципу «Make America (Russia, China) Great (Again)» и / или регионального преимущества. Это означает, что на геополитическом и экономическом атласе современного мира создаются альянсы крепких региональных (или отраслевых, например, ОПЕК и ОПЕК+) государств, ещё не держав, но которым вполне по силам составить конкуренцию последним.

Морское мировоззрение основывается на известной геополитической концепции маринизма, которая оформилась на рубеже XIX и XX вв. под влиянием научных идей военно-морских теоретиков Ф. Колумба [10] (Концепции абсолютного обладания морем) и А.-Т. Мэхэна [11, 12]²³ (Теории морской силы–«Sea Power»). Основным положительным утвер-

²³ Эти труды были изданы в виде хрестоматии, с сокращениями, в Советском Союзе к 1940 г. Идеи А.-Т. Мэхэна и Ф. Колумба были созвучны преобладающим в то время воззрениям позиционирования СССР в мире: «Кто владеет флотом, тот владеет морем, а кто владеет морем, тот владеет миром» (И.В. Сталин). Программа воен-

ждением маринизма считается универсальные максимы [12]: «сила на море решает судьбу истории» и «кто владеет морем, владеет всем». То есть глобальное превосходство (доминирование) или мировое господство обеспечивается через реализацию принципа «абсолютного обладания морем»²⁴ [10].

В теории «морской силы» Мировой океан представляет собой объединяющую коммуникацию, коммуникационную линию, обеспечивающую целостность локализованных по ходу этой коммуникации стран и регионов «разобщённых водой» — «море разъединяет и объединяет», образуя континентальные и / или морские агломерации.

С этих позиций на основе СЛО и арктических морей по линии СМП происходит коммуникационное объединение трёх океанов: Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого, которое обеспечивает связанность и территориальную целостность России и евразийского материка с севера. С юга ту же функцию выполняет коммуникационное объединение Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Замыкает объединительное кольцо (Евразия — Америка) коммуникация: Тихий океан — СЛО (Северо-Западный проход) — Атлантический океан с севера и Тихий океан — Атлантический океан с юга.

Методологической основой формирования континентальной цивилизации служит концепция «Heartland» (сердцевинной земли), сформулированная в [6], которая реализует максиму (по аналогии с «Sea power»): «кто владеет сердцевинной землёй (то есть Центральной Евразией), тот обладает мировым островом (материком Евразия), и кто обладает мировым островом, владеет всем». Два мира, две цивилизации составляют системное целое. Так обеспечивается гармония мироздания.

К началу XX в. [6] политику европейских государств и Европы в целом, а следовательно — и основные контуры мировой политики определяли две сложившиеся державы, две империи: Британская (морская) и Российская (континентальная). Начало противостояния между ними началось с битвы за Мальту (1800 г.) и за столетие развилось и оформилось в геополитическую эпопею, известную как «Большая игра». Основой противостояния явилось то, что в XVIII–XIX вв. в недрах континентальной цивилизации России появились и развились элементы великой морской державы того времени, что было продемонстрировано миру чередой славных морских побед от Гангута (1714 г.) в Балтийском море до Синопа (1853 г.) в Чёрном²⁵.

ного кораблестроения того времени (принята в 1936 г.) была грандиозной и соответствовала задачам великой морской державы в области создания океанского флота: предполагалось построить 533 корабля основных боевых классов, из них восемь не имеющих равных в мире линкоров (тип А «Советский Союз», водоизмещение 65,15 тыс.т.), четыре из которых были заложены в 1939 г., а также 16 тяжёлых крейсеров типа «Кронштадт». Реализация этой программы была сорвана с началом Великой Отечественной войны [13, с. 173].

²⁴ Понятие «абсолютного владения морем» введено в научный оборот Ф. Коломбом в 1890 г. [10] и включает военную, географическую и экономическую составляющие. В качестве примера ситуации «абсолютного владения морем» показано положение союзников в Крымской кампании 1853–1856 гг.

²⁵ Эта эпоха продлилась сравнительно недолго и закончилась поражением в Крымской кампании (1853–1856 гг.) потерей Черноморского флота. В дальнейшем Россия не отметилась какими-либо значительными морскими

Правовое регулирование арктического пространства осуществляется двусторонними соглашениями и национальным законодательством восьми²⁶ арктических стран, а также нормами международного права, включая Конвенцию ООН²⁷ в отношении пространства СЛО и арктических морей. При ограничении арктического пространства с юга Северным полярным кругом площадь Арктики составит порядка 21,0 млн км², в том числе море (включая острова и земли) — 13,6 и суша — 7,4 млн км². Российская территория в Арктике составляет 3,3 млн км² или порядка 45% от общей суши.

Россия граничит с тремя арктическими странами: Норвегией и Финляндией на западе и США на востоке. Пограничные споры и претензии на континентальную территорию отсутствуют, то есть вся сухопутная территория Арктики входит в зоны национальной юрисдикции арктических стран. В 1920-е гг., то есть задолго до принятия Конвенции ООН, сложился секторальный принцип делимитации границ полярных владений. Канада, СССР, Норвегия и США объявили зонами национальной юрисдикции арктические земли и острова, расположенные в границах выделенных секторов.

В частности, советский сектор полярных владений был образован в апреле 1926 г. Постановлением ЦИК СССР²⁸, которое включило в зону национальной юрисдикции СССР все ныне принадлежащие России полярные острова и земли²⁹ общей площадью 0,2 млн км². При этом следует подчеркнуть, что существующий до сих пор секторный принцип *определяет правовой статус только островов и земель, не затрагивая другие морские зоны, включая ИЭЗ и континентального шельф в Арктике* [14, с. 4–12].

Россия, как и другие арктические страны, стремится получить суверенные права на арктические акватории, покрывающие воды и воздушное пространство над ними, а также континентальный шельф³⁰ в границах заявленного сектора.

победами и не создала флота великой морской державы. Отдельная печальная история — трагедии новейших атомных подводных лодок «Комсомолец» (1989 г.) и «Курск» (2000 г.).

²⁶ Пять арктических стран — Дания (Гренландия), Канада, Норвегия, Россия и США имеют непосредственный выход к акватории арктических морей; три — не имеют выхода к морю и не предъявляют претензий в части суверенитета над арктическими морскими пространствами, островами и землями. Это Исландия, Швеция и Финляндия.

²⁷ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=12093641%40egNPA (дата обращения: 16.02.2024).

²⁸ Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане. Постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8470#010794462544365202> (дата обращения: 22.02.2024). Этим Постановлением закреплялись права СССР на «все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова», расположенные между побережьем СССР и Северным полюсом в секторе между меридианами 32° 04' 35" Е и 168° 49' 30" W. В 1935 г. было установлено, что в связи с Договором о Шпицбергене западная граница полярных владений СССР проходит с огибанием Шпицбергенского квадрата по меридиану 35°Е между параллелями 74N и 81N.

²⁹ К наиболее значимым островам и землям российской Арктики относятся: Земли Франца-Иосифа, Новая Земля, Северная Земля, острова Врангеля, Колгуев и Вайгач.

³⁰ По данным Геологической службы США всего в Арктике локализованы 22% мировых неразведанных ресурсов углеводородов: 90 млрд барр. нефти, около 50 трлн м³ природного газа и 44 млрд барр. газового конденсата. 84% этих ресурсов находится на КШ, 16% — в недрах сухопутной территории. Источник: Международно-

Согласно Конвенции ООН, длина соответствующей морской зоны прибрежного государства определяется суммарной протяжённостью исходных линий, а предельная ширина — установленными значениями: территориальное море — 12 миль, прилежащая зона — 24 мили и ИЭЗ — 200 миль. Суверенные права прибрежного государства на эти акватории ограничены свободами судоходства, включая транзитный проход военных кораблей, и другими видами морской деятельности, предусмотренными Конвенцией ООН. Акватории и покрывающие воды за пределами ИЭЗ относятся к категории открытого моря и не могут быть объектом суверенных прав прибрежных государств. При этом следует отметить особый разрешительный порядок плавания иностранных судов в акватории СМП.

Одним из способов определения внешней границы континентального шельфа (КШ) является закрепление этой границы на 200-мильном расстоянии от исходных линий, от которых отсчитывается ширина территориального моря. Это не требует подтверждения в Комиссии ООН по границам континентального шельфа (Комиссия).

Таким образом, конвенционные площади ИЭЗ и КШ России в Арктике совпадают и составляют 4,1 млн км² при общей площади полярного сектора 5,8 (5,842) млн км². То есть при наличии подтверждённых Комиссией доказательств максимально возможное увеличение российской зоны КШ составляет порядка 1,7 млн км². Первичная (декабрь 2001 г.) и доработанная (август 2015 г.) заявки подтверждают права России на расширение зоны национальной юрисдикции КШ за пределами 200-мильной³¹ морской зоны на 1,2 (точнее, 1,191) млн км². Решение по этой российской заявке не принимается уже более 20 лет³². Сложившиеся

правовой статус Арктики. Досье. URL: <https://tass.ru/info/895685?ysclid=lswwnm09p785067079> (дата обращения: 22.02.2024).

³¹ Если окраина материка простирается более, чем на 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, внешняя граница континентального шельфа определяется с помощью инструментария ст. 76 Конвенции ООН с одним существенным ограничением (п. 5 ст. 76 Конвенции ООН) — предельно возможное расстояние внешней границы континентального шельфа от исходных линий может составлять не более 350 миль, а от 2500-метровой изобаты не более 100 миль. Второй критерий применяется только для подводных возвышенностей. При этом расширение прав прибрежного государства на континентальный шельф не изменяет правового статуса покрывающих вод и воздушного пространства выделенного района (ст. 76 Конвенции ООН).

³² Россия подписала и ратифицировала Конвенцию ООН в 1997 г., подготовила и направила в эту Комиссию (декабрь 2001 г.) мотивированное Представление (заявку) на расширение российского КШ за пределы 200-мильной морской зоны за счёт включения поднятий Менделеева и Ломоносова как продолжения подводной континентальной окраины материка Евразии. Однако Комиссия не сочла доводы российской стороны относительно континентальной природы поднятий Менделеева и Ломоносова убедительными и предложила доработать эту заявку. После проведения дополнительных исследований в августе 2015 г. была подана доработанная заявка на увеличение расширения границ континентального шельфа в Арктике 1,2 (1,191) млн км² за счёт присоединения комплекса Центрально-Арктических подводных поднятий — хребта Ломоносова и других участков морского дна, в том числе котловины Подводников, поднятия Менделеева, южной оконечности хребта Гаккеля, Чукотской котловины и Чукотского поднятия, а также зоны Северного полюса. По самым низким оценкам, это позволит прирастить потенциальные запасы углеводородов на 5 млрд т условного топлива. В апреле 2019 г. Подкомиссия ООН (структурное подразделение Комиссии) предварительно одобрила российскую заявку на расширение шельфа Арктики и подтвердила геологическую принадлежность объектов, включённых в расширенные границы континентального шельфа, к структурам продолжения шельфа России за пределами 200-мильной морской зоны и континентальной окраины материка Евразии.

вокруг России внешние геополитические обстоятельства (санкции) не добавляют оптимизма в скорейшем положительном разрешении этого вопроса.

В пространстве российского сектора полярных владений образовалась выпадающая зона КШ площадью $5,842 - 4,1 - 1,191 = 0,551$ или порядка $0,6$ млн км² в приполюсном районе, покрытом льдом круглогодично. Ответа на вопрос о том, является ли этот район продолжением подводной окраины материка Евразии или не является, пока нет. Поэтому принадлежность этого района к континентальной окраине Северной Америки либо Евразии или неконтинентальное происхождение этого участка шельфа равновероятны.

Так определяются контуры России в Арктике с неподтверждёнными суверенными правами на $1,2$ млн км² и неустановленным правовым статусом $0,6$ млн км² КШ.

Вокруг арктических районов, а особенно в зоне СМП, сложилось вполне ожидаемое противостояние между США и Россией в сложившихся традициях «континент–vis–океан». Сущность сохраняющихся фундаментальных противоречий состоит в том, что США стремятся к интернационализации пространства СЛО, включая СМП, а Россия настаивает на принципе секторального разделения КШ и внутреннем статусе СМП [15, с. 59–67].

О ледокольном флоте великой морской державы и обеспечении грузооборота СМП

Основой арктического флота, способного по определению плавать в разреженных и сплоченных льдах, являются ледоколы и суда усиленного ледового класса Arc4–Arc9.

Символом морской мощи России в современной Арктике по праву считаются атомные ледоколы, имеющие практически неограниченную автономность и способные преодолевать даже многолетние ледовые поля, создавая развитую систему морских коммуникаций для обеспечения связанности регионального пространства.

Несомненным успехом своего времени было создание атомного ледокола «Арктика» пр. 10520, который впервые среди надводных кораблей в активном плавании достиг Северного полюса в августе 1977 г. Этот элемент получил мировое признание как достижение великой морской державы. Вся серия из шести единиц пр. 10520 («Арктика» и «Сибирь») и пр. 10521 («Россия», «Советский Союз», «Ямал» и «50 лет Победы») была спущена на воду и введена в строй за 20 лет, начиная с 1972 г.

В эпоху «холодной войны» в проекте этих судов (в частности, «России» и «Советского Союза») была предусмотрена возможность мобильной инверсии (переоборудования) во вспомогательные крейсера, соответствующее оборудование было размещено на борту этих судов и частично на базовом складе.

Основу Арктической ледокольной группировки на рубеже веков, до вывода из эксплуатации «Советского Союза» в 2010 г. и «России» в 2013 г., составляли суда пр.10520 и 10580³³; эти суда обеспечивали безопасность мореплавания по СМП, в основном, в аквато-

³³ Атомные мелкоосидающие ледоколы (осадка 8,1 м против 11,0 м у ледоколов проекта 10520) сохранили лучшие качества дизельных ледоколов (типа «Капитан Сорокин»), но получили практически неограниченную по

рии от Обской губы до Енисейского залива в районах крупных инвестиционных проектов «Ворота Арктики» и «Ямал–СПГ» (нефть и газ) в Обской губе и «Норильский никель» (цветные металлы) в низовьях р. Енисей (п. Дудинка).

Для замены этих судов пр. 10520, 10521 и 10580, сроки эксплуатации которых (кроме ледокола «50 лет Победы») с учётом последнего продления ресурса ГЭУ заканчиваются в 2027 г., предназначается принципиально новая серия ледоколов проекта 22220 (табл. 1).

Таблица 1

Атомные ледоколы проекта 22220³⁴

Поименование	Ввод в эксплуатацию, год		Текущее состояние	Оператор	Флаг
	план	факт			
Арктика*	декабрь 2017	октябрь 2020	В строю	Атомфлот	Россия
Сибирь*	май 2020	январь 2022	В строю	Атомфлот	Россия
Урал*	август 2021	ноябрь 2022	В строю	Атомфлот	Россия
Якутия	декабрь 2024		Проходит ШИ, декабрь 2024 г.		
Чукотка	декабрь 2026		Спущен на воду, ноябрь 2024 г.		
Ленинград**	декабрь 2028		Закладка, январь 2024 г.		
Сталинград**	декабрь 2030		Закладка, план, 2025 г.		

* Головной («Арктика») и два первых серийных («Сибирь» и «Урал») ледокола были сданы в эксплуатацию с существенной задержкой от 1,5 до 2,0 лет, что связано с внедрением программ импортозамещения комплектующих в сфере судовой энергетики, в частности, турбогенераторов для ледокола «Арктика», силовых установок для «Сибири» и турбин для «Урала». Ситуация с замещением поставок импортных комплектующих из Украины и стран ЕС была стабилизирована к 2020 г. Общий объём импортных комплектующих на судах пр. 22220 составляет порядка 10% [17, с. 166–167].

** Закладка 5 и 6 серийных ледоколов (Ленинград и Сталинград) перенесена на год с 2023 и 2024 г. по Плану³⁵ на 2024 и 2025 гг. соответственно в связи со сложностями бюджетного финансирования.

Современный ледокол пр. 22220 отличается от предыдущего проекта 10520 повышенным сроком службы (40 лет против 25), что достигается использованием ядерного реактора РИТМ-200 с оптимальным ресурсом в 320 тыс. час, при этом перегрузка активной зоны проводится один раз в семь лет. Кроме того, интегрированное размещение активной зоны и парогенераторов в одном корпусе позволяет существенно снизить весовые и габаритные ха-

топливу автономность, что требуется для важнейшей тестовой линии Дудинка–Мурманск, где существует ограничение осадки по глубине фарватера на участке маршрута в низовьях реки Енисей. В серии пр. 10580 два ледокола финской постройки на верфи «Хольстрем Хисталаhti», Хельсинки, «Таймыр» и «Вайгач» со сборкой ЯЭУ на Балтийском заводе и сдачей заказчику в 1989 и 1990 г. соответственно. В 2017 г. ресурс ГЭУ был продлен до 2027 г. параллельно с ледоколом «Ямал» во избежание «ледовой паузы» при смене поколений атомных ледоколов в Арктике до вступления в строй ледоколов проекта 22220.

³⁴ По данным [17, табл. 3] и выступления Президента РФ В.В. Путина 26.02.2024 г. в АО «Балтийский завод».

³⁵ План развития Северного морского пути на период до 2035 г. Распоряжение Правительства РФ от 01 августа 2022 г., №-2115-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/> (дата обращения: 04.03.2024). План включает более 150 мероприятий с общим объёмом финансирования около 1,8 трлн рублей.

рактеристики ЯЭУ, что снижает общие эксплуатационные расходы за счёт повышения надёжности и безопасности ЯЭУ в целом.

Достижение мощности на валу (три линии вала по 20 Мвт) до 60 Мвт позволило увеличить лёдопроходимость с 2,25 до 3,0 м. Ширина судна (33 м по крейсерской ватерлинии) позволяет прокладывать канал шириной в 37 м (однако этого недостаточно для проводки танкеров–газовозов типоразмера «Yamalmax» усиленного ледового класса Arc7 шириной 50,13 м), следуя за ледоколом в канале газозовы доламывают кромку канала до оптимальных размеров. Ширина корпуса ледокола проекта 10510 «Лидер» в 47,7 м позволит прокладывать канал шириной до 52,0 м.

Но главное — этот ледокол является универсальным для использования как на мелководье в русле сибирских рек, так и на более глубоких морских трассах СМП, поскольку имеет балластную систему изменения осадки от 9,03 / 9,3 до 10,5 м. Осадка может устанавливаться на любом уровне в пределах указанных реверсивных значений за счёт заполнения / осушения балластных цистерн. Полный переход от 9,03 до 10,5 м и обратно выполняется посредством насосов за четыре часа. Использование одного такого ледокола вместо двух (тяжёлого типа «Арктика» пр. 10520 и мелкоосидающего пр. 10580 типа «Таймыр») позволяет снизить общую стоимость ледокольной проводки в 1,5–1,8 раза³⁶ в зависимости от количества изменений уровня осадки.

Строительство этой серии ледоколов осуществляется на АО «Балтийский завод»³⁷, заказчиком выступает Госкорпорация по атомной энергии «Росатом»³⁸, которая также частично участвует в финансировании третьего («Якутия») и четвёртого («Чукотка») серийных корпусов проекта 22220.

Согласно Плану³⁹, финансовые средства федерального бюджета и внебюджетных источников (собственные средства ГК «Росатом» и / или заёмные средства под гарантией ГК «Росатом») на строительство в части подготовки к спуску и спуск на воду, достройки на плаву и проведение ШИ (швартовых испытаний) «Якутии» в 2022–2024 гг. составили (п. 3.2.2 Плана) 10,00 и 15,51 млрд руб., всего 25,51 млрд руб. То же для «Чукотки» в 2022–2026 гг. с расширенной программой подготовки к спуску на воду (п. 3.2.3) — 6,50 и 33,25 млрд руб., всего 39,75 млрд. руб. Строительство пятого («Ленинград») в течение пяти (2024–2028 гг.) и шестого («Сталинград») в течение шести (2025–2030) лет ледоколов от момента закладки обойдёт-

³⁶ Характеристики и история строительства атомных ледоколов проекта 22220. URL: <https://tass.ru/info/19827819> (дата обращения: 26.03.2024).

³⁷ Государственный судостроительный актив в составе Объединённой судостроительной корпорации (ОСК) с 2007 г. Указ Президента РФ №394 от 21.03.2007 г. 394 «Об открытом акционерном обществе «Объединённая судостроительная корпорация». URL: <https://base.garant.ru/190816/> (дата обращения: 04.03.2024). В августе 2023 г. ОСК была передана в доверительное управление банка ВТБ.

³⁸ В ведение ГК «Росатом» атомный ледокольный флот России перешел в 2008 г. в составе ФГУП «Росатом» на основании Указа Президента РФ №369 от 20.03.2008 г. «О мерах по созданию государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». URL: <https://base.garant.ru/192963/> (дата обращения: 04.03.2024).

³⁹ Распоряжение Правительства РФ от 01 августа 2022 г., №-2115-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/> (дата обращения: 04.03.2024).

ся Федеральному бюджету (п.п. 3.2.6. и 3.2.7) в 56,61 и 61,34 млрд руб. соответственно⁴⁰. Также планируется бюджетное финансирование (24,8 млрд. руб. в 2023–2027 гг.) для строительства судна атомно–технологического обслуживания (п. 3.2.8) и ГК «Росатом» (220 млрд руб. в 2023–2030 гг.) для создания четырёх неатомных ледоколов⁴¹ (п. 3.2.11).

Для обеспечения круглогодичного плавания судов Северным морским путём возможны комбинированные варианты расстановки ледоколов в районах прохождения трасс СМП в зависимости от характеристики последних и периода плавания, что определяется Правилами⁴².

Учитывая особенности навигации в акватории СЛО и арктических морей, РМРС⁴³ выделяет шесть классов «арктических» судов, то есть судов, имеющих необходимые конструктивные усиления для плавания в арктических морях. Эти суда усиленного ледового класса Arc4–Arc9 (Arc8 и Arc9 существуют только в теории) при определённых ледовых условиях могут плавать в арктических льдах самостоятельно либо в канале за ледоколом (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика ледовых классов, толщина льда, м

	Самостоятельное плавание		Плавание в канале за ледоколом	
	Зима (декабрь–май)	Лето (июнь–ноябрь)	Зима (декабрь–май)	Лето (июнь–ноябрь)
Arc4	до 0,6¹	до 0,8¹	до 0,7²	до 1,0²
Arc5	до 0,8 ¹	до 1,0 ¹	до 0,9 ²	до 1,2 ²
Arc6	до 1,1 ¹	до 1,3 ¹	до 1,2 ²	до 1,7 ²
Arc7	до 1,4³	до 1,7³	до 2,0²	до 3,2²
Arc8	до 2,1 ⁴	до 3,1 ⁴	до 3,4 ⁵	без ограничений ⁶
Arc9	до 3,5 ⁷	до 4,0 ⁷	Эпизодическое преодоление льдов набегами	

⁴⁰ На этом фоне планы Правительства РФ о снижении финансирования строительства четырёх ледоколов в 2024–2026 г. на 4,28 млрд руб. или на 3,2% от суммы Плана²⁶ («Якутия» и «Чукотка» вместе 0,56; «Ленинград» и «Сталинград» — 2,36 и 1,36 млрд руб. соответственно) представляется обычной бюджетной корректировкой. Источник: Ледоколам Балтийского завода прижали финансирование. Что все это значит, «Фонтанка» спросила у экспертов. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/10/20/72831971/?ysclid=lrutcewrhp23537488> (дата обращения: 06.03.2024).

⁴¹ Стратегической целью строительства неатомных ледоколов мощностью на валу в 40 Мвт является замещение магистральных атомных ледоколов проектов 10520 и 22220 в Плане расстановки в Обской губе и Енисейском заливе, включая низовье р. Енисей (т. е. вблизи прибрежно-портовой инфраструктуры для возможности оперативного пополнения запасов) при обеспечении важнейших для этого региона проектов компаний «Новатэк», «ГМК «Норильский никель», ПАО «Газпром нефть», НК «Роснефть» и АО «Северной звезды» для высвобождения атомных ледоколов для работы в восточном секторе российской Арктики при плановом увеличении грузооборота СМП до 220 млн т в долгосрочной перспективе к 2035 г. Дизельные ледоколы такой мощности могут быть построены в России (известные зарубежные верфи не рассматриваются по понятным причинам) только на двух верфях — АО «Балтийский завод» и ССК «Звезда», однако оба предприятия, как известно, загружены заказами в пределах актуального горизонта планирования до 2030 г. Источник: «Росатом» решил построить четыре дизельных ледокола за свой счет». URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/11/03/1004014-rosatom-reshil-postroit-chetire-dizelnih-ledokola?ysclid=lte3k2npv9688996252> (дата обращения: 05.03.2024).

⁴² Правила плавания в акватории Северного морского пути. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 г., № 1487 (в действующей редакции от 01.09.2023 г.). URL: <https://base.garant.ru/74664152/> (дата обращения: 05.03.2024).

⁴³ Российский морской регистр судоходства. URL: <https://rs-class.org/?ysclid=lteaaz10ab528729011> (дата обращения: 05.03.2024).

¹ в разреженных однолетних льдах² в однолетних льдах³ в сплочённых однолетних льдах⁴ в двухлетних льдах⁵ в сплочённых однолетних и двухлетних льдах⁶ в многолетних льдах⁷ в сплочённых многолетних льдах

Ледовые поля в Арктике образуются неравномерно: западная часть российской Арктики находится под влиянием течения «Гольфстрим», поэтому суда усиленного ледового класса Arc4 и выше имеют конструктивно обеспеченную возможность безопасно плавать круглогодично в акватории Баренцева моря и в юго-западной части Карского моря [16, с. 37–43]. То есть в этой акватории мощность разреженных однолетних льдов не превышает зимой и летом 0,6 и 0,8 м соответственно.

Для свободного плавания в юго-восточной части Карского моря, в том числе в Енисейском заливе, в летний период суда должны иметь ледовую классность не ниже Arc7, такой же класс предусматривается для судов при плавании за ледоколом в режиме «канала» или «каравана» зимой [16, с. 37–43]⁴⁴. В этих акваториях мощность сплочённых однолетних льдов не превышает летом 1,7 м, а зимой — 2,0 м.

Для работы в наиболее сложных условиях восточной Арктики, где припайный лёд достигает толщины порядка 4,0 м, ГК «Росатом» планирует построить на верфи ССК «Звезда» за период до 2033 г. три корпуса проекта 10510 «Лидер» мощностью на валах 120 Мвт. С такими судами будет реально обеспечить круглогодичное плавание на всей трассе СМП. Головной корпус «Россия» заложен на верфи ССК «Звезда» в июле 2021 г. за счёт средств Федерального бюджета, 127,6 млрд руб. уже выделено [17, с. 165].

Таким образом, к 2030 г. Арктическая ледокольная группировка будет состоять из десяти атомных (проекта 22220 (7); 10510 (2); 10520 (1) — «50 лет Победы») ледоколов с усилением неатомными (дизельными) ледоколами. Стратегическая цель и плановая доминанта этой группировки состоит как в обеспечении безопасности круглогодичного мореплавания на трассах СМП, так и выполнения Плана развития СМП на период до 2035 г. в части увеличения грузооборота, который в 2023 г. достиг 36 млн т при плановом показателе 46,82 млн т.

Плановое увеличение грузооборота СМП до 80 млн т⁴⁵ в 2024 г., до 90 млн т⁴⁶ в 2030 г. и до 130 млн т³⁵ в 2035 г. предусмотрено документами стратегического планирования. Эти

⁴⁴ Исходя из этих соображений построен арктический танкерный флот крупнейших энергетических проектов: три нефтяных танкера Arc6 (типа «Василий Динков») для проекта «Варандей» и два нефтяных танкера Arc6 (типа «Михаил Ульянов») для проекта «Приразломное» в Печорском море; семь нефтяных челночных танкеров Arc7 (типа «Штурман Альбанов») для проекта «Ворота Арктики» и пятнадцать танкеров-газовозов Arc7 (типа Кристоф де Маржери) для проекта «Ямал СПГ» в Обской губе, а также пять контейнеровозов Arc7 (типа «Норильский никель») для ГМК «Норильский никель» (Енисейский залив и низовья р. Енисей).

⁴⁵ О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года. Указ Президента РФ, №-204, 07 мая 2018 г. (в ред. от 21.07.2020). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 26.02.2024).

⁴⁶ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 год. Указ Президента РФ. № 645, 26 октября 2020 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> (дата обращения: 26.02.2024).

показатели скорректированы в Плане⁴⁷, которым целевой показатель годового грузооборота СМП предусмотрен на уровне 80, 150 и 220 млн т в 2024, 2030 и 2035 гг. соответственно.

Актуальная действующая в 2024 г. российская группировка ледоколов насчитывает 41 борт, в том числе 7 атомных и 34 дизель-электрических, включая портовые. Наиболее мощным из неатомных ледоколов является «Виктор Черномырдин», Icebreaker8, который имеет пропульсивную мощность в 25 Мвт, что позволяет работать в арктических льдах толщиной до 3 м. Этот ледокол российской постройки (АО «Адмиралтейские верфи») введён в эксплуатацию в ноябре 2020 г.

Для замещения магистральных атомных ледоколов пр. 22220 и 10520 в Плане расстановки на трассе СМП в районе Обской губы и Енисейского залива требуются дизельные (неатомные) аналоги мощностью в 40 и даже 45 МВт. Это позволит обеспечить подход и швартовку контейнеровозов и нефтяных танкеров к портам Енисейского залива (Дудинка, Диксон, Бухта Север), а также маневрирование танкеров-газовозов по проектам «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2» на входе в Обскую губу.

Однако для работы в самой Обской губе оптимальными являются *современные неатомные ледоколы российской постройки*, такие как «Виктор Черномырдин» меньшей пропульсивной мощности (25 Мвт). Там же используются ледокольные суда обеспечения проекта Aker ARC 130A «Александр Санников» и «Андрей Вилькицкий» мощностью 22 Мвт для обеспечения терминальных операций по нефтяному проекту «Ворота Арктики»; эти ледоколы построены на Выборгском ССЗ в июне и декабре 2018 г. по заказу ПАО «Газпром нефть»

В предыдущие годы все неатомные ледоколы, работающие и сейчас в Арктике, были финской постройки, что накладывает известные геополитические санкционные ограничения по обслуживанию и ремонту этих ледоколов заводом–изготовителем. Это ледоколы постройки 1970-х гг. типа «Ермак» (серия из трёх единиц) и «Капитан Сорокин» (серия из четырёх единиц) с пропульсивной мощностью 26,5 и 16,4 Мвт соответственно, а также суда 2010-х гг. типа «Москва» (серия из пяти ледоколов проекта 21900 и 21900М). Мощности этих ледоколов не хватает для работы в круглогодичном режиме даже в относительно мягкой ледовой обстановке юго-запада Карского и Баренцева морей.

С увеличением количества судов, проходящих по трассе СМП, изменяется и расстановка ледоколов. ГК «Росатом» предполагает, что при плановых значениях грузооборота для обеспечения круглогодичной навигации в восточном секторе СМП в период с 2026 по 2030 гг. следует выполнить расстановку пяти атомных ледоколов с интервалом не более 500 миль друг от друга. В дальнейшем в период с 2031 по 2035 гг. круглогодичная навигация в восточном секторе СМП будет обеспечиваться девятью атомными ледоколами, расставленными с

⁴⁷ План развития Северного морского пути на период до 2035 г. Распоряжение Правительства РФ от 01 августа 2022 г., №-2115-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/> (дата обращения: 04.03.2024).

интервалом не более 250 миль друг от друга. Общая потребность в ледоколах для всего СМП по этим периодам 14 (девять атомных и пять неатомных) и 18 (тринадцать атомных и пять неатомных) судов соответственно ⁴⁸.

Заключение

Основу Российского ледокольного флота в Арктике органично дополняют военные ледоколы, корабли проекта 23550 мощностью 12,6 МВт «Иван Папанин» и «Николай Зубов» (постройки АО «Адмиралтейские верфи» для ВМФ), «Пурга» и «Дзержинский» (постройки Выборгского ССЗ для Береговой охраны ФСБ РФ). Кроме того, серия из трёх кораблей вспомогательных дизель–электрических ледоколов мощностью 10,4 Мвт проекта 21180 постройки АО «Адмиралтейские верфи» по заказу ВМФ — «Илья Муромец» (в составе Северного флота с 2017 г.), «Евпатий Коловрат» (в составе Тихоокеанского флота с 2024 г.) и «Святогор» — заложен в 2023 г. [3, с. 55].

Если морскую мощь России в Арктике по праву связывают с сильнейшей в мире группировкой атомных ледоколов, то в Мировом океане великая держава должна обладать не менее мощным флотом океанской морской зоны.

На рубеже веков вместе с распадом Союза ССР Российский флот терял корабли и покидал Мировой океан [3, с. 53–55]. Из кораблей океанской морской зоны в составе ВМФ РФ осталось всего *пять*: из четырёх построенных в 1980-х гг. на заводе им. 61 Коммунара (г. Николаев, Украина) ракетных крейсеров РКР пр. 1164 «Атлант» к 2024 г. в строю осталось *два*: «Маршал Устинов» (СФ) и «Варяг» (флагман ТОФ); РКР «Москва» (флагман ЧФ) затонул при буксировке в апреле 2022 г.; РКР «Адмирал Лобов» передан Украине в 1993 г. при разделе Черноморского флота. Отметим, что компетенции по строительству РКР такого класса утрачены вместе с распадом кооперационных связей с Украиной. Из семи тяжелых авианесущих крейсеров (ТАКР проекта 1143 «Кречет»), построенных в 1970–1987 гг. на Черноморском СЗ, г. Николаев, сегодня в составе ВМФ РФ (Северный флот) — *один* 1143-5, «Адмирал Кузнецов», который после почти семилетнего (2017–2024 гг.) ремонта ожидает возвращения в строй к концу 2024 г. Остальные либо проданы на металлолом (1143-1,2,3 — один в Китай и два в Ю. Корею), либо модернизированы в боевые корабли Индии (1143-4) и Китая (1143-6), один 1143-7 разобран на стапеле в 1992 г. Компетенции по строительству ТАКР также утрачены, и сегодня построить такой корабль Россия просто не в состоянии.

Гордостью отечественного кораблестроения является серия тяжёлых атомных ракетных крейсеров (ТАРКР, проект 1144 «Орлан») из пяти кораблей, построенных в 1970–1980 гг. на Балтийском заводе в Ленинграде. Однако и эта серия кораблей разделила судьбу российского флота в 1990-х гг.: строительство пятого корпуса было отменено ещё в 1990 г. Головной («Адмирал Ушаков», Северный флот) и следующий («Адмирал Лазарев», Тихоокеанский

⁴⁸ По данным офиса по вопросам развития Арктики Госкорпорации «Росатом». Эксперт: к 2030 году плотность расстановки атомных ледоколов на Севморпути достигнет 500 миль. URL: <https://dzen.ru/a/ZCVYx5PvUC4J0eLo> (дата обращения: 10.03.2024).

флот) корпуса служили в ВМФ СССР с 1980 по 1990 г., затем более 25 лет готовились то к модернизации, то к утилизации, пока не были отправлены на слом в 2021 г.

К 2024 г. в составе ВМФ РФ осталось два таких корабля. «Адмирал Нахимов» находится в длительном и глубоком ремонте на ПО «Севмаш», уже потрачено более 200 млрд руб., и флагман Северного флота (в строю с апреля 1998 г.) «Петр Великий», который также требует аналогичного дорогостоящего ремонта.

Таким образом, если МД-2022 имеет в виду статус России как великой мировой морской державы, то в современных геополитических условиях России просто не по силам создать и содержать флот (не только военно-морской, но и танкерный, включая танкеры-газовозы, а также сухогрузы и балкеры), адекватный этому статусу.

Если же речь идёт о флоте великой морской державы в Арктике с выходом в Северную Атлантику и Средиземноморье, то здесь достаточно серии кораблей дальней морской зоны (пр. 22350 «Адмирал Горшков» постройки АО «Северная верфь»), вооружённых гиперзвуковыми «Цирконами», стоимость которых в 7–8 раз ниже «Орланов». При этом, что очень важно, следует обеспечить оперативные межфлотские переходы надводных кораблей Северным морским путём круглогодично.

Так сложилось, что стартовые позиции для «сохранения статуса великой морской державы» сохранились только в Арктике, поэтому начинать надо отсюда и сделать Россию вновь великой.

Список источников

1. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. Москва: Минфин РФ, 2023. 162 с.
2. Козьменко С.Ю., Козьменко А.С. Планирование экономического присутствия России в Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 2. С. 146–157. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2024.84.011>
3. Козьменко С.Ю. Планирование развития Арктики в контурах актуальной морской доктрины Российской Федерации // Морской сборник. 2024. № 2. С. 51–55.
4. Бжезинский З. Ещё один шанс: Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. Ю.В. Фирсова. Москва: Международные отношения, 2007. 192 с.
5. Горшков С.Г. Морская мощь государства. Москва: Воениздат. 1976. 464 с.
6. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Pp. 421–437.
7. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. 540 p.
8. Ивашов Л.Г. Геополитика русской цивилизации. Москва: Институт русской цивилизации, 2015. 800 с.
9. Ивашов Л.Г. Геополитическая драма России. Выживет ли Россия в XXI веке? Москва: Аргументы недели, 2021. 528 с.
10. Коломб Ф. Морская война, ее основные принципы и опыт / Пер. Н.П. Азбелева. Москва; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. 668 с.
11. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и Империю. В 2-х томах. Москва; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2002. 1176 с.
12. Mahan A.T. The Influence of sea Power upon History 1660–1783. Boston: Little, Brown, and Company. 1890. 664 p.

13. Козьменко С.Ю. Национальная морская политика на арктическом региональном направлении и глобальные трансформации экономики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2005. № 1 (14). С. 172–181.
14. Бочаров А.А., Михайлов А.А. Россия и Арктика. Международно-правовые и военные аспекты оформления границ российского арктического сектора в 1920-х — начале 1930-х годов // Военно-исторический журнал. 2018. № 9. С. 4–12.
15. Брусницын В.Н. Арктика в политике США // Морской сборник. 2024. № 1 (2122). С. 59–67.
16. Борусевич В.О., Каневский Г.И., Сазонов К.Е. Требования к ледовым качествам корабля и некоторые проблемы их разработки // Морской сборник. 2017. № 7(2044). С. 37–43.
17. Николаева А.Б. Ледокольный атомный флот как фактор развития Северного морского пути // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 3. С. 158–170. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.011>

References

1. *The Main Directions of Budget, Tax and Customs Tariff Policy for 2024 and for the Planning Period of 2025 and 2026*. Moscow, Minfin RF Publ., 2023, 162 p. (In Russ.)
2. Kozmenko S.Yu., Kozmenko A.S. Strategizing Russia's Economic Presence in the Arctic. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2024, no. 2, pp. 146–157. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2024.84.011>
3. Kozmenko S.Yu. Planning the Development of the Arctic in the Contours of the Current Maritime Doctrine of the Russian Federation. *Morskoy sbornik*, 2024, no. 2, pp. 51–55.
4. Bzhezinskiy Z. *One More Chance: Three Presidents and the Crisis of the American Superpower*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2007, 192 p. (In Russ.)
5. Gorshkov S.G. *Naval Power of the State*. Moscow, Voenizdat Publ., 1976, 464 p. (In Russ.)
6. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal*, 1904, pp. 421–437.
7. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York, Random House, 1987, 540 p.
8. Ivashov L.G. *Geopolitics of Russian Civilisation*. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2015, 800 p. (In Russ.)
9. Ivashov L.G. *Geopolitical Drama of Russia. Will Russia Survive in the XXI Century?* Moscow, Argumenty nedeli Publ., 2021, 528 p. (In Russ.)
10. Kolomb F. *Naval Warfare, Its Basic Principles and Experience*. Moscow, Saint-Petersburg, Terra Fantastica, 2003, 668 p. (In Russ.)
11. Mahan A.T. *The Influence of Naval Power on the French Revolution and Empire*. In 2 Volumes. Moscow, Saint Petersburg, Terra Fantastica, 2002, 1176 p. (in Russ.)
12. Mahan A.T. *The Influence of Sea Power upon History 1660–1783*. Boston, Little, Brown, and Company, 1890, 664 p.
13. Kozmenko S.Yu. National Maritime Policy in the Arctic Regional Direction and Global Economic Transformation. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2005, no. 1 (14), pp. 172–181.
14. Bocharov A.A., Mikhaylov A.A. Russia and the Arctic. International Law and Military Aspects of the Establishment of Borders of the Russian Arctic Sector in the 1920s – Early 1930s. *Military Historical Journal*, 2018, no. 9, pp. 4–12.
15. Brusnitsyn V.N. Arctic in the US Policy. *Morskoy sbornik*, 2024, no. 1 (2122), pp. 59–67.
16. Borusevich V.O., Kanevskiy G.I., Sazonov K.E. Requirements for the Ice Qualities of the Ship and Some Problems of Their Development. *Morskoy sbornik*, 2017, no. 7(2044), pp. 37–43.
17. Nikolaeva A.B. Icebreaker Atomic Fleet as a Factor of the Northern Sea Route Development. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2022, no. 3, pp. 158–170. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.011>

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024;

принята к публикации 01.04.2024

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 285–292.
Обзорная статья
УДК 316.42(985)(045)
DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.285>

Концепция «со-производства знания» в контексте исследований Арктики

Ненашева Марина Викторовна^{1✉}, кандидат философских наук

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ m.nenasheva@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-5638>

Аннотация. В центре внимания обзорной статьи — концепция совместного производства знания (англ. knowledge co-production), которая начала разрабатываться в начале XXI в. Её появление связано с переходом к новой парадигме научных исследований, потребность в которой была обусловлена сложностью и общественной значимостью глобальных проблем. За её основу был взят принцип трансдисциплинарности, который предполагает выход за пределы нормативной науки и включение в производство знания различных видов информации. В результате был сформирован подход к научным исследованиям на основе совместного производства знания. В настоящее время понятие «со-производство знания» является дискуссионным. Обзор теоретико-методологических подходов к его определению позволил выделить основные этапы процесса со-производства знания и методологические трудности, с которыми сталкиваются учёные. В большинстве случаев они связаны с наличием множества различных заинтересованных сторон в процессе со-производства знания, различием в понимании цели и задач исследования между представителями академического и неакадемического сообщества, отсутствием организационной и финансовой поддержки. Показано, что наибольшее применение концепция со-производства знания получила в исследованиях по устойчивому развитию Арктики, в которых уделяется особое внимание знаниям коренных народов и их совместному производству.

Ключевые слова: знание, совместное производство, концепция, методологический подход, трансдисциплинарность, устойчивое развитие, коренные народы, Арктика

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № FSRU-2023-004.

The Concept of Knowledge Co-production in the Context of Arctic Research

Marina V. Nenasheva^{1✉}, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

¹ Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ m.nenasheva@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-5638>

Abstract. The review article focuses on the concept of knowledge co-production, which began to be developed at the beginning of the 21st century. Its appearance is associated with the transition to a new paradigm of scientific research, the need for which was caused by the complexity and social significance of

* © Ненашева М.В., 2024

Для цитирования: Ненашева М.В. Концепция «со-производства знания» в контексте исследований Арктики // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 285–292. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.285>

For citation: Nenasheva M.V. The Concept of Knowledge Co-production in the Context of Arctic Research. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 285–292. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.285>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

global problems. The principle of transdisciplinarity was taken as a basis, which involves going beyond the limits of normative science and including various media and types of information in the production of knowledge. As a result, an approach to scientific research based on the joint production of knowledge was formed. Currently, the concept of “knowledge co-production” is debatable. A review of theoretical and methodological approaches to its definition made it possible to identify the main stages of the knowledge co-production process and the methodological difficulties faced by scientists. In most cases, they are associated with the presence of many different stakeholders in the process of knowledge co-production, differences in understanding of the purpose and objectives of research between representatives of the academic and non-academic community, lack of organizational and financial support. It is shown that the concept of knowledge co-production has received the greatest application in research on the sustainable development of the Arctic, where special attention is paid to the knowledge of indigenous peoples and their co-production.

Keywords: *knowledge, co-production, concept, methodological approach, transdisciplinarity, sustainable development, indigenous peoples, Arctic*

Предпосылки возникновения концепции со-производства знания

В 1994 г. американский социолог Майкл Гиббонс опубликовал книгу «Новое производство знаний: динамика науки и исследований в современном обществе», в которой обозначил переход к новой парадигме научных исследований [1, Gibbons M.]. За её основу был взят принцип трансдисциплинарности, который предполагает выход за пределы конкретной научной дисциплины и включение в процесс производства знания различных видов информации, производимой неакадемическим сообществом. Новая парадигма, получившая название «Режим 2» (англ. mode 2), была предложена в качестве альтернативы традиционному способу научных исследований с характерной иерархией дисциплин и автономией учёных. Несмотря на последовавшую критику представителями академической науки, которые отстаивали необходимость сохранения объективности и «чистоты» научного знания, изложенные в ней идеи получили положительные отклики среди тех, кто искал более совершенные механизмы взаимодействия науки и общества.

В 2001 г. вышла в свет книга соавтора М. Гиббонса — австрийского социолога Хельги Новотны «Переосмысление науки: знания и общественность в эпоху неопределённости», в которой автор и её коллеги привели дополнительные аргументы в пользу новой парадигмы исследований [2]. По их мнению, потребность в новых способах производства научных знаний является ответом на сложность и общественную значимость возникающих экологических, экономических, социальных и других проблем. Авторы считают, что в условиях открытости и доступности информации эти знания должны быть «социально устойчивыми», то есть создаваться в сотрудничестве со всеми сторонами, заинтересованными в получении этого знания, а их ценность не должна определяться исключительно научным сообществом.

Идеи, изложенные в книгах М. Гиббонса и Х. Новотны, легли в основу концепции со-производства знания, которая начала разрабатываться в начале XXI в. Её сторонники считают, что монодисциплинарных научных знаний недостаточно для решения глобальных проблем современного мира, поэтому необходимо применение трансдисциплинарного подхода, который способствует расширению способов производства знания через сотрудничество с не-

академическим сообществом [3, Lang D.J., Wiek A., Bergmann M.], [4, Brandt P., Ernst A., Gralla F. и др.], [5, Polk M.].

По мере своего развития наибольшую популярность концепция со-производства знания получила в исследованиях по устойчивому развитию (англ. sustainable development) [6, Miller C.A., Wyborn C]. В некоторых западных странах, таких как США, Великобритания, Германия, подход на основе со-производства знания был включён в стратегические планы по устойчивому развитию. Несмотря на то, что этот термин стал широко использоваться в государственном управлении и научных исследованиях, подходы к его определению весьма разнообразны [7, Metz A., Boaz A., Robert G.].

Процесс совместного производства знания

Согласно имеющимся исследованиям, процесс совместного производства знания включает несколько этапов. Сначала учёные проводят отбор заинтересованных сторон для разработки исследовательских вопросов и решения конкретной научной проблемы. Затем осуществляется сбор данных: на этом этапе исследователи находятся в тесном взаимодействии с остальными участниками процесса для обеспечения достоверности и точности собранной информации. Как только исходные данные собраны, учёные вместе с другими заинтересованными сторонами интерпретируют информацию и анализируют результаты. Затем исследовательская группа переходит к выводам, которые могут быть использованы для выработки совместных решений [8, Brandt P., Ernst A., Gralla F. и др.].

По сравнению с монодисциплинарным подходом, преимущество подхода на основе совместного производства знания заключается в том, что он позволяет объединить учёных с людьми, непосредственно затронутыми проблемой, а также теми, кто обладает полномочиями по принятию управленческих решений. Благодаря этому совместное производство знания позволяет эффективнее решать сложные проблемы.

Несмотря на инновационный характер концепции, учёные указывают на ряд методологических проблем подхода на основе со-производства знания. Согласно шведской исследовательнице Малин Мобьорк, эти проблемы связаны с вопросом о том, «направлено ли со-производство знания на учёт мнений заинтересованных сторон или на их фактическое участие в процессе производства нового знания?» [9]. Ещё в 2005 г. исследователи М. Лемос и Б. Морхаус отметили, что совместное производство знания может быть успешным, если заинтересованные стороны вовлекаются в процесс на всех этапах исследования, начиная с определения проблемы, разработки исследовательского вопроса, дизайна исследования и заканчивая сбором данных, их анализом и распространением результатов [10, Lemos M.C., Morehouse B.J.]. Того же мнения придерживаются Д. Хеггер и К. Диперинк, которые считают широкое вовлечение заинтересованных лиц, достижение общего понимания цели исследования и чёткое распределение обязанностей по проекту главными условиями успеха со-производства знания [11, Hegger D., Dieperink C.].

Шведский исследователь Альберт Норстрём, опираясь на собственный опыт работы в различных процессах совместного производства знания в области устойчивого развития, выделил четыре основополагающих принципа: контекстуальность, плюрализм, целеполагание и интерактивность [12, Norström A.V., Cvitanovic S., Löf M.F. и др.]. М. Полк использовала результаты сравнения трансдисциплинарных исследовательских проектов, чтобы определить эффективность пяти элементов со-производства знания, а именно: вовлечение заинтересованных сторон, их участие в сборе данных, взаимодействие между участниками, оценка результатов и анализ их применимости. В результате наиболее эффективной была признана работа по вовлечению участников в процесс со-производства знания и сбору данных, а наименее эффективной — анализ результатов и их оценка [5].

Согласно учёным, наличие множества различных заинтересованных сторон в процессе со-производства может представлять некоторые трудности. Основные проблемы заключаются в различиях в понимании цели и задач исследования между представителями академического и неакадемического сообщества, отсутствии организационной поддержки мероприятий по взаимодействию, а также нехватке времени и финансов [13, Cvitanovic S., Hobday A.J., van Kerkhoff L. и др.]. По мере развития концепции были изучены эффективные способы вовлечения заинтересованных сторон в совместную работу и производство знания. Например, М. Рид относит к ним консультации и обучение заинтересованных сторон [14, Reed M.S.]. Брандт и др. указывают на необходимость взаимодействия и сотрудничества на всех этапах исследования [15, Brandt P., Ernst A., Gralla F. и др.]. Вместе с тем М. Полк отмечает, что даже в тех центрах, где занимаются трансдисциплинарными исследованиями, участники сталкивались с несоответствием ожиданий между исследователями и заинтересованными сторонами [5]. Из-за этих и других проблем некоторые исследователи описали подход на основе со-производства знания как неоднозначный и требующий разработки стратегии его внедрения на практике [16, Thompson M.A., Owen S., Lindsay J.M. и др.].

Со-производство знаний в контексте исследований Арктики

С начала 2000-х гг. концепция совместного производства знания всё чаще обсуждается в контексте исследований Арктики, где проживают коренные народы. Учёные считают, что знания коренных народов являются ключом для интерпретации природных и социальных процессов в Арктике, особенно тех, которые являются результатом изменения климата [17, Degai T., Petrov A.N., Badhe R. и др.].

Исследовательская деятельность в Арктике направлена на то, чтобы лучше понять эти изменения и разработать стратегии по адаптации. Долгое время эти исследования проводились научным сообществом без учёта мнения коренных народов. Перемены в методологических подходах к исследованиям произошли в связи с развитием концепции резилиентности и пониманием того, что решения глобальных проблем нужно искать на местном уровне [18, Ненашева М.В.]. С тех пор учёные стали призывать к объединению научных знаний и

знаний коренных народов для решений проблем, стоящих перед Арктикой [19, Yua E., Raymond-Yakoubian J., Daniel R. и др.]. Сегодня подход на основе со-производства знания применяется при оценке изменений арктической природной среды и принятии управленческих решений в сфере экологии [20, Obermeister N.], в исследованиях по адаптации к последствиям изменения климата [21, Raymond-Yakoubian J., Daniel R.], в изучении вопросов устойчивого использования земель, на которых проживают коренные народы [19] и др.

20 июня 2021 г. в г. Архангельске состоялся Международный конгресс общественных наук об Арктике, на котором уделялось большое внимание знаниям коренных народов. Одним из результатов работы участников конгресса стало совместное заявление, в котором были предложены конкретные шаги по вовлечению коренных народов в исследования Арктики и совместное производство знания. В частности, было предложено оказывать поддержку коренным народам в проведении исследований в соответствии с их собственными приоритетами и методологиями, признавать интеллектуальное право коренных народов на знания об Арктике, а также работать над созданием интеллектуального пространства для носителей знаний коренных народов [22, Petrov A.N., Burn Silver S., Stuart Chapin F. и др.].

Заключение

Совместное производство знания является подходом, который позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения между наукой и обществом. В его основе лежит принцип трансдисциплинарности, который предполагает выход за пределы нормативной науки и вовлечение в процесс научного исследования всех сторон, заинтересованных в получении научного знания и выработке комплексных решений научной проблемы. Методология со-производства знания до конца не определена, однако не вызывает сомнения практическая значимость новой концепции, применение которой может способствовать устойчивому развитию территорий, наиболее подверженных влиянию глобальных вызовов.

Список источников

1. Gibbons M., Trow M., Scott P., et al. The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE publications, 1994. 191 p.
2. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. Re-thinking science: Knowledge and the public in an age of uncertainty. Cambridge: Polity, 2001. 278 p.
3. Lang D.J., Wiek A., Bergmann M., et al. Transdisciplinary research in sustainability science: practice, principles, and challenges // Sustainability Science. 2012. Vol. 7. Pp. 25–43. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-011-0149-x>
4. Brandt P., Ernst A., Gralla F., et al. A review of transdisciplinary research in sustainability science // Ecological Economics. 2013. Vol. 92. Pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2013.04.008>
5. Polk M. Transdisciplinary co-production: designing and testing a transdisciplinary research framework for societal problem solving // Futures. 2015. Vol. 65. Pp. 110–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2014.11.001>
6. Miller C.A., Wyborn C. Co-production in global sustainability: histories and theories // Environmental Science and Policy. 2018. No. 113. Pp. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2018.01.016>

7. Metz A., Boaz A., Robert G. Co-creative approaches to knowledge production: what next for bridging the research to practice gap? // *Evidence & Policy*. 2019. Vol. 15. No. 3. Pp. 331–337. DOI: <https://doi.org/10.1332/174426419X15623193264226>
8. Brandt P., Ernst A., Gralla F., et al. A review of transdisciplinary research in sustainability science // *Ecological Economics*. 2013. No. 92. Pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2013.04.008>
9. Möbjörk M. Consulting versus participatory transdisciplinarity: A refined classification of transdisciplinary research // *Futures*. 2010. Vol. 42. No. 8. Pp. 866–873. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2010.03.003>
10. Lemos M.C., Morehouse B.J. The co-production of science and policy in integrated climate assessments // *Global Environmental Change*. 2005. Vol. 15. No. 1. Pp. 57–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2004.09.004>
11. Hegger D., Dieperink C. Toward successful joint knowledge production for climate change adaptation: lessons from six regional projects in the Netherlands // *Ecology and Society*. 2014. Vol. 19. No. 2. Art. 34. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-06453-190234>
12. Norström A.V., Cvitanovic C., Löf M.F. et al. Principles for knowledge co-production in sustainability research // *Nature Sustainability*. 2020. No. 3. Pp. 182–190. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41893-019-0448-2>
13. Cvitanovic C., Hobday A.J., van Kerkhoff L., et al. Improving knowledge exchange among scientists and decision-makers to facilitate the adaptive governance of marine resources: A review of knowledge and research needs // *Ocean and Coastal Management*. 2015. Vol. 112. Pp. 25–35. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.OCECOAMAN.2015.05.002>
14. Reed M.S. Stakeholder participation for environmental management: A literature review // *Biological Conservation*. 2008. Vol. 141. No. 10. Pp. 2417–2431. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2008.07.014>
15. Brandt P., Ernst A., Gralla F., et al. A review of transdisciplinary research in sustainability science // *Ecological Economics*. 2013. Vol. 92. Pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2013.04.008>
16. Thompson M.A., Owen S., Lindsay J.M., et al. Scientist and stakeholder perspectives of transdisciplinary research: Early attitudes, expectations, and tensions // *Environmental Science & Policy*. 2017. Vol. 74. Pp. 30–39.
17. Degai T., Petrov A.N., Badhe R., et al. Shaping Arctic's Tomorrow through Indigenous Knowledge Engagement and Knowledge Co-Production // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. Iss. 3. Art. 1331. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14031331>
18. Ненашева М.В. Жизнестойкость арктических сообществ: концепция, методология и направление исследований // *Арктика и Север*. 2023. № 51. С. 262–273. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.262>
19. Yua E., Raymond-Yakoubian J., Daniel R., et al. A framework for co-production of knowledge in the context of Arctic research // *Ecology & Society*. 2022. Vol. 27. Iss. 1. Art. 34. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-12960-270134>
20. Obermeister N. Local knowledge, global ambitions: IPBES and the advent of multi-scale models and scenarios // *Sustainability Science*. 2019. Vol. 14. Pp. 843–856. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0616-8>
21. Raymond-Yakoubian J., Daniel R. An Indigenous approach to ocean planning and policy in the Bering Strait region of Alaska // *Marine Policy*. 2018. Vol. 97. Pp. 101–108. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2018.08.028>
22. Petrov A.N., Burn Silver S., Stuart Chapin F., et al. Arctic Sustainability Research: Toward a New Agenda // *Polar Geography*. 2016. Vol. 39. Iss. 3. Pp. 165–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937X.2016.1217095>

References

1. Gibbons M., Trow M., Scott P., et al. *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies*. London, Thousand Oaks, New Delhi, SAGE Publications, 1994, 191 p.

2. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. *Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty*. Cambridge, Polity, 2001, 278 p.
3. Lang D.J., Wiek A., Bergmann M., et al. Transdisciplinary Research in Sustainability Science: Practice, Principles, and Challenges. *Sustainability Science*, 2012, vol. 7, pp. 25–43. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-011-0149-x>
4. Brandt P., Ernst A., Gralla F., et al. A Review of Transdisciplinary Research in Sustainability Science. *Ecological Economics*, 2013, vol. 92, pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2013.04.008>
5. Polk M. Transdisciplinary Co-Production: Designing and Testing a Transdisciplinary Research Framework for Societal Problem Solving. *Futures*, 2015, vol. 65, pp. 110–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2014.11.001>
6. Miller C.A., Wyborn C. Co-Production in Global Sustainability: Histories and Theories. *Environmental Science and Policy*, 2018, no. 113, pp. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2018.01.016>
7. Metz A., Boaz A., Robert G. Co-Creative Approaches to Knowledge Production: What Next for Bridging the Research to Practice Gap? *Evidence & Policy*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 331–337. DOI: <https://doi.org/10.1332/174426419X15623193264226>
8. Brandt P., Ernst A., Gralla F., et al. A Review of Transdisciplinary Research in Sustainability Science. *Ecological Economics*, 2013, no. 92, pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2013.04.008>
9. Möbjörk M. Consulting Versus Participatory Transdisciplinarity: A Refined Classification of Transdisciplinary Research. *Futures*, 2010, vol. 42, no. 8, pp. 866–873. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2010.03.003>
10. Lemos M.C., Morehouse B.J. The Co-Production of Science and Policy in Integrated Climate Assessments. *Global Environmental Change*, 2005, vol. 15, no. 1, pp. 57–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2004.09.004>
11. Hegger D., Dieperink C. Toward Successful Joint Knowledge Production for Climate Change Adaptation: Lessons from Six Regional Projects in the Netherlands. *Ecology and Society*, 2014, vol. 19, no. 2, art. 34. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-06453-190234>
12. Norström A.V., Cvitanovic C., Löf M.F. et al. Principles for Knowledge Co-Production in Sustainability Research. *Nature Sustainability*, 2020, no. 3, pp. 182–190. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41893-019-0448-2>
13. Cvitanovic C., Hobday A.J., van Kerkhoff L., et al. Improving Knowledge Exchange among Scientists and Decision-Makers to Facilitate the Adaptive Governance of Marine Resources: A Review of Knowledge and Research Needs. *Ocean and Coastal Management*, 2015, vol. 112, pp. 25–35. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.OCECOAMAN.2015.05.002>
14. Reed M.S. Stakeholder Participation for Environmental Management: A Literature Review. *Biological Conservation*, 2008, vol. 141, no. 10, pp. 2417–2431. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2008.07.014>
15. Brandt P., Ernst A., Gralla F., et al. A Review of Transdisciplinary Research in Sustainability Science. *Ecological Economics*, 2013, vol. 92, pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2013.04.008>
16. Thompson M.A., Owen S., Lindsay J.M., et al. Scientist and Stakeholder Perspectives of Transdisciplinary Research: Early Attitudes, Expectations, and Tensions. *Environmental Science & Policy*, 2017, vol. 74, pp. 30–39.
17. Degai T., Petrov A.N., Badhe R., et al. Shaping Arctic's Tomorrow through Indigenous Knowledge Engagement and Knowledge Co-Production. *Sustainability*, 2022, vol. 14, iss. 3, art. 1331. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14031331>
18. Nenasheva M.V. Resilience of Arctic Communities: Concept, Methodology and Research Directions. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 51, pp. 262–273. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.262>
19. Yua E., Raymond-Yakoubian J., Daniel R., et al. A Framework for Co-Production of Knowledge in the Context of Arctic Research. *Ecology & Society*, 2022, vol. 27, iss. 1, art. 34. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-12960-270134>
20. Obermeister N. Local Knowledge, Global Ambitions: IPBES and the Advent of Multi-Scale Models and Scenarios. *Sustainability Science*, 2019, vol. 14, pp. 843–856. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0616-8>

21. Raymond-Yakoubian J., Daniel R. An Indigenous Approach to Ocean Planning and Policy in the Bering Strait Region of Alaska. *Marine Policy*, 2018, vol. 97, pp. 101–108. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2018.08.028>
22. Petrov A.N., BurnSilver S., Chapin F.S., et al. Arctic Sustainability Research: Toward a New Agenda. *Polar Geography*, 2016, vol. 39, iss. 3, pp. 165–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937X.2016.1217095>

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; принята к публикации 12.04.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Редакционный совет

Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии

Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия

Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии

Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор социальных наук, заслуженный профессор Лапландского университета (Финляндия), приглашенный профессор САФУ имени М.В. Ломоносова, редактор «Арктического ежегодника»

Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор кафедры географии и истории, Университет Восточной Финляндии

Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), доктор географических наук, доцент кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдаленных и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США

Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии

Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США

Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, профессор, профессор РАН, член-корреспондент РАО, Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий РАН

Ерохин Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и управления, Харбинский инженерный университет, Харбин, КНР

Зайков Константин Сергеевич, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Арктика и Север», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, вице-президент Академии геополитических проблем, эксперт Российской академии наук. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Коньшев Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, научный руководитель Института географии РАН. Почётный президент Русского географического общества. Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001)

Липина Светлана Артуровна, доктор экономических наук, заместитель председателя Совета по изучению производительных сил, Всероссийская академия внешней торговли (СОПС ВАВТ) Минэкономразвития России

Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, советник председателя ФИЦ «Кольский научный центр РАН», научный руководитель Института проблем промышленной экологии Севера ФИЦ КНЦ РАН, почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

Пилясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга». Председатель российской секции Европейской ассоциации региональной науки. Заместитель председателя секции по экономике Совета по Арктике и Антарктике Совета Федерации. Член Президиума Экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера Государственной Думы

Питухина Мария Александровна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела региональной экономической политики Института экономики КарНЦ РАН, главный научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга ПетрГУ, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Петрозаводский государственный университет

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, внешний совместитель кафедры мировой политики МГИМО МИД РФ

Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России

Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России

Фадеев Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор Высшей школы управления и бизнеса, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Приказ об утверждении состава редакционного совета сетевого издания «Арктика и Север» № 266 от 08 апреля 2021 года,

«О внесении изменений в Приказ от 08.04.2022 № 266» от 02 ноября 2022 года,

«О назначении главного редактора средства массовой информации сетевого издания «Арктика и Север» № 519 от 25 июня 2024 года,

«О внесении изменений в приказ от 08.04.2022 № 266» от 28 ноября 2024 года

Веб-версия доступна по ссылке: <http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2024. № 57

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57>

Главный редактор — Зайков Константин Сергеевич

Ответственный секретарь — Кузнецова Елена Геннадьевна (e.g.kuznetsova@narfu.ru)

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна (t.grosheva@narfu.ru)

Художественный редактор (английская версия) — Ковалёва Мария Николаевна
(m.kovaleva@narfu.ru)

Размещение на сайте — Кузнецова Е.Г.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-78458 от 08 июня 2020 года

Учредитель, издатель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

Адрес учредителя, издателя: Россия, 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17

Адрес для корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: aan@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru> — 10.12.2024

ARCTIC and NORTH, 2024, no. 57

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57>

Editor-in-Chief — Konstantin S. Zaikov

Assistant Editor — Elena G. Kuznetsova (e.g.kuznetsova@narfu.ru)

Editor — Tatyana E. Grosheva (t.grosheva@narfu.ru)

Art Editor (English version) — Mariya N. Kovaleva (m.kovaleva@narfu.ru)

Registration certificate Эл No. ФС77-78458 dated June 08, 2020

Founder and Publisher — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the Founder, Publisher: Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

Postal address: “Arctic and North” journal, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

E-mail address: aan@narfu.ru

Online publishing (<http://www.arcticandnorth.ru>) on December 10, 2024